

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ, КУЛЬТУРОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

**УРАЛЬСКИЙ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

№2 / 2016

серия

ЯЗЫК. СИСТЕМА. ЛИЧНОСТЬ: ЛИНГВИСТИКА КРЕАТИВА

Екатеринбург
2016

УДК 81(082)

ББК Ш 1

У 68

Редакционная коллегия:

Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива»:

Т.А. Гридина, д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Н.И. Коновалова, д-р филол. наук, проф.

(Уральский государственный педагогический университет)

Н.А. Воробьева, канд. филол. наук, доц.

(Уральский государственный педагогический университет)

У 68 Уральский филологический вестник / ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Вып. 2. // Материалы Международной научной конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива» 22-23 апреля 2016 / Гл. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2016. – 336 с.

(Серия «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива». Вып. 2(25))

ISSN 2306-7462

Сборник содержит материалы докладов Международной научной конференции «Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива», связанные с обсуждением широкого спектра проблем актуального научного направления «Лингвистика креатива». Рассматриваются механизмы творчества в разных дискурсивных практиках современной коммуникации: художественном тексте, публицистике, выявляются особенности кодов языковой игры и ее функционал в широком регистре речежанровых реализаций. Определяются национально-культурные параметры языковой концептуализации и категоризации.

Сборник адресован специалистам-филологам, психологам, аспирантам и студентам, учителям-практикам, а также всем, кто интересуется проблемами языкового творчества.

Ответственный за выпуск: Т. А. Гридина

ISSN 2306-7462

© ФГБОУ ВПО «УрГПУ», 2016

© Уральский филологический вестник, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Авдеева Г.А.</i> Имитативный принцип языковой игры в публицистике Д. Быкова	6
<i>Акбаева О.В.</i> Фразеосхема «Ну не + N ₁ !»: системные и речевые свойства	16
<i>Беглова Е.И.</i> Паронимия как источник языковой игры и порождения креативного текста	24
<i>Бекасова Е.Н., Gajarský L.</i> «Общеславянский элемент» как фактор развития славянских литературных языков	29
<i>Боброва М.В.</i> Языковая игра в современных прозвищах жителей пермского края	38
<i>Бондаренко Е.Д.</i> Об особенностях наивной дифференциации личных имен: «странное» имя	50
<i>Виданов Е.Ю.</i> Синтагматическое и парадигматическое варьирование компонентов новостного интернет-заголовка, или «экзорцизм по-омски».....	59
<i>Воронина Т.М., Крестьянинова Е.О.</i> Взаимодействие метафоры и метонимии в поэзии Б. Пастернака (идеографический аспект)	64
<i>Вороничев О.Е.</i> О типах и стилистических качествах ономастических доминант каламбура	74
<i>Гридина Т.А.</i> Словесные эксперименты Игоря Северянина: игра в поле языковых возможностей	83
<i>Гэн Юаньюань, Плотникова Г.Н.</i> Глаголы, соотносительные с названиями животных, в русском языке	95
<i>Зуева Т.А.</i> Человек сквозь призму артефактной метафоры в русской идиоматике	102
<i>Илиев И.Г.</i> О форме предикатива после глаголов со значением «называться» в болгарском языке	110
<i>Коновалова Н.И.</i> Языковой автоматизм в ассоциативно-вербальной сети как «след» креативных мнемотехник.....	118
<i>Кочнева Н.С.</i> Авторские стратегии номинации в аспекте аллюзивной игры (на материале сказочных произведений В.П. Крапивина)	128

<i>Кубасов А.В.</i> Отражение женской самоидентификации в зеркале иронической поэзии	134
<i>Мао Янь.</i> Качественные значения у относительных прилагательных в русском языке	145
<i>Марьянчик В.А.</i> Стилистический эффект	153
<i>Матисаева Б.А.</i> Провербиальные единицы как оценочные средства языка	162
<i>Мурашов А.А., Шматко Н.А.</i> Двусмысленность: речевая ошибка и «языковая игра»	169
<i>Мурзалиева Д.Д.</i> Диалог языков и культур: к вопросу о лингвокультурах в художественном тексте двуязычного писателя.....	176
<i>Мухин М.Ю., Филатова Е.Р.</i> Проза, драматургия, публицистика и переписка А.П. Чехова в сопоставительно-статистическом ракурсе	181
<i>Плотникова А.М.</i> Профессиональная некомпетентность как поле языковой игры	192
<i>Попова Т.В.</i> Словообразовательные инновации автора как маркеры концептуальных смыслов художественного текста (на материале неолексем С.Д. Кржижановского)	199
<i>Рацибурская Л.В.</i> Сложные новообразования как игровая составляющая современных медиатекстов	205
<i>Редкина Е.С.</i> Языковая игра в новейшей русской поэзии.....	213
<i>Рут М.Э.</i> Мотивационные парадоксы: заметки диалектного лексикографа	221
<i>Снигирева Т.А., Снигирев А.В.</i> Б. Акунин: игра с именем (на материале беллетристических сопровождений к «Истории Российского государства»)	234
<i>Соковнина В.В.</i> Языковая игра в постмодернистском комиксе (на материале финского политического комикса «Кекконен»)	243
<i>Соловьева Н.В.</i> Цитата и ее «окружение» (к вопросу об авторской индивидуальности)	251
<i>Торопкина В.А.</i> Поликодовость заголовков современных медиатекстов в аспекте языковой игры	259
<i>Харитоновна И.А.</i> Роль языковой игры в дискурсе современного анимационного фильма	267

<i>Харченко В.К.</i> Языковая игра в больничном дискурсе	273
<i>Хусаимова Г.Г.</i> Персонаж как языковая личность в художественном тексте	282
<i>Шакин П.В.</i> Вызов в современной русской лексикографической и дискурсивной практике: к вопросу об импорте концепта	289
<i>Шипицына Г.М.</i> Историко-лингвистический взгляд на концепт <i>взятничество</i>	296
<i>Щербакова Н.Н.</i> О способах презентации игровых семантических дериватов в стихотворениях для детей	306
<i>SUMMARY</i>	314
Сведения об авторах	332

Г. А. АВДЕЕВА

(Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт, филиал РГППУ, г. Нижний Тагил)

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38

ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ИМИТАТИВНЫЙ ПРИНЦИП ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. БЫКОВА

Аннотация: В статье анализируются случаи реализации имитативного принципа языковой игры в сборнике публицистических произведений Дмитрия Быкова. В качестве основных проявлений имитативного принципа языковой игры рассматриваются комическое (пародийное) подражание стиливой манере конкретного автора, а также воспроизведение черт определенного жанра. В качестве основных языковых средств выражения пародийности отмечаются гиперболизация, ирония, стилистический контраст и другие. Обращается внимание на наличие различных вариантов реализации имитативного принципа языковой игры в текстах сборника. В статье анализируются случаи «пародийного использования», когда форма пародии (в широком смысле) или комической имитации используется автором не с целью высмеивания текста-источника или определенного жанра, а с целью создания критического (полемического) высказывания по общественно значимым актуальным вопросам. Подобные «псевдопародии» представлены в эссе «Свинья-затейница», «Табель о шлангах», «Новое эсперанто» и др. Рассматриваются также другие варианты реализации указанного принципа: литературно-критическое эссе, содержащее элементы пародии и стилизации, пародийная схема конспирологического романа. Форма пародии (стилизации) позволяет автору выразить свое отношение к объекту пародии либо высказать мнение по общественно значимым вопросам.

Ключевые слова: языковая игра, имитативный принципы языковой игры, пародия, стилизация, «пародийное использование», ирония.

В последнее время в лингвистике усилился интерес к игровому дискурсу. Существуют различные подходы к описанию языковой игры. Разнообразные аспекты интерпретации данного явления представлены в частности в работах Т.А. Гридиной [Гридина 2008; Гридина 2012; Гридина 2013]. Исследователь отмечает, что «языковая игра должна быть охарактеризована как форма лингвокреативного мышления, которое основано на ассоциативных механизмах и проявляет способность говорящего к намеренному использованию нестандартного языкового кода в

разных ситуациях речевой деятельности» [Гридина 2013: 7-8]. Т.А. Гридина считает «продуктивным выделение ее (языковой игры) основополагающих принципов, реализующих игровую интенцию как интерпретационную составляющую авторского художественного замысла. Это **имитативный, аллюзивный и образно-эвристический** принципы языковой игры» [Гридина 2008; Гридина 2013: 9]. Нам представляется возможным использовать данный подход и к анализу художественно-публицистических текстов, поскольку публицистика (тем более публицистика поэта-писателя) может рассматриваться как один из видов креативной деятельности человека.

Цель данной статьи – проанализировать, каким образом имитативный принцип языковой игры реализуются в публицистике Д. Быкова. В качестве материала для исследования мы выбрали сборник Д. Быкова «Календарь. Разговоры о главном». В «Календаре» представлены статьи-эссе, написанные «по так называемым «датским» поводам – к круглым или полукруглым годовщинам людей и событий» [Быков 2012: 5] и опубликованные в различных изданиях.

Характеризуя *имитативный принцип языковой игры* в художественном тексте, Т.А. Гридина отмечает, что он выражается «...в установке на «опознаваемость» прототипных черт изображаемой реальности в используемом автором речевом коде. Данный принцип имеет две основные формы проявления: *воспроизведение* (например, усиление «достоверности» речевой характеристики персонажей) и *подражание, изображение* (например, прием речевой «маски»)» <...> Одним из самых распространенных проявлений имитативного принципа языковой игры в художественном тексте является комическое (пародийное) подражание стилевой манере конкретного автора или целого литературного направления, жанровой специфике художественной речи в целом и отдельным произведениям соответствующего жанра» [Гридина 2013: 161-162].

«**Пародия** – жанр критико-сатирической литературы, основанный на комическом воспроизведении и высмеивании стилистических приемов какого-либо писателя, на карикатурном подчеркивании и утрировке особенностей его писательской манеры» [Квятковский 1998: 228]. Пародироваться могут любые

произведения искусства, а также определенные жанровые схемы (см., например, пародии на документы официально-делового стиля в произведении А. Жвалевского, И. Мытько «Личное дело Мергионы или Четыре чертовы дюжины»). «Советский исследователь А. Морозов в статье «Пародия как литературный жанр» (1960) намечает три основные разновидности жанра литературной пародии (П.): 1) юмористическая или шуточная, не лишенная критицизма, но в целом дружественная по отношению к оригиналу; к ней близка комическая стилизация; 2) сатирическая П.; отчетливо направлена против пародируемого объекта и исполнена резкого критицизма ко всему идейно-эстетическому комплексу пародируемого произведения; 3) «пародийное использование», направленное преимущественно на внелитературные цели, лежащие вне «пародируемого» произведения» [Пародия 1968: 604].

В качестве основополагающего принципа языковой игры имитативный принцип реализуется в различных произведениях анализируемого сборника. Мы обратимся к наиболее ярким примерам. В первую очередь можно выделить группу текстов, в которых представлена такая разновидность пародии (если следовать терминологии А. Морозова), как «пародийное использование», или «псевдопародия». В таких произведениях используется форма пародии (в широком смысле) или комической имитации не с целью высмеивания текста-источника или определенного жанра, а с целью высказывания критического, полемического мнения по общественно значимым актуальным вопросам.

В частности, указанный прием организует первый текст, открывающий сборник эссе «Календарь». В самом названии этого текста – «Свинья-затейница. Типовое сочинение «Образ свиньи в русской классической литературе» – есть указание на прототип «типовое сочинение». На первый взгляд, данное эссе представляет собой не что иное, как пародию на «типовое сочинение» «Образ ... (кого-то, чего-то) в русской классической литературе».

Пародийный характер текста проявляется, прежде всего, в использовании типовых клише: «Тема особенно актуальна...»; «особенно велика ее роль (свиньи) в творчестве...»; «серьезное внимание образу свиньи уделял...»; «весьма велика роль свиньи

в творчестве...»; «наиболее противоречивый и глубокий анализ образа свиньи дан...» и т.п. Но, как любая пародия, анализируемый текст гиперболизирует стилевые особенности прототипа, носит явно иронический характер. «Разновидностью пародирования является акцентирование, укрупнение, шаржирование характерологических деталей произведения-прототипа» [Гридина 2013: 169]. Автор текста окарикатуривает такие черты «типовых сочинений», в первую очередь характерные для советской школы, как желание видеть во всем идеологическую подоплеку, развешивать ярлыки, излишне увлекаться социальным контекстом произведения, а не анализировать его эстетическую ценность. В анализируемом тексте произвольность интерпретации доводится до абсурда. Например, в «Повести о том, как поссопились Иван Иванович и Иваном Никифоровичем» «свинья выступает противницей бюрократизации и сутяжничества, похищая из присутствия жалобу Ивана Никифоровича на Ивана Ивановича. Свинья – олицетворение государственного мышления: не зря городничий, собрав вокруг себя городских чиновников, видит «все одни свиные рыла». Митрофанушка превращается в главного положительного героя комедии, в символ «правильного отношения к государственной необходимости: «Не хочу учиться, хочу жениться», – восклицает он, желая выполнить демографическую программу тогдашней администрации» [Быков 2012: 7-8].

Кроме произвольности интерпретации художественного текста, склонности находить некие скрытые смыслы, Д. Быков доводит до абсурда еще одну особенность «типовых сочинений» – видеть «злободневность» художественного произведения, соотнося его идеи, образы с «настоящим». «Басня «Свинья под дубом» углубляет этот образ (образцового силовика): истинный сын отечества не удовлетворяется сладкими плодами (желуди), но докапывается до корней дуба и в конечном итоге подрывает его. Так, продвинутый государственный не соблазняется сладкими плодами (либерализма и открытости), но решительно рылом вскрывает корни, обнаруживая там экспансию и покушения на суверенитет» [Быков 2012: 8-9]. Ироничный характер текста подчеркивается стилистическим контрастом: высокая (архаичная) лексика («истинный сын отечества») соседствует с современной политической терминологией («про-

двинутый государственный», «экспансия», «покушения на суверенитет») и даже со сниженной лексикой («рыло»). Само сравнение «истинного сына отечества» с соответствующим животным, безусловно, показательно.

Следует отметить, что стилистический контраст, нарочитая двусмысленность, ирония характерны для всего текста в целом, как и для большинства других произведений данного сборника. Продолжая галерею «свинских» образов в русской литературе, автор эссе подводит итог в финале, констатируя, «что преуспеяние и душевный комфорт напрямую зависит от меры личного сходства с этим жизнерадостным животным. Чем быстрее мы это поймем, чем меньше будем *хрюкать* и чем активнее *чавкать*, тем больше сала и щетины принесет каждый из нас на *алтарь Отечества*» [Быков 2012: 11]. Контраст грубых глаголов *хрюкать* (имеется в виду «выражать недовольство существующим порядком») и *чавкать* («ограничиться собственным материальным благополучием») с высокой лексикой (*алтарь Отечества*) усиливает комический (сатирический) эффект.

Таким образом, мы видим, что основная задача автора эссе – вовсе не создать пародию на школьное сочинение, а высказать в заостренной гротескной форме (довольно жестко) свое отношение к идеологии конформизма. В какой-то степени и в данном эссе, и в других произведениях сборника можно увидеть черты памфлета – жанра, для которого характерна установка на отрицание, разоблачение, осмеяние. Памфлет всегда ироничен и полемичен, что отличает и многие произведения анализируемого сборника.

В качестве других примеров «пародийного использования» можно отметить эссе «Табель о шлангах» и «Новое эсперанто». В первом случае автор предлагает свой вариант современной «Табели о рангах», поскольку со времен Петра Великого российские (и советские) чиновники лишены были какой-либо официальной регламентации (в отношении того, что они могут себе позволить). Если учесть, что слово «шланг» в воровском жаргоне имеет значение «слабоумный человек», то становится понятной авторская ирония и оценка современного бюрократического аппарата. «Давно пора покончить с идеалистическими, провокативными по сути попытками вывести чиновника, не берущего взяток». Быков предлагает ввести новую систему обра-

щений к различным чинам, иронически отталкиваясь от старорежимных «ваших благородий» и т.п.: «к низшим чинам, для поощрения шустрости, обращаться «ваша мобильность», к промежуточным – «ваша обильность», а непосредственно к Гаранту и двум вице-гарантам – «ваша стабильность» [Быков 2012: 66].

Не менее интересен вариант использования имитативного принципа языковой игры в эссе «Новое эсперанто». Эссе содержит своеобразную имитацию словаря интернациональных слов. Форма словаря достаточно условна, поскольку толкования значений носят субъективный характер. Помета после вокабулы указывает на язык-источник.

«АРБАЙТЕН, нем. Принудительный безрадостный труд, никого не делающий свободным.

БАКС, амер. Универсальная денежная единица, символ преуспевания и бездуховности. С количеством арбайтен (см.) никак не связан.

ВОДКА, рус. Русская национальная идея. Универсальный смазочный материал, быстрейший способ установления контактов, причина гибели и процветания большинства русских талантов и организаций» [Быков 2012: 462].

Как видно из примеров, задача автора не создать пародию на словарь или собственно словарь, а выразить свое отношение к некоторым явлениям нашей жизни, например, к идее проведения Олимпиады в России (на момент написания эссе, еще не состоявшейся): «ОЛИМПИАДА, греч. Реклама принимающей страны в форме спортивного праздника. С 2007 по 2014 год – русская национальная идея» [Быков 2012: 463]. «Новое эсперанто» Д. Быкова принципиально иронично, содержит острые, резкие высказывания по поводу ряда явлений, имеющих отношение к современной России: «НАНОТЕХНОЛОГИИ, рус. Русская национальная идея. Идеальный предлог для инвестиций: вещь, которую никто не видит и которая стоит очень дорого. Так, новое платье короля в сказке Андерсена было явно пошито с помощью н.» [Быков 2012: 463].

Наиболее ярко имитативный принцип языковой игры проявляется в эссе «Код Репина», в котором автор предлагает вариант собственно сатирической пародии на произведение Дэна Брауна «Код Да Винчи». Рамки данной статьи не позволяют подробно

проанализировать данный текст. Отметим только, что пародируются в основном сюжетные ходы произведения-первоисточника, точнее, их абсурдный, запутанный характер. Д. Быков активно включает в текст авторские комментарии (в скобках), в которых указывается на бесконечные экскурсии в различные области, например: «(Следует подробный рассказ о рельефе Поволжья)... (Пять страниц о Киевской Руси можно перекачать из детской энциклопедии «Что такое, кто такой»)). Подобными вставками автор подчеркивает уровень научности, а точнее псевдонаучности такого рода экскурсов-описаний, отступлений в прошлое и т.п. Еще пример: «Может, Васнецов и Репин – одно и то же лицо? На это указывает явное сходство фамилий (в одном из говоров северного подпензья репу называют васнецом, а васнец, в свою очередь – репой; что такое васнец, автор должен придумать самостоятельно)» [Быков 2012: 396-397]. В данном случае пародируются (высмеиваются) излюбленные некоторыми авторами «научные экскурсии», в том числе этнографического характера, включаемые в художественные тексты. Некоторые авторские вставки обращают внимание на ходульность выстроенного сюжета, его псевдозапутанность: «Читатель давно уже догадался об этом, но из деликатности читал все то, что нагородил автор» [Быков 2012: 395].

Особый вариант реализации имитативного принципа языковой игры представлен в эссе «Я проживу», посвященном Белле Ахмадулиной. В этом произведении можно обнаружить элементы стилизации и шутового (юмористического) пародирования. Д. Быков дает неоднозначную оценку творчества поэтессы. Автор отмечает, что «Белла Ахмадулина – персонаж не столько родной литературы, сколько общественного сознания, адресат бесчисленных читательских писем... Женщины ЭСКИЮССТВА, своими захлебывающимся и безвкусными хвалами совершенно засахарили поэзию Ахмадулиной» [Быков 2012: 146-147]. Показательно в этом фрагменте графически выделенное слово «ЭСКИЮССТВА», которое отражает отношение автора текста к поклонницам Ахмадулиной, подчеркивает их претенциозность.

Непосредственно оценивая тексты Беллы Ахмадулиной, Д. Быков отмечает в качестве основных недостатков экзальтацию, обилие романтических штампов, монотонность, постоян-

ный словарь, многословие, водянистость и невнятность. А далее автор предлагает своеобразный анализ творчества поэта, совмещенный со стилизацией, пародией. Так, он отмечает «неизменность ахмадулинского словаря: окрест, свеча, уж (в смысле члвтица, а не ползучая тварь), благодаренье, гортань, блаженство, прилежность, лакомство, мука (в смысле страдание, а не продукт), услада, лоб...» и т.д. Показательно то, как автор эссе располагает элементы поэтического словаря Ахмадулиной, произвольно перемешивая их: за *лакомством* следует *мука*, что требует комментария. В этом перемешивании поэтического словаря тоже сквозит ирония, но особенно откровенно она проявлена в авторских комментариях-вставках (см. выше).

Д. Быков подчеркивает, что «пародировать, передразнивать, стилизовать под Ахмадулину – исключительно легко (и опять не знаю, хорошо или плохо: узнаваемость? – да, но и однообразие!). Допустим: «Дав моим глазам необременительный труд упереться в белесость потолка, я небрежно лакомила обленившуюся правую руку благосклонным покручиванием роскошно курчавой шерсти моей человекообразной собаки, которая издавала невнятный, но властный звук благодаренья и своими гениальными всепонимающими глазами являла столько доброты и мудрости...» [Быков 2012: 151]. Данная пародийная фраза подчеркивает бессодержательность, многословность текстов Ахмадулиной, отмеченную уже и ранее. Смысл фразы: «Смотря в потолок, я поглаживала свою собаку, которая благодарно...(тявкала?)» Конечно, пародируется и склонность к высокопарности: «лакомила руку», к архаичной, стилистически возвышенной лексике, к сложным синтаксическим построениям и т.п.

В высокопарном многословии Ахмадулиной Быков в конечном итоге видит все-таки особенность поэтической речи, а не дефект. В этом что-то от 19 века. «Тогда люди были многословны и высокопарны, ибо у них было время... Говорили не «дружба», а «о возвышенное чувство, коего чудесный пламень...» ...можно умиляться архаичности ахмадулинского словаря и словесной обильности ее поэзии. А какая-нибудь восторженная поклонница с вот такими *газенками навькате ляпнула* бы сейчас, что и дождь щедр, и снегопад чрезмерен... и полился бы поток *благоглупостей*, но поэт не в ответе за своих эпиго-

нов» (выделение курсивом наше. – Г.А.) [Быков 2012: 155-156]. Пародируя поэтическую манеру Ахмадуллиной, Быков отчасти все же «умиляется» ею. Когда же речь заходит об эпигонах, мы видим, как меняется авторский стиль: появляется сниженная грубая просторечная лексика.

Мы обратили внимание на несколько эссе, в которых особенно отчетливо реализуется имитативный принцип языковой игры. Но, как мы видим, обращение к данному принципу преследует разные цели. В большинстве рассмотренных текстов автор использует только форму пародии, чтобы создать публицистически острое, полемичное высказывание на злободневную тему либо выразить свое отношение к тому или иному социальному явлению. В эссе же, посвященном Белле Ахмадулиной, элементы стилизации, пародийности непосредственно связаны с содержанием текста. Автор как бы сам заражается стилем анализируемого материала, и в финале произведения он в конечном итоге уходит от негативной оценки творчества поэтессы и констатирует, что «перед нами замечательный феномен шестидесятничества – нерасторжимость человека и поэта» [Быков 2012: 156].

Таким образом, мы видим различные варианты реализации имитативного принципа языковой игры в анализируемых художественно-публицистических текстах: «пародийное использование» (псевдопародия на школьное сочинение, имитация словаря интернациональной лексики и др.), элементы пародии, стилизации в литературно-критическом эссе и, наконец, пародийную схему «конспирологического романа с культуртрегерским подтекстом на материале русской культуры». В каждом случае форма пародии (имитации, стилизации) позволяет автору выразить свое отношение либо к объекту пародии (поэт Ахмадулина, произведение Дэна Брауна), либо мнение по общественно значимым актуальным вопросам.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. 2е изд. – Екатеринбург, 2008.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. 3-е изд., испр. и доп. – Екатеринбург, 2013.

Гридина Т.А. Художественный текст как поле языковой игры // Уральский филологический вестник. Серия «Психолингвистика в образовании». – Екатеринбург, 2012. – № 5. С. 101 -110.

Быков Д.Л. Календарь. Разговоры о главном. – М., 2012.
Квятковский А.П. Школьный поэтический словарь. – М., 1998.
Пародия // Краткая литературная энциклопедия. Главный редактор А.А. Сурков. Т. 5. – М., 1968.

© Авдеева Г. А., 2016

О. В. АКБАЕВА
(Южный Федеральный Университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия)

УДК 811.161.1'373:811.161.1'38
ББК Ш141.12-36+Ш141.12-55

ФРАЗЕОСХЕМА «Ну не + N₁!»: СИСТЕМНЫЕ И РЕЧЕВЫЕ СВОЙСТВА

Аннотация: Данная статья посвящена описанию системных и функциональных свойства фразеосхем с опорным компонентом, репрезентированным сочетанием *ну не*, включающим в свой состав междометие и усилительный союз. Актуальность исследования обусловлена неизученностью данного объектного пространства, а также высокой его значимостью для практики коммуникации. Установлено, что данная фразеосхема характеризуется наличием таких признаков фразеологизации, как воспроизводимость, структурно-семантическая устойчивость и целостность, идиоматичность, экспрессивность и разговорная стилистическая маркированность. Автор доказывает, что фразеосхема «Ну не + N₁!» является производной, обладает всеми фразеологическими признаками и представляет собой ресурс экспрессивного синтаксиса. Фразеосхема с опорным компонентом *ну не* достаточно частотна и эффективна в процессе коммуникации, придает ему непринужденный характер.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология; фразеосинтаксическая схема; фразеологическая подсистема; русский язык, идиоматичность, неполнознаменательность, энантиосемия.

Фразеосинтаксические схемы (далее – фразеосхемы) активно применяются в практике разговорной коммуникации. Это обусловлено целым рядом специфических свойств, в первую очередь, фразеологичностью. Активно фразеосхемы стали изучаться с середины XX века. К ключевым работам по синтаксической фразеологии можно отнести труды В.Л. Архангельского, Н.М. Шанского, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева, А.В. Меликян, В.Ю. Меликяна и некоторых других учёных.

В настоящей статье под фразеосхемой понимается «коммуникативная предикативная единица синтаксиса, представляющая собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующаяся наличием диктумной и модусной пропозиций (значений), выражающая суждение или побуждение, обладающая грамматической и лексической частичной

нечленимостью, ограниченной проницаемостью и распространяемостью и выполняющая в речи экспрессивную функцию. Структурная модель фразеосхемы предполагает наличие двух обязательных компонентов: первый из них является неизменяемым (опорным) как в лексическом, так и в грамматическом аспектах, второй – изменяемым, т.е. лексически свободно варьируемым, а грамматически устойчивым» [Меликян 2014: 12].

Фразеосхемы являются самостоятельным классом синтаксических фразеологических единиц [Меликян 2010]. По характеру опорного компонента они делятся на несколько групп: с опорным компонентом, выраженным наречием (вопросительным и невопросительным), местоименным словом, частицей, междометием, предлогом, полнозначенательным словом и союзом [Меликян 2014: 12].

В данной статье будут проанализированы системные и функциональные свойства фразеосхемы с опорным компонентом, репрезентированным сочетанием *ну не*, включающим в свой состав междометие и усилительный союз.

Фразеосхема «**Ну не + N₁!**» является моносемичной и выражает следующее значение:

1) «утверждение факта, о котором формально спрашивается; в сочетании с высокой степенью уверенности и различными эмоциями», например:

– *Ты их бьёшь, а они лезут, как вредная черепашка на хлеб... Ну не гады?* (М. Шолохов. Они сражались за Родину).

Фразеосхема «**Ну не + N₁!**» является производной. Она образовалась на основе простого вопросительного предложения, например:

– Такой шанс упустить! *Ну не глупо*, скажи мне? – Да, глупо получилось. (Из разг. речи).

Данная фразеосхема сформирована на основе общего вопроса, который, как известно, предполагает краткий ответ: «да» или «нет». Такую этимологическую модель можно назвать энантиосемической. Фразеосхема образована на основе переосмысления значения высказывания на противоположное. Этому способствует следующая за вопросом реплика-реакция, которая содержит ответ на данный вопрос. В тех случаях, когда ответ очеви-

ден, возможно опущение ответа и наделение вопросительного высказывания сразу обеими функциями: вопросительной и реактивной. Такие предложения получили название «риторический вопрос».

Энантioseмическая модель формирования фразеосхемы обусловила наличие лишь одного значения у фразеосхемы. Семантическая категория энантioseмии предполагает противопоставление двух значений. В данном случае отрицательное значение представлено в производящем вопросительном предложении. А отрицательное – в производной фразеосхеме. Третий компонент в данной схеме не предусмотрен, а потому фразеосхема моносемична.

В составе производящего предложения часто используется и усилительная частица *ну*, способствующая интенсификации предмета речи и акцентированию внимания на нём.

«**Ну**, частица. 4. усилительная. Употребляется для придания высказыванию большей силы, выразительности, подчеркивает значение того или другого слова. – *Ведь это всё неправда? ... - Ну, конечно, неправда, – ответила Екатерина Дмитриевна, устало закрывая глаза.* А. Толстой, Сёстры» [Словарь русского языка 1985:15].

Если в исходном предложении частица *ну* является переменным (факультативным компонентом), то во фразеосхеме она стала обязательным структурным компонентом фразеосхемы.

Обязательный неизменяемый компонент *ну не* фразеосхемы «**Ну не + N₁!**» является составным. Он репрезентирован сочетанием двух частиц. Частица *ну* выражает значение «усиления», а частица *не* – значение «отрицания». В связи с тем, что фразеосхема построена по энантioseмической модели («отрицание» → «утверждение»), следует признать основным компонентом частицу *не*. Исходное лексико-семантическое значение опорного компонента актуально. Парадигматическими свойствами он не обладает по причине неполнозначности составляющих его лексем. Например:

– *Не подходите ко мне! – Ну не дурёха?! Чего боишься?* (И. Гончаров).

Обязательный изменяемый компонент является простым. Он

имеет дефектную лексико-грамматическую парадигму, т.к. представлен только именем существительным, именем прилагательным и наречием. Анализ языкового материала показал, что доминирует здесь имя существительное. Например:

[Дикой:] Провались ты! Я с тобой и говорить-то не хочу! Ну не иезуит! Вот навязался. (А. Островский. Гроза);

У него в голове было своё царство цифр в образах: [...] все фигуры ... рисовались то знакомыми людьми, то походили на разных животных. – Ну не пустой ли малый! – воскликнул учитель. (И. Гончаров. Обрыв).

Морфологическая парадигма обязательного изменяемого компонента нулевая: допускается лишь форма именительного падежа именных частей речи. Например:

– Бей его! – вдруг крикнул кто-то. И не успел Рыжик опомниться, как слетел с ног от удара, полученного в затылок. – Ну не подлец! – прошептал сосед Саньки и нагнулся к нему. (А. Свирский. Рыжик).

Обязательный изменяемый компонент лексически свободно варьируем. При этом доминируют лексемы с номинативно-характеризующим значением. Например:

[Аграфена Кондратьевна:] Ишь ты! Не утомилась! Ну не юла?! (А. Островский. Свои люди – сочтёмся);

– А помнишь, Антип, как ты меня в город на ярмарку возил? – Ну не дурак ты! (В. Шукшин. Рассказы);

– А мой отец подвернулся под горячую руку. – Да почему? – Специально дождался меня у магазина. Ну не подхалим! (В. Шукшин. Обида);

Савелий недоверчиво поглядел на жену, потянулся губами к лампочке, но тотчас же спохватился и всплеснул руками. – Ну не хитрость ли бесовская? – воскликнул он. – А? Ну ли какая тварь хитрее бабьего роду? (А. Чехов. Ведьма).

Порядок следования обязательных компонентов во фразеосхеме «Ну не + N₁!» необратим, поэтому она синтаксической парадигмой не обладает. Это обусловлено утратой синтаксических отношений между синтаксическими элементами модели предложения. Например:

– А что, бомбят уже? – спросил мужик. – Ну не дурак!

Пойди простись лучше. (В. Беляев. Старая крепость).

В структуре данной фразеосхемы выявлен один факультативный компонент (*ли*), который занимает исключительно постпозицию по отношению к обязательному изменяемому компоненту: «**Ну**(_с) **не** + **N₁** [**Adj₁**, **Adv**] + <**ли**>(?!)**!**». Например:

Миллионер взял Ивана под руку и повёл из избы. – Ну не паразит ли? – Всё изумлялся Иван. (В. Шукшин. Рассказы).

Факультативный компонент в системе языка имеет следующее значение:

«**Ли** и **Ль**. **I**. частица (ставится всегда после того слова, к которому относится). **I**. *вопросительная*. Употребляется в прямом вопросе для усиления вопросительного характера предложения. – *Скажите, где конь мой ретивый. Здоров ли? Всё так же ль лёгок его бег?* Пушкин. Песнь о вещем Олеге» [Словарь русского языка 1985:15]. Таким образом, кроме усилительной частицы *ну*, в данной фразеосхеме используется ещё один интенсификатор прагматического потенциала высказывания. Значение данных модальных средств (*ну*, *не*, *ли*) в полной мере коррелирует между собой.

Фразеосхема «**Ну не** + **N₁**!» может распространяться за счёт других членов предложения. Однако подобное варьирование её структуры используется коммуникантами крайне редко. Типичным распространителем является фраза *после этого*. Например:

– *Фёдор целую банку малины съесть может! – Ну не молодец он! Малина очень полезная, – ответила Светлана.* (А. Гайдар. Голубая чаша);

– *Они же сами кругом виноватые! Ты гляди-ка, посадить человека, а самой тут... Ну, не зараза она после этого!* (В. Шукшин. Страдания молодого Ваганова);

– *Дошло, батя. Шутить мне сейчас-то не хочется. – Ну не бесстыдник ты после этого!* (В. Шукшин. Рассказы);

– *Ну не дурак после этого! – проговорил Димка и не сказал больше ничего.* (А. Гайдар. Р.В.С.).

Ограничения в плане распространения обусловлены неполнознаменательностью лексем, представленных в опорном и факультативном компонентах, которые, как известно, не обладают набором морфологических форм. В силу того, что русский язык

является синтетическим, использование аналитических форм согласования крайне ограничено.

На основе данной фразеосхемы сформировано две коммуникемы:

«Ну не + ... ?!; Ну не ёлки-палки [едрёна бабушка, ё-моё, тётка его за ногу, чёрт побери, ...]?! Выражение возмущения, негодования, досады, разочарования и т.п. – **Не нелегкая ли меня за язык дернула?** – говорил я сам себе, – и в своем ли я был уме и разуме. (А. Болотов. Записки).

♦ строится по модели ритор. вопроса «Ну не + коммуникема (эмоц.-оцен.)?!»; приобретает семантические и стилевые черты соответствующей коммуникемы.

Ну не чёрт [леший, шут, лукавый, пёс, прах, хрен, нелёгкая, ...] ли меня [тебя, вас, его, её, нас, их] <за язык> дёрнул (-а)?!; **Ну не чёрт [леший, шут, лукавый, пёс, прах, хрен, нелёгкая, ...] ли меня [тебя, вас, его, её, нас, их] попутал(-а)?!** См. Чёрт [леший, шут, лукавый, пёс, прах, хрен, нелёгкая, ...] дёрнул(-а) меня [тебя, вас, его, её, нас, их] <за язык>!; Чёрт [леший, шут, лукавый, пёс, прах, хрен, нелёгкая, ...] попутал(-а) меня [тебя, вас, его, её, нас, их]!» [Меликян 2013: 11].

Продуктивной в данном аспекте является и фразеосхема «**Ну [ах, ох, эх, ух, уж]_(с) + <и> + N₁ [V finit, Adj₁, Adv, Pron₁] + <же>!**». Вероятно, это обусловлено обобщенным характером значения опорных компонентов, репрезентированных неполнознаменательными частями речи. Это коррелирует с основным принципом построения коммуникем, который связан с обобщением семантики производных языковых единиц.

Сходной с данной фразеосхемой является и сочетаемость с другими высказываниями в тексте, которая носит преимущественно семантический характер. При этом фразеосхема взаимодействует с контекстуальным окружением на основе общности субъективно-модального компонента значения. Например:

– **Одолели татар-то? – Ну не дурак! Одолели... Своих под Перекопом тысяч двадцать уложили...** (А. Толстой. Пётр Первый);

...**Врач пожал плечами и сказал невучим тенором: – Ну и дурак! Ну не дурак? ... дурак такой, ведь нога пропадёт!** (А. Че-

хов. Беглец);

– *С кем я имею честь говорить? – спросил он его. – С кем говоришь?! Ну не скотина! Знать надо.* (А. Чехов. Шведская спичка);

– *Не знаешь ли, тётушка, чьи там могилки? – Знаю! Как же! Всегда интересовалась..., ну не дурак!* (Н. Помяловский. Мещанское счастье).

Фразеосхема «**Ну не + N₁!**» характеризуется наличием таких признаков фразеологизации, как воспроизводимость, структурно-семантическая устойчивость и целостность, идиоматичность, экспрессивность и разговорная стилистическая маркированность.

Рассмотрим лишь специфический признак, который отличает её от других фразеосхем, – признак идиоматичности.

Идиоматичность описываемой фразеосхемы проявляется в невыводимости элементов фразеосинтаксического значения и некоторых других. Например:

– *Как же вы, дядюшка, не опасаетесь за себя? Стало быть и ваша невеста ... надует вас? – Ну не дурак?! – возразил старик.* («Дурак + удивление, неодобрение, возмущение и т.п.») (И. Гончаров. Обыкновенная история).

В данном примере идиоматичным является значение «утверждения», «интенсивности» («высокой степени уверенности выражаемого утверждения») и «экспрессивности». Экспрессивность детерминирована, в том числе асимметрией формы и содержания по знаку: форма отрицательная, а содержание утвердительное. Идиоматично и наполнение модусной пропозиции («удивление, неодобрение, возмущение и т.п.»), а также «синтаксема», т.к. высказывание по форме является вопросительным (нефразеологизированным), а по коммуникативной функции повествовательным утвердительным (фразеосхема).

«Разговорная стилема» заимствована фразеосхемой из производящего предложения, а потому к идиоматичным компонентам не относится.

Таким образом, фразеосхема «**Ну не + N₁!**» обладает всеми фразеологическими признаками и представляет собой полноценный ресурс экспрессивного синтаксиса. Она является важ-

ным средством речевой коммуникации и способна реализовать самые разнообразные авторские интенции.

ЛИТЕРАТУРА

Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. – Ростов н/Д, 1964.

Меликян А.В. Этимология фразеосхем испанского языка // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. №3.

Меликян А.В. К проблеме фразеологизации синтаксических конструкций (на материале испанского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2011. №3.

Меликян В.Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем // Вопр. языкознания. 1999. №6.

Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка // Русский язык в школе. 2010. №11.

Меликян В.Ю. Лингвокреативная функция языка как проявление фундаментальных законов универсума (на примере фразеосхем русского языка) // Вопросы филологии. 2011. №2.

Меликян В.Ю. Классификация русских коммуникем по степени фразеологизации // Русский язык в школе. 2012. № 4.

Меликян В.Ю. Стереоллингвистика (теория речевого стандарта) как раздел языкознания // Современный русский язык: актуальные вопросы теории и методики преподавания: Монография. – Ростов н/Д: Дониздат, 2012.

Меликян В.Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. [Электронный ресурс] – М.: Флинта: Наука, 2013.

Меликян В.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка. [Электронный ресурс] Учебное пособие для магистрантов, аспирантов и докторантов. – М.: Флинта: Наука, 2013.

Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология. Учебное пособие для студентов. – М.: Флинта: Наука, 2014.

Меликян В.Ю., Вакуленко Д.А. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом-союзом: язык и речь // Русский язык в школе. 2015. № 3.

Русская грамматика / Гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т.1. – М., 1980.

Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М., 1981–1985.

Шанский Н.М. Фразеология русского языка. – М., 1969.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М.: АН СССР, 1960.

Шмелев Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. – М., 1976.

© Акбаева О. В., 2016

Е.И. БЕГЛОВА

(Нижегородский филиал «Университета российского инновационного образования»; Нижегородская академия МВД РФ, г. Нижний Новгород, Россия)

УДК 811.161.1'42:811.161.1'373.42

ББК Ш141.12-51+Ш141.12-315.2

ПАРОНИМИЯ КАК ИСТОЧНИК ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ И ПОРОЖДЕНИЯ КРЕАТИВНОГО ТЕКСТА

Аннотация: В статье анализируется роль паронимии в афоризме как малом речевом жанре; паронимия дифференцируется на слова-паронимы и слова-парономазы. Паронимы и парономазы, отражая языковую игру на уровне семантики и звукового состава слов, являются средством порождения афоризма как интеллектуального жанра, острый смысл которого усиливается паронимией. Афоризм рассматривается как малый речевой жанр, представляющий собой креативный текст, созданный конкретным автором, который обладает высоким уровнем языковой компетентности. Демонстрируется то, как созвучные по форме слова включаются в механизмы языковой игры на уровне семантики и общих фоновых знаний адресата и адресанта.

Анализ афоризмов с точки зрения использования в них паронимов и паронимазов показывает, что благодаря обыгрыванию их разных значений создается креативный текст с глубоким подтекстом иронической или комической тональности. В статье выявляются основные приёмы использования в афоризмах паронимов и паронимазов, при этом учитываются и авторские неологизмы.

Ключевые слова: паронимы, парономазы, паронимия, афоризм, адресант и адресат текста, языковая игра, языковые пресуппозиции, семантические оттенки, креативный текст.

Известно, что паронимы в лексикологии определяются по-разному. В узком значении *паронимы* – это слова, сходные по морфемному составу, но разные по значению. Некоторые лингвисты различают два вида паронимии [Краткий справочник... 32]: 1) *паронимы* (от греч. *para* – возле, *опита* – имя) – близкие по звучанию и значению родственные (в настоящее время или в прошлом) слова, имеющие одни и те же грамматические значения, отличающиеся созвучными приставками: *главный* – *заглавный*, *вдохнуть* – *вздыхнуть*, *выплата* – *оплата*; суффиксами: *гордость* – *гордыня*, *детальность* – *детализация*, *знамение* –

знамя; чередующимися фонемами: *бродяжий* (свойственный бродяге) – *бродячий* (не имеющий постоянного места жительства) [Бельчиков, Панюшева: 19-20]; 2) *парономазы* (от греч. *para* – возле, *опотазо* – называю) – близкие по звучанию, но далёкие по значению неродственные слова: *пытать* – *питать*, *придворный* – *притворный* – *приторный* и др.

В русском языке насчитывается большое количество слов-паронимов, фиксирующихся в словарях паронимов русского языка [Вишнякова 1987; Бельчиков, Панюшева 1994]. В нашем понимании, паронимы и парономазы в узком смысле слов вкупе составляют явление паронимии.

Следует отметить, что авторы художественных и публицистических текстов, используя семантические и звуковые различия паронимов и парономазов, включают их в сферу языковой игры (ЯИ), в конечном итоге порождая экспрессивный, оценочный текст, а иногда текст комический, иронический, например, тексты малых речевых жанров – афоризм, одностишие.

Предметом нашего лингвистического внимания являются афоризмы И. Шевелева [Шевелев 1997], созданные на явлении паронимии, которая, в свою очередь, отражает механизмы ЯИ, основанные на ассоциативном потенциале слов (см., например, [Гридина, Кубасов 2012]) и общих фоновых знаниях адресанта и адресата текста.

Как показывает собранный нами лексический и текстовый материал, большая часть афоризмов И. Шевелева построена на семантических различиях слов-паронимов, которые противопоставляются в тексте, создавая семантические оппозиции, свойственные явлению антонимии, демонстрируя при этом дифференциацию смысловых оттенков созвучных слов. Прежде всего, это паронимы, отличающиеся суффиксами, например: *душевность* (доброта, дружелюбие) – *духовность* (умственная деятельность) [Ожегов 1983: 163-164]: 1) *Любят – за душевность, уважают – за духовность.* 2) *В отношениях родителей с детьми больше душевности, чем духовности* [Шевелев 1997: 284]; ср. *душевный* – *духовный*: *Душевная слепота – смотря, но не видят; духовная слепота – видят, но не понимают* [Шевелев 1997: 285]. В данных афоризмах целостность смысла определяется различием значений паронимов, усиливающимся

определённой лексической сочетаемостью конкретного слова-паронима, то есть градация значений паронимов в тексте демонстрируется особенностями лексической сочетаемости каждого из слов. В этом случае адресант прогнозирует восприятие смысла адресатом согласно общим языковым знаниям. Или противопоставление паронимов по значению: **Красота** (качества, доставляющие наслаждение взору [Ожегов 1983: 269]) – **красивость** (мнимая красота [Ожегов 1983: 268]): **Красота в ущерб благородству – не красота, а красивость** [Шевелев 1997: 106].

Добродушие (мягкость, незлобивость [Ожегов 1983: 150]) – **доброта** (стремление делать добро людям, отзывчивость [Бельчиков, Панюшева: 180]): **Добродушие, в отличие от доброты, иногда улетучивается, как только затрагиваются личные интересы – ягненок становится волком.** [Шевелев 1997: 146]. Афоризм строится на эксплицитном различии значений паронимов, и это различие сознательно выделяется, усиливается адресантом.

Иногда в афоризме адресантом даётся различие значений паронимов в форме толкования или описания, например, как в толковом словаре: **Терпение** (настойчивость, выдержка [Ожегов 1983: 707]) – **терпимость** (книжн., умение относиться без вражды к чужому мнению [Ожегов 1983: 707]): 1) *Между понятиями «терпение» и «терпимость» имеется нюанс. Терпимость – вариант терпения, соотносящийся с духовным фактором* [Шевелев 1997: 294]; 2) *Терпимость и терпение часто не совпадают. Можно проявлять терпимость к инакомыслию при интеллектуальном общении и не обладать терпением в быту* [Шевелев 1997: 294]. 3) **Шутка** (что-либо несерьёзное, весёлое [Ожегов 1983: 801]) – **шутовство** (поведение, свойственное шуту [Ожегов 1983: 801]): **Шутка должна иметь меру. Чрезмерная шутовливость – шутовство** [Шевелев 1997: 297].

Афоризмы И. Шевелева строятся и на имплицитной игре значений паронимов, например: 1) **Восторг** (большой подъём чувств [Ожегов 1983: 89]) – **восторженность** (свойство относиться к чему-нибудь с восторгом [Ожегов 1983: 89]): **Восторг ценен, если он не на фоне восторженности** [Шевелев 1997: 296]. 2) **Финиш** (завершение, заключительная часть чего-либо [Ожегов 1983: 758]) – **финал** (конечный пункт какого-либо со-

стызания, завершение чего-либо [Ожегов 1983: 758]: *Слишком быстрое движение к финишу может обернуться финалом* [Шевелев 1997: 53]. 3) **Фантазия** (способность к творческому воображению [Ожегов 1983: 755]) – **фантазёрство** (от *фантазёр*, тяга к воображению, любовь к созданию неправдоподобного, причуды [Ожегов 1983: 755]): *Там, где иссякает фантазия, начинается фантазёрство* [Шевелев 1997: 250]. В этих текстах языковая игра, апеллирующая к различию в значениях паронимов и языковым пресуппозициям, приводит к созданию иронической тональности текста, а также к усложнению восприятия адресатом смысла текста, рассчитанного на его высокий интеллектуальный уровень.

В афоризмах И. Шевелева редко используются паронимы, отличающиеся приставками, например: **Обсуждать** (обдумывать, разбирать что-либо [Ожегов 1983: 385]) – **осуждать** (выражать неодобрение по поводу кого-либо или чего-либо [Ожегов 1983: 410]): *Для многих «обсуждать» – аналог «осуждать»* [Шевелев 1997: 297]. В данном случае значения паронимов накладываются так, что создаётся авторская синонимия. Игра семантикой паронимов порождает тонкий юмор и подтекст: большая часть людей любит говорить о несущественном, не стоящем серьёзного обсуждения, то есть «сплетничать».

Реже, чем паронимы, в создании тонкого смысла и иронической тональности текста одновременно используются паронимы, например: **пати́на** (итал. *patina*, *спец.*, зеленовато-коричневый налёт, образующийся на предметах из меди, бронзы в результате окисления [Кузнецов 2004: 499]) – **паути́на** (сеть из тонких нитей, создаваемая пауком): *В бронзе нередко больше ценится не мастерство, а патина, в картине – «паутина»* [Шевелев 1997: 272].

Следует отметить тот факт, что паронимия как источник игры смыслов и смысловых оттенков свойственна малым речевым жанрам, в которых минимумом языковых средств передаётся глубокий смысл, для чего адресант привлекает всевозможные выразительно-изобразительные ресурсы.

Так, в афоризмах В. Чхана также встречаются паронимы: **ро́знь – ре́зня**: *От розни до резни – дорога без пробок*. В тексте акцент делается на логическом сближении явлений, обозначае-

мых паронимами, что усиливает вторая часть афоризма, отражающая пресуппозицию «без препятствий».

Судимость – сидимость. И к этому времени уже имел две сидимости (В. Чхан). Текст строится на имплицитных ассоциациях авторского неологизма *сидимость* от глагола *сидеть* (в тюрьме) с юридическим термином *судимость*.

Итак, языковая игра, основанная на наложении, переплетении, противопоставлении, толковании значений или семантических оттенков при совпадении звукового состава паронимов в пределах текста малого речевого жанра – афоризма, является источником порождения креативного текста. В частности, у некоторых авторов афоризмов паронимия, подвергающаяся игре со смыслами, является основным средством порождения креативного текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С.* Словарь паронимов русского языка. – М., 1994.
- Вишнякова О.В.* Паронимы современного русского языка. – 2-е изд. – М., 1987.
- Гридина Т.А. Кубасов А.В.* Лингвокреативная техника сознания игрового парадокса в афоризмах // Лингвистика креатива-2: коллект. моногр./под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. С.354-375.
- Краткий справочник по современному русскому языку* / под ред. П.А. Леканта. – М., 1991.
- Кузнецов С.А.* Современный толковый словарь русского языка. – СПб., 2004.
- Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка; под ред. Н.Ю. Шведовой. Изд-е 14-е, стер. – М., 1983.
- Шевелев Илья.* Афоризмы. Мысли. Эмоции. Книга жизни. – М., 1997.
- © Беглова Е.И., 2016

Е.Н. БЕКАСОВА, L. GAJARSKÝ
(Оренбургский государственный педагогический университет,
г. Оренбург, Россия; Univerzita sv. Cyrila a Metoda v Trnave,
г. Трнава, Словацкая Республика)

УДК 811.16'37
ББК Ш141-3

«ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ЯЗЫКОВ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности использования праславянского лексического фонда в системах современных славянских литературных языков – словацкого и русского. В ходе анализа лексики русского и словацкого литературных языков были выявлены основные тенденции в использовании потенциальных возможностей праславянского фонда. Указываются сходства и различия в представлении «общеславянского элемента» (Н.С. Трубецкой), которые обусловлены, прежде всего, спецификой отношения словацкого и русского литературных языков к древнейшему литературно-письменному языку славян, а также условиями формирования и развития в зависимости от нового или архаического типа и связи с другой литературной традицией по преемству или влиянию. Естественный и многовековой процесс использования общеславянского наследия в русском литературном языке в определённой степени отразился на многообразии и богатстве словарного строя, в то время как сознательная кодификация словацкого языка в «штуровщине» потребовала логически выверенного его отражения и чёткой организации, преломлённой через исконную систему словацкого языка. Однако при этом лексический строй русского и словацкого литературных языков показывает, что в них неизменными остаются практически неисчерпаемые возможности расщепления многозначности синкретичного средневекового слова в бесконечности его формо- и словообразовательных трансформаций.

Ключевые слова: праславянский лексический фонд, литературный язык, словацкий литературный язык, русский литературный язык, семантический синкретизм.

Единство «славянского мира и славянского племени», рассеянного на значительной территории, в течении многих веков поддерживалось не только генетически, но и самой мыслью о родственности и близости отдельных славянских народов и литературной взаимности между ними.

Ещё летописец Нестор на грани XI-XII вв. передаёт твёрдую убеждённость древнерусских книжников в общности славянского языка-племени и их языка, начиная от времени, когда был

«родъ единъ и языкъ единъ», а Бог «съмеси языки и расъсея по всей земли»: «от сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ словенскъ» [Лаврентьевская летопись 1377, 2 об.], «бе един языкъ словенскъ» (л. 9), «мурома языкъ свои, и черемиси свои языкъ, мордѣва свои язык. Се бо / токмо словенскъ языкъ в Руси» (л. 4-4 об.).

С созданием азбуки и переводов библейских текстов для всех славянских народов единство славян укрепляется верой – *«Летитъ бо ныне и Словеньско племя / Къ крещению обратишася вси»* [Лавров 1930: 255] – и поддерживается старославянским языком, который вошёл в «ранг культурных международных языков Восточной Европы» [Виноградов 1978: 17], в результате чего «в течение трёх веков славяне пользовались в принципе единым книжно-литературным языком с рядом локальных вариантов» [Толстой 1988: 143].

В «Повести временных лет» отчётливо передаётся осознание этнической общности и единства культурно-письменной традиции славян эпохи Кирилла и Мефодия: *«Бе едь языкъ словенскъ... прозвася грамота словеньская, яже грамота есть в Руси и в болгарях дунайских ... А словеньский язык и русский одно есть, от варягъ бо прозвашася Русью, а первое беша словене; аще и поляне звахуся, но словеньскаяа речъ бе. Полями же прозваниши быши, зане в поли седаху, а язык словенски един»* [Повесть ... 1996: 16].

По утверждению Н.С. Трубецкого, возникший в результате переводческой деятельности Кирилла и Мефодия язык можно рассматривать «как литературный язык конца праславянской эпохи» [Трубецкой 1990а: 127] и именно он становится неисчерпаемым источником общеславянского единства и «составляет главное преимущество русского литературного языка, преимущество, отказ от которого был бы равносителен добровольному самооскоплению» [Трубецкой 1990б: 117].

Память о великой общности, усиленной священными текстами на понятном славянам языке, сохраняется и в непрерывно развивающейся кирилло-мефодиевской традиции у восточных и южных славян, и в почитании просветителей и учителей славянских у западных славян, где «ослепительная культурная вспышка зарождения оригинального славянского письма» [Трубачёв

2005: 24] – это символ собственной аутентичности в меняющихся условиях государственных объединений, новых религиозных, экономических и идеологических условиях.

Достаточно чётко об этом пишет Людовит Штур, который в поисках национального определения своего родного словацкого народа обращается к идее славянского единства и считает, что «возможно спасение лишь в общеславянской жизни» [Штур 1909: 147]. Подчёркивая «узы родства и братского единения», Л. Штур указывает на то, что живёт ещё «память о некогда общей всем нашим племенам Греко-Славянской Церкви» [Штур 1909: 4] и звучат «голоса, вспоминающие распавшимся славянским племенам об общем происхождении и об утраченном единстве», которые «подавались в славянском мире Св. Кириллом и Мефодием, Нестором, св. Прокопом, Далимилом, Пасецким и т.д., и с ними, как и со всеми преданиями, связано сознание общего происхождения у всех племен, которое проходит целые столетия и никогда вполне не вымирало» [Штур 1909: 3-4]. Это подтверждает и современную точку зрения известного слависта академика О.Н. Трубочёва: «сознание единства входит в самосознание самих славян. В нём никто никогда не сомневался, его не надо было доказывать, не требовалось насаждать путем просвещения» [Трубочёв 2005: 24].

В таких условиях генетическая общность славянских языков преумножалась значимостью «общеславянского элемента» (Н.С. Трубецкой) в древнейшем литературно-письменном языке славян и его межславянским значением в их культурно-историческом и языковом развитии. В связи с этим праславянское наследие становится не столько языковым, сколько ментальным достоянием славянства, которое в своём расхождении и усложнении постоянно обращалось к тем истокам, о которых писал Нестор – *«се бо суть реки, напоюще вселеную всю, се суть исходища мудрости»* [Повесть ... 1996: 66].

Как утверждают слависты, в современных славянских языках «четверть активного запаса унаследовано от праславянской эпохи» [Кондрашов 1977: 189], при этом общеславянский лексический фонд, обладая неисчерпаемой продуктивностью и выразительными потенциями, «изменялся, оставаясь самим собой» [Трубочёв 1994: 3], а словарный состав славянских языков «рас-

ширятся прежде всего за счёт собственных ресурсов путём суффиксального словообразования для имен и префиксального наряду с суффиксальным для глаголов и наречий» [Супрун 2005: 26].

В плане сохранения «общеславянского элемента» особенно интересно сопоставить русский и словацкий языки, литературные страты которых имеют весьма существенные различия.

Судьба русского литературного языка в самом начале своего существования, как точно определяет А.С. Пушкин, «была чрезвычайно счастлива»: через посредство старославянского языка «древнегреческий язык открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи; словом усыновил его, избавя таким образом от медленных усовершенствований времени» [Пушкин 1994: 136-137]. Это определяет отнесение русского литературного языка к «группе церковнославянской традиции» по преемству [Трубецкой 1990б: 119] с непрерывным развитием и сохранением давней традиции [Толстой 1988: 23].

Словацкий литературный язык относится к группе польско-чешской традиции по влиянию [Трубецкой 1990б: 119]. В отличие от русского литературного языка, относящегося к языкам «архаического типа» и старописьменным, словацкий литературный язык не только является языком «нового типа», но и приобретшим «современную литературную форму лишь в середине XIX в.» [Толстой 1988: 19].

Естественный процесс постепенного складывания русского литературного языка обуславливал его многослойность в переплетении восточнославянских и южнославянских языковых стий, различных этапов эволюции и отмирания элементов, которые обогащали его систему своей многовековой жизнью. У словацкого литературного языка не было возможности веками отрабатывать литературные нормы и формы – он изначально был порождением сознательной кодификации и шлифовки одной (среднесловацкой) диалектной базы под тщательным надзором Л. Штура и его последователей. Пережив период первой кодификации на основе трнавского койнэ А. Бернолаком – бернолаковщину, словацкий литературный язык «второй волны» выстоял и закрепился исключительно благодаря деятельности шту-

ровцев. С одной стороны, собственная диалектная база словацкого языка, во многом сохранившего архаичные черты, характерные для праславянского периода (в частности, тоническое ударение, долгие гласные, слогообразующие сонорные и др.), определила его специфику на лексико-семантическом и словообразовательном уровне, а с другой стороны, заполнение лакун происходило за счёт сознательной ориентации на латинскую, греческую и чаще всего близкую словакам чешскую литературную лексику, которой требовалось придать соответствующую фонетическую огласовку и морфологическую форму (подробнее см.: [Pauliny 1966]).

Следует признать, что такое соединение способствовало не только сохранению, но и «оживлению» праславянского наследия. Весьма показательно в этом плане указание Ф.П. Филина на то, что «исконный *перст* ‘палец’, *очи* ‘глаза’, *чело* ‘лоб’, *тать* ‘вор’ и многие другие им подобные ещё в XVIII в. стали определяться не как русские, а как церковнославянские, поскольку они вышли или выходили из русского речевого обихода (хотя многие из них до сих пор прямо или в своих производных сохраняются в русских говорах)» [Филин 1981: 11]. В современном словацком литературном языке наблюдается практически полное сохранение указанных слов (ср.: *prst* ‘палец’, *oko* ‘глаз’, *čelo* ‘лоб’), кроме слова *тать*, которое, однако, связано с общеславянским лексическим фондом – *zlodej* ‘вор’ (здесь и далее примеры из [Коллар, Григорянова 2011]).

Убедительно также сопоставление «так называемых безусловно общеславянских слов» [Львов 1975, с. 31] с их представленностью в русском и словацком литературных языках, ср.: *небо* – *nebo*, *море* – *more*, *облако* – *oblak*, *земля* – *zem*, *человек* – *človek*, *люди* – *ľudi*, *народ* – *národ*, *смех* – *smiech*, *плачь* – *pláč*, *мясо* – *mäso*, *рыба* – *ryba*, *мёд* – *med*, *вода* – *voda*, *суша* – *súš*, *лес* – *les* и др.

Однако прослеживаются и различия в использовании общеславянского наследия в русском и словацком языках, ср.: *толпа* – *dav*, *горе* – *žiaľ*, *язва* – *vred*, *болезнь* – *choroba*, *бессонница* – *nespavosť*, *жар* – *horúčka*, *одышка* – *záduch*, *грудь* – *prsia*, *hrudník*, *ладонь* – *dlaň*, *рука* – *rameno*, *жизнь* – *život* и под. При этом семантическое развитие «общеславянского элемента» может

привести к энантиосемии типа *zпах – vôňa, свежий – čerstvý, свежесть – čerstvosť* и под. Однако следует подчеркнуть безупречность использования того семантического синкретизма, который был свойственен праславянскому слову. В частности, многозначность значения древнерусского слова *чьрствъ* ‘твёрдый; сухой, черствый; безупречный; ясный; значительный’ в русском литературном языке распалась, оставив только значения ‘твёрдый, сухой’ и переносное ‘бездушный’. В западнославянских языках развёртываются другие, метонимически связанные с древнерусскими значения, – ‘свежий, бодрый’, ср.: *čerstvý* – 1 (*nie starý*) свежий; ~ *chlieb* свежий хлеб; ~ *á zelenina* свежие овощи; ~ *é vajcia* свежие яйца; ~ *é mäso* свежее мясо ~ *á stopa* свежий след; ~ *dojem* свежее впечатление; ~ *vzduch* свежий воздух. 2 (*nie unavený*) живой, бодрый; ~ *á myslel'* живая мысль.

Следует отметить, что сознательная направленность Л. Штура и его последователей на исконную основу в шутовщине отражается на особенностях обогащения словарного состава литературного языка. С одной стороны, шутовцы «смело вводили местную диалектную лексику» [Смирнов 1978: 147], с другой стороны, не отрицали необходимости заимствований. Как свидетельствует Л.Н. Смирнов, Л. Штур, «как кодификатор, занимал в целом трезвую, свободную от крайностей пуризма позицию» [Смирнов 1998: 268], однако такой подход в условиях установления собственного литературного языка как символа национального самосознания был далёк от многовековых процессов «претворения в свою собственность» русским литературным языком иноплеменных слов (Ф.И. Буслаев).

На первом этапе становления шутовщины практиковалась так называемая «скобочная практика», где при новом слове в скобках пояснялось его значение, нередко за счёт окказиональных слов, построение которых во многом напоминает феномен народной этимологии в русском языке, например: *телескоп – d'alekohľad, стенография – tesnopis, акция – účastina, философия – mudroslovja, хирургия – ranárstvo, лингвистика – jazikoslovja, jazikospit, jazikoznanstvo* и под. Ряд подобных слов сохранился и в современном словацком языке: *история – dejepis, тропуар – chodník, суфлёр – šepkár, естествознание – prírodopis* и др.

Тенденция предпочтения «своего» «чужому» в определённой степени чётко прослеживается на всех этапах развития словацкого литературного языка и присутствует даже в современных условиях активного заимствования из английского языка [Григорянова 2014], при этом в словацком языке активно используется «общеславянский элемент», ср.: вокзал – *stanica*, платформа – *nástupište*, киоск – *stánok*, газон – *trávník*, театр – *divadlo*, артист – *umelec*, билет – *listok*, туфли – *topánky*, флакон (одеколона) – *oblievačka*, партер – *prízemie*, сцена – *javisko*, стюардесса – *letuška*, иллюминатор – *okno*, фрукт – *ovocie*, компьютер – *počítač*, принтер – *tlačiareň*, дрель – *vŕtačka*, браслет – *náramok*, поэт – *básnik*, бинокль, подзорная труба, телескоп – *d'alekohľad*, касса – *pokladňa* и под.

Следует обратить внимание на бесконечные возможности праславянского достояния, которое по-разному используется русским и словацким литературными языками, ср.: самолёт – *lietadlo*, густой – *hustý*, жидкий мёд – *tekutý med*, овощи – *zelenina*, дичь – *divina*, гвоздь – *klinec*, гвоздика (цветок) – *klinček*, приглашение – *pozvánka*, кишка – *črevo*, вонь – *smrad*, духи – *voňavka*, продукт – *potraviny*, зритель – *divák*, одеяло – *prikrývka*, налог – *daň*, доза, норма, рацион – *dávka*, пирожное – *zákusok*, занято – *obsadené* и др.

При этом в словацком литературном языке наблюдается логически оправданное использование различного типа образований на базе общеславянского элемента, например: *zem* – земля, *zeterán* – помещик, *zeteris* – география, *zeterisár* – учитель географии, *zeterisec* – географ, *zemiak* – картофель, *zemiakárstvo* – картофелеводство, *zemina* – грунт, *zemeguľa* – Земной шар; *životopis* – биография, *životospráva* – режим питания, *životnosť* – срок эксплуатации, *živnosť* – (малое) предпринимательство, *živnostník* – (мелкий) предприниматель; *byť* – быть, *bývať* – жить, *bytosť* – существование, *byt* – квартира, *bytovka* – жилой дом, *bytový dom* – жилой (квартирный) дом, *bývanie* – жилище, квартира, жильё и под.

Являясь по сути вселенной, где происходит сгущение смысла, праславянское слово обретает множественность в беспредельном прирастании и расщеплении исходного своего значения, которое естественно используется в диалектах и шлифуется

в литературном языке. И при всём несходстве исторических судеб славянские литературные языки в своём развитии обращаются к заложенному и накопленному в общеславянском фонде содержанию, позволяющему по-разному раскрывать и использовать его возможности в соответствии с потребностями и традициями литературной страты.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 319 с.

Григорянова Т. Английские заимствования в русском и словацком языках // Acta rossica tyrnaviensis. – Brno: Tribun EU, 2014 – С. 40-48.

Коллар Д., Григорянова Т. Словацко-русский словарь в двух томах. – Братислава: «ASAP-translation. Com, S. R. O.», 2011.

Кондрашов Н.А. Русский язык глазами слависта // М. Кубик, Н.А. Кондрашов. Русский язык глазами слависта-лингвиста. – Praha:Státní hedagogické nakladatelství, 1977. – С. 157-250.

Лаврентьевская летопись 1377 г. Электронное представление памятника. Режим доступа: http://expositions.nlr.ru/LaurentianCodex/_Project/page_Show.php (дата обращения: 12.02. 2016).

Лавров П.А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. – Л.: АН СССР, 1930. – 256.

Львов А.С. Изучение праславянского слоя старославянской лексики // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы конференции. Октябрь 1975 г. Москва. – Выпуск 1. Славянская историческая лексикология (книжная и народная лексика в истории славянских литературных языков). – М., 1975. – С. 30-34.

Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку 1377 г. / Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С. Лихачёва. / изд-е 2-е, испр. доп. – СПб.: Наука, 1996. – 669 с.

Пушкин А.С. Собрание сочинений в пяти томах. Т. IV. Санкт-Петербург: Библиополис, 1994.

Смирнов Л.Н. Заметки по словацкой исторической лексикологии // Слово и культура. – Т. 1. – М.: Индрик, 1998. – С. 264-272.

Смирнов Л.Н. Формирование словацкого литературного языка в эпоху национального возрождения (1780-1848) // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. – С. 86-157.

Супрун А.Е., Скорвид С.С. Славянские языки // Языки мира: Славянские языки. – М.: Academia, 2005. – С. 12-28.

Толстой Н.И. История и структура славянских литературных языков. – М.: Наука, 1988.

Трубачёв О.Н. В поисках единства: взгляд филолога на проблему истоков Руси. – 3-е изд., доп. – М.: Наука, 2005.

Трубачёв О.Н. Праславянское лексическое наследие и древнерусская лексика дописьменного периода // Этимология. 1991-1993. – М., 1994. – С. 3-23.

Трубецкой Н.С. а) Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы

языкознания. 1990. – № 2. – С. 122-139.

Трубецкой Н.С. б) Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. 1990. – № 3. – С. 114-134.

Филин Ф.П. Истоки и судьбы русского литературного языка. – М., 1981.

Штур Л. Славянство и мир будущего. Послание славянам с берегов Дуная Людовита Штура / Перевод неизданной немецкой рукописи с примечаниями В.И. Ламанского. Второе издание / Под ред. К.Я. Грота и Т.Д. Флоринского. – СПб.: Типография Министерства Путей Сообщения, 1909.

Pauliny E. Dejiny spisovnej slovenčiny. I. Bratislava, 1966. – S. 68-98.

© Бекасова Е.Н., 2016

© Gajarský Lukáš, 2016

М.В. БОБРОВА

(Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь, Россия)

УДК 811.161.1'373.21

ББК Ш141.12-316

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННЫХ ПРОЗВИЩАХ ЖИТЕЛЕЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Аннотация: В статье представлены современные прозвища жителей Пермского края. Проиллюстрированы приемы языковой игры номинаторов на всех языковых уровнях: фонетическом (имитация особенностей речи, речевого поведения человека; рифмовка), графическом (специфичное использование графических средств; нарушение правил чтения; смешение графических средств разных типов), словообразовательном (аббревиация; усечение мотивирующей основы; контаминация; образование окказионализмов и потенциальных слов; образование однокорневых и сложных слов; образование прозвищ по моделям антропонимов), морфологическом (образование онома с нарушением норм родовой принадлежности; образование неизменяемых слов; транспозиция), синтаксическом (образование прозвищ – словосочетаний различных типов; образование прозвищ – простых предложений), лексико-семантическом (обыгрывание паронимов, синонимов, омонимов, антонимов и псевдоантонимов, значений полисемантов, лексико-семантических связей слов; метафоризация; метонимизация; употребление лексики в необычном значении; использование варваризмов, неологизмов), а также в стилистическом аспекте (образование макаронизмов; образование прозвищ на базе жаргонизмов, диалектизм, архаизмов). Автором показано, что языковая игра на основе системных связей не является единственной формой игры, реализуемой в прозвищах. Перспективно специальное, глубокое исследование современных пермских прозвищ в аспекте прагматики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики.

Ключевые слова: антропонимика, современные прозвища, Пермский край, языковая игра.

Языковая игра (далее также ЯИ) – «особая форма лингвокреативного мышления» [подробнее об этом: Гридина 2000: 51; Гридина 1996 а, б]. Она предполагает реализацию нескольких условий: 1) нарушение норм мышления и языка: языковых / стилистических / речеповеденческих / логических; 2) осознанность нарушений («намеренная неправильность»); 3) адекватность (релевантность языковой компетенции) воспринимающего; 4) нацеленность на достижение определенного (эмоциональ-

ного, экспрессивного, обычно комического) эффекта (о наполнении термина «языковая игра» см., например, [Дедушкина 2012]).

Обычно о ЯИ говорят в отношении текстов разных жанров, прагматических, фольклорных или (чаще) художественных: рекламных текстов, анекдотов, пословиц, поговорок, парадоксов, пародий, перепевов, др. Полагаем, что в качестве особого жанра можно рассматривать с данной точки зрения прозвища, при образовании которых ЯИ (чаще языковая шутка) является ведущим принципом. В конечном итоге любое прозвище – сознательное нарушение нормы, которая запрещает их использование в современной русской антропонимической формуле. Контекст в данном случае образуют лингвистические и экстралингвистические элементы: прозвище, производящая основа (имя, фамилия, нарицательное слово, иное имя собственное), дополнительные (чаще ложные в отношении производящей основы) мотиваторы – и сведения о причинах и условиях номинации (о социальных, физических или иных характеристиках именуемого; о ситуации, т.е. объективно сложившихся обстоятельствах, обусловивших возникновение конкретной номинации).

В настоящем случае сосредоточимся на средствах и приемах создания прозвищ. Для этого привлечем современные антропонимы жителей Пермского края (далее также СПП – современные пермские прозвища, в толкованиях – пр.), количество которых в собранной нами картотеке в настоящее время составляет более 4500 единиц. Привлечены также данные, собранные выпускниками Пермского педагогического университета Н.Ф. Елесиной, Т.И. Золиной, Т.И. Колотовой, Е.Н. Орел, Т.Ф. Пустоваловой, Н.С. Созыкиной.

Нередко считают, что ЯИ ограничивается игрой слов, однако, по справедливому замечанию А.П. Сквородникова, игра слов лишь одна из ее разновидностей, основная разновидность игры слов – каламбур, который строится на обыгрывании лексики, многозначности или омонимии слов [Сквородников 2008: 802]. Однако ЯИ может быть реализована средствами любого языкового уровня. Рассмотрим последовательно возможности каждого.

1. Прозвища и фонетика. Нередко СПП отражают (имитируют) особенности речи, речевого поведения человека, а именно

специфику произнесения им звуков, отдельных слов, его речевые привычки, регулярно воспроизводимые им речевые элементы, ситуативное произнесение слов: **Щебаки** (пр. жителей д. Емаш-Павлово Чернушинского района, в речи которых отсутствует затвор в фонеме <ч'>; из диалектного чебак 'окунь'), **Помаешь** (пр. человека, использующего *помаешь* < *понимаешь* как слово-паразит), **Чикаго** (пр. школьника, который однажды выкрикивал: «Чикаго!»), **Гнусарь** (пр. гнусавого человека) и др. Отдельные антропонимы построены на рифмовке компонентов: **Шалтай-Болтай** – от фамилии (далее «фам.») *Салкаев*, **Княгиня-Лобыня**, **Николай-Нидворай** и др.

2. Прозвища и графика, орфография. В основе ряда СПП лежит специфичное использование графических средств. Например, средством различения одноклассниц-тезок послужили инициалы их отчества: **Валя А.**, **Валя Г.**, **Валя И.** ДМ / ДЭ-ЭМ – прозвище сестер Дмитриевых. Ряд прозвищ образован прочтением официальных именованных справа налево: **Вычипыс** из фам. *Сыпачев*, **Ашас Волас** – из *Салов Саша*. Путем метатезы образованы СПП **Карандаш** (из фам. *Кондрашов*), **Янкель** (из фам. *Лякин*). Прозвище **Куба** из фам. *Сивакова* построено на смешении кириллической и латинской графики: первые четыре буквы прочитаны как английское название острова *Cuba*. В автономинации **Н₂О** / **Аш-Два-О** учитель физики использовал химическую формулу.

3. Прозвища и словообразование. Сюда относим, в частности, СПП, образованные способом аббревиации, обычно сокращением фамилии, имени, отчества: **БИМ**, **ПАН**, **РАБ**, **СС**. Частотны СПП, образованные путем усечения: **Михася** – из *Михальчук Олеся*, **Баня** – из *Борисова Аня*, **Бес** – из фам. *Бессолов*, **Галсер** – из *Галина Сергеевна*. Иногда усечение сопровождается суффиксацией: **Мика-Така** – из *Миша Тархов*, **Тапочки** – из *Потапов*, **Золушка** – из *Золина*. В итоге образуются лексемы, омонимичные существующим словам (собственным и нарицательным), либо окказионализмы. Еще одна разновидность последних – СПП, возникшие не на базе именованных номинируемого: **Гиббонга**, **Футболёр** 'пр. любителя игры в футбол', **Творч** 'пр. креативного одноклассника'. Имеются фиксации СПП, образованных по способу контаминации: **Лёшалёшалёшагоша** 'кол-

лективное пр. четверки друзей’, *Пётригорович* ‘пр. школьника, которого звали Петр Гончаров’.

Встречаются также прозвища – потенциальные слова, образуемые по продуктивным моделям современного русского языка с использованием суффиксации, префиксации, конфиксации, мены суффиксов, безаффиксного способа: *Подшефник* ‘пр. сына начальника; из *подшефный* (ср. *ударник* ‘передовой работник’) либо *шеф* (ср. *подлокотник*)’, *Мегамозг* ‘пр. школьника с очень крупной головой’, *Мавзолейка* ‘прозвище мужчины, которого звали Владимир Ильич’, *Штопа* ‘пр. девочки со шрамом на лице; из *штопать*’, др. Часть СПП образована по моделям сложных слов: *Шлёп-нога* ‘пр. хромого человека’ (ср. *бой-баба*, *чудо-рыба* и т. п.), *Соловей-Разборник* ‘пр. озорной школьницы по фам. *Соловьёва*’, *Семиколенная Матрёна* ‘пр. худой и высокой девушки’, *Плюс-Минус*, в том числе по моделям, аналогичным моделям построения фамилии номинируемого: *Водолаз* – из фам. *Дуболазова*, *Младокленова* – из фам. *Стародубова*. Интересны СПП, образованные по продуктивным моделям личных антропонимов (имен, отчеств, фамилий), часто на базе официальных именовании номинируемых лиц: *Ожеговна* ‘пр. неопрятной женщины, которая ходила в перепачканной одежде; из *ожег* – палка, которую использовали в качестве кочерги’, *Никулишна* ‘пр. из фам. *Никулина*’, *Яныч* ‘пр. школьницы из имени *Яна*’, *Нахал Нахалыч* ‘пр. учителя Михаила Михайловича, часто ставившего «двойки»’. Есть примеры перестроения официальных именовании по образцу иноязычных: *Ле Пео Скин* ‘пр. мужчины по фам. *Лепёскин*’, *Ба Ку Лин* ‘пр. мужчины по фам. *Бакулин*’.

4. Прозвища и морфология. Это СПП, которые являют собой неправильные формы слов, например новообразования, парные к существующим по роду (*Кавалеристка* ‘пр. кривоногой девочки’, *Мазута* ‘пр. нечистоплотного молодого человека’); прозвища, родовая принадлежность которых не соотносится с гендерной принадлежностью носителя, что отражается на сочетательных особенностях антропонима (прозвища мальчиков, молодых людей, мужчин *Плюха*, *Кастрюля*, *Шуба*, *Солнце* и др.; прозвища девочек, девушек, женщин *Терминатор*, *Полный Квадрат*, *Шишин Бабай*, *Фил*, *Солнышко* и др.). Некоторые

образования являются неизменяемыми (*Вуди, Марио, Юни, Ху* и др.). Нередко наблюдается явление транспозиции, когда в качестве прозвищ используются прилагательные, реже иные части речи (*Белый, Большелетия, Трахомный, Миссис Выпендривается* и др.).

5. Прозвища и синтаксис. Усматриваем необычность СПП уже в том, что, в отличие от иных (официальных) именовании, они могут быть не только однословными; среди них встречаются единицы, построенные по типу словосочетаний и простых предложений. Словосочетания могут быть простыми и сложными. Простые являются именными, преимущественно субстантивными, редко нумеративными. В качестве стержневого слова могут выступать личные имена, чаще рифмующиеся с прозвищем (*Вася-Ребёнок, Зинка-Корзинка*). В них реализуются разные типы связи: согласование (*Кошкина Мама, Чукча Отхоженная, Граф Суворов, Отец-Героин*), управление – сильное (*Полстакана Молока*) и слабое (*Баба С Хранилица, Вождь Краснокожих*), примыкание (*Миссис Выпендривается, Голова Босиком, Старуха Изергиль*). Сложные словосочетания строятся по разным моделям: простое словосочетание с зависимым словом (*Два метра безобразия, Сорок Один Год*), стержневое слово и зависимое словосочетание (*Фроська С Мыльного Завода*), стержневое слово и сочетание слов (*Удача Слева И Справа*). Отмечены и сочетания слов (*Болек И Лёлек, Плюс Тысяча*).

Простые предложения представлены односоставными (*Дяденька Достань Воробушка*) и двусоставными (*Тула Город Древней Славы, Демьян Бедный Мужик Вредный*) конструкциями.

Порядок слов в словосочетаниях и предложениях может быть прямым и инверсированным.

6. Прозвища и лексика, семантика. Это группа наиболее многочисленна. Перечислим наиболее частотные языковые игровые приемы.

– Обыгрывание паронимов: *Доцент* < фам. *Доценко, Вашиш* < *Ваня, Витаминовна* < *Вениаминовна, Косточка* < (*Костечка* <) *Константин, Сулико* < фам. *Туляков, Лютый* < фам. *Лютиков, Тапочка* < фам. *Тапычканова* и др.

– Обыгрывание паронимов (обычно по результатам дестимо-

логизации фамилии): *Масленок* < фам. *Маслов*, *Зона* < фам. *Зонин* (< *Зоня* < *Зосим*), *Шерсть* < фам. *Шерстнёва*, *Сахиб* < фам. Сахибуллин и др.

– Ложная деэтимологизация фамилии: *Киса* < фам. *Киселев*, *Маленькие Ушки* < фам. *Малухин* и др.

– Обыгрывание омонимов: а) полных омонимов: *Немо* ‘пр. мужчины, который говорил очень невнятно, *немо*’, *Жигули* < имя *Лада*, *Бэу (Б/У)* ‘пр. бывшего участкового’; б) омофонов: *Неваляшка* (< *Неволяшка*) < фам. *Неволин*, *Аббат* < фам. *Обатуров*, *ШВ [шэф]* ‘пр. мужчины по инициалам имени и фамилии’; в) омонимичных русских и иноязычных слов: *Куча* ‘пр. девушки по фам. *Кучева* (из коми-пермяцкого *кути* ‘орел’); и др.

– Обыгрывание синонимов и псевдосинонимов: *Задницев* < фам. *Попов* (через ложный мотиватор *попа*), *Шпага* ‘пр. высокого и худого школьника’ (*высокий* и *худой* – *длинный* и *тонкий*), *Туберкулёзный* ‘пр. болезненного школьника’, *Чупа-Чупс* < фам. *Леденцов* и др.

– Обыгрывание антонимов и псевдоантонимов: *Пузырь*, *Толстый*, *Пышка* – прозвища худошавых людей, *Лысый* – прозвище людей с длинными, густыми, растрепанными и т. п. волосами, *Фантомас* ‘пр. красивого молодого человека’, *Лемешев* ‘пр. школьника, которое использовалось в то время, когда голос мальчика был охрипшим’ и др.

– Обыгрывание значений полисемантов: *Дубовый* ‘пр. физически крепкого школьника’, *Калёный* ‘пр. мужчины, побывавшего в горящем доме и оставшегося в живых’, *Соловей* ‘пр. школьника, который умел хорошо свистеть’, *Лапоть* ‘пр. наивного, простоватого мужчины’ и др.

– Метафорический перенос: *Банан* ‘пр. высокого худого сутулого светловолосого мужчины’, *Колобок* ‘пр. изворотливого школьника’, *Мякиш* ‘пр. школьника, который отличается рыхлым телом и бесхарактерностью’, *Пальма* ‘пр. женщины, причёска которой напоминает расходящиеся от верхушки ствола листья пальмы’, *Помойка* ‘пр. учителя, который не чистит зубы’, *Слон* ‘пр. молодого человека с большими оттопыренными ушами’, *Старый* ‘пр. мужчины с хриплым голосом’ и др.

– Метонимический перенос: *Гриндерс* ‘пр. мужчины, кото-

рый носит обувь бренда «Гриндерс», **Москва** ‘пр. мужчины, переехавшего из Москвы’, **Муля** ‘пр. хозяина кошки по кличке Муля’, **Перекись** ‘пр. женщины с осветленными перекисью водорода волосами’, **Лысый** ‘пр. школьника, старшего брата которого побрили налысо’, **Борода** ‘пр. бородатого мужчины’, **Суп** ‘пр. школьника, которому нравились супы’ и др.

– Обыгрывание лексико-семантических, тематических (в т. ч. периферийных, ассоциативных) связей слов: **Рыбкин** < фам. *Осетров*, **Скворец** < **Филин** < фам. *Филимонов*, **Цифра** ‘пр. учительницы математики’, **Рубль** < **Копейка** < фам. *Копейкин*, **Чирок** < фам. *Кряквин*, **Леопольд** (< кот *Леопольд* < кот < лев ‘животное семейства кошачьих’) < фам. *Львова* и др.

– Использование лексики в несвойственном ей значении: **Танкист** ‘пр. мужчины, который добивается своего, ни с кем и ни с чем не считаясь’ (ср. выражение *прет как танк*), **Краснуха** ‘пр. школьницы, которая часто и быстро краснеет’ и др.

– Использование варваризмов: **Хорс (Пони, Конь)** ‘пр. школьника по фам. *Кононов*’, **Дер Рабе** < фам. *Воронов* (из нем. *der Rabe*), **Гросс** ‘пр. высокого мужчины’ (из нем. *gross* ‘большой’), **Квикли** < фам. *Кувырков* (из англ. *quickly* ‘быстро’) и др.

– Образование неологизмов: **Цукермэн** < фам. *Сахаров* (ср. *Цукерман* из нем. *Zucker* ‘сахар’, *супермэн*), **Чуна** < фам. *Чувызгалов* и др.

7. Прозвища и стилистика. К этой группе относим, в частности, СПП, иллюстрирующие явление макаронической речи. В качестве таковых рассматриваем прежде всего онимы, построенные по моделям антропонимов других языков: **Андриано Разыграно** < *Андрей Разыграев*, **Ванидзе Михайлидзе** < *Ваня Михайлов*, **Мария Хлопес** < *Мария Хлопина*. Ср. также псевдоварваризм **Сухэн** ‘пр. худощавого школьника’, имитирующий иноязычную форму слова. Кроме того, это прозвища, мотивированные лексикой ограниченной сферы или территории употребления: жаргонизмы лежат в основе СПП **Химоза** ‘пр. учительницы химии; от жаргонного *химоза* ‘искусственные, химически синтезированные наркотики’ [Химоза: URL], **Литробольщик** ‘пр. мужчины, страдающего алкоголизмом; от жаргонного *литрбол* ‘пьянство, алкоголизм’ [Литрбол: URL]’; диалектизмы – в основе СПП **Сохатый** ‘пр. рослого, сильного мужчины; от диалект-

ного слова *сохатый* ‘лось’, *Оханские Бадюги* ‘пр. жителей г. Оханска Пермского края; от диалектного слова *бадог* ‘палка, жердь’; устаревшее слово – в основе СПП *Дохтур* ‘пр. старшеклассника, который намеревается продолжить обучение в медучилище’.

Однако ограничить проявления ЯИ в прозвищах перечислением их системно-структурных особенностей – значило бы обеднить возможности данного вида антропонимов. Современные достижения лингвистики и сам материал, который отказывается полностью укладываться в прокрустово ложе структурной лингвистики, требуют расширить представления о ЯИ в прозвищах в духе теории Л. Витгенштейна («игра – любой вид деятельности, связанный с языком»).

Как известно, лингвистика последних десятилетий отходит от имманентного изучения языковых фактов и явлений с точки зрения формы и содержания – в сторону постижения функциональных их особенностей, в том числе в связке функции и формы, функции и содержания. Следуя логике развития языкознания, мы можем утверждать, что и игра, соответственно, может проявляться в разнообразных аспектах. Лингвистами языковой игре возвращается «ее исходный антропологический и драматургический смыслы», открывается «возможность ее описания в категориях внешней лингвистики, т.е. как вида языковой компетенции, коммуникации и социокультурного поведения» [Каргаполова 2007: 44].

Так, одно из достижений современного языкознания – развитие теории прагматики (см. об этой теории, например, [Арутюнова, Падучева 1985; Арутюнова 1990]), с точки зрения которой игровой характер прозвищ обнаруживается в целом ряде аспектов. Поскольку СПП еще только требуют специального рассмотрения в указанном направлении в работе иного жанра, мы проиллюстрируем обозначенное положение лишь в нескольких ракурсах.

Сам факт употребления современных прозвищ есть нарушение правил (игра с нормой и «нормальным») – в данном случае правил использования именованных людей. Компоненты официальной антропонимической формулы имеют вполне определенную цель («иллокутивные силы») – номинировать, идентифици-

ровать и дифференцировать, и в этом смысле прозвища избыточны, «маргинальны» в устоявшейся системе. И уже в самом факте их употребления заложен эффект обманутого ожидания. Полагаем, мы можем утверждать, что иллокутивные силы прозвищ связаны прежде всего с маркированием: как неоднократно отмечалось исследователями, такими номинациями наделяются значимые в микро- или макросоциуме лица, в то время как «периферийные» члены коллектива прозвищ не имеют. Причем, по нашим наблюдениям, «значимость» может быть и со знаком «плюс», и со знаком «минус»: прозвище могут давать не только авторитетным членам сообщества, но также «изгоям» или лицам, оцениваемым как враждебные (ср., например, прозвище *Девчонка*, которое закрепилось за мальчиком, который в начальной школе носил колготки и часто плакал; прозвище учительницы *Гнида*. Этот же эффект обманутого ожидания проявляется в особой речевой тактике номинаторов и вытекающей из нее произвольности именований: «Эффект ЯИ осознается тем ярче, чем менее прогнозируемым оказывается толкование слова в плане его соответствия возможной узуальной семантизации» [Гридина 2000: 53]. Иными словами, мотивация прозвищ в большинстве случаев неочевидна, ср.: если оним *Пробка* вполне ожидаемо принадлежит очень глупой девушке, то оним *Шершавый* (из фам. *Гладких*) явно требует разъяснения мотивировки. Отсюда возрастание роли косвенных смыслов, аллюзий, намеков и т.п., указывающих на прагматическое значение прозвища, нередко такое, которое могут адекватно воспринять только члены данного социума. Отсюда же в большей или меньшей степени намеренное нарушение сформулированных Грайсом конверсационных максим, или максим ведения разговора. Наиболее часто нарушается одна из максим манеры речи, требующая недвусмысленности высказывания (ср. в СПП *Деревянный* из фам. *Корнеев*, *Непаханая* из фам. *Залогина*, по связи с диалектизмом *залога* ‘непаханая земля, целина’), одна из максим качества, требующая сообщать только истинную информацию, иначе – «постулат истинности» (ср. в СПП, гиперболизирующих или преуменьшающих особенности носителя прозвища: *Контейнер* ‘пр. школьника, который ест часто, помногу, очень большими порциями’, *Скелет* ‘пр. очень худого школьника’).

Специального исследования требует и лингвокультурологический аспект, который также актуализирован в процессе ЯИ в прозвищных номинациях и возможности которого на материале имен собственных демонстрируют, например, исследования Е.Л. Березович (см., например, [Березович 2010]). В частности, в игровой форме в СПП представлены традиционные культурные оппозиции. Упомянутая функция маркирования членов социума, например, есть не что иное, как реализация оппозиций «свой – чужой», «хороший – плохой», «правильный – неправильный» и др. Безусловный интерес представляют прозвища в аспекте изучения трансформации традиционной картины мира в современную. Учет таких факторов, как частотность мотивирующей лексики, актуализируемые признаки объектов и субъектов номинации позволит определить ряд объектов окружающего мира и качеств человека, значимых для данной культурной среды.

Так, ранее наши исследования отзоонимных СПП [Боброва, Нечаева 2015; Боброва 2016] показали, что историческим прозвищам, например, практически не свойственна ЯИ; производящая лексика в них отражает прагматичность номинаторов и отвечает традиционной картине мира. Отзоонимным единицам диалектной терминологической группы «Болезнь» свойственна словообразовательная вариативность, конкретность внутренней формы; мотивирующая лексика так же ограничена рамками традиционной языковой картины мира, является общеизвестной, общеупотребительной. В современных прозвищах главным требованием оказывается вхождение лексики в одну предметную область (обычно на основе ассоциативных связей), родовидовая взаимосвязанность понятий. Актуальная лексика включает в качестве базовых, наиболее частотных общеупотребительные лексемы, но фактически мотивирующий лексикон разрастается до области знаний, пределы которых определяются социальным статусом номинаторов. Прозвища, мотивированные зоонимами, позволяют говорить о «культурной специфичности / неспецифичности (маркированности / немаркированности)» лексики.

Исследованные СПП дают также возможность выйти на концептуальный уровень и говорить о наиболее значимых понятиях языковой картины мира (см., например, [Щербак 2008]). Используемая в антропонимах лексика разнообразна, но отдельные

единицы демонстрируют большую либо меньшую востребованность, что (при более глубоком изучении), полагаем, позволит говорить о специфике отражения в современных русских прозвищах концептов русской культуры.

Особый интерес представляет реализация в СПП прецедентных текстов, в т.ч. прецедентных онимов (*Железный Феликс, Децл, Пушкин* и др.).

Итак, современные прозвища жителей Пермского края демонстрируют разнообразные возможности языковой игры, которая реализуется на всех языковых уровнях. Однако факт «игры» (намеренного нарушения норм) в них не ограничивается структурно-системными языковыми связями. Перспективно специальное, глубокое исследование СПП в аспекте прагматики, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике / общ. ред. Е.В. Падучевой. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – С. 21-38; URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4538412> (дата обращения 20.03.2016 г.).

Арутюнова Н.Д. Прагматика // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. – С. 389-390.

Березович Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Мифопоэтический образ пространства. – М.: КомКнига, 2010. – 240 с.

Боброва М.В. Прозвища жителей Пермского края, мотивированные лексикой тематической группы «Животные», в XVI–XVII и в XX–XXI вв. // Русская устная речь: мат-лы Всерос. науч. конф. / отв. редактор О.Ю. Крючкова. – Саратов, 2016. – С. 135-139.

Боброва М.В., Нечаева Л.С. Репрезентация семантической группы «Животные» в диалектной лексике тематической группы «Болезнь» и в современных прозвищах Пермского края // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: мат-лы III Всерос. науч. конф. / отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова. – Пермь, 2015. – С. 196-206.

Гридина Т.А. Произвольная мотивация как механизм языковой игры // Известия УрГУ. – 2000. – № 17. – С. 51-56.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996 (а). – 225 с.

Гридина Т.А. Имена собственные как база языковой игры (на материале отфамильных прозвищ в речи школьников) // Русский язык в школе. – 1996 (б). – № 3.

Дедушкина Т.А. Языковая игра: современное состояние вопроса // Studia Linguistica. – Киев, 2012. – Вып. 6. – С. 88-92.

Каргаполова И.А. «Языковая игра» в лексикографическом и научном освещении: концептуально-методологический анализ // Изв. Росс. гос. пед. ун-та

им. А.И. Герцена. – СПб, 2007. – № 9(47). – С.44-53.

Литербол, литрбол // URL. http://www.gramota.ru/slovari/argo/53_6536 (дата обращения 20.03.2016 г.).

Сковородников А.П. Языковая игра // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. С. 796-803.

Химоза // URL. <http://slovonovo.ru/term/%D0%A5%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B7%D0%B0> (дата обращения 20.03.2016 г.).

Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: Дис. ... д. филол. наук. – Тамбов, 2008. 452 с.

© Боброва М.В., 2016

Е. Д. БОНДАРЕНКО

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'373.2:811.162.1'373.2

ББК Ш141.12-316+Ш141.53-316

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАИВНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛИЧНЫХ ИМЕН: «СТРАННОЕ» ИМЯ

Аннотация: В статье на материале свободных метаязыковых высказываний носителей русских и польских диалектов анализируются некоторые особенности народной дифференциации личных имен. Автором выявляются основные параметры оценки имени, значимые для наивных ономастов, такие как: степень официальной закреплённости, способ функционирования в реальной речевой практике, происхождение, время создания и функционирования, степень стандартности / необычности. Подробно характеризуется оппозиция «п р и в ы ч н о е – с т р а н н о е» имя, рассматриваются особенности ее реализации в сознании русских и польских диалектоносителей. Наделение ребенка необычным именем в народных представлениях может связываться с нарушением установленных норм во время крещения ребенка. Негативно воспринимается диалектоносителями отступление от святцев – перечня имен святых, чтимых церковью. Как «странные» могут квалифицироваться также любые редкие, непривычные на слух имена, отсутствующие в антропонимиконе данного социума. Наделяя ребенка необычным именем, священник, по мнению диалектоносителей, может таким образом показывать свою обиду на его родителей. «Плохое» имя может также становиться маркером незаконности ребенка. Сюжет крещения со «странным» именем относится к разряду бродячих фольклорных сюжетов, в различных вариантах которых при сохранении общего единства структуры, фабулы отражаются местные особенности социума, культуры и т.д.

Ключевые слова: наивная лингвистика, метаязыковая рефлексия, «наивная ономастика», языковое сознание диалектоносителей.

В наивном осмыслении системы языка диалектоносителями значительное место занимают представления об именах собственных, а в первую очередь – о личных именах. Имя осмысляется народным сознанием прежде всего как социальный знак. Оно становится маркером положения человека в обществе, а способ именования – маркером коммуникативной ситуации.

Народная дифференциация имен собственных (и, в частности, личных имен) является подробно разработанной и весьма

специфичной по отношению к научной классификации: рассуждения диалектоносителей касаются, в первую очередь, особенностей функционирования и восприятия имен и их вариантов. Имя при этом может оцениваться по следующим параметрам:*

1) по степени официально закреплённости (оппозиция «официальное – неофициальное»), ср. «По паспорту, может, и Евдокия, а по-нашему Алдошка» (ряз.) [Ванюшечкин 1983: 32];

2) по способу функционирования в реальной речевой практике (оппозиции «официальное – неофициальное», «полное – неполное»), ср. «Мы всё Келься *его звали*, а *писался*-то он Кельсий, и дочь у него Кельсиевна» (влг.) [АКТЭ];

3) по происхождению (оппозиция «русское – нерусское»), ср. «Да у тебя имя-то како-то *нерусское, неистовое* (‘не соответствующее нормам’. –Е.Б.)» (свердл.) [ДЭИС];

4) по времени создания и функционирования (оппозиция «старое – новое»), ср. «Внук у меня Данил, *прежнёе* оно тоже имя, раньше Данько звали» (арх.) [АКТЭ]; «А еще как *ранешние, старинные, церковные* имена – к празднику-то <какое> поближе, это вот лучше подходит» (костр.) [ЭКТЭ];

5) по степени стандартности / необычности (оппозиция «обычное, привычное – необычное, странное»), ср. «Собачьи имена – это Альберт, да еще какие Стасики. Это плохие имена казались» (костр.) [ЭКТЭ].

В настоящей статье анализируется значимая для наивных ономастов оппозиция «привычное – странное» имя. К исследованию привлечен материал свободных метаязыковых высказываний носителей русских и польских диалектов.

Перечень «нормативных» имен в русской народной традиции является закрытым, регламентированным – имя дается по святцам – и отступление от данного перечня, очевидно, воспринимается диалектоносителями негативно, ср. «Алина хоть бы или Кристина, Орестина *даже и в Святцах нет*» (костр.) [АКТЭ]. Однако как «странные» могут восприниматься отнюдь не только имена, отсутствующие в святцах, а также и любые редкие, необычные, непривычные на слух, отсутствующие в антропонимике данного социума. Такие «странные» имена, как правило,

получают общую негативную оценку, ср.: «Папа дал какие-то *странные имена* моим сестрам: Кириена, Крискентия, Макрина» (арх.) [Там же]; «Вот я не люблю имя Варя. Варя – мало где у кого так зовут. <Была одна>, та была не больно в почёте» (костр.) [ЭКТЭ].

Наделение ребенка необычным, «мудреным» именем в народных представлениях может связываться с нарушением установленных норм во время крещения ребенка. «Плохое» (*каверзное, небаское, собачье*) имя поп мог дать ребенку из бедной семьи, ср. «*Небаские имена* давали, кто бедные. А у них дружба была с батюшкой, он вот и дал это имя хорошее. Раньше ведь богатым большие давали имена, хорошие: Анна, Мария да. А эти Агапеи – их бедным давали» (перм.) [СРГЮП: 44].

Священник, по мнению диалектоносителей, может, наделяя ребенка «странным» именем, таким образом показывать свою обиду на его родителей, когда они чем-то разозлили или не одарили его достаточно щедро, ср. «*Даровой* <такой, которого не одарили за его труд. – Е.Б.> *поп* крестил, да Окулина имя дал, без пути-то я» (арх.) [АКТЭ]; «Если поп недоволен, сердит, то такое имя может дать – Хавронья, Филарет там» (арх.) [Там же]; «У нас в Тихоне Ра́ля был – поп обижен был, Калиса, Кенсарин (костр.) [Там же]; «Надавано столько по церкви каверзных имен: Пульхерья, Евласья, Опросинья... Это если поп осердился на какого хозяина, так даёт *каверзное имя*» (костр.) [Там же]; «Придут крестить в церковь, чем-то батюшке не угодишь, подход не так сделаешь, такое имя дают, будет ребёнок жить и всю жизнь *своего имени стыдиться*» (костр.) [ЭКТЭ]; «Попы уж давали-то по насёрдию <рассердившись. – Е.Б.>, Кинсо́р, да Калиса – Калистрат был, Емеля, да Ситя, да <...> Срапён, Киря, на Коровне Лавр был. Евфа́лия – Евфа́лья. Священники не уживались с ихними родителями и давали такое имя» (костр.) [Там же]; «Вредный поп был, обиделся за что-то и давал такие имена. У меня отец Кенсо́р, Кенсорин. Ширяев Филя был. Онáний, Онáха. Сарапио́н. Еме́ля. Копидо́н. Ника. Калист, Калиста́т. Сидор, Ситя. Анисим. Ла́ря – Ларио́н, да буде так. Елизáр» (костр.) [Там же]; «Прежде имена, ну Апраксия, небожно такие. Почему такие имена нехорошие? Если священнику что-нибудь, допустим, мало. Мало ходишь в церковь, молишься мало... Цер-

ковь ведь тоже от дохода живёт. Родится ребенок – обязательно даст имя, какое в святцах. Какое попадётся» (костр.) [Там же].

«Странное» имя, данное священником, диалектоносители могут считать неподходящим для человека вообще – *собачьим, лошадиным*, ср. «Раньше попы ездили по деревне, славлено <пожертвование. – Е. Б.> собирали. Им хто овса, пшенисы, хто щё. Если хто мало вынесет, он обязательно имя плохое даст ребёнку. Всякие, всякие там имена... Вот, Фарафон. Как она не любит, когда его Фарафоном назовут! Ак её не Фарафоновна, а Телефоновна величают. Батюшка сказал, что это *собащье имя* – Фарафон» (свердл.) [ДЭИС]. «Плохое» имя, данное при крещении, могло вообще не использоваться «в миру» – тогда, по сути, возникала ситуация, подобная традиции «двойных» имен у старообрядцев, ср. «У меня дядя был, ему поп дал имя Руслан, тогда только лошадей так называли. Мы его всю жизнь звали Аркадий, а жена всю жизнь звала Юра» (костр.) [ЭКТЭ]. В приведенном выше примере описан феномен даже не «двойного», а «тройного» имени, причем критерии, по которым выбирались второе и третье имена, неясны.

Как «плохие» могли осмысляться имена, ассоциирующиеся в сознании диалектоносителей с какими-либо апеллятивами с субъектным или предметным значением, «нелестным» для носителя такого имени, ср. «В Лапшине бабушка мне всё рассказывала: баба чего-то не угодила батюшке, попу, не угодила и скоро родила, а раньше попа спрашивали, какое имя-то давать-то, и вот девка родилась, дак он назвал Кокоргия. Вот только из-за того, что он обиделся на эту бабу, сердился, и назвал, записал её в церкви Кокоргия. Ну ладно уж баба старая Кокоргия, а девкой-то молодой была – её всё Кокóра да Кокóра. *Кокóра*-то – это есть в лесу, ёлку выворотило с корнями со всеми, дак это *кокóра*, вот, говорят, какую *кокóру* тут выворотило» (костр.) [Там же]; «У меня семнадцать девок было, последних назвали Крестя да Пестя. Все смеюца: имён не хватило, девку *пестерём* <сев.-рус. диал. *пестерьь* ‘заплечный берестяной короб’ [КСГРС]> прозвали» (арх.) [АКТЭ]; «*Огреша* – это имя человека, Ографена. Оно раньше считалось таким...обходили его, это слово. Вот почему: в поле пахали-пахали – и оставили *огрехи*: не вспахали это место, у столба, например, – вот и *огрехи*. И к

имени это слово подходит: “Ой ты, какая Огреша” – это Ографена. А к этому слову *огрехи*. Необхоженный это человек, неопрятный. Видимо, эта Ографена была кака неряха» (костр.) [ЭКТЭ].

Впрочем, возникновение у имени таких негативных коннотаций может удивлять диалектоносителей, вызывать их непонимание, ср. «Это ведь имя – Агрёша. Женское имя. А чего она наделала, эта Агрёша? Зачем ей потыкались <сев.-рус. *потыкаться* ‘называть кого-л. презрительно [КСГРС]’>?» (костр.) [Там же].

По рассказам информантов, могут быть даже целые деревни, на жителей которых за что-то рассердился священник: все имена в этих деревнях – странные, *ненастоящие*, ср. «Воронино – *просмьянная деревня*. Там имена – Ипат, Роза да Ларион – такие имена надаёт батюшка, *ненастоящие*. Деревня такая, видимо. Просмьянная» (костр.) [Там же]; «Вот деревня есть – Сафоново. Вот осердился за что-то батюшка на них. А раньше ведь имена давал батюшка. А, видно, плохо его приняли, когда он приехал. Ведь раньше угощали батюшку, угощали. Он ездил собирал как оброк» (костр.) [Там же].

Можно предполагать, что деревня, где у жителей часто встречаются необычные имена, – старообрядческая: имена старообрядцев, которые даются строго по святам, действительно нередко оказываются непривычными на слух. Например, старoverы Усть-Цильмы по-прежнему придерживаются «старорусских имен»; современные имена не приветствуются как неизвестные. По их мнению, такое имя может сделать судьбу несчастливой [Дети и детство 2008: 17]. Ср. еще: (костр.) «<Имена у старообрядцев>: Наверно, <у них> *простые* имена. Авраам, Евлампий, Софон, Созан, Ерёма, Фока – вот *простые* имена» [ЭКТЭ].

«Плохие» (*премудрые, заковыристые*) имена могли стать маркером незаконности ребенка¹, ср.: «Незаконнорожденным детям давали *плохие имена*, например, Макар, Пантелей. Прези-

¹ Ср. существовавшую в дворянском обществе традицию давать незаконнорожденным детям искаженные, переименованные фамилии отцов: *Пнин* – сын *Репнина*, *Нибуш* – незаконный сын *Шубина*, *Востоков* – сын *Остенбека* и др. [Унбегаун 1989: 181–182].

рали таких почему-то» (арх.) [АКТЭ]. «Незаконнорожденным давали *премудрые имена*: Марфа, Федот – заковыристые» (арх.) [Там же]; ср. в Полесье: «Колись байструка <байструк ‘незаконнорожденный ребенок’> хрестили, то поп давае имь *поганэ*: Макрена, Хувра – женское, Аркадий, Сусоль – мужские» [БДПА]; «Як байструка родили дэвки, дак пип давал [имя] хлопц Тит, а девчина Докеида. А то ж нехорошо. Одна тут обжа- ловать хотела в суд, а пип казал, шо то нэ обжалують, бо архие- рей Тит, а ёго жинка Докеида» [Там же].

Аналогичная традиция существовала в Польше, ср. «[A jakie imiona nadawano takim dzieciom? (chodzi o dziecko kobiety niezamężnej)] Takim dzieciom nadawano imiona: Kurdula, Kunegunda. To już ksiądzsamteimionanadawał, wybierał» (любл.) [А какие имена давали таким детям (речь о детях незамужней женщины)? Таким детям давали имена: Курдула, Кунегунда. Это уже сам ксендз этим имена выбирал] [AE UMCS]; «Książd dla takich dzieci <незаконнорожденных детей. –Е. Б.> wyszukuje imiona najrzadziej używane i najzjawaczniej brzmiące, np. dla chłopców: Karpan, Markian, Eteopumpt, Ksenofont, Onysyfor, Akepsym, Amfyloch itd., dla dziewcząt: Fifrona, Marunia, Jewhenija, Ahaftija, Hłykerza itd.» (покут.) [Кзендз для таких де- тей выискивает самые редкие и самые непривычные на слух имена, например для мальчиков: Карпан, Маркиан, Этеопумпт, Ксенофонт, Онисифор, Акепсим, Амфилох и т. д., для девочек: Фифрона, Маруня, Евгения, Агафтия, Глыкежа и т. д.] [Kolberg 29: 210]. Интересно, что в ряду «странных», редких имен у поляков оказывается также нейтральное в русской традиции имя *Евгения*.

Итак, «странными», «плохими» в сознании диалектоносителей становятся следующие имена (список составлен на основании проанализированных выше контекстов):

Мужские

Русские, присутствующие в православных святцах: Ани- сим²; Аркадий; Елизар (Елезар); Емеля (Емелиан); Захар (Заха-

² Если форма имени, которую приводят информанты, отличается от полной формы, присутствующей в святцах, полная форма указывается в скобках.

рия); Ипат (Ипатий); Калиса, Калист (Каллист); Калистрат (Каллистрат); Кенсор, Кинсор, Кинсорин (Кенсорин); Киря (Кир? Кириак? Кирик? Кирилл? Кирин?); Лавр; Ларя, Ларион (Илларион); Макар (Макарий); Нефёд (Мефодий); Ника; Огап (Агапий); Онаха, Онаний (Анания); Пантелей (Пантелеимон); Раля (Илларион?); Срапъён (Сарапион); Сидор (Исидор); Тит; Фарарфон (Ферапонт); Федот (Феодот); Филарет; Филя (Филимон? Филипп?).

Отсутствующие в святцах: Бинтифилипп; Копидон; Руслан; Ситя; Сусоль.

Польские, присутствующие в католических святцах: Akepsym, Amfyloch, Ksenofont, Markian, Onysyfor.

Отсутствующие в католических святцах: Eteorumpт, Каррап.

Женские

Присутствующие в православных святцах: Агапея (Агапия); Апраксия (Евпраксия); Докеида (Доклида?); Евласья (Евласия); Евфалья (Евфалия); Кириена; Кокоргия (Конкордия); Крискентия; Макрена (Макрина); Марфа; Окулина (Акилина); Опросинья (Евфросиния); Орестина (от Орест?); Пульхерья (Пульхерия), Федосья (Феодосия), Феклинья (Феоклия, Феоклиста), Хавронья (Феврония), Харетинья (Харитина).

Отсутствующие в православных святцах: Алина, Жанна, Роза, Хувра.

Польские, присутствующие в католических святцах: Agaftija, Hlykerza (Hlykerija), Marunia (Maria, Marfa), Jewhenija, Kunegunda.

Отсутствующие в католических святцах: Курдула, Фифрона.

Итак, в списке присутствуют:

– редкие церковные и квазицерковные имена, имена, вызывающие трудности при произнесении и запоминании (*Кинсор, Бинтифилипп, Онаний, Срапъён, Евфалья, Крискентия, Этеорумпт, Ксенофонт, Фифрона* и др.);

– имена, традиционно в дворянской и купеческой среде счи-

Полная форма имени в сложных случаях восстанавливается по «Словарю русских личных имен» А. В. Суперанской [СРЛИ].

тавшиеся именами простолюдинов³ (*Емеля, Захар, Макар, Федот, Марфа, Окулина, Федосья, Хавронья* и др.) [Унбегаун 1989: 337–338].

Несмотря на то, что, по мнению информантов, приведенные выше имена были даны священниками при крещении, в списке – причем как среди русских, так и среди польских имен – встречаются имена, которые отсутствуют в соответствующих святцах.

В русской традиции данный факт может быть отчасти связан с реальной ситуацией, сложившейся после Октябрьской революции: православные таинства совершались значительно реже, чем прежде, нередко «в боевых условиях», втайне от властей; соответственно, постепенно могла несколько утрачиваться, «размываться» традиция. Кроме того, родители ребенка могли потребовать от священника крестить младенца с выбранным ими именем, независимо от того, присутствует оно в святцах или нет.

В польской традиции появление «светских» имен в сюжетах о крещении могло, кажется, быть связано с практикой наделения младенцев двумя официальными именами: одним светским (его выбирают родители), а вторым – католическим⁴ (его дает ксендз

³ По аналогичным причинам происходила замена «старых» имен на новые, «советские», в 1930-е–1950-е гг. в СССР. «В период с 1928 по 1955 гг. отказывались в основном от “старых церковных” имен: Гурий, Евлампий, Паисий и др. На втором месте по частотности обращений – отказы от “старых деревенских” имен (Архип, Ермолай, Митрофан и под.). На третьем – заимствованные имена (Альфонс, Вольдемар, Тельман...). На последнем – новые “революционные” имена: Декабрист, Коммунар, Октябрь... Женщины в этот период отказывались прежде всего от старых деревенских имен (Анисья, Маланья, Федосья). Старые церковные имена – на втором месте (Агриппина, Февросья), новые (Коммунара, Роза, Свобода) – на одном из последних, но, как говорилось выше, на общем фоне имен их число было незначительным» [Байбури 2016 (в печати)]. Сохранялось стремление заменить «странное» имя на более нейтральное (см. подробнее об этом и об истории перемены имени вообще [Там же]).

⁴ Еще одно имя поляки получают во время совершения таинства *bierzmowania* (католического аналога миропомазания, которое в православной церкви совершается одновременно с таинством крещения, а в католической – в подростковом возрасте), однако это имя функционирует только при совершении церковных таинств и в документах, как правило, не указывается.

при крещении). При этом нередко реально функционирует только одно из этих имен, а второе остается формальным. Думается, что в сюжетах о крещении незаконнорожденных детей список «странных» имен создавался информантами на основании реально функционирующих в их социуме имен вне зависимости от их наличия или отсутствия в святцах.

Наконец, следует отметить, что сюжет крещения со «странным» именем относится, по-видимому, к разряду бродячих фольклорных сюжетов, в различных вариантах которых при сохранении общего единства структуры, фабулы отражаются местные особенности социума, культуры и т. д. Таким образом, «странные» имена, которые священник якобы давал «не понравившимся» ему детям, могли изменяться в ориентации на антропонимикон конкретной территории.

ЛИТЕРАТУРА

АКТЭ – антропонимическая картотека ТЭ УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

Байбурин А. К. Свое / чужое имя (историко-культурные заметки о перемене имени) // Лотмановский сборник. 5. – М., 2016. В печати.

БДПА – Полесский архив этнолингвистической экспедиции Института славяноведения РАН: база данных (Институт славяноведения РАН, сектор этнолингвистики и фольклора).

Ванюшечкин В. Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры : мат-лы по русской диалектологии : учеб. пособие. Воронеж, 1983. Вып. 1–2.

ДЭИС – Традиционная культура Урала : диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала / авт.-сост. О. В. Востриков, В. В. Липина; Свердловский областной Дом фольклора; кафедра русского языка и общего языкознания УрГУ. – Екатеринбург, 2009 [Электронное издание].

СРГЮП – *Подюков И. А., Поздеева С. М., Свалова Е. Н., Хоробрых С. В., Черных А. В.* Словарь русских говоров Южного Прикамья. – Пермь, 2010–2012. Вып. 1–3.

СРЛИ – *Суперанская А. В.* Словарь русских личных имен. – М., 2005.

Унбегаун Б. О. Русские фамилии. – М., 1989.

ЭКТЭ – картотека фольклорных и этнографических материалов ТЭ УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).

AE UMCS – Archiwum Etnolingwistyczne UMCS. Lublin, Polska [Этнолингвистический архив Университета им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша].

Kolberg O. Dzieła wszystkie. Т. 1–66. – Wrocław, 1961–1969. Т. 29.

© Бондаренко Е.Д., 2016

Е.Ю. ВИДАНОВ

(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)

УДК 811.161.1'42:811.161.1'38

ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

СИНТАГМАТИЧЕСКОЕ И ПАРАДИГМАТИЧЕСКОЕ ВАРЬИРОВАНИЕ КОМПОНЕНТОВ НОВОСТНОГО ИНТЕРНЕТ-ЗАГОЛОВКА, ИЛИ «ЭКЗОРЦИЗМ ПО-ОМСКИ»

Аннотация: В статье анализируется группа новостных интернет-заголовков, репрезентирующих семантическую модель 'X убил Y-a' и вербализующихся в виде высказываний «Муж убил жену», «Пьяный муж убил жену, приняв её за ведьму», «Муж казнил жену-ведьму». Автор статьи приходит к мнению, что для говорящего важна установка на оценочность, для него референтная ситуация преломляется, в результате чего границы между диктумом и модусом стираются и модальный компонент затеняет объективную сторону высказывания. В статье приведены наглядные примеры того, как информативная составляющая новостного заголовка сменяется воздействующей, при сохранении общей семантики высказывания существенную роль начинают играть коннотация и прагматика. Ключевыми языковыми механизмами при формировании данных высказываний выступают синтагматическое и парадигматическое варьирование лексических единиц. Так, нейтральный глагол *убить* вытесняется лексемами *казнить*, *зарезать*, *ударить ножом в шею*. Употребление обстоятельственных характеристик *по пьяни*, *в состоянии наркотического опьянения* и т.д. наряду с атрибутами субъекта действия *пьяный*, *наркоман* и др. усиливают категоричность высказывания. Результатом языкового варьирования становится появление высказываний типа «*Экзорцизм по-омски: муж убил жену-ведьму*».

Ключевые слова: новостной заголовок, прагматика, оценка, синтагматика, парадигматика, синонимы, говорящий, семантика, диктум, модус.

Изучение заголовков газет, журналов, тематических телевизионных сюжетов в языкознании давно перестало быть чем-то особенным. Данная группа высказываний подвергалась всестороннему изучению в аспектах языковой игры, теории прецедентности и интертекстуальности, стилистики. Вместе с тем при, казалось бы, исчерпанности самой темы возникают такие неожиданные «повороты», которые тут же попадают в поле зрения лингвиста.

Наше внимание сосредоточено на особой группе заголовков,

представленных на новостных интернет-порталах в виде топи-ков, которые при переходе на них разворачиваются в целую сеть статей, посвященных конкретной теме. Интерес к высказываниям, находящимся в позиции заголовков таких статей, обусловлен их семантической структурой: будучи реакцией на одно и то же событие, т.е. обозначая одну и ту же референтную ситуацию, данные высказывания могут быть рассмотрены как «результат речемыслительного и речеповеденческого акта, требующего от субъекта высказывания контроля за соответствием формы порождаемого речевого произведения его содержанию с ориентацией на информационно-эмоциональные и социально-коммуникативные запросы и характеристики адресата сообщения» [Бескоровайная 2012: 284].

Непосредственному анализу подвергались высказывания, отображающие семантическую модель '*X совершил определенное действие в отношении Y-a*'. Простейшей речевой реализацией этой модели выступает высказывание *Муж убил жену*. Именно такое событие произошло в городе Омске 06.11.2014 года, что и нашло отражение в различных электронных СМИ. Сервис «Яндекс-Новости» разместил в топике следующую запись: «*Топ-5 новостей недели: развязка на Заозёрной, убийство ведьмы и закрытие “Макдональдса”*». Высказывание *Убийство ведьмы* не содержит в своей семантической структуре какого-либо модусного компонента, отсылающего к субъективному отражению говорящим произошедшего события. Для него очевиден факт: была ведьма, которую убили. Но какова природа данного высказывания? Какие факторы привели к возникновению того, что несчастная жертва убийцы вдруг стала именоваться ведьмой?

Обратимся к анализу массива заголовков новостей, посвященных этой теме. Всего было проанализировано 152 фразы, репрезентирующих исходную семантическую модель, которая получила распространение как за счёт синтагматического расширения высказывания (путём введения дополнительных атрибутивных и обстоятельственных характеристик), так и за счёт расширения парадигматических связей лексических единиц (главным образом посредством синонимического перефразирования).

Субъект названного действия (убийства) именуется следующим образом: *мужчина, муж, супруг; местный житель; омич, житель Омска, сибиряк, россиянин; омский рабочий, рабочий из Омска, сварщик ПО «Полёт»; наркоман*. Как видим, спектр номинаций достаточно широк и охватывает все характеристики: от гендерной принадлежности до социальной и профессиональной. Примечательно, что номинацию *россиянин* с атрибутивной характеристикой *пьяный* использует украинское новостное агентство.

В роли предиката выступают следующие лексемы и глагольно-именные обороты: *убил, заколол, зарезал, ударил ножом в шею, перерезал горло, прикончил ударом ножа, казнил, устроил охоту на ведьм*. Выбор того или иного синонима, полагаем, всецело продиктован стремлением говорящего усилить коммуникативно значимые модусные смыслы. Это связано с его неудовлетворенностью экспрессивно-прагматическим или эмоционально-стилистическим выбором номинации. Среди 152 заголовков лишь один можно назвать относительно нейтральным с точки зрения наличия эмоционально-экспрессивного компонента – это сообщение следственного комитета: *Молодой омич в состоянии наркотического опьянения убил свою жену*. Остальные высказывания не просто содержат модусные компоненты, связанные с выражением оценочных интенций, они изначально строятся с установкой говорящего на обозначение собственного, индивидуального видения, оценки референтной ситуации. При таком подходе к формированию высказывания-заголовка слово для говорящего оказывается больше чем просто словом, в него он вкладывает особый, важный, личностно значимый смысл, который намеренно подчёркивается.

Источник модусных характеристик находится непосредственно в свершившемся действии. Так, оказывается, что муж-наркоман убил жену, поскольку ему показалось, что она ведьма. Языковая способность говорящего (в данном случае мы подразумеваем коллективный образ адресанта) начинает вносить в семантическую структуру высказываний различные семы, сопряженные с тем, что убитая жена якобы была ведьмой. Например, синтаксическая структура 98% высказываний содержит указание на причину убийства: *решил / посчитал / думал, что жена ведьма; ему показалось, что жена ведьма; принял жену*

за ведьму / за нечистую силу; признал в жене ведьму; заподозрил супругу в колдовстве; заявил, что ведьма летала по квартире; испугался жены ведьмы и т.д. Ради справедливости отметим, что в большинстве заголовков лексема *ведьма* при отсутствии глагола, указывающего на «кажимость» статуса, закавычивается: *Мужчина испугался жены-«ведьмы» и убил её; Зарезавший жену-«ведьму» омич утверждает, что она летала по квартире; Если жена – «ведьма»; Житель Омска зарезал жену-«ведьму»*. Вместе с тем присутствуют такие заголовки, в которых невозможно провести четкую границу между диктумом и модусом, поскольку говорящий стремится придать своему высказыванию фактологический характер: *Белочка превращает жен в ведьм, а мужей в преступников; Житель Омска зарезал жену-ведьму; Сеанс экзорцизма: омич зарезал супругу-ведьму; «Дочь, не плачь, это не мама, это ведьма»*. К данной группе заголовков примыкают высказывания, в которых буквализации подвергается фразеологический оборот *«Устроить охоту на ведьм»*, ср.: *Охота на ведьм в Омске привела к гибели молодой женщины; Охота на ведьм по-омски: мужчина убил супругу, заподозрив её в колдовстве; Пьяный омич, приняв свою супругу за нечистую силу, устроил охоту на ведьм*.

Важным с точки зрения авторской оценки является включение в состав высказываний лексем и оборотов речи, усиливающих её категоричность. Так, для указания на образ совершения действия вводятся такие единицы, как: *под спайсами, под действием наркотиков, в состоянии белой горячки, в белой горячке, в состоянии наркотического опьянения, по пьяни, спьяну, в пьяном угаре, находясь в состоянии алкогольного опьянения*. Лексемы, характеризующие субъект действия (*пьяный, выпивший, наркоман*), примыкают к вышеназванной группе и также влияют на общую оценку референтной ситуации.

Показательна синтагматика лексических единиц, отражающих авторское видение ситуации. Например, нейтральный глагол *убил* сочетается с лексемами *жену, супругу*; в то же время если в заголовке содержится лексема *ведьма* (а таких заголовков подавляющее количество), то в роли предикатов выступают глаголы *зарезал, перерезал горло, ударил ножом в шею, казнил*. Думается, если бы в сводках следственных органов не упомина-

лось конкретное орудие преступления (*нож*), то фантазия говорящего не была бы столь «ограниченной»: можно было бы ожидать и сожжение на костре, и осиновый кол, и т.п.

Вместе с тем в количественном отношении доля высказываний, содержащих указание на различные обстоятельственные характеристики совершенного действия, существенно меньше тех, в которых граница между диктумом и модусом стёрта. Это говорит об установке адресанта на сенсационность подачи материала. В этом отношении налицо изменение функциональной направленности заголовка от информативной к воздействующей. При сохранении семантической модели события (X убил Y-а) меняется коннотация и прагматика.

Таким образом, учёт синтагматических и парадигматических особенностей варьирования компонентов высказываний, находящихся в позиции новостных интернет-заголовков, позволяет сделать вывод о доминирующей роли говорящего в акте коммуникации. В процессе порождения высказывания и рефлексии над ним для адресанта приоритетной является референтная ситуация, точнее, те её компоненты, которые легко поддаются диктумно-модусной обработке с целью выразить оценочное отношение к сообщаемому, привлечь внимание адресата к происшедшему.

Продемонстрированный анализ ярко характеризует возможности языка по-разному отражать одно и то же событие, опираясь на ассоциативно-оценочный потенциал компонентов диктума и модуса.

ЛИТЕРАТУРА

Бескорвайная И.Г. Коммуникативно-прагматическая интерпретация лексического синонимического перефразирования // *Лингвистика человека: антология* / под ред. Л.Б. Никитиной, Н.Д. Федяевой. – Омск, 2012.

© Виданов Е.Ю., 2016

Т.М. ВОРОНИНА, Е.О. КРЕСТЬЯНИНОВА
*(Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'42:821.161.1(Пастернак Б.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,44

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МЕТАФОРЫ И МЕТОНИМИИ В ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА (ИДЕОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)⁵

Аннотация: Особенности поэтики Б. Пастернака многие исследователи видят в специфике восприятия поэтом действительности, в котором ведущую роль играет индивидуальное ассоциативное мышление. Данная статья посвящена исследованию взаимодействия в поэтических текстах Б. Пастернака двух основных видов тропов, основанных на ассоциативных связях: метафоры и метонимии. Затрагивается взаимодействие эти тропов и с другими выразительными средствами, которые принимают участие в формировании образа внутри метафоро-метонимического взаимодействия или же рядом с ним, например, сравнительными и другими осложняющими конструкции оборотами. Авторы показывают, что каждый случай подобного взаимодействия выражает какие-либо семантические особенности отображения в тексте действительности (и значит, особенности ее восприятия автором), ассоциативного сближения различных ее фрагментов. В каждой единице взаимодействия метафоры и метонимии отмечено пересечение каких-либо двух параметров, каждый из которых отображает определенную денотативную сферу. Авторы выделяют пять параметров метафоро-метонимического взаимодействия, которые составляют разные пары, пересекаясь в контексте: звуковой, зрительный, эмоциональный, интеллектуальный, физический. Таким образом, обнаружены следующие типы пересечения: эмоционально-зрительное, эмоционально-звуковое, эмоционально-интеллектуальное, эмоционально-физическое, зрительно-звуковое, зрительно-интеллектуальное, зрительно-физическое, интеллектуально-звуковое, интеллектуально-физическое, физически-звуковое.

Ключевые слова: поэтический текст, индивидуально-авторская картина мира, метафора, метонимия, идеографическое описание.

Художественный текст – центральная область проявления лингвокреативной деятельности: «Авторская художественная картина мира – это специфическая форма мировосприятия, кото-

⁵ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013-2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

рая выступает как альтернатива реальному миру и представляет собой результат внутренней работы автора, его творческой деятельности» [Бахтин 1986: 67]. А значит, задача исследователя при описании идиостиля – «связать такое описание с целевой установкой поэта в его поисках средств образного выражения, с его, поэта, мироощущением, “образом мира”» [Григорьев 1990: 3].

Идиостилевые особенности проявляются, среди прочего, в использовании образных средств. Так, особенности поэтики Б. Пастернака многие исследователи видят в специфике восприятия поэтом действительности, в котором ведущую роль играет индивидуальное ассоциативное мышление. «Губкой вбирающее “сырую прелесть мира”, пастернаковское слово “мгновенной меткостью” роднит начала, что прежде считались полярными, — реалистическое и романтическое, зрелищное и музыкальное, обиходное и возвышенное» [Быков 2007: 86]. Ассоциативность авторского мышления обуславливает насыщенность пастернаковского текста метафорами, в том числе в их взаимодействии с другими выразительными средствами. Поиск таких взаимодействий оказывается одним из важных направлений в современных исследованиях поэтического языка. Н.А. Фатеева вслед за М. Риффатерром и И.В. Арнольд использует понятие конвергенции: «Каждый из них [стилистических приемов] в отдельности является экспрессивным. Когда они стоят вместе, один придает другому дополнительную экспрессивность» [Риффатерр 1980; Арнольд 1981; цит. по: Фатеева 2012: 125-126]. В.Н. Топоров называет это обратимостью, или относительностью, тропов: «Несмотря на полярность метафоры и метонимии, противопоставление которых задает основную ось, определяющую всю систему тропов, пространство между ними в значительной степени оказывается заполненным рядом промежуточных форм смешанного происхождения. Появляется возможность говорить об обратимости тропов (или их “относительности”), благодаря которой все пространство структуры тропов оказывается связанным, а поэтическая речь получает новый источник ее усложнения» [Топоров 1990: электр. ресурс].

Таким образом, опыт изучения метафоры и метонимии дает основания для поиска в художественной речи их взаимодействия. В данной статье рассматривается подобное взаимодействие

на материале творчества Б. Пастернака.

Анализ показал, что каждое подобное взаимодействие выражает какие-либо семантические особенности ассоциативного сближения различных фрагментов действительности. Как справедливо указывает Л.Г. Бабенко, «в тексте как результате авторского познания действительности осуществляется категоризация мира, т.е. выражаются знания о составляющих его основных компонентах, их обобщение и интерпретация» [Бабенко 2003: 85].

Мы отметили в каждой единице взаимодействия метафоры и метонимии пересечение каких-либо двух параметров, каждый из которых отображает определенную денотативную сферу: *звуковой, зрительный, эмоциональный, интеллектуальный, физический*. Исходя из них было выявлено 10 типов пересечения по данным параметрам.

1. Класс с эмоционально-зрительным пересечением.

Метафоро-метонимическое взаимодействие *огромность квартиры, наводящей грусть* являет собой эмоционально-зрительный тип пересечения. Контекстный отрывок из стихотворения «Волны»:

*Мне хочется домой, в огромность
Квартиры, наводящей грусть.
Войду, сниму пальто, опомнюсь,
Огнями улиц озарюсь.*

Сочетание *в огромность квартиры* мы можем рассмотреть по-разному: и как метонимию, и как метафору. Если перенос метонимический, то *огромность квартиры* (признак предмета) используется вместо *огромная квартира* (предмет). С другой стороны, здесь можно увидеть и метафорический перенос, при создании которого особое значение имеет предлог *в* (ср. значение предлога «в» по словарю: ‘2. с вин. пад.; употр. при указании на: 1) предмет, место или пространство, внутрь, в пределы которого направлено действие’ [Ефремова 2000]). В представленном отрывке предлог может указывать на осознание размера (*огромность*) как некоего пространства, внутрь которого направлено движение лирического героя. При подключении к словосочетанию *огромность квартиры* причастного оборота *наводящей грусть* рождается еще одна метафора: *огромность квартиры, наводящей грусть*, воспринимается как напоминание о

чем-либо грустном (возможно автор имеет в виду свое одиночество). Как нам кажется, в раскрытии данной метафоры участвует и прием гиперболы (квартира не просто большая, а огромная), что может означать как раз то, что лирический герой чувствует себя в ней маленьким, поскольку он в ней один.

2. Класс с эмоционально-звуковым пересечением.

Взаимодействие *ветра яростный надсад* состоит из метонимии и двойной метафоры. Контекстный отрывок из стихотворения «Вторая баллада» («На даче спят. В саду, до пят...»):

*Ревет фагот, гудит набат.
На даче спят под шум без плоти,
Под ровный шум на ровной ноте,
Под ветра яростный надсад.*

Здесь *под ветра яростный надсад* = под яростный надсадный шум ветра; это метонимический перенос с действия на результат, где надсад (ср. лексическое значение слова *надсад* по словарю: ‘чрезмерное напряжение, усилие’ [Ожегов, Шведова 2003]) обозначает шум, создаваемый чрезмерным напряжением, усилием. В свою очередь, *надсад* является антропоморфной (олицетворяющей) метафорой, так как напряжение и усилие – это признаки действий человека. Далее подключается вторая антропоморфная метафора, выраженная в слове *яростный* (ср. лексическое значение слова *яростный* по словарю: ‘3. а) перен. чрезмерный в своем проявлении; 3. б) ничем не сдерживаемый, неистовый, неукротимый (о стихиях, явлениях природы)’ [Ефремова 2000]). Таким образом, двойная олицетворяющая метафора взаимодействует с метонимическим переносом, образуя эмоционально-звуковое пересечение.

3. Класс с эмоционально-интеллектуальным пересечением.

Стихотворение «Трава и камни» включает в себя прием взаимодействия метафоры и метонимии с *гордою лирой Мицкевича*:

*Где с гордою лирой Мицкевича
Таинственно слился язык
Грузинских цариц и царевичей
Из девичьих и базилик.*

Гордая лира Мицкевича вместо *гордая поэзия Мицкевича* –

первый метафорический перенос: лира отождествляется с поэзией (ср. лексическое значение слова *лира* по словарю: '1. а) древнегреческий струнный щипковый музыкальный инструмент, игрой на котором сопровождалось исполнение эпической и лирической поэзии. б) употр. как символ поэзии, поэтического творчества, поэтического вдохновения' [Ефремова 2000]). Прилагательное *гордая*, как нам кажется, здесь может быть воспринято в переносном значении (ср. лексическое значение слова *гордый* по словарю: '2. б) перен. преисполненный торжественной красоты' [там же]), из этого следует, что *гордая поэзия* – второй метафорический перенос. Но в то же время *гордая поэзия* – это и метонимия: *гордая поэзия Мицкевича* = поэзия гордого Мицкевича (полякам традиционно приписывается такое свойство характера, как гордость). Но тогда прилагательное *гордый* одновременно реализует и прямое значение (ср. лексические значения слов *гордый* и *гордость* по словарю: *гордый* 'преисполненный гордости' (1,2); *гордость* '1. чувство собственного достоинства, самоуважения' [там же]). Таким образом, в данном приеме можно видеть два варианта сочетания: или две метафоры, или метафора + метонимия.

4. Класс с эмоционально-физическим пересечением.

Стихотворение «Летний день» включает в себя взаимодействие *меня наполнит водою и сиренью*:

*А ночь войдет в мой мезонин
И, высунувшись в сени,
Меня наполнит, как кувшин,
Водою и сиренью.*

По контексту мы видим, что прием *меня наполнит водою и сиренью* взаимодействует со сравнением *как кувшин*, что дает основание для метафорического сходства через глагол *наполнить* (ср. лексическое значение слова *наполнить* по словарю: 'сделать полным, занятым, насыщенным кем-, чем-н.' [Ожегов, Шведова 2003]). Метонимия же реализуется посредством переноса с предмета на его признак: *вода и сирень* вместо *запах воды и сирени*. Кроме того, *меня наполнит* можно рассмотреть тоже как метонимию, перенос с части на целое: *меня наполнит водою и сиренью* = наполнит мои легкие запахом воды и сирени. Из всего этого следует, что данное взаимодействие состоит из соче-

тания метафоры и двух метонимий.

5. Класс со зрительно-звуковым пересечением.

Взаимодействие метафоры и метонимии в стихотворении «Платки, подборы, жгучий взгляд...» – *слякоть месит из лучей сонный стук каменьев*:

*Но слякоть месит из лучей
Весну и сонный стук каменьев,*

Здесь наблюдается метонимическая «обратимость тропа»: перенос с субъекта на объект и наоборот – не весна месит лучами слякоть, а *слякоть месит из лучей весну* (подразумевается процесс таяния снега весной, в процессе которого образуется слякоть). Метафора заключается в приписывании активного физического действия неодушевленному объекту (слякоти) (антропоморфная метафора) через глагол *месить* (ср. его значение по словарю: ‘мять, разминать, перемешивая какую-л. густую полужидкую массу’ [Словарь русского языка: электр. ресурс]). Здесь же еще одна метонимия – перенос с действия на результат: процессное значение глагола *месить* ‘мять, перемешивая’, а в контексте – результат: *месить* ‘создавать что-л. путем такого действия’). При этом *месить* в переносном контекстном употреблении означает ‘делать менее звонким’ (во время слякоти, например, стук колес по мостовой становится глуше) – и значит, это метафора. *Сонный стук каменьев* – тоже метафора (антропоморфная) через слово *сонный*, то есть медленный и негромкий, как будто бы такой, как во время сна. Таким образом, в данном приеме мы видим взаимодействие двух метонимий и трех метафор.

6. Класс со зрительно-интеллектуальным пересечением.

Глядят из глубины веков Нахимов в звездном ореоле и в медальоне – Ушаков – метафоро-метонимическое взаимодействие из стихотворения «Неоглядность»:

*И вот на эту ширь раздолья
Глядят из глубины веков
Нахимов в звездном ореоле
И в медальоне – Ушаков.*

Метонимический перенос: *Нахимов* и *Ушаков* вместо *изображения адмиралов на наградных знаках, на медальоне*. Метафора производится из метонимии: *глядят* *Нахимов* и *Ушаков* (а вернее – их портреты, изображения), будто бы *глядят* сами адмиралы. Причем слово *глядеть* через контекст *из глубины веков*

здесь в переносном употреблении: *глядят из глубины веков*, то есть как бы смотрят, наблюдают с гордостью, оценивают как достойное своей славы; в итоге появляется еще одна метафора. Поэтому мы может говорить о том, что данный прием содержит в себе взаимодействие метонимии и двух метафор.

7. Класс со зрительно-физическим пересечением.

Стихотворение «Как-то в сумерки Тифлиса...» включает в себя взаимодействие *прыгал ветер в желтом плисе*:

*По пятам, как сенбернар,
Прыгал ветер в желтом плисе
Оголившись чинар.*

Метонимия реализуется в следующем переносе по смежности: *прыгал ветер в желтом плисе* = прыгали желтые листья, кружась на ветру. Здесь же образуется метафора: желтые листья подобны желтому плису.

Стихотворение «Весенний день тридцатого апреля...» содержит метафоро-метонимическое взаимодействие *месяц в улицы вотрется*:

*И будут бодро по трое матросы
Гулять по скверам, огибая дерн.
И к ночи месяц в улицы вотрется,
Как мертвый город и остывший горн.*

Метонимия реализуется в следующем переносе: *месяц* = лунный свет, исходящий от месяца. Метафора образуется в сочетании *вотрется в улицы*, уподобляя месяц (а вернее – лунный свет) человеку, значит метафора антропоморфная (ср. лексическое значение слова *втираться* по словарю: ‘2. перен. разг. проникать в какую-л. среду, общество, собрание людей и т.п. с помощью уловок, происков’ [Ефремова 2000]).

8. Класс с интеллектуально-звуковым пересечением.

Бокалы – грохотом вокабул, латынью ливня оглушил – взаимодействие метафоры и метонимии из стихотворения «Все снег да снег, – терпи и точка...»:

*Зубровкой сумрак бы закапал,
Укропу к супу б накрошил,
Бокалы – грохотом вокабул,
Латынью ливня оглушил.*

Данный прием содержит две метонимии и три метафоры.

Первая метонимия – *вокабулы* = произнесение выражений, состоящих из вокабул; реализуется через контекстное слово *грохотом*. Аналогичным способом образуется и вторая метонимия: *латынь* = произнесение латинских выражений; реализуется через контекстное слово *ливня*. Метафорические элементы выводятся из метонимий: *грохот вокабул* = произнесение вокабул подобно грохоту (ср. лексическое значение слова *грохот* по словарю: ‘1. 1) очень сильный, оглушительный звук, раскатистый шум’ [Ефремова 2000]); *латынь ливня* = произнесение латинских выражений подобно шуму ливня (ср. лексическое значение слова *ливень* по словарю: ‘1. сильный дождь.; 2. перен. большое количество чего-л. падающего, сыплющегося и т. п.’ [там же]). Если иметь в виду второе лексическое значение слова *ливень*, которое является переносным, можно говорить о том, что обе метафоры основаны на сходстве с чем-то падающим, сыплющимся, так как и грохот может происходить в результате какого-либо падения. И наконец, третий метафорический перенос образуется в сочетании *бокалы оглушил* (ср. лексическое значение слова *оглушать* по словарю: ‘2. наполнять громкими звуками’ [там же]): можно предположить, что автор имел в виду тост, произнесение которого подразумевает обязательное наличие бокалов в руке человека, его произносящего (предположение о тосте подтверждается контекстным окружением – *грохотом вокабул, латынью ливня*).

9. Класс с интеллектуально-физическим пересечением.

Стихотворение «Смерть поэта» содержит в себе взаимодействие метафоры и метонимии, выраженное выражением *предсказал твой тетраптих*:

*Ты спал, постлав постель на сплетне,
Спал и, оттрепетав, был тих, –
Красивый, двадцатидвухлетний,
Как предсказал твой тетраптих.*

Прием содержит метонимический перенос с человека, написавшего произведение, на само произведение: *тетраптих* (четырёхчастное произведение) вместо человека, его написавшего. Отсюда следует антропоморфная метафора: произведение наделяется человеческими способностями, а именно способностью предсказывать (ср. лексическое значение глагола *предсказывать* по словарю: ‘1. гово-

речь заранее о том, что произойдет в будущем; 2. на основании имеющихся данных приходиться к заключению о ходе, развитии, наступлении, появлении чего-л.’ [Ефремова 2000]).

10. Класс с физически-звуковым пересечением.

Стихотворение «Платки, подборы, жгучий взгляд...» содержит метафоро-метонимическое взаимодействие *птичьих крики мнет ручей*.

И птичьих крики мнет ручей,

Как лепят пальцами пельмени.

Данный прием демонстрирует взаимодействие трех метафорических уподоблений и одного метонимического переноса. Метонимия заключается в переносе с предмета (*ручей*) на производимый им звук (шум воды в ручье). Метафора (*крики мнет ручей*) взаимодействует со сравнительным оборотом в последующем контексте – *как лепят пальцами пельмени*. Лексическое значение слова *мять*: ‘3. прикосновением, давлением делать неровным, негладким; сминать’ [Ефремова 2000]); т. е. контекстное значение таково: шум воды в ручье перекрывает птичьих крики, изменяет их звучание, будто делая их неровными. Ручей, в свою очередь, также метафоризируется, т. к. воспринимается как живое существо, ему приписывается активное действие (что дополнительно поддерживается сравнительным оборотом). И третья метафора реализуется в сочетании *птичьих крики*, то есть крики воспринимаются как вещество, на которое можно воздействовать физически.

Таким образом, в поэзии Б. Пастернака обнаруживается обновление традиционных средств стиха, в частности тропеических. Метафора выступает в стихотворениях Пастернака как часть философии, как способ отображения действительности, при этом она взаимодействует внутри текста с другими образно-выразительными средствами, в частности, с метонимией, создавая пересечение и взаимодействие различных фрагментов действительности и способов ее восприятия.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. – М.: Флинта: Наука, 2003.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986.

Быков Л.П. От автора. Книга не только о стихах. – Екатеринбург, 2007.

Григорьев В.П. Предисловие // Очерки истории языка русской поэзии XX

века. Поэтический язык и идиостиль. – М., 1990.

Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. – М., 2000.

Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003.

Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. – М., 1981–1984. Электронный ресурс. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 10.03.2016).

Топоров В.Н. Тропы // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990. Электронный ресурс. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/520c.html> (дата обращения: 10.03.2016).

Фатеева Н.А. Особенности взаимодействия языковых уровней в стихотворном тексте // Критика и семиотика. Вып. 17, 2012. С. 119-137.

© Воронин- а Т.М., 2016

©Крестьянинова О.Е., 2016

О.Е. ВОРОНИЧЕВ

(Брянский государственный университет,
г. Брянск, Россия)

УДК 811.161.1'373.2:821.161.1-845
ББК Ш141.12-316+Ш33(2Рос=Рус)-47

О ТИПАХ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ КАЧЕСТВАХ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ДОМИНАНТ КАЛАМБУРА

Аннотация: В статье рассматриваются различные парадигматические типы собственных имен, способных быть лексическими доминантами каламбура. Поскольку собственные имена, совпадающие в плане выражения, способны иметь семантически связанные и семантически обособленные значения, для наименования таких онимов могут быть введены термины *ономастические полисеманты* и *ономастические омонимы*. Новые значения ономастических полисемантов возникают в результате метонимического переноса с самого называемого лица на его произведение, изображение и другие смежные понятия. Ономастическими омонимами логично признать случаи совпадения в звучании и на письме слов-представителей различных ономастических классов: антропонимов и зоонимов, антропонимов и топонимов и др. Внутри ряда ономастических омонимов могут быть выделены омоантропонимы – совпадающие в звучании и написании имена людей, омотопонимы – омонимические названия географических понятий, относящихся к разным классам, омозоонимы – омоопозиции кличек животных, относящихся к разным зоологическим видам. Ономастические омонимы, обладая большей стилистической значимостью, чем ономастические полисеманты, могут быть лексическими доминантами каламбурного заголовка газетной статьи, способны выполнять композиционную функцию. Однако чаще, чем собственно ономастическая омонимия, в художественной, разговорной, публичной речи и рекламном дискурсе обыгрывается ситуативная омонимия и омофония имен собственных и нарицательных.

Ключевые слова: ономастика, полисемант, омоним, лексическое значение, каламбур, языковая игра.

Хрестоматийное представление о том, что собственные имена в отличие от нарицательных «только называют объект, но не выражают никакого понятия» [Крысин 1989: 97] (эта точка зрения впервые была сформулирована английским философом Джоном Стюартом Миллем в 1843 г. в работе «Система логики»), давно обветшало. Еще Л.В. Щерба не сомневался в наличии у онимов лексического значения, «поскольку имена собственные, будучи употребляемы в речи, не могут не иметь никакое-

го смысла» [Щерба 1974: 278]. Следует учитывать, что семантика онама единична в речи (при соотношении имени с конкретным объектом), но в достаточной мере обобщена в языке (это сближает собственные имена с нарицательными; напр.: *Иван* – русское мужское имя), что, безусловно, не исключает возможности употребления обобщенного значения онама в речи (хотел назвать его *Иваном*) и закрепления его конкретного значения в языке (*Ломоносов, Волга*) [Рублева 1986: 188].

Для наименования собственных имен с несколькими семантически связанными значениями и тех, которые совпадают в плане выражения, но имеют семантически обособленный план содержания, могут быть введены термины *ономастические полисеманты* и *ономастические омонимы*.

Новые ЛСВ собственных имен чаще всего возникают в результате метонимического переноса: с самого называемого лица на его произведение (читать Лермонтова, слушать Бетховена), изображение (получить Георгия, Александра Невского – об орденах, видеть Давида – о скульптуре) и т.д. В романе М. Горького «Жизнь Клима Самгина» встречаем 3 ЛСВ собственного имени Агамемнон: 1. Царь Аргоса, предводитель ахейских (греческих) войск во время Троянской войны. 2. Этот царь как персонаж оперетты Оффенбаха «Прекрасная Елена». 3. Актер, исполняющий эту роль: *Актеры усердно смешили публику: она особенно хохотала, когда Колхас, достав из будки суфлера три стаканчика водки, угостил царей Агамемнона и Менелая, а затем они трое акробатически ловко и весело начали плясать трепака.*

В сравнительно редких случаях собственное имя как лексема может быть представлено окказиональным ономастическим ЛСВ. Например, в том же романе Горького топоним *Азия* употребляется не только в известном значении (часть света, смежная с Европой), но и в суженном окказиональном – ‘юг азиатской части России; то же, что Средняя Азия’: *А выселить лишок в Сибирь али Азию не хватает смелости* (Фроленков).

Под омонимией имен собственных принято понимать применение одного языкового знака к предметам разных ономастических полей [Суперанская 1978: 5-33], т.е. омонимами в ономастике признаются случаи совпадения в звучании и на письме

слов-представителей различных ономастических классов: антропонимов и зоонимов (*Мишка, Васька* – разг. варианты мужских имен и кличек животных); антропонимов и топонимов (гидронимов, ойконимов): *Лена, Владимир*; гидронимов и зоонимов: *Волга, Амур* (названия рек и клички лошадей или собак); мифонимов и астронимов (или космонимов) [Подольская 1978]: *Юпитер, Венера, Марс, Меркурий, Нептун* и др. (имена богов древнеримского пантеона и названия планет Солнечной системы) и пр.

Внутри разряда ономастических омонимов в первую очередь следует выделить омоантропонимы – совпадающие в звучании и написании имена (включая фамилии и отчества) людей. Причисление к омоантропонимам собственных имен с тождественным планом выражения объективно осложнено отсутствием универсальных критериев разграничения полисемии и омонимии. Спорным остается прежде всего лексический статус имен, входящих в одно терминологическое поле (ономастический класс). Одни исследователи относят такие факты к полисемии [Введенская, Колесников 1995: 17-19], другие – к омонимии, поскольку считают, что собственным именам полисемия «принципиально не свойственна» [Суперанская 1973: 292]. Исходя из того, что лексическое значение имени собственного в речи (в том числе художественной) – как бы видовое по отношению к его значению в языке [Привалова 1979: 61], можно согласиться с компромиссной точкой зрения, что многочисленные имена (включая фамилии и отчества) тезок – *Иван, Мария, Сергей Петрович, Толстой, Тургенев* и т.п. – омонимы на уровне речи, поскольку в ней актуальна конкретная информация о называемом объекте (лице). В речи «ЛЗ одинаковых имен окажутся разными, т.е. омонимичными: Иван (Грозный) – русский царь, Иван (Карамзев) – персонаж романа Ф.М. Достоевского и т.п.» [Рублева 1986: 192]. При этом каждый омоантропоним, на наш взгляд, имеет по меньшей мере 2 уровня конкретизации в речи. Например, имя *Олег (Вещий)* в произведении А.С. Пушкина, во-первых, обозначает известное историческое лицо; во-вторых, главного героя «Песни о вещем Олеге». Однако эта двухступенчатая семантическая конкретизация, отличающая данный объект-носитель имени *Олег* от других его носителей, противопос-

тавлена общей (языковой) семантике ‘имя человека, лица мужского пола’. На уровне языка это и другие собственные имена мужчин и женщин логично признать многозначными словами, так как «с точки зрения языковой семантики одно имя в применении к разным лицам – одно и то же слово» [Там же: 191]. Тот же принцип дифференциации может быть применим и к ЛЕ других ономастических классов. Например, город *Брест* на западе Франции и город *Брест* на западе Белоруссии следует признать полисемантами на уровне языка, так как оба топонима являются собственными именами одного класса – *астионимами* (наименованиями городов), но омонимами на уровне речи, поскольку это названия совершенно разных городов, к тому же находящихся в разных государствах.

К омоантропонимам следует отнести и случаи совпадения в разговорной речи фамильно-сокращенных вариантов полных имен мужчин и женщин: *Саша* (ср.: *Шура*, *Саня*), *Валя*, *Женя*, *Паша*, *Сима* и п. Члены оппозиций типа *Женя* (м.р.) – *Женя* (ж.р.) должны быть признаны омонимами, а не формами или ЛСВ одного слова, поскольку грамматический род у существительных – несловоизменяемый признак, к тому же у одушевленных имен он имеет явную семантическую мотивированность признаком пола.

Большую группу омоантропонимических оппозиций образуют производные от существительных-имен людей разговорные притяжательные прилагательные на *-ов-* / *-ев-*, *-ин-* / *-ын-* (*Федоров¹*, *Дмитриев¹*, *Васин¹* и др.) и русские существительные-фамилии (*Федоров²*, *Дмитриев²*, *Васин²* и т.п.), возникшие в результате субстантивации соотносимых притяжательных прилагательных. Сравните: *дочка Ларионова¹* (притяжательное прилагательное, образованное от *Ларион* – разговорного варианта мужского имени Иларион) – *очаровательная Ларионова²* (фамилия известной актрисы Аллы Ларионовой).

Помимо названных классов ЛЕ, к омоантропонимам следует отнести личные имена, которые образованы от разных производящих основ, в силу чего имеют принципиально различную семантику и маркированы как омонимы в словарях: *Георгина¹* (производное от мужск. имени *Георгий*) – *Георгина²* (по названию цветка *георгин*); *Рем¹* (имя, восходящее к мифониму *Remus*

(букв. ‘весло’) – один из братьев-основателей Рима) – *Рем*² (аббревиатура от *революция мировая*) и по аналогии: *Ренат*¹ (от лат. *renascor* – ‘возродившийся’) – *Ренат*² (из сочетания *революция, наука, труд*), *Рикс*¹ (предположительно от лат. *rex* – царь) – *Рикс*² (из сочетания *рабочих и крестьян союз*) и т.п.

Наряду с омоантропонимами в особый разряд ономастических омонимов могут быть выделены омотопонимы как омоопозиции названий географических понятий, относящихся к разным классам (*Конго* – река и государство), *Воронеж*, *Нарва*, *Истра* (названия городов и рек) или относящиеся к одному классу, но имеющие совершенно разную словообразовательную природу, как, например непроизводное слово *Севск* – название одного из районных центров в Брянской области и производное *Севск* – одно из неофициальных стяженных названий города Северодвинска [Ахметова 2011. – URL: <http://www.sfgpu.ru> (12.09.2012)], образованное усечением конечной части первого корня и начальной части второго корня производящего сложно-составного существительного.

По аналогии логично выделить оmozонимы как омоопозиции кличек животных, относящихся к разным зоологическим видам: *Рыжий* (кот и пёс), *Зорька* (корова и лошадь). Такие омонимы нередко возникают в результате взаимодействия с другими ономастическими классами: так, *Машка* (коза и свинья), *Васька* (кот и поросёнок) – перешли в зоонимы из антропонимов; *Алтай*, *Байкал*, *Амур* (пёс, конь, тигр и т.д.) – из топонимов.

Стилистические свойства ономастических полисемантов и омонимов во многом определяются их семантическими особенностями. Если сравнивать индексы стилистической значимости, то ономастические омонимы обладают ею в большей мере, поскольку каламбурное столкновение лексических единиц, разных семантических классов более контрастно.

Ономастические омонимы могут выступать, например, в роли лексических доминант каламбурного заголовка газетной статьи: *В городе на Волге «Волг» генерал не признавал* (МП, 12.05.07). Здесь создают аттракцию нетождественные формы (П. ед.ч. и Р. мн.ч.) ономастических омонимов *Волга* и «*Волга*», относящихся к разным классам собственных имен: *потомонимам*

(названиям рек) и *порейонимам* (собственным именам любых видов транспортных средств) [Подольская 1978].

На почве ономастической омонимии возможны и случайные каламбуры:

Изящная корма «Анны Карениной» колыхалась в волнах. На носу «Анны Карениной» развевался трехцветный российский флаг (И. Виноградский).

Пассажир, заходящий в маршрутное такси, спрашивает у водителя: «Скажите: на Вашей машине я доеду до «Европы»?», имея в виду название нового супермаркета в Брянске, и шофёр, правильно понявший вопрос, отвечает: «Конечно, доедете!».

Ономастические омонимы, как и другие разряды каламбурообразующей лексики, могут выполнять композиционную функцию. Например, один из героев к/ф «Небесный тихоход», для которого «первым делом самолёты», самоуверенно говорит о своей невосприимчивости к женским чарам: *«Меня пушкой не прошибёшь! Разве только «Катюшей»*. Очевидно, что говорящий употребляет слово *«Катюша»* в значении ‘реактивный миномёт’. Затем этот персонаж влюбляется в девушку Катюшу. Таким образом, омонимическая аттракция (каламбурное столкновение прагматонима с антропонимом) способствует развитию комедийного сюжета, созданию кольцевой композиции.

Примером каламбурного столкновения ономастических антропонимов в эпистолярном жанре служит отрывок из письма Пушкина П.А. Вяземскому от 7 ноября 1925 г. В этом письме Пушкин тонко обыгрывает полисемию слова *отец* в сочетании с, казалось бы, одним и тем же именем собственным [Ковалев 2006: 4]: *«Я из Пскова написал тебе было уморительное письмо – да сжег. Тамошний архиерей отец Евгений принял меня как отца Евгения»*. Здесь при повторном употреблении имени *Евгений* оно выступает уже как омоантропоним в составе перифразы с имплицитным компонентом: *отец «Евгения (Онегина)»*.

При каламбурном столкновении ономастических омонимов могут преследоваться не только традиционные (комические) цели, но и – в некоторых случаях – совершенно противоположные, как, например, в следующих строках:

КИНОТЕАТР «РОССИЯ»

Недавно оказался я случайно

Сквозь дыры чёрных окон ветер свищет,

*На улице, где прежде восхищал
Своей величиной необычайной
«Россия» – лучший в Брянске кинозал.*

*В просторном зале – мусор и навоз...
И долго я стоял на пепелище
Былой культуры, радости и грёз.*

*Но что это: от резкой перемены
Мне сердце будто кровью обожгло. –
Холодные обугленные стены,
Блестит вокруг разбитое стекло.*

*Боль сердце жгла, но верилось нелепо,
Что всё-таки когда-нибудь опять,
«Россия», возродиться ты из пепла,
Чтоб радовать собой и восхищать.*

В этом экспериментально созданном тексте имплицитное каламбурное взаимодействие *ойкодомонима* (названия отдельного здания) «Россия» с топонимом *Россия* выполняет смыслообразующую и композиционную функции, способствуя выражению ностальгии о разрушенном государстве, об утраченных с ним или удешевленных нравственных и культурных ценностях.

Чаще, чем собственно ономастическая омонимия, в художественной, разговорной, публичной речи и рекламном дискурсе обыгрывается ситуативная омонимия и омофония имен собственных и нарицательных.

Так, в трагедии «Смерть Иоанна Грозного» образ шута мастерски создан А.К. Толстым в соответствии с традиционной классической («шекспировской») трактовкой данного персонажа. Например, шут спрашивает Иоанна: «Царь-батюшка! <...> Ты когда жениться // Сбираешься?» и далее, в ответ на вопрос «Тебе на что?» объясняет, указывая на Михаила Нагого: «...Хочу вот Мишке службу сослужить: // Нагих-то время при дворе прошло, // Так я хочу вот этого пристроить!» (Снимает свой колпак и ходит от одного к другому, будто прося милостыни). Наконец, в ответ на недоуменный оклик Грозного «Что делаешь ты, шут?» говорит: «По нитке с миру // Сбираю, царь, Нагому на рубаху!». Эта каламбурная шутка основана на имплицитном столкновении лексико-морфологических омонимов – собственного имени существительного (фамилии) *Нагой* и прилагательного *нагой* – в рамках пословицы *С миру по нитке – голому рубаха*, которую Толстой искусно трансформирует прежде всего посредством лексической замены слова *голый* псевдосинонимом *Нагой*.

Журналисты охотно применяют каламбуры, основанные на обыгрывании антропонимов или (реже) топонимов и других

классов собственных имен, омонимичных, созвучных или подобозвучных нарицательным, в газетных заголовках, ср.: *Братья Гримм и дамский грим* [Брянский рабочий, 16.11.1983].

Омонимические оппозиции собственных и нарицательных имен – одно из наиболее экспрессивных средств ЯИ в рекламе. Каламбурные параллели между названиями, торговыми марками видов продукции и их нарицательными апеллятивами позволяют быстрее достичь суггестивного эффекта. Характерный пример такого короткого телевизионного рекламного сюжета:

/Начальник спрашивает у опоздавшей на работу девушки в присутствии ее коллег/

– Вы почему опоздали?

– А я завтракала... с «Президентом»! <...>

/Слоган:/ Вкус плавленого сыра «Президент» настолько тонкий и нежный, что не надо торопиться! «Президент» – наслаждайтесь не спеша! [т/к «Звезда», 21.01.2012].

В целом же ЯИ, основанная на омонимии собственных и нарицательных имен, может использоваться в самых различных дискурсах и ситуациях речи:

«Правды» нет, «Россию» продали, есть только «Труд» за 2 копейки (фраза газетного киоскера советских времён); *Штирлиц выстрелил в Мюллера. Пуля отскочила. «Броневой!»* – подумал Штирлиц (из анекдотов о Штирлице); *Надёжная, вооружённая до зубов Королевская Охрана смело бросилась наутёк. И Шут с ней* (В. Ливанов, Ю. Энтин. Бременские музыканты); *Поскольку Первая мировая война началась с выстрела Принципа, при решении украинского конфликта на принцип идти не надо* (Ю. Поляков. «Воскресный вечер» с Владимиром Соловьевым; 27.06.2014); *Жизнь коротка. Используй «Момент»!* (девиз ток-сикомана); *«Лоск» есть, пятен нет!* (реклама стирального порошка).

Таким образом, следует признать, что собственно ономастические омонимы и – в еще большей степени – омонимические оппозиции имен собственных и нарицательных обладают не менее внушительным экспрессивно-семантическим потенциалом для языковой игры, чем омонимичные слова неонамастических классов лексики.

ЛИТЕРАТУРА

Ахметова М.В. Неофициальная топонимия Архангельской области [Электронный ресурс] // Сб. мат-в III международной научной конференции «Русский язык и проблемы филологического образования». – Северодвинск, 26–27 декабря 2011. – Ч. 1. – Режим доступа: <http://www.sfgpu.ru> (12.09.2012).

Введенская Л.А., Колесников Н.П. От названий к именам. – Ростов-на-Дону, 1995.

Касаткин Л.Л., Крысин Л.П. и др. Русский язык. В 2-х ч. Ч. 1. – М., 1989.

Ковалев Г.Ф. Ономастические каламбуры А.С. Пушкина // Русская речь. 2006. № 1.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М., 1978.

Привалова М.И. Собственные имена и проблема омонимии // Вопросы языкознания. 1979. № 5.

Рублева О.Л. К проблеме омонимии, синонимии и полисемии имен собственных // Омосемия и омография в естественных машинных языках: сб. научных трудов. – Владивосток, 1986.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. – Л., 1973.

Суперанская А.В. Аpellятив – онома // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978.

Шерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

© Вороничев О.Е., 2016

Т. А. ГРИДИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия)*

УДК 801:821.161.1-1(Северянин И.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)118+Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

СЛОВЕСНЫЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ ИГОРЯ СЕВЕРЯНИНА: ИГРА В ПОЛЕ ЯЗЫКОВЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Аннотация. Словесные эксперименты И. Северянина рассматриваются как эстетический код поэтического миромоделирования при использовании системного потенциала языка и игровых механизмов переключения ассоциативных стереотипов. Выделяются следующие специфические черты авторской техники создания грамматических и словообразовательных новаций: 1) работа со словом на уровне «системной словообразовательной гиперпарадигмы»; 2) «редукция» звеньев словообразовательного процесса; 3) грамматическая актуализация семантики окказионального слова, представленная значениями обыгрываемых словоформ; 4) избирательность способов и моделей словообразования, соответствующих эстетической установке свободного поэтического самовыражения уникальной творческой личности («лирического ироника»). Игровая деканонизация художественной формы осуществляется Северянином в соответствии с «законом» обнаружения непредсказуемого содержания в предсказуемом (потенциальном) слове. Зону поэтического креатива И. Северянина образуют словоформы, созданные путем «доставания» отсутствующих в норме числовых парадигм, степеней сравнения и т.п.; в целом креативная грамматика Северянина «опрокинута» в системный контекст. В собственном словотворческом экспериментировании проявляется та же тенденция. Вместе в тем ассоциативный ресурс словотворческих «игрем» (например, символика созданных поэтом «неоформ» и «неожанров») обладает особой нагруженностью в выражении «я»-восприятия поэта, возвышающегося над обыденностью.

Ключевые слова: языковая игра, механизмы словотворчества, поэтический идиостиль.

Творчество Игоря Северянина – яркое проявление экспериментального начала в поэзии XX века. Выступая против следования любым эстетическим канонам, поэт не боится в языке ничего изодрённого и, казалось бы, «излишнего»: «... *Явный вызов/ Условностям в моих стихах/ И ряд изысканных сюрпризов /В капризничаящих словах ... /Бранили за смешенье стилей, /хотя в смешеньи-то и стиль./... Пускай критический каноник/ Меня не тянет в свой закон, - /Ведь я лирический ироник:*

/Ирония – вот мой канон (Двусмысленная слава). Словесные эксперименты Северянина – тонкий инструмент языковой игры (ЯИ), определяющей функциональную и смысловую специфику новаций в системе его художественного миромоделирования.

В широком витгенштейновском смысле ЯИ понимается как язык и все «сплетённые» с ним виды деятельности [Витгенштейн 1995], что соответственно определяет вероятностный прогноз и некие «границы» (допустимый диапазон) речевых действий носителя данного языка (в том числе регламентированных нормой). Однако творческая инициатива личности не только не сковывается языком, но, напротив, предполагается «бесконечной семантической валентностью языкового знака» [Лосев 1982: 119] и реализацией системного потенциала языка как «непосредственной действительности мысли» [там же: 92], «Чем системнее язык, – указывает М. Эпштейн, – тем свободнее он в своих творческих воплощениях» [Эпштейн 2010: 444]. В свете сказанного важно рассмотрение ЯИ как особой формы лингвокреативного мышления, в основе которого лежат механизмы актуализации и ломки, переключения ассоциативных стереотипов восприятия, употребления и порождения словесных знаков [Гридина 1996]. Операциональные механизмы ЯИ отзеркаливают заложенные в системе возможности формо-, слово- и смыслообразования: конструктивные принципы ЯИ реализуют стратегию моделирования нестандартного ассоциативного контекста восприятия игремы (игровой трансформы) на фоне опознаваемого прототипа⁶. Словесное экспериментирование (игра в поле языковых возможностей) в поэтическом творчестве выступает своеобразным камертоном вариативного «функционалирования» языка в авторском художественном сознании.

Вполне коррелируют с эстетикой игры как формой творческого самовыражения провозглашённые Северянином «лозунги эгофутуризма: 1. Душа – единственная истина. 2. Самоутверждение личности. 3. Поиски нового без отвергания старого. 4. Осмысленные неологизмы. 5. Смелые образы, эпитеты, ассо-

⁶ Принципы *ассоциативной интеграции, ассоциативной провокации, ассоциативного наложения, ассоциативной идентификации, ассоциативной выводитимости, имитации* выделены нами: [Гридина 1996].

нансы и диссонансы. 6. Борьба со „стереотипами“ и „заставками“» (htllher.ru/index.php/literature/90-is-severyanin... 12.09.13).

Стилистическая парадоксальность, сочетание изысканности слога с ироничностью, словотворческие новации, их ассоциативная нетривиальность – черты яркого художественного почерка Северянина как уникальной личности, противопоставляющей себя толпе.

Отметим некоторые типичные для поэта черты деканонизации *слова* в художественной речи, которые, с нашей точки зрения, имеют характер индивидуально-авторского воплощения приемов ЯИ.

1) использование системных потенциализмов – работа со словом на уровне «системной словообразовательной гиперпарадигмы» (термин М. Эпштейна [4]); 2) «редукция» звеньев словообразовательного процесса; 3) грамматическая актуализация семантики окказионального слова, представленная значениями обыгрываемых словоформ; 4) избирательность способов и моделей словообразования, соответствующих эстетической установке свободного поэтического самовыражения уникальной творческой личности: действие в соответствии с «законом» обнаружения непредсказуемого содержания в предсказуемом (потенциальном) слове.

Словотворческие открытия поэта во многом сродни гениальности ребёнка, для которого сам язык является объектом познания (ср., например, *разгалошиться* «снять галоши» как инновацию детской речи и *окалошить* у И. Северянина: *Чтоб ножки не промокли, их надо окалошить* (Карета куртизанки); *накорзинить*: *Накорзинив рыжики и грузди...* (Поэзоантракт). Лаконичность выражения мысли – при отсутствии в языке соответствующих номинаций (вербализация словосочетаний, свёртывание их в одно слово) [Гридина 2004; 2012] – черта «детскости», проявленная в творчестве Северянина, в том числе и как сознательная стилизация, придающая изысканную лёгкость и игривость его «поэзам».

Установка на ломку языкового нормативного канона выражается у Северянина в **свободном отношении к грамматической норме**. Ср., например, характерную для его почерка грамматическую сверхгенерализацию (образование форм мн.ч. от

абстрактных имён существительных и личных имён собственных): ...*твои Тамары, о, магнетический Кавказ* (Демон); *наступали осенние стужи* (Осенняя фантазия); *беги автомобилей* (Увертюра); «Поэза предвесенних *трепетов*»; *Покаран мир за тягостные вины* ... (Лэ III) и т.п. Такое системное расширение числовых парадигм – в обход несимметричной и «недостаточной» для выражения поэтической мысли нормы – в художественном идиостиле Северянина выступает способом особой нюансировки значения обобщающей количественности и повторяемости. Не менее интересна игра Северянина с «запрещёнными нормой» краткими формами относительных прилагательных: ср., например: *В поэзии ни прав, ни лев* ... (Поэза о королеве). Эта декларация Северянином собственной уникальности – непричастности ни к *правым*, ни к *левым* течениям в поэзии – при внешней пафосности содержит скрытую самоиронию (омофонически фраза *ни прав, ни лев* прочитывается как *неправ, не лев* – по ассоциации с *неправый* и существительным *лев*). Думается, такое *ассоциативное наложение* прямого и переносного смыслов не случайно («лирический ироник» – неотъемлемое второе «я» провозглашённого и провозглашающего себя королем поэзии «гения Игоря Северянина»).

Степени сравнения – еще одна сфера поэтического креатива Северянина. Спецификой таких игр является их чересступенчатое образование, когда грамматическая форма создаётся от отсутствующего в языке слова (прилагательного или наречия). Например: *Всё так жалко, так ничтожно... День угрозей дня...* (Молитва Мирре). Семантика словоформы отсылает непосредственно к существительному *угроза* (при отсутствии промежуточного звена – потенциального прилагательного *угрозный*). Ср. подобную редукцию словообразовательной цепочки, предваряющей появление окказиональной словоформы со значением превосходной степени: *На что мне царства и порфиры? /На что мне та иль эта роль? /За струнной изгородью лиры – наикорольнейший король!* (Лейтмотивы). В данном случае функцию выражения наивысшей положительной оценки берет на себя существительное *король* – при «пропуске» выводимого из структуры словоформы прилагательного с суффиксом *-н* (*король* – *король-н-ый -наи -корольн -ейш /ий*). *Ассоциативная*

выводимость акцентируемого признака через отсылку к символике мотиватора *король* (подчёркнутую тавтологическим словосочетанием), безусловно, усиливают значение суперлятива. Абсолютно близкими по значению к существительному, а не производному от него прилагательному являются формы сравнительной степени типа *серебрее*: ... *Ночь ежедневно серебрее*, / *И еженощно звонче день* (В парке). Метафора визуализирует картину ночного парка в белом лунном свете, подобном сиянию серебра. Контекстуальное обыгрывание мотивированности наречий *ежедневно* и *еженощно*, первое из которых оксюморонно соотносится с наступлением *ночи*, а второе с ситуацией наступления нового *дня*, передаёт остроту переживаемого лирическим героем ощущения изменений в природе и собственном душевном состоянии.

В некоторых случаях образование сравнительной степени у Северянина строится на паронимической подмене узуального прилагательного (с использованием потенциального номинативного коррелята): *Чем старости слепительнее ночи*, / *Тем беспросветней старческие дни...* (Дон Жуан). Тема смены дня и ночи как аллегория неминуемого приближения старости подчёркнута словоформой *слепительнее*, ассоциативно связанной с *ослепить*, *слепнуть* и *слепительный* как потенциальным «паронимом» к *ослепительный*), ср. игру метафорических смыслов слов *свет* – *слепить* – *беспросветный*.

Неузуальное формообразование выступает одним из востребованных Северянином средств обновления восприятия и усиления экспрессии слова: ... *Я в женщине не отыскал родни* / *Я всех людей на свете одиноче* (Дон Жуан). Или: *И не в тебе ли мой прообраз*, / *Моя загадная душа*, - / *Что вдруг из беспричинно-добрый* / *Бывает зверзче апаши?* (К морю). Словоформа *всех одиноче* соответствует модели образования превосходной степени качественных наречий и «восполняет» имеющуюся в языке лакуну. *Зверзче* – звукосимволически подыгрывает оценочной семантике прилагательного *зверский*, также не имеющего в языке простой формы сравнительной степени. По грамматической форме обычно легко «восстанавливается» окказиональное новообразование: ср., например, деепричастие *молоточа* – от *молоточить*: *Ты затихла на палевом крес-*

ле, /Каблучком молоточа паркет... (Экссессерка). При всей прозрачности и потенциальности глагольного новообразования (ср. *молоточить* от *молоток* и, например, *пилить* от *пила*), его значение наполнено, как это свойственно Северянину, шутливо-изысканной ситуативной метафорикой (буквально «сидя в кресле, постукивать каблучком о паркет, проявляя типично женское кокетство и одновременно скрывая смущение, стеснение, любовное волнение»).

Образование нестандартного грамматического коррелята к существующему нормативному слову в поэзии Северянина всегда коннотативно нагружено. Ср., например, достраивание отсутствующего члена оппозиции «возвратный – невозвратный глагол» в стихотворении «Сиреневый ноктюрн»:... *Меня ты клонишь в кисти, расцветиши лилово, захлёбывая разум в сиреневых духах...* (усиление экспрессии образа – «потерять разум от дурманящего запаха сирени, *захлебнуться* ее ароматом» – достигается переключением ассоциативного стереотипа употребления возвратной формы – при подмене ее невозвратной). Субъект и объект действия меняются местами (сирень сводит поэта с ума, ввергая его в состояние весеннего «безумства» и ощущения полноты и красоты жизни).

Излюбленными грамматическими формами Северянина являются страдательные причастия, репрезентирующие семантику окказиональных глаголов, от которых они образованы. При этом сами эти глаголы текстово «не предъясняются» (они остаются «за кадром») как само собой разумеющееся (выводимое) звено уже свершившегося словообразовательного процесса. Вот лишь некоторые примеры: ... *Я проснулся в слегка остариненном /И в оновенном – только слегка! - /Жизнерадостном доме Иринином... /...И покуда в окне загардиненном /Не сверкнут два веселых луча, /Буду думать о сердце Иринином...* (Стихи сгоряча). Игра причастиями, которые позволяют восстановить окказиональные глаголы *остаринить* (от *старинный* при помощи фикса *о-... -и/ть*) – о доме, который выглядит как старинный или которому придали старинный вид, *оновить* (ср. узуальное *обновить*), *загардинить* (гардины + *за-...-и/ть* = занавесить окно гардинами). При этом причастия *остариненный* и *загардиненный* омофонически обыгрывают имя хозяйки дома (*Ирина*),

рифмуясь с ним, что придаёт стихотворению шутливую тональность.

Таким образом, креативная грамматика Северянина «опрокинута» в системный контекст и одновременно демонстрирует сложную технику игры на «стыке» грамматической и лексической семантики его поэтических новаций.

В собственно **словотворческом** экспериментировании Северянина проявляется та же тенденция: при всем разнообразии его новообразований можно выделить чётко выраженные идиостилевые доминанты, связанные с выбором не только излюбленных поэтом моделей и способов номинации, но и приоритетных для него лексико-грамматических разрядов разных частей речи. Так, активно востребован Северянином разряд **абстрактных существительных**, образованных аффиксальными способами (в том числе при помощи нулевой суффиксации). Свойственная таким инновациям семантика опредмеченного признака как нельзя более соответствует обобщающей символике «схваченной» сути бытия (передаче мироощущения поэта). Ср.: *пустынность* (от *пустын/ый* + *-ость*): *Несытая пустынность осеней...* (Зовущаяся грустью) – пейзажная зарисовка, метафорически выражающая состояние душевной опустошённости поэта (повторяющаяся череда *осеней* «отсчитывает» прожитые годы); *небожность* («Интродукция») – вероятно, результат замены приставки *без-* на *не-* в потенциальном слове *безбожность* (от *безбожный*), при этом аллюзивно всплывает выражение *не по-божески*; контекстуальный смысл инновации *небожность* («жизнь без Бога в душе») – состояние человеческого бытия, отрицаемое Северянином; *безлучье* – от *луч* при помощи конфикса *без-...-й(е)*: *Устало сердце от узких рамок благополучья, / Оно в уныньи, оно в оковах, оно в томленьи... / Отчаясь грезить, отчаясь верить, в немом / безлучьи* (В грехе – забвенье). В семантическом плане это потенциальное новообразование символически нагружено: *безлучье* – отсутствие мечты, веры, невозможность вырваться из тисков обыденности.

Многие северянинские инновации из сферы абстрактных существительных со значением опредмеченного признака наполнены чувственной (визуальной, кинестетической, аудиальной) и ситуативной конкретикой: например, *хрупот* – от звукоподра-

жательного *хрупать* (ср. аналогию с *топот*) ассоциативно связано с *хрупкий* и *хруст*, что способствует выражению авторской иронии по поводу относительности нравственных устоев: *Хрупот нравственных пропаж* (Июльский полдень. *Синематограф*);⁷ *звяк* шпор (от *звякать*); сабель *среброзлат* (сущ. с нулевым суффиксом от «выводимого» звена словообразовательной цепи *среброзлатый*: буквально «блеск сделанных из серебра и золота сабель»); ситуативно связанные дериваты *крапат* (от *крапать*: о ярких крапинках узора, которые на белоснежной, как лилия, блузке юной девушки выглядят, словно рассыпанные по лицу веснушки) и *весень* (от *весенний* по структурной аналогии с *осень*): *Еще вы девушка: ведь этот алый крапат /На блузке лилиебатистовой – весень...* (Еще вы девушка). Целый ряд примеров подтверждает тот факт, что абстрактные существительные, несомненно, обладают особой приоритетностью в словотворческом регистре Северянина: *...я словно сад весенний/ И весь сплошная светозарь* (Монументальные пустыки); *недостойность* – антоним к *достоинство* (Девятнадцативешняя); *лазорие* и *штиль* (в душе); *изборы* (ср. *выбор* от *выбирать* и *избор* от *избирать*, намечающее мотив избранности поэта); *утонок* (от *утончённый* и *тонкий*): *Мы – фанатики наших изборов,/ Изысков, утонка. /Мы чувствуем тонко* (Фанатики изборов); *безжизние* (Пора безжизния) – иронический перифраз к слову *осень*; *изнежие* – состояние испытываемой *неги*, доставляемого чем-то удовольствия (об утончённом, «изнеживающем» вкусе малины): *... Изнежие малины* (Лэ III); *безлюбове* – оценочный оппозиит к *любовь*: *Любовь без страсти – просто безлюбове* (Секстина XII) и т.п.

Обобщающая экспрессия подобных номинаций ярко проявлена в характеристиках современных Северянину поэтов: *Его бесспорная надмодность* (о Брюсове); *В его значительном ненужьи* /*Биенья сердца вовсе нет* (об Иванове) – оксюморон, выражающий ироническую оценку. И восторженно о Пушкине: *Пускай он стар для современья, /Но современье для него/ Ничтожно: ведь его мгновенье – /Прекрасней века моего!* (контек-

⁷ Речь идет о «двух девственных дамах», которые едут в коляске, обуреваемые жадой любовных наслаждений.

стуальная актуализации связи слов *совремеье – век – мгновеье* и аллюзия на известное стихотворение Пушкина создают ситуативно-игровой эффект *ассоциативного наложения*).

Особую словообразовательную технику ЯИ, свойственную Северянину, транслируют **образно-конденсирующие глагольные номинации**, замещающие собой синтаксически развёрнутое описание обозначаемого (закрывающее в себе метафорическое сравнение): *бриллиантится веселая роса* (= блесит, как бриллианты); *кружсееет утром лес* (= лес, как кружево); *кострят экстазы* (= экстаз подобен пламени костра) и т.п.

Не менее выразительны в поэтическом языке Северянина **отсубстантивные глаголы**, образованные при помощи конфикаса *о-/об- ... -и-(ть)*, со значением проявленного признака. Ср., например, *онебесить, олунить, обезденежить, освирелить* и др.: *Ты слышишь? Чьи-то голоса/ Звучат так весело-задорно над онебесенной рекой?.../Своей тоской/ Ты ничего тут не изменишь, /Как нищего не обезденежь, /Как полдня ты не олуннишь* (Июневый набросок); *Пой, менестрель двадцатого столетья! /...И правду иносказно освирель...* (Увертюра к т. XI). Актуализация ассоциативного потенциала мотивирующего слова создаёт самые различные приращения образного смысла, осложняющего номинативную функцию окказионализмов этого типа (в том числе представленных и в виде глагольной словоформы): *Его уста – орозенная язва* (Оскар Уайльд) – «уста, жальщие, как роза» (оксюморонная образная номинация, характеризующая язвительность как форму иронии и самозащиты) // *Удастся ль душу дамы восторженной/ Омолнить курортному оркестрику?* (Карета куртизанки) – образная номинация со значением «поразить, удивить» актуализирует ассоциативный признак мотивирующего слова *молния* – «внезапность, быстрота» и т.п.

Ассоциативной уникальностью в поэзии Северянина, безусловно, обладают инновации, образованные **способом сложения**. Условием ЯИ выступает актуализация ассоциативного поля восприятия мотивирующего слова в структуре заданной словообразовательной модели.

Одно из таких ключевых для поэта слов – *грёзофарс* – характеризует черты его личности и эстетические приоритеты. Пони-

мая, но не принимая несовершенство человеческого общества, Северянин находит единственно возможную форму для воплощения собственного мироощущения – противопоставление (фарсовое, ироническое) того, что его не устраивает, некоему идеалу (отвечающему, прежде всего, его субъективному мироощущению, представлению о духовности, нравственности, красоте утончённых чувств): *Я трагедию жизни /претворю в грёзофарс* (Увертюра). В соответствии с этим «тезисом» он следует «остраняющей» логике ЯИ, в том числе в словообразовательном регистре.

Особой картинно-поэтической изобразительностью обладают окказиональные существительные, семантика которых в свернутом виде соотносится со словосочетанием. Использование модели неканонического словосложения (основа прилагательного + слово-субстантив) создает эффект «комплексной» визуализации обозначаемого: *зеркалозеро* (зеркало+озеро) – междусловное наложение усиливает значение слова, смоделированного по принципу *ассоциативной интеграции*: озеро с зеркально прозрачной водой; *белолилия, белолебедь, озерзмок, альпорозы, ядосмех, лесофея* (сложения этого типа в «конденсированном» виде представляют номинируемый объект через его отличительный признак). Данный способ образной и/или оценочной акцентировки обозначаемого составляет одну из ярких доминант поэтического идиостиля Северянина, транслируя миро моделирующую символику окказионального слова в выражении «я»-восприятия поэта, возвышающегося над обыденностью. Так, сложения с компонентом *фея* для поэта есть некое олицетворение неземной красоты и естественной, природной гармонии (ср.: *морефея, лесофея, нимфея*). Подобной символикой в поэзии Северянина обладают не только «экзотические», но и вполне обычные «денотаты». Ср.: *Я – соловей, я сероптичка* (Интродукция). Сравнение себя с серой невзрачной птичкой, которая по голосу – король всех певчих птиц, есть ассоциативная характеристика избранности поэта, его миссии воплотить идеальную красоту мира и человека в словесном творчестве.

Экспрессивным зарядом обладают у Северянина и **сложные прилагательные**, созданные по принципу *ассоциативного контраста* или *ассоциативного усиления* (с использованием

характеризующего интенсификатора): *И ночи пламно-ледяные.../ И тройки бешено-степные...* (Моя Россия); *разгульно-дикая езда* (Январь); *в быстро-темном упоеньи, в ало-встречном устремленьи* (Июльский полдень); *...Пить златистогрѣзый черный виноград/ С вечно-безымянной, странно так желанной...* (Тринадцатая. Новелла); *Алогубы-цветики жарко протяни...*(Мисс Лиль).

Не меньшей эмоциональной оценочностью обладают и окказиональные наречия, которые есть результат редукции сложного прилагательного в словообразовательной цепи: *Всем будет весело и солнечно. ... И светозарно-ореолочно: Согреет всех мое бессмертье!* (Мои похороны) и т.п. В словотворческом регистре Северянина наречия используются и как средство иронической нюансировки оценки: *...Глаза подведены кокетно, / Их лица смотрят алоротно...*(Бродячая собака); *Напыщен и опрятно-пряно. /Рокфорно, а не камамберно,/ Жеманно-спецно обуюн* (О Гумилеве) (Пять поэтов). Оригинальностью обладают наречные корреляты, образующие окказиональные текстовые парадигмы: *...Топчи, моя тройка, анализ, рассудочность, чинность!... /Зачем? Беззачемно! Мне сердце пьянит беспричинность!* (Любовь – беспричинность). Восполнение языковых лакун (ср. *зачем* и потенциальные новации *зачемный – беззачемный – беззачемно*), поиск средств оформления нетривиальной мысли – основной стимул словообразовательной «экспансии» в поэзии Северянина.

Ресурс словотворческих «игрем» проявлен в поэзии Северянина разными векторами создания «неоформы» (Сонет XXX) – в широком смысле этого слова (включая эксперименты с жанровой формой). Ср. далеко на полное гнездо собственно авторских терминов: *поэза, неопозный; поэзно* как антоним к *прозно*: *Я улыбнулся натянуто, вспомнил сарказмно о порохе: Скуку взорвал неожиданно неопозный мотив* («В блестящей тьме»); *... Поэзно «да», «нет» - оно так прозно!* («Рондо XX»). Его образная утонченность может приобретать пародийно-изысканную манерность: *А потом отдаваясь, отдаваясь грозово,/ До восхода рабыней проспала госпожа* (Это было у моря. Поэма-миньонет). Он буквально «фонтанирует» сериями инноваций, транслирующих сквозные для его творчества мотивы:

например, *чарователь, чаровальщик, чарун, чарник, чародей, чаруйный*. При этом Северянин блестяще остроумен. Чего стоит один только изобретенный им жанр «*поэзошпильки*»! Эвристики такого рода – неотъемлемый атрибут творческого «озарения», чутья слова как черта личности поэта – генератора новых форм и смыслов.

Словесные эксперименты Северянина обнаруживают в нем синкретическую игровую личность: он одновременно креатор, интерпретатор и стилизатор [Лингвистика креатива: 2013], использующий нереализованный языковой ресурс для обновления «обветшалых форм» поэтического творчества. Ассоциативный контекст его игр (символика созданных им «неоформ» и «неожанров») есть выражение «я»-восприятия поэта, возвышающегося над обыденностью.

ЛИТЕРАТУРА

Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. XVI. – М., 1995. – С.142-149.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1996.

Гридина Т.А. Словообразовательные инновации детской речи как проявление языковой игры // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2004.

Гридина Т.А. Язык как творчество: аспекты детской «неологии» // Педагогическое образование в России. – 2013. - №6.

Лингвистика креатива -1: коллективная монография /под общ. ред. проф. Т.А. Гридиной. – 2-е изд. – Екатеринбург, 2013.

Северянин И. Поэзы и прозы. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982.

Эпштейн М. Словотворчество в системе русского языка //Поэтика и эстетика слова. – М., 2010.

©Гридина Т. А., 2016

ГЭН ЮАНЫЮАНЬ, Г.Н. ПЛОТНИКОВА
*(Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'367.625
ББК Ш141.12-22

ГЛАГОЛЫ, СООТНОСИТЕЛЬНЫЕ С НАЗВАНИЯМИ ЖИВОТНЫХ, В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В данной статье рассматриваются редко попадающие в поле зрения исследователей глаголы, соотносительные с названиями животных. Выделяются основные семантические группировки данных глаголов, которые формируются на основе анализа дефиниций, представленных в различных толковых словарях русского языка. Предпринимается попытка создания деривационной типологии зооглаголов, и в соответствии с этим дается иная словообразовательная интерпретация зооглаголов со значением «рождать детеныша», имеющих более сложное структурно-семантическое устройство, что порождает неоднозначное решение вопроса о их деривационных связях с родственными словами в составе словообразовательного гнезда. Обоснование иной точки зрения в отношении данных глаголов строится на основе достижений современной словообразовательной теории и с учетом существующих в русском языке отношений между производным словом и производящей основой. При этом акцент в данном случае делается на формально-деривационных отношениях между словами как наиболее наглядных и адекватных, с нашей точки зрения. В результате формально-деривационного анализа производных и производящих слов в словообразовательном гнезде делается вывод о непроизводности глаголов со значением «рождать детеныша».

Ключевые слова: словообразовательное гнездо, производное слово, производящая основа, зооним, зооглагол, семантика, деривация, формально-деривационный анализ.

Словообразовательные гнезда, исходным словом которых является название животных (зооним), отличаются друг от друга не только по количеству производных слов в гнезде (от одного до нескольких десятков), но и по количеству производных, относящихся к той или иной части речи. По словам некоторых исследователей (Н.Г. Юсупова, Л.А. Хачатурова и др.), наиболее представлены в отзоонимных словообразовательных гнездах существительные, а глаголов в каждом гнезде гораздо меньше. Так, например, В.А. Белашапкина, говоря о типовой словообразовательной парадигме существительных – названий животных,

отмечает, что глаголы, образованные от зоонимов, «непродуктивны и немногочисленны и выражают два вида значений: а) от слов, имеющих метафорическое значение, относимое к человеку, образуются глаголы со значением 'вести себя подобно тому, кто назван производящим словом'; б) 'производить на свет' – эти глаголы создаются только от супплетивных названий детенышей» [Белошапкина 1981: 225-226].

Что касается мнения о количестве и непродуктивности глаголов в отзоонимных гнездах, то с этим бесспорно можно согласиться, об этом говорит и проведенное нами исследование. Мы взяли для анализа словообразовательные гнезда с исходными словами – названиями животных из групп «хищных млекопитающих», «копытных млекопитающих» и «грызунов», которые представлены в «Большом толковом словаре русских существительных» под редакцией Л.Г. Бабенко. Оказалось, что в 97 словообразовательных гнездах всего находится 826 производных, из них почти половина (411) – это существительные, а глаголов всего лишь 64.

Однако трудно согласиться с тем, что отзоонимные глаголы (зооглаголы) выражают только два вида значений. По нашим данным их оказалось гораздо больше.

Прежде, чем выделить семантические группировки, мы разделили все зооглаголы на два типа.

К первому типу относятся те глаголы, которые непосредственно образованы от зоонима (*белка – белковать, ишак – ишачить* и др.). Этот тип зооглаголов представлен несколькими семантическими группами.

Довольно многочисленной группой являются глаголы со значением «охотиться на животного». Например: **соболевать** – «охотиться на соболя». *Время было осеннее, и корейцы начали уже соболевать. Недалеко от фанзы мы увидели и самые ловушки на соболя.* (Арсеньев. Дерсу Узала). **Белковать** – «охотиться на белок». *Зима на носу, дров ни полена, сено не вывезено, берданку порешит, в тайгу с чем белковать пойдет?* (Виктор Астафьев. Последний поклон). **Волковать** – «охотиться за волками». В эту же семантическую группу входят глаголы: **бобровать, козовать, лисовать, хорьковать** и др.

В некоторых случаях такие глаголы указывают на процесс

охоты не только человека, но и животного, для которого тоже характерна подобная деятельность. Например: **мышковать** – «охотиться на мышей». [*Лиса*] *то бежала петлями, то оставливалась, приподняв лапу, как собака на стойке, то припадала к земле, то неслась как стрела, распушив хвост.* – *Гляди, гляди, мышкует!* – почти кричал Василий. (Николаева. Жатва).

Менее представлена группа глаголов со значением профессии или постоянного занятия человека. Например: **коноводить** – «быть коноводом, присматривать за лошадьми». *Коноводы брали лошадей и отъезжали в лоцинку. Чубатому досталось коноводить.* (Шолохов, Тихий Дон). **Бычничать** – «перм. мясничать» [Даль]. **Телятничать** – «заниматься промыслом телятника, закупать и продавать телят» [Даль].

Тожe небольшую группу составляют глаголы со значением «лишить кого-л. какого-то животного». Например: **обезлошадить** – «лишить лошадей». *А чтобы переутомленный гость не мог убежать от тягостного хлебосольства, каждый хозяин спешил, первым делом, обезлошадить поезжан: выпряженные из повозок кони угонялись табуном в степь, – копытить корм.* (А.В. Амфитеатров. Побег Лизы Басовой /из сборника «Бабы и дамы»). **Обезмышить** – «лишить дом, строение, землю мышей» [Даль]. *Если у Жуковского есть обезмышить, а у Языкова беззвучить, почему же Маяковскому нельзя обезночить?* (К.И. Чуковский. Ахматова и Маяковский). **Обесконить** – «лишить кого-либо коней». *Нас гоньба обесконила, уже и запрягать некого* [Даль].

Особую группу и довольно многочисленную составляют глаголы со значением «проявлять какие-л. особенности, характерные для животных, от названий которых образованы глаголы». Например: **ишачить** – «выполнять тяжелую работу». – *Я тебя прошу не надрывать, – слышишь, мать? Я же знаю, будешь ишачить до потери сознания, а кому это нужно?* (Трифонов, Вера и Зойка). **Обезьянничать** – «слепо подражать кому-л., перенимать чью-л. манеру поведения, копировать кого-л.». *Истинное хлебосольство не в том, чтобы завести у себя стол ничем не хуже других людей, обезьянничая на манер других и боясь на всяком шагу того, чтобы гость не осудил чего и не посмеялся над чем.* (Гоголь, Письмо М.И.). **Собачить** – «ругать, бра-

нить». [Анисья:] *Он тебя собачил, собачил, и сейчас приказывал, чтоб согнать тебя со двора долой.* (Л. Толстой, Власть тьмы). **Лисить** – «хитро льстить, угождать». [Купец] *начал добродушно лисить перед всеми людьми герценовского кружка.* Лесков, Загадочный человек. – *Ты, Василий Семенов, не сердись на меня, мы – тоже люди! Ты сам работал, знаешь... – Ну, ну не лиси, не надо.* (М. Горький, Хозяин). В эту же семантическую группу входят глаголы: **змеяться, козлить, свинячить, хомячить, коровиться** и др.

Семантика этих отзоонимных глаголов образуется обычно на основе непонятных семантических долей своих производящих, т.е. названий животных. Эти семантические доли, как отмечают ученые, входят в семему в качестве лексического фона [Верещагин, Костомаров 1980: 26]. Они же способствуют и формированию зоонимической символики, совпадающей во многих языках, о чем говорит многие исследователи. Например, по словам В.М. Назаретян, во многих языках лиса является символом хитрости, волк – жадности, обезьяна – подражания, овца – смирения и др. [Назаретян 2011: 510].

Ко второму типу мы отнесли глаголы со значением «рождать детеныша». Этих глаголов сравнительно немного в русском языке, и все они, как правило, обозначают процесс рождения детенышей от домашних животных, например: **жеребиться** – «рождать жеребенка (о кобыле, ослице, верблюдице)»; **телиться** – «рождать теленка (о корове, а также самке оленя, лося и некоторых других животных)»; **пороситься** – «рождать поросят (о свинье)» и т.д. *Веселей по весне становилось в селе, когда телилось, жеребилось, поросилось все это обильное живое хозяйство.* (Лидин, Соловей).

Эти глаголы отличаются от глаголов первого типа более сложным структурно-семантическим устройством, что порождает неоднозначное решение вопроса об их деривационных связях с родственными словами. Прежде всего, отметим, что все глаголы указанного типа в Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова представлены как производные от названий детенышей, т.е. слова (жеребенок, ягненок, котенок и др.) даны в качестве исходных слов словообразовательного гнезда и как производящие для соответствующих глаголов. Такой же точки

зрения придерживаются и некоторые другие ученые, например, В.А. Белошапкина [Белошапкина 1981: 225-226]. Вероятно, на решение этого вопроса в таком ключе влияют определенные семантические связи между существительным и глаголом, проявляющиеся в дефинициях этих глаголов, которые представлены в современных толковых словарях: **телиться** – «рождать теленка», **пороситься** – «рождать поросенка» и др. Однако с этим можно не согласиться. Дело в том, что современный уровень состояния словообразовательной теории предполагает разноаспектное описание словообразовательных явлений, что касается и формирования словообразовательного гнезда. Отсюда вытекает, что в решении вопроса о структуре словообразовательного гнезда следует также учитывать как семантические связи, так и формально-деривационные связи между родственными словами.

В данном случае рассмотрение именно формально-деривационных отношений компонентов внутри упомянутых словообразовательных гнезд дает наиболее наглядную картину структуры гнезда. В связи с этим, прежде всего, отметим, что в Кратком этимологическом словаре русского языка Н. М. Шанского все слова, являющиеся названиями детенышей домашних животных (поросенок, ягненок, теленок и др.), интерпретируются как производные.

Однако и с синхронной точки зрения названия детенышей домашних животных тоже можно считать производными на том основании, что они, во-первых, входят в один словообразовательный ряд со словами *тигренок*, *волчонок*, *слоненок* и др., чья производность не подлежит сомнению, так как они имеют в своем составе четко выраженный словообразовательный формант (суффикс **-онок/-енок**) со значением «детеныш животного». Этот же формант мы видим и у названий детенышей домашних животных.

Во-вторых, как и у названий детенышей диких животных, у названий детенышей домашних животных можно также обнаружить и производящую основу. Но так как генетические производящие основы в современном русском языке сохранились не у всех из них, то с синхронной точки зрения вполне закономерно считать для них производящими глагольные основы, которые отвечают основным словообразовательным канонам в

отношении производного и производящего. Если взять формальный аспект, то глагольная основа входит в состав названия детеныша, а не наоборот. Ср., например: **жереб-и-ть-ся**. Структура глагола включает окончание **-ть**, т.е. грамматическую морфему, которая обычно не участвует в процессе словообразования, так как не входит в состав основы слова; постфикс **-ся**, который характерен только для глагольной структуры и сохраняется лишь в глагольных формах. Далее мы видим суффикс **-и-**, который является асемантическим элементом и потому часто тоже не участвует в образовании производных слов, что является вполне закономерным, так как такое изменение производящей основы в процессе словообразования связано с морфонологическим явлением (усечением производящей основы), весьма распространенным в русском языке, ср., например: **ворож-и-ть** → **ворож-б-а**, **по-бел-и-ть** → **по-бел-к-а**, **глум-и-ть-ся** → **глум-лив-ый**. Остается корень **жереб-**, который и составляет производящую основу, «давая жизнь» другим родственным словам: **жереб-ец**, **жереб-чик**, **жереб-енок**, **жереб-ая** и др. То же самое можно сказать и о структуре других глаголов (**телиться**, **пороситься**, **щениться** и др.).

Следует также отметить, что подобная структура (**корень+и+ть+ся**) как характерная для непроизводных глаголов в современном русском языке представлена в перечне 27 моделей структур непроизводных глаголов [Черепанов 1991: 125].

В то же время основа названий детенышей (ягненок, теленок и др.), на наш взгляд, не является производящей для других производных, так как полностью не входит в их состав, за исключением деривата с уменьшительно-ласкательным суффиксом (**теленочек** – **теленочек**), что не является в данном случае показательным, так как оба члена аналогичных словообразовательных пар в других словообразовательных гнездах (**тигренок** – **тигренок-ек**, **зайчонок** – **зайчонок-ек**, **волчонок** – **волчонок-ек** и др.) находятся среди производных слов, сохраняя при этом один и тот же тип чередования согласных в производном слове (**к/ч**).

Таким образом, с учетом сказанного и, имея в виду то, что в данном случае зооним, название его детеныша, а также название процесса его рождения имеют супплетивные основы, мы склоны

считать, что такие зооглаголы, как телиться, ягниться, котиться и др. с синхронной точки зрения являются непроемными и, следовательно, должны занять место исходного слова гнезда.

ЛИТЕРАТУРА

Большой толковый словарь русских существительных / под общ. ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2008.

Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М.: Русский язык, 1980.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4 – М.: Русский язык, 1978-1980.

Назаретян В.М. Фразеологические единицы с компонентом – зоонимом в русском и греческом языках // Русский язык в современном мире: традиции и инновации в преподавании русского языка как иностранного и в переводе. Материалы II международной научной конференции. – Салоники: Изд. высшая школа перевода МГУ, 2011.

Ожегов С.И. Словарь русского языка – М.: Издательство «Мир и образование», 2004.

Современный русский язык: Учебник / под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1981.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т.1-4. – М.: Рус. яз., 1985.

Хачатурова Л.А. Проблемы изучения словообразовательных гнезд названий животных // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1991.

Черепанов С.С. К вопросу о морфемных моделях непроемных глаголов современного русского языка // Актуальные проблемы русского словообразования. – Самарканд, 1991.

Шанский Н.М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка / под ред. С.Г. Бархударова. – М.: Просвещение, 1971.

Юсупова Н.Г. «Родственники» животных // Русская речь. – 1979. – № 6.

© Гэн Юаньюань, 2016

© Плотникова Г.Н., 2016

Т.А. ЗУЕВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'42:811.161.1'373

ББК Ш141.12-51+Ш141.12-36

ЧЕЛОВЕК СКВОЗЬ ПРИЗМУ АРТЕФАКТНОЙ МЕТАФОРЫ В РУССКОЙ ИДИОМАТИКЕ

Аннотация: В статье исследуются фразеологические единицы с артефактными компонентами, характеризующие человека в русском языке. Анализируется специфика их образной основы. Отмечается, что фразеологизмы русского языка, в основе внутренней формы которых лежит артефактная метафора, характеризуют человека с разных сторон: интеллектуальных, личностных, индивидуальных качеств, его социального положения, внешнего вида, речевой деятельности. Целостное идиоматическое значение данных фразеологизмов формируется либо в процессе метафорического переосмысления исходного омонимического свободного сочетания слов в целом, либо в опоре на значение одного ведущего в смысловом отношении артефактного компонента, который выступает в роли смыслового центра фразеологизма. Особое внимание уделяется лингвокогнитивному анализу артефактной метафоры, выступающей в качестве сферы-источника образной репрезентации различных качеств человека в русской фразеологической картине мира. Выявляется набор наиболее продуктивных когнитивных моделей артефактных метафор, специализирующихся в качестве средства образной номинации человека в русской идиоматике, выявляется их национально-культурное своеобразие.

Ключевые слова: фразеологическая единица, культурная коннотация, языковая картина мира, фразеологическая картина мира, артефактная метафора, сфера-источник, сфера-мишень, фразеологическая номинация.

В современной лингвистике прочно утвердился лингвокультурологический подход к анализу языковых явлений, в рамках которого языковые единицы различных уровней языка исследуются как своеобразный транслятор культурной информации.

Благоприятным материалом для лингвокультурологического анализа является фразеологический состав того или иного языка, поскольку он тесно связан с фоновыми знаниями носителей языка, с практическим жизненным опытом этноса его культурно-историческими традициями, обычаями и верованиями.

Каждый язык по-своему членит окружающий человека мир, «имеет свой собственный способ его концептуализации» [Мас-

лова 2001: 64]. Своеобразное видение мира сквозь призму национального языка принято называть языковой картиной мира.

Фразеологические единицы (ФЕ) того или иного языка избирательно отражают действительность. Это обусловлено, прежде всего, особенностями знаковой природы данных номинативных единиц языка: оценочностью, экспрессивностью их значения, в основу которого положены прототипические жизненные ситуации, отражающие культурно маркированное стереотипное представление носителей языка о том или ином фрагменте действительности. Выявление фрагментов действительности, вовлеченных в зону фразеологической номинации, позволяет наиболее полно представить своеобразие фразеологической картины мира как частного фрагмента языковой картины мира.

Объектом данного исследования являются ФЕ современного русского языка с артефактными компонентами, характеризующие человека. Выбор этой семантической группы фразеологизмов для анализа представляется перспективным, поскольку в центре фразеологической номинации стоит человек и многие лингвисты (В.М. Мокиенко, В.Н. Телия и другие) отмечают в качестве отличительного признака фразеологической картины мира ее антропоцентрическую направленность.

ФЕ являются культурно маркированными языковыми знаками, поскольку их значение осложнено различного рода культурными коннотациями, следовательно, лингвокультурологический анализ этих языковых единиц должен быть направлен на выявление данных коннотаций. Культурная коннотация предполагает «интерпретацию денотативного или образно мотивированного, квазиденотативного аспектов значения фразеологизма в категориях культуры» [Телия 1996: 214].

Большинство ФЕ, в основе образного значения которых лежит артефактная метафора, являются средством образной характеристики человека.

Анализ словарных дефиниций различных фразеологических словарей позволил выявить в смысловой структуре исследуемых ФЕ общую интегральную сему «человек»: *пугало (чучело) огородное* – «о **ком-либо** нелепо, небрежно или безвкусно одетом», *верста коломенская* – ирон. «о **человеке** очень высоко роста, верзиле», *бесструнная балалайка* – пренебр. «**болтун, пустоме-**

ля», *два сапога пара* – «кто-либо похож друг на друга, обычно по своим качествам, свойствам, положению».

В рамках данной семантической группы ФЕ на основе дифференциальных признаков в структуре их значения было выделено 9 семантических подгрупп.

Самой многочисленной по составу, о чем свидетельствует анализ языкового материала, является подгруппа фразеологизмов, характеризующих:

1) индивидуальные, личностные качества человека: *сума переметная* – «человек, легко меняющий свои взгляды, убеждения, не постоянный в своих поступках»; *ветряная мельница* – «несерьезный, легкомысленный, пустой человек»; *кукла в чужих руках* – «послушный, не сопротивляющийся, выполняющий волю другого человек»;

2) интеллектуальные качества человека: *тупой как валенок* – «глупый, недалекий, малообразованный человек»; *мешок с соломой* – разг. ирон. увальень, нерасторопный, глуповатый человек; *ума палата* – «кто-либо очень умен» и другие;

3) внешний облик человека: *пугало (чучело) огородное* – «о ком-либо нелепо, небрежно или безвкусно одетом»; *как картинка* – «об очень красивом человеке, нарядно одетом»; *борона несколоченная* – «о неуклюжем, нескладном человеке»;

4) рост человека: *от горшка два вершка* – «о человеке небольшого роста»; *каланча пожарная* – «очень высокий человек, верзила»; *метр с кепкой* – «о человеке небольшого роста»;

5) материальное положение человека: *тугой кошелек* – «у кого-либо много денег»; *золотой мешок* – «об очень богатом человеке»; *пустой кошелек* – «кто-либо не имеет денег, беден»;

6) сходство людей в каком-либо отношении: *два сапога пара* – «кто-либо похожи друг на друга, обычно по своим качествам, свойствам, положению и т.п.»; *на одну колодку* – «похожи друг на друга, обычно по своим качествам, свойствам, положению и т.п.»; *из одного теста* – «совершенно похож на кого-либо по характеру, мировоззрению, образу жизни»;

7) социальное положение человека: *последняя стица в колесе* – «человек, играющий самую ничтожную, незначительную роль в жизни, в обществе, в каком-либо деле»; *мелкая сошка* – «человек, занимающий невысокое общественное или служебное по-

ложение; невлиятельный, неавторитетный человек»;

8) физическое состояние человека: *выжатый лимон* – разг. «сильно уставший, измученный человек»; *свежий как огурчик* – «о человеке бодром, имеющем здоровый вид»; *сосуд скудельный* – «слабое, недолговечное существо, о человеке»;

9) речевую деятельность: *каждой бочке затычка* – «человек, дающий советы всем, независимо от того, нужны эти советы или нет»; *сахар-медович* – ирон. «о льстивом, слащавом человеке»; *бесструнная балалайка* – пренебр. «болтун, пустомеля».

Большинство исследуемых фразеологизмов, прежде всего, используется как средство образной характеристики индивидуальных, личностных и интеллектуальных качеств человека.

Артефактная метафора способствует представлению, осмыслению, познанию и оценке сущности этих отвлеченных понятий в опоре на образы вполне конкретные, отсылая нас к предметному, вещному коду традиционной народной культуры.

Все фразеологизмы, в основе которых лежат артефактные образы, по характеру оценки можно разбить на две группы: положительно характеризующие те ли иные качества человека и отрицательно характеризующие эти качества (*бесструнная балалайка* – пренебр. «болтун, пустомеля»; *мелкая сошка* – «человек, занимающий невысокое общественное или служебное положение; невлиятельный, неавторитетный человек»; *чистый клад* – «о человеке, обладающем большими достоинствами»).

Наиболее многочисленными по составу являются фразеологизмы, наделенные отрицательными оценочными коннотациями, что во многом обусловлено отрицательной направленностью фразеологической номинации в целом, в рамках которой те или иные ментальные представления этноса характеризуются, как правило, от противного, в результате чего происходит своеобразное наложение противоположных смыслов и увеличение объема передаваемой ими позитивной информации, определяющей ценностный аспект фразеологической картины мира.

Большинство ФЕ с артефактными метафорами обладает образным мотивированным значением и относится к разряду фразеологических единств.

Их целостное идиоматическое значения формируется либо в результате метафорического переосмысления всего исходного

омонимического свободного сочетания слов в целом: *борона несклоченная* – «о неуклюжем, нескладном человеке»; *выжатый лимон* – «о сильно уставшем, измученном человеке»; *каланча пожарная* – «об очень высокий человеке»; либо в опоре на значение одного ведущего в смысловом отношении артефактного компонента, который выступает в роли смыслового центра фразеологизма, является «семантически маркированным» (термин В.П. Жукова) [Жуков 1986: 41].

Так, в составе фразеологизма *бесструнная балалайка* – пренебр. «болтун, пустомеля» в качестве такого смыслового центра выступает слово *балалайка*.

В основу образного значения фразеологизма кладется прием языковой игры, построенный на омофоническом сближении слов *балалайка* – «народный щипковый музыкальный инструмент» и *балаболка* – перен. «болтун, пустой человек» [МАС].

Во фразеологизме *котелок не варит* – у кого разг. «нет сообразительности у кого-либо» семантически отмеченным является слово *котелок*, на переносное значение которого опирается целостное значение этого фразеологизма: *котелок* – перен. прост. «голова, умственные способности человека» [МАС].

Целостное значение фразеологизмов *ходячий университет* и *ходячая энциклопедия* – «о человеке, обладающем самыми разносторонними знаниями, у которого всегда можно узнать, спросить что-либо» формируется в опоре на значение словных компонентов *университет* и *энциклопедия*: *энциклопедия* – «научное справочное издание по всем или отдельным отраслям знания в форме словаря», *университет* – «образовательное учреждение по повышению общеобразовательных и научно-политических знаний» [МАС]. Сема «получать, владеть знаниями по различным областям» актуализируется в целостном значении фразеологизмов *ходячая энциклопедия* и *ходячий университет*.

Значение фразеологизма *игрушка в чужих руках* – «послушный, несопротивляющийся человек, выполняющий волю другого» опирается на переносное значение словного компонента *игрушка* – перен. «послушное орудие чужой воли» [МАС].

Целостное значение фразеологизма *чистый клад* – разг. «о человеке, обладающем большими достоинствами» формируется

в опоре на переносное значение слова *клад* – перен. «о ком-либо имеющем большую ценность или обладающем теми или иными достоинствами» [МАС].

Значение фразеологизма *ходячая газета* – «о человеке, который в курсе всех новостей и распространяет новости и сплетни» формируется в опоре на значение слова *газета* – «печатное периодическое издание, в котором публикуются новости о самых разнообразных событиях». Сема «новости» актуализируется в целостном значении фразеологизма.

Использование лингвокогнитивной методики анализа метафоры, предложенной Дж. Лакоффом [Лакофф Дж., Джонсон М. 2004], позволяет проследить, как те или иные качества человека вербализуются сквозь призму артефактной метафоры.

Предметный мир является сферой-источником для метафоризации различных качеств человека, носитель языка соизмеряет эти качества со свойствами, признаками вещного мира и закрепляет это знание в образной форме фразеологизма.

Основой для метафорического переноса являются различные стороны предмета: его внешний вид, цвет, форма, вкусовые качества, назначение и т.п. Это отражается в разнообразии мотивировочных признаков, которые кладутся в основу образной характеристики человека сквозь призму артефактной метафоры:

- внешний вид предмета – внешний вид человека;
- величина, размер предмета – рост человека;
- внешнее сходство предметов – сходство людей по каким-либо качествам;
- различные свойства предмета – различные качества человека (индивидуальные, личностные, интеллектуальные, профессиональные и т.п.).

Сфера-источник «внешний вид предмета» – сфера-мишень «внешний вид человека»: *пугало (чучело) огородное* – «о ком-либо нелепо, небрежно или безвкусно одетом»; *выжатый лимон* – «о сильно уставшем, измученном человеке»; *как картинка* – «об очень красивом человеке, нарядно одетом»; *толстый как бочка* – «о полном, толстом человеке»; *печь-печью* – ирон. «о ком-либо дородном, упитанном»; *борона несколоченная* – «о

неуклюжем, нескладном человеке».

Сфера-источник «величина, размер предмета» – сфера-мишень «рост человека»: *от горшка два вершка* – «о человеке небольшого роста»; *с булавочную головку* – «очень маленький, небольшого роста»; *каланча пожарная* – «очень высокий человек, верзила»; *с наперсток* – разг. ирон. «кто-либо очень маленького роста».

Сфера-источник «внешнее сходство предметов» – сфера-мишень «сходство людей по каким-либо качествам»: *два сапога пара* – «кто-либо похожи друг на друга, обычно по своим качествам, свойствам, положению и т.п.»; *на одну колодку* – «кто-либо похожи друг на друга, обычно по своим качествам, свойствам, положению»; *из одного теста* – «совершенно похож на кого-либо по характеру, мировоззрению, образу жизни и т. п.».

Сфера-источник «различные свойства предмета» – сфера-мишень «различные качества человека (индивидуальные, личностные, интеллектуальные, профессиональные и т.п.)»:

- «дефектность предмета» – «низкий интеллектуальный уровень человека»: *винтиков не хватает* – «кто-либо глуповат, придурковат, со странностями»; *крыша побежала (поехала)* – «кто-либо глуповат, придурковат, со странностями»;

- «твердость, рыхлость, легкость, тупая форма предмета» – «низкий интеллектуальный уровень человека»: *тупой как валенок* – глупый, недалекий, малообразованный человек; *глуп как пробка* – «исключительно, совершенно глуп»; *сено-солома* – пренебр. «о нерасторопном, несообразительном человеке»; *дубина стоеросовая* – «о крайне тупом, глупом человеке»; *мешок с соломой* – разг. «нерасторопный, глуповатый человек»; *пень березовый* – «о глупом, тупом человеке»;

- «высокое качество, содержательность предмета» – «высокий интеллектуальный уровень человека»: *ходячий университет, ходячая энциклопедия* – «человек, обладающий самыми разносторонними знаниями, у которого всегда можно узнать, спросить что-либо»;

- «вкусовые качества предмета» – «характеристика личностных качеств человека»: *горькая редька* – «о невыносимом, надоедливом человеке»; *не мед* – разг. ирон. «о человеке неу-

живчивом, строптивом, с плохим, тяжелым характером»; *сахар-медович* – ирон. «о льстивом, слащавом человеке»;

- «назначение предмета, степень его наполненности денежными знаками» – «материальный достаток человека»: *толстый карман* – «кто-либо очень богат»; *тугой кошелек* – «у кого-либо много денег»; *тощий карман* – «кто-либо очень беден»; *пустой кошелек* – «кто-либо не имеет денег, беден»;

- «ненужность, незначимость предмета» – «социальное положение человека»: *последняя спица в колесе* – «человек, играющий самую ничтожную, незначительную роль в жизни, в обществе, в каком-либо деле»; *мелкая сошка* – «человек, занимающий невысокое общественное или служебное положение; невлиятельный, неавторитетный человек»; *пятое колесо в телеге* – «лишний, ненужный человек»; *сбоку припека* – «лишний, ненужный, не имеющий какого-либо значения в каком-либо деле человек».

Таким образом, во фразеологической картине мира артефактная метафора является средством репрезентации различных качеств человека. Сквозь призму этой метафоры те или иные качества человека наделяются во ФЕ как образных знаках вторичной номинации различного рода оценочными коннотациями, транслирующими ценностные установки и особенности мировидения русского этноса.

ЛИТЕРАТУРА

- Жуков В. П.* Русская фразеология. – М., 1986.
Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.
Маслова В.А. Лингвокультурология. – М., 2001.
МАС – Словарь русского языка: В 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984.
Телия В.Н. Русская фразеология: семантический, прагматический, лингвокультурологический аспекты. – М., 1996.

© Зуева Т.А., 2016

И. Г. ИЛИЕВ

(Пловдивский университет, Филиал Кырджали, Болгария)

УДК 811.163.2'367.625

ББК Ш141.62-22

О ФОРМЕ ПРЕДИКАТИВА ПОСЛЕ ГЛАГОЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ «НАЗЫВАТЬСЯ» В БОЛГАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В начале статьи рассматриваются формы предикатива после глаголов со значением 'называться' в болгарском языке – со староболгарского периода (IX-XI вв.) до состояния в его современных диалектах. Например: *что са нарицаешни 'Как называешься?'; крѣ ... сѣ зовѣше именемъ пришедъ ... 'Король назывался именем Пришед ...'; Как са ти звали татка ти? 'Как звали твоего отца?'; Мене викат Кральевики Марко 'Меня называют Марко Кралевики'; Ти ли си Дели Стуйан, дет се именувъ? 'Это ты человек, чье имя Дели Стоян?'; Кво да му съ думаше нему? 'Как его звали?'. Далее, объектом внимания, кроме именительных форм предикатива, становятся творительный предикатив, родительный предикатив, предикатив, представленный членными и звательными формами: *дѣдъ доухомъ гѣ нарицаетъ 'Давид называет Господа духом'; – Как се казваи? 'Как тебя зовут?' – Ифката '(Меня зовут) Ивко'; иѧ го викам Пѣтра 'Я называю его Петр'; Мѣне ме викат Радо 'Меня зовут Рада'. Все они сравниваются с подобными формами в остальных славянских языках, когда это возможно: сербскохорватские *Како се зовеш? 'Как тебя зовут?'*, *Они се никад нису звали имено ... 'их никогда не звали именем ...'*, *и погипе српски цар Лазаре 'и погиб сербский царь (который назывался) Лазар'*; чешские *Jak se jmenujete? 'Как Вас зовут?'*, *Rikajte mi proste Bobe 'Зовите меня просто Боб'*; польское *Jak się pan nazywa? 'Как Вас зовут?'*; русские *Как тебя зовут?, Сына моей подруги зовут Антоном.***

Ключевые слова: болгарский язык, болгарские диалекты, предикатив, творительный инструментальный, вокатив.

В статье *Принос към българския исторически фразарий* [Илиев 2006: 22-52] были рассмотрены в историческом аспекте несколько типов староболгарских и среднеболгарских выражений (вопросы и ответы), с помощью которых люди знакомятся и узнают имя собеседника. Например:

что кетъ нма твоѣ 'Как твое имя?' Супрасльская рукопись 122. 2-3 [Заимов, Капалдо 1982];

что сд нарицаеши 'Как называешься?' Супрасльская рукопись 139. 19-20 [Заимов, Капалдо 1982];

крѣ ... сѦ зовѣше именемъ пришедъ ... рѣка ... сѦ именоваше кашантоуша рѣка ... море ... сѦ зовѣше пелешино море ... 'Король назывался именем Пришед ... река называлась река Кашантоуша ... море называлось море Пелеша' Троянская повесть [Иванов 1935: 249] и т. д.

Дальше было показано и положение в современных болгарских говорах (с разными глаголами):

1. С глаголом *зова се* (как в сербскохорватском: *Како се зовеш?*; русск. *Как тебя зовут?*):

Как ѓ зовѣха таѓ девойка? – Неѓ зовѣха Гривнѓ девойка 'Как звали эту девушку? – Ее звали Гривня' [Народни песни от Средните Родопи 1973: 404];

Звѓ са Ахмѓт'ат 'Его зовут Ахмед' Тихомирский говор [Кабасанов 1963: 95];

Как са ти звали татка ти? – Татка ми звѣха Костадин 'Как звали твоего отца? – Отца звали Костадин' [Родопите през вековѣте 1966: 112].

2. С глаголом *назовавам се* (как в польском: *Jak się nazywa?*): *Кой ... какво се, мѓре, називая* 'Как называется ... каждый?' [Българска народна поезия и проза 1981: 161].

3. С глаголом *викам се/викат ме*: *Мене викат Краљевики Марко* 'Меня называют Марко Кралевиц' [Българско народно творчество 1961: 378];

Единан Тодор зовѣха, пѣк другѓн Богдан викаха 'Одного звали Тодор, другого звали Богдан' [Народни песни от Средните Родопи 1973: 428].

4. С глаголом *именувам се* (как в чешском: *Jak se jmenujete?*): *Ти ли си Дели Стуйѓн, дет се именувѣ?* 'Это ты человек, чье имя Дели Стоян?' [Бояджиев 1972: 116].

5. С глаголом *казвам се*:

Кѣк се кѓзвѣ нѓштуму свѓту сѓлуту? 'Как называется деревня нашего свата?' [Бояджиев 1972: 119];

Їѓ се казуем Л'убинка 'Меня зовут Любинка' [Божков 1984: 63].

6. С глаголом *думам (се)*:

Калино и думашеа 'Ее называли Калина' [Младенов 1993: 100];
Кво да му съ думаше нему? 'Как его звали?' [Младенов 1993: 100].
Думају ѿу Пчин'а 'Ее называли Пчиня' [Виденев 1978: 159].

Кроме лексических различий – использования различного глагола в фразе, в славянских языках могут существовать и синтаксические варианты этой конструкции: с возвратным глаголом (*казвам се, зова се ..., именувам се ..., думам се ...*), с неопределенно-личным предложением (*Единан Тодор зовеа, пък другѣн Богдан викаха* – смотри и русское *Как тебя зовут?*), с инфинитивной фразой – русск. *Нашего звеньевого звать Иван Павлович* [Barnetová, Věličová-Křížková 1979: 835].

В настоящей статье объектом внимания в болгарском языке, в сравнительном аспекте, будет форма предикатива в вопросах и ответах, с помощью которых узнаем имя собеседника. То, что она может быть разной, было лишь упомянуто в указанной выше предыдущей работе (одним примером с предикативом в творительном падеже: *кѣа ... сѣа зовѣше именемъ пришедъ*; одним примером с предикативом в звательном падеже: *Калино и думашеа*; и одним примером, в котором предикатив употреблен с определительным членом: *Звѣ са Ахмѣт'ат*). И так, на базе упомянутого критерия, в историческом развитии болгарского языка можно обнаружить следующие разновидности предикатива после глагола со значением «называться».

1. Предикатив – существительное в именительной форме

Это основной и самый распространенный способ ответа на вопрос, с помощью которого можно узнать имя собеседника в болгарском языке. Выше был приведен ряд примеров типа *казвам се/наричам се/викам се/зова се/думам се ...*, у которых есть свои параллели в остальных славянских языках.

2. Предикатив – существительное в творительном падеже

Кроме уже упомянутого примера из *Троянской повести* – *кѣа ... сѣа зовѣше именемъ пришедъ*, можно привести еще и другие:

дѣдъ доухомъ ѣа нарицаетъ 'Давид называет Господа духом'
Мт 22. 45 Мариинское евангелие [Ягич 1906];

и призвавши е́ппа нюдѣж иже кврнѣкомъ нарѣшѣж 'и позвали епископа Иуду, которого назвали Кириаком' Германовый сборник [Мирчева 2006: 279].

Так как творительный падеж очень рано исчез в болгарском языке [Харалампиев 1992: 231-232], теперь уже в нем нет архаических остатков этого способа спрашивания и ответа на вопрос об имени, но такие можно встретить в остальных славянских языках.

В русском: *Как ты, молодец, всё да именём зовут ...* [Ухов 1970: 129]; *Он увидел двух братьев, Симона, называемого Петром ...* Мт 4. 18 [Библия 1994];

... Вараву или Иисуса, называемого Христом Мт 27. 17 [Библия 1994];

Сына моей подруги зовут Антоном [Język rosyjski 2008: 63].

Подобные примеры есть и в сербскохорватском языке:

Они [младенци] се никад нису звали именом ... 'их никогда не звали именем ...' [Речник српскохрватског књижевног и народног језика 1969: 651];

Oj devojko, dušo moja, / Šta govori majka tvoja?/ Hoće l' tebe meni dati?/ Hoće l' mene zetom zvati? ... что говорит твоя мать? ... она назовет меня зятем?' [Jolić 1972: 82].

3. Предикатив – существительное, употребленное с определительным членом

К этой категории можно отнести указанный уже мною редкий пример из говора восточнородопской деревни Тихомир: *Има чѣтри дѣца ... Е кидѣ ње аннѣто. Звѣ сѧ Ахмѣт 'ѧт* 'У него четверо детей ... Вот один из них. Его зовут Ахмед' [Кабасанов 1963: 95] – здесь к слову Ахмед добавлен определительный член *-ѧт*.

Можно указать еще один подобный случай (если только здесь *-та* не является морфемой, отличной от определительного члена) из деревни Церово, Благоевградского региона, который я записал (запись можно услышать в интернете – Българска диалектология, Церово, Благоевградско: <https://www.youtube.com/watch?v=dPUo9UJFu-U>). На вопрос *Как се казваиш? 'Как тебя зовут?'*, мальчик отвечает: *Ифката* (ударение на первом слоге) 'Меня зовут) Ивко'.

Несомненно, такой способ называния связан с широким

употреблением определительного члена после личных имен в родопских говорах [Кабасанов 1963: 50]: *Айшата и Ахмет'ат са ат аннок бубайк'е* 'У Айши и у Ахмеда один отец'; *Да дойде Айшата!* 'Пусть придет Айша'; *Ахмет'ат ѝе даишол* 'Ахмед пришел'. Но это встречается гораздо чаще среди топонимов, которые в принципе употребляются с определительным членом:

Панаирѐн завѐм айнам барчинана 'Тот холм называем Панаиром (Ярмаркой)' [Антонова-Василева, Митринов 2011: 115].

Здесь, кроме *Панаирѐн* (член *-ѐн*), можно использовать сотни и тысячи других топонимов с определительным членом, например *Калѐто* 'Крепость', *Дерѐто* 'Речка' (член *-то*) и т.д. Подобно положение и с прозвищами: *Викат му Крадѐца* (*Ловѐца*, *Певѐца* и т.д.) 'Его называют Вором (Охотником, Певцом) и т.д.' Поэтому здесь можно предположить, что есть две причины для употребления определительного члена – во-первых, чтобы подчеркнуть уникальность признака или имени, и, во-вторых, под влиянием повсеместного употребления личных имен с определительным членом, конкретно в родопских говорах. Так как в других славянских языках нет определительного члена, из них невозможно привести таких примеров для сравнения.

4. Предикатив – родительная форма

Этот еще более редкий способ ответа на вопрос об имени зарегистрирован в примере *ѝа го викам Пѐтра* 'Я называю его Петр' Регион Дупницы [Български диалектен атлас 1975: 142]. В процитированном источнике подчеркнута, что здесь есть родительная, а не членная форма существительного, в отличие от других примеров на той же странице. И, наверно, это так. Но все-таки связью и омонимией между родительными формами и новопоявившимся у существительных в болгарском языке коротким членом нельзя пренебрегать. В некоторых болгарских говорах генитивная форма употребляется с косвенными формами существительных, в то время как в других случаях используется именительная форма.

Иван дудѐ 'Иван пришел', но: *Дай нъ Иванъ* 'Дай Ивану' (с редукцией гласного в окончании) Мечка, Плевенский регион [Ангелов 2002: 19];

Иван, Стоян учат, четат, работят ... 'Иван, Стоян учатся,

читают, работают', но: *Дадох книга на Ивана, на Ганя ...* 'Я дал книгу Ивану, Ганю ...' Самоводене, Велико-Тырновский регион [Митков 2015: 7]. Пока мне не известны подобные примеры с генитивным предикативом в остальных славянских языках.

5. Предикатив в звательном падеже

Это самый употребляемый тип предикатива после типа с именительной формой. Был отмечен [Стойков 1993: 230] факт, что интересной диалектной особенностью, характерной прежде всего для восточных говоров, и особенно для рупских, является употребление звательных форм в выражениях, похожих на исследуемые здесь: *думат ми Стойане* 'меня зовут Стоян' (основная форма *Стойан*), *първия ми мъш са зеше Иване* 'моего первого мужа звали Иван' (основная форма *Иван*), *мене ме викат Радо* 'меня зовут Радо' (основная форма *Рада*), *майка ми га викат Лено* 'мою мать зовут Лено' (основная форма *Лена*).

Далее будут приведены еще такие примеры из других регионов, кроме указанных Стойковым и упомянутого уже в начале статьи примера из болгарских говоров в Румынии:

Калино и думашеа 'Ее звали Калина' [Младенов 1993: 100].

Из Фракии:

Гул'амтъ момъ е Злату 'Старшая девушка (называется) Злата' [Бояджиев 1979: 71];

Имъ инно Йеване ут Елхуву 'Есть один (которого зовут) Иван' [Бояджиев 1979: 71].

Из Странджи:

Мене ме викат Радо 'Меня зовут Рада' [Горов 1962: 49];

Него го викат Иване 'Его зовут Иван' [Горов 1962: 59].

Из Родопских гор:

Бубайка завяха Стуйене 'Отца звали Стоян' Смолянский регион [Милетич 2013: 153].

Из балканских говоров:

Марйо а викат 'Ее зовут Мария' Пирдопский регион [Кънчев 1968: 62];

Майка ѝ беше Радо 'Ее мать звали Рада' Пирдопский регион [Кънчев 1968: 62];

Йоване го викаа 'Его звали Иван' Пирдопский регион [Кънчев 1968: 62];

Имъши там ѝдин чил'ак, Ивани гу викаа 'Там был человек,

которого называли Иван' Троянский регион [Ковачев 1968: 178];

Туй мумичи гу викаа Пёнки 'Эту девушку называли Пенка' Троянский регион [Ковачев 1968: 178];

... и там съ извикало по име: Еване ли, Стоёне ли, што съ го викале 'и там позвали его по имени – то ли Иван, то ли Стоян – так его звали' Регион Панагюрище [Младенов, Радева 1995: 32].

Западная Болгария

Турете ми име Маноиле 'называйте меня Маноил' Кюстендилский регион [Илиева 2012: 72].

Русский язык давно утратил звательные формы, поэтому в нем нет таких примеров, но их можно обнаружить в сербскохорватском:

... и гувикам Драге 'и я зову ее Драга ...' [Младеновић 2010: 59];

... и погипе српски цар Лазаре 'и погиб сербский царь (который назывался) Лазар' [Радић 2010: 277].

Примеры есть и в чешском языке:

Říkejte mi prostě Bobe 'Зовите меня просто Боб' – в английском: *Call me plain Bob* [Česko-anglický mluvnick 2007: 203].

Варианты формы предикатива в вопросах и ответах на вопросы об имени человека в болгарском языке представляют формальное выражение разных точек зрения – восприятие имени как инструмента для называния, как апеллятива, как придающего индивидуальным признак человеку, который носит его и т.д. А факт, что большинство из них встречается и в остальных славянских языках (если в данном языке встречается соответствующее грамматическое явление – инструментальность, вокативность), предполагает общеславянское наследие.

ЛИТЕРАТУРА

Ангелов А. Говорът на с. Мечка, Плевенско. – Габрово, 2002.

Антонова-Василева Л.Г. Митринов. Речник на българските говори в Южните Родопи, Драмско и Сярско. – София, 2011.

Библия. Книги священого писания Ветхого и Нового завета. – Москва, 1994.

Божков Р. Димитровградският (Царибродският) говор // Трудове по българска диалектология. 1984, N: 12, София.

Бояджиев Т. Говорът на село Съчанли, Гюмюрджинско // Трудове по българска диалектология. 1972, N: 7, София.

Бояджиев Т. Говорът на тракийските преселници в с. Орешник, Елховско // Българска диалектология. Проучвания и материали. 1979, N: 9, София.

Българска народна поезия и проза. Том първи. Юнашки песни. – София, 1981.

Български диалектен атлас. III. Югозападна България. Част втора.

- Статии, коментари, показалци* (Под ред. на Ст. Стойков). – София, 1975.
- Българско народно творчество*. Том първи. *Юнашки песни*. – София, 1961.
- Виденов М.* Годечкият говор // Трудове по българска диалектология. 1978, N: 10, София.
- Горов Г.* Странджанският говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. 1962, N: 1, София.
- Зимов Й., М. Капалдо.* Супрасълски или Ретков сборник. Т. 1. – София, 1982.
- Иванов Й.* Старобългарски разкази. – София, 1935.
- Илиев Ив.* Принос към българския исторически фразарий // Илиев, Ив. Езиковедски опити. Пловдив, 2006.
- Илиев Ив.* Българска диалектология – Церво, Благоевградско // <https://www.youtube.com/watch?v=dPUo9UJFu-U>.
- Илиева Л.* Българският народен поетически език. – София, 2012.
- Кабасанов Ст.* Един старинен български говор. Тихомирският говор. – София, 1963.
- Ковачев Ст.* Троянският говор // Българска диалектология. Проучвания и материали. 1968, N: 4, София.
- Кънчев Ив.* Говорът на село Смолско, Пирдопско // Българска диалектология. Проучвания и материали. 1968, N: 4, София.
- Милетич Л.* Родопските говори на българския език. – «Изток-Запад», 2013.
- Мирчева Е.* Германов сборник от 1358/1359 г. Изследване и издаване на текста. – София, 2006.
- Митков Г.* Диалектната реч и старите традиции – коренът на съвременния бит на самоводчани. – Велико Търново, 2015.
- Младенов М.* Българските говори в Румъния. – София, 1993.
- Младенов М., В. Радева.* Сборник с текстове и задачи по диалектология на българския език за студенти от българска филология. – София, 1995.
- Младеновић Р.* Заменице у говорима југозападнoг дела Косова и Метохије. – Београд, 2010.
- Народни песни от Средните Родопи* (Записал Ат. Райчев). – София, 1973.
- Радић П.* Копанички говор. Етнографски и културолошки приступ // Српска академија наука и уметности. Етнографски институт. Посебна издања. Књига 70, Београд, 2010.
- Речник српскохрватског књижевног и народног језика*. 6. – Београд, 1969.
- Родопите през вековете*. – София, 1966.
- Стойков Ст.* Българска диалектология. – София, 1993.
- Ухов П.* Атрибуции русских былин. – Москва, 1970.
- Харалампиев Ив.* История на българския език. – Велико Търново, 1992.
- Ягич В.* Мариинское четвероевангелие. – Грац, 1906.
- Barnetová V., H. Bělíčová-Křížková.* Русская грамматика. 1, 2. – Praha, 1979.
- Język rosyjski. Nowe repetytorium. Słownictwo i ćwiczenia.* – Warszawa (Langenscheidt), 2008.
- Jolić, B., R. Ludwig.* Le serbo-croate sans peine. – Benelux, Düsseldorf, Lausanne, London, 1972.
- Česko-anglický mluvník.* – Praha, 2007.

© Илиев И.Г., 2016

Н. И. КОНОВАЛОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 372.881.161.1'38
ББК Ч426.819=411.2,5

ЯЗЫКОВОЙ АВТОМАТИЗМ В АССОЦИАТИВНО- ВЕРБАЛЬНОЙ СЕТИ КАК «СЛЕД» КРЕАТИВНЫХ МНЕМОТЕХНИК

Аннотация. Автор статьи обращается к проблеме языкового автоматизма, в частности, к таким аспектам этого феномена, как соотношение универсальных речемыслительных действий и индивидуальных стратегий запоминания языкового материала и дальнейшего его употребления в разных коммуникативных ситуациях. Предметом исследования модели сознания является представленная в «Русском ассоциативном словаре» ассоциативно-вербальная сеть, которая демонстрирует специфический характер вербальной памяти и правила оперирования знаниями (в том числе метаязыковыми). Гипотеза данного исследования заключается в том, что в ассоциативно-вербальной сети «среднего» носителя языка должны обнаруживаться факты языкового автоматизма, в котором отражаются «следы» используемых в процессе обучения креативных мнемотехник. Связи между вербальным стимулом и реакциями в составе ассоциативного поля имеют разную силу, и их ядерно-периферийный характер демонстрирует соответственно разную актуальность метаязыкового знания, которое в значительной мере определяется удачностью использованных на стадии его формирования игровых мнестических приемов. Анализ показаний языкового сознания относительно отдельных фрагментов языковой системы может стать основой разработки новых методик обучения русскому языку с учетом психолингвистических факторов усвоения, обработки и воспроизведения информации.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальная сеть, языковая способность, вербальная память, языковая личность, языковое сознание.

Автоматизм обычно определяется как действия, совершаемые без участия сознания. Довольно часто можно услышать: «Я пишу (употребляю слово) автоматически, не зная никаких правил». Применительно к такого рода ситуациям, по-видимому, в большинстве случаев следует говорить о так называемом «вторичном» автоматизме, который рассматривается в педагогической психологии как «результат прижизненного формирования действий, приобретения ими свойств навыка [Педагогический

... slovar.cc/enc/ped.html].

Несколько лет назад, еще до введения так называемого тотального диктанта, в Интернете стартовал проект «Что вы помните из школьного курса русского языка?». Наиболее частотными были следующие ответы:

– *Жи, ши пиши с буквой И;*

– *Цыган, цыплёнок;*

– *ЧК, ЧН без мягкого знака;*

– *Вопче ничё не помню* (запись приведена в том виде, в каком она была размещена в Интернете);

– *Я всё помню* [<https://otvet.mail.ru/question/44827552>].

Опыт показывает, что лучше всего запоминается (доводится до автоматизма) тот языковой материал, при изучении которого в школьной практике использовались игровые мнемотехники [Гридина, Коновалова 2014].

Анализ ответов сегодняшних учеников выпускных классов средних школ г. Екатеринбурга также демонстрирует устойчивость ассоциативных связей именно в игровых (креативных) «запоминалках», использованных в процессе обучения.

Ср., например, знакомые многим с детства рифмовки для запоминания правил и многочисленных исключений из правил:

- Сколько ни *дроЖи* – всё *одно Жи*;
- *цЫган на цЫпочках цЫкнул цЫплёнку: «ЦЫц!»;*
- Семь вопросов – просто чудо!
Их запомнишь просто так:
Где? Когда? Куда? Откуда?
Почему? Зачем? И как?
- Ко второму же спряжению
Отнесём мы, без сомненья,
Все глаголы, что на -ить,
Исключая: *брить, стелить*.
И ещё: *смотреть, обидеть,*
Слышать, видеть, ненавидеть,
Гнать, держать, дышать, вертеть,
И *зависеть, и терпеть*.
Вы запомните, друзья:
Их на -е- спрягать нельзя! (В.Волина)

Этот же блок информации, по-другому структурированный, в виде своеобразного рэпа из рифмованных глаголов второго спряжения периодически в разных ситуациях читает главный герой фильма Вадима Абдрашитова «Плюмбум, или опасная игра»: *«Гнать, держать, вертеть, обидеть, видеть, слышать, ненавидеть, и зависеть, и терпеть, да ещё дышать, смотреть»*.

Ряд игровых мнемотехник можно продолжать практически бесконечно, каждый вспомнит и универсальную рифмовку «про Ивана» для запоминания падежей, и какие-то свои примеры игровых мнемстических приемов, когда-либо использованных для разных правил русского языка. Все это лишь подтверждает мысль о том, что основой «вторичного» автоматизма является «образование жестких связей между свойствами ситуаций и определенной последовательностью операций, требовавших первоначально сознательной ориентации» [Педагогический ... slovar.cc/enc/ped.html].

Так что и почему помнит современный носитель русского языкового сознания из школьной практики изучения родного языка? Что и в каком виде хранится в его ассоциативно-вербальной сети, которая рассматривается как «способ репрезентации языка», как «субстрат языковой способности говорящего» [Караулов 1993].

Как отмечают авторы «Русского ассоциативного словаря» (РАС), ассоциативно-вербальная сеть в этом словаре демонстрирует «модель сознания, которая представляет собой набор правил оперирования знаниями ... в то же время РАС является отображением уникальных моделирующих способностей вербальной памяти «усредненного» русского, принадлежащего к определенному поколению. РАС есть не что иное, как модель знаковой языковой системы, указывающей на образы сознания коммуникантов» [РАС, т. I: 7].

Основополагающим для данной работы является постулат о том, что «слово относится к сознанию как малый мир к большому, как живая клетка к организму, как атом к космосу. Оно и есть малый мир сознания. Осмысленное слово есть микрокосм человеческого сознания» [Выготский 1982: 318]. При таком подходе анализ ассоциативно-вербальной сети может дать пред-

ставление о характере фиксации в ней метаязыковых знаний, стереотипных или индивидуализированных, рефлексивных или автоматизированных, и в целом об ассоциативном потенциале языкового знака. Ср. определение ассоциативного потенциала слова (АПС) как «всей совокупности формально-семантических реакций, которые может вызвать слово в сознании носителей языка – с учетом динамики их актуализации в дискурсивных практиках социума и конкретных индивидуумов ... В такой трактовке структура АПС конгруэнтна структуре ассоциативного поля, в котором ядро и периферия не являются жестко заданными, отражая не только относительно константные ассоциативные стереотипы восприятия вербального знака, но и его многомерные вариативные проекции» [Гридина 2015: 149].

Приведем примеры представленности в АВС метаязыковых реакций, отражающих «остаточные» сведения о некоторых фрагментах языка в сознании его носителей.

1. Реакции, отражающие представления об орфографических правилах и исключениях из правил. Ср.: в наречиях после шипящих пишется мягкий знак (*навзничь, наотмашь, настержь*). Исключения составляют три слова: *уж, замуж, невтерпёж*. Именно в такой последовательности, создающей впечатление целостного завершенного предложения, эти исключения предлагаются для запоминания.

Проанализируем ассоциативные поля с этими стимулами, приведенные в РАС:

Стимул	Метаязыковые реакции	Примечания
Уж	<i>Замуж</i> (5), <i>замуж не-втерпёж</i> (5), <i>невтерпёж</i> (2), <i>да уж не-втерпёж</i> [I: 682 ⁸]	Общее количество реакций – 116, ядерная реакция – <i>змея</i> (21), поскольку стимул представляет омоформы существительного и наречия. Метаязыковые реакции находятся в зоне ближней и дальней периферии.

⁸ Здесь и далее в квадратных скобках указывается том Русского ассоциативного словаря и страница.

Замуж	<i>Невтерпеж</i> (5), <i>уж</i> , <i>уже</i> [I: 209]	Общее количество реакций – 104, ядерная реакция <i>выйти</i> (21), отражающая типовую сочетаемость. Метаязыковые реакции – в зоне ближней периферии.
Невтерпеж	<i>замуж</i> (17), <i>уж</i> (6) [I: 364]	Общее количество реакций – 106, единственная ядерная реакция в данном ассоциативном поле – метаязыковая (<i>замуж</i>), другая из рассматриваемой «триады» – в зоне ближней периферии.

Ядерность метаязыковой реакции в последнем случае определяется, по-видимому, меньшей частотностью стимула (по сравнению с двумя предыдущими членами «орфографической триады») и более слабыми валентностными характеристиками. Ср. единичные синтагматические реакции в составе ассоциативного поля: *невтерпеж – ждать, стало, пить, увидеть*. Это предположение подтверждается и явным преобладанием парадигматических реакций *невозмогу, надо, немедленно, нестерпимо* (синонимы) и *мочи нет, очень хочется, сильное желание, сильно охота* (симиляры).

Имеют ли статистическую значимость результаты определения соотношения ядерных и периферийных компонентов по сходным, но все-таки неравным выборкам? Для ответа на этот вопрос используем «хи-квадрат критерий» Карла Пирсона.

Факторный признак	Результативный признак		Сумма
	Количество R	Количество рефлексивных R	
<i>Фактор 1 (уж)</i>	116	13	129
<i>Фактор 2 (замуж)</i>	104	7	111
<i>Фактор 3 (невтерпеж)</i>	106	23	129
Всего	326	43	369

Число степеней свободы равно 2.

$$129 * 326 / 369 = 113,9$$

$$111 * 326 / 369 = 98,2$$

$$129 * 43 / 369 = 15,03$$

$$111 * 43 / 369 = 12,94$$

Значение критерия χ^2 составляет 8.173:

$$\chi^2 = (116 - 113,9)^2 / 113,9 + (13 - 15,03)^2 / 15,03 + (104 - 98,2)^2 / 98,2 + (7 - 12,94)^2 / 12,94 + (106 - 113,9)^2 / 113,9 + (23 - 15,03)^2 / 15,03$$

Критическое значение χ^2 при уровне значимости $p < 0,05$ составляет 5,991.

Величина χ^2 больше, чем критическая, таким образом, можно сделать вывод, что связь между факторным и результативным признаками статистически значима и наличие обнаруженных рефлексивных реакций в анализируемых ассоциативных полях закономерно.

Подобные результаты обнаруживаются при анализе ассоциативных полей *стеклянный*, *оловянный*, *деревянный*, в каждом из которых преобладающими являются синтагматические реакции, обусловленные типовыми связями существительного с прилагательным по типу согласования, где один компонент сочетания конкретизирует семантику другого. Однако ожидаемые реакции, отсылающие к исключению из орфографического правила написания суффиксов прилагательных -ан, -ян, -ин с одной Н, оказываются либо приядерными, либо в зоне ближней периферии.

Деревянный [I: 162-162] – *оловянный* (32) – третья по частотности реакция после *дом* и *стол*; *стеклянный* (13) – зона ближней периферии.

Оловянный [I: 405] – *деревянный* (12) – также третья по частотности реакция, «обгоняют» ее только реакции *солдатик* (54) и *солдат* (17); *стеклянный* (2) – дальняя периферия, но все-таки не единичная реакция.

Стеклоанный [I: 628] – *оловянный* (8) – четвертая по частотности реакция после ожидаемых синтагматических *шар*, *стакан*, *сосуд*; *деревянный* (2) – эта реакция также обнаруживает слабую семантическую связь, расположившись в зоне дальней периферии, но исходную связку с орфографическими «партнерами по исключительности» поддерживает.

2. Реакции, отражающие знания о лексико-грамматических разрядах местоимений. Мы в ритмизированном виде запоминаем, например, набор определительных местоимений *весь, всякий, сам, самый, каждый, иной, любой, другой* (возможны другие варианты). Посмотрим, как представлена эта группа в соответствующих ассоциативных полях в РАС:

Всякий [I: 118] – *каждый* (6), *любой* (6), *другой* (2), *иной*⁹, и *любой*.

Весь [I: 86] – *всякий* (5).

Иной, сам – нет стимулов в РАС.

Самый [I: 569] – 0

Каждый [I: 242] – *всякий* (36) – третье по частотности после сильных синтагматических реакций *день* и *человек*; *любой* (9), *сам* (4), *самый* (3), *другой*.

Любой [I: 303] – *другой* (11) – ядерная реакция, возможно, поддержанная устойчивым разговорным сочетанием *любой другой*; *всякий* (6), и *каждый, каждый*.

Другой [I: 181] – *иной* (16).

Можно заметить, что при имеющихся в каждом из приведенных полей лакунах вся семантическая парадигма «собирается» – так из реакций, рассыпанных по нескольким смежным ассоциативным полям. «Сортировка» языкового материала сознанием во многом зависит от его семантической организации. Для данной группы слов это, по-видимому, особенно актуально, т.к. большая часть из них выступает в лексикографической практике взаимными идентификаторами. Ср.: *каждый* – *всякий*, *любой* из себе подобных; *всякий* – *каждый*, какой угодно из всех, *любой*; *разный*, всевозможный [ТСРЯ 2007] и т.д. О лингвистической природе определительных местоимений есть специальные работы, а что касается их синонимии (реальной или воображаемой), то можно лишь согласиться с Б. Ю. Норманом, который замечает, что «язык не любит абсолютных синонимов, и если мы считаем какие-то формы выражения мысли равноправными вариантами, то чаще всего это свидетельствует лишь о грубости наше-

⁹ По правилам, принятым при обработке ассоциативных экспериментов и используемым также в РАС, единичные реакции указываются без индекса частотности.

го анализа, о том, что какие-то тонкости словоупотребления выпадают из поля нашего зрения» [Норман 1994: 6-7]. В психолингвистическом ключе для исследования психологической реальности значения единиц, составляющих близкие (смежные) семантические пространства можно использовать методы косвенного опосредованного исследования семантики, метод установления семантического расстояния и др. [Петренко 1997: 94], что может стать предметом отдельного описания.

3. Реакции, демонстрирующие грамматическую компетенцию респондентов (участников эксперимента с составителями РАС) в области спряжения глаголов. Вернемся к упоминаемым в начале статьи глаголам-исключениям. Часть из них, выступая в роли стимулов, вызвала единичные реакции из «автоматизированной связки». Ср. *смотреть – и видеть, видеть; ненавидеть – увидеть* – здесь вообще нельзя однозначно говорить о наличии связей с анализируемой группой глаголов: это могут быть парадигматические связи синонимического типа (в первом примере) или формальные ассоциаты по типу рифмовок-отзвучий (во втором примере). В других случаях есть не только непосредственные семантические связи или сближения по фонетическому принципу, но и опосредованные ассоциативные связи: *видеть – смотреть, и смотреть, ненавидеть, обидеть; терпеть – вертеть, и видеть, и ненавидеть*. Самыми показательными, конечно, являются ассоциативные поля со стимулами *знать – держать, бежать, вертеть, обидеть, ненавидеть* и *держать – знать, дышать, вертеть, видеть, смотреть*. Здесь мы видим слова с разными формальными показателями (финалями инфинитивов) и разных тематических групп, которые вряд ли случайно оказались в соответствующих полях.

В целом можно заметить, что связи между вербальным стимулом и реакциями в составе ассоциативных полей имеют разную силу, и их ядерно-периферийный характер демонстрирует соответственно разную актуальность метаязыкового знания, которое в значительной мере определяется удачностью использованных на стадии его формирования игровых мнестических приемов.

По нашим наблюдениям, орфографические рефлексy сознания обнаруживают больший автоматизм. В случаях с граммати-

кой отмечается отсутствие в ассоциативно-вербальной сети «необходимых и привычных грамматико-системных отношений, <...> классификационных отношений единиц, <...> нет объединяющих их парадигм, нет правил и выводимых из них зависимостей между единицами» [РАС, т. I: 755]. Этим в значительной степени объясняется, по-видимому, «лексикализация и диссипация» [там же: 768] этих видов знаний в ассоциативно-вербальной сети.

Психолингвистический подход к изучению языкового автоматизма открывает новые возможности в исследовании таких аспектов этого феномена, как соотношение универсальных речемыслительных действий и индивидуальных стратегий запоминания языкового материала, а также дальнейшего его употребления в разных коммуникативных ситуациях.

Анализ показаний языкового сознания, зафиксированных в РАС, может стать основой разработки новых методик обучения русскому языку с учетом психолингвистических факторов усвоения, обработки и воспроизведения информации.

ЛИТЕРАТУРА

Выготский Л. С. Мышление и речь // Выготский Л. С. Собрание сочинений в 8 т. Т. 2. – М., 1982.

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвокреативной деятельности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. 2015. – С. 148-157.

Гридина Т. А. Детская речь как сфера лингвокреативной деятельности и лингвистика игры // Педагогическое образование и наука. 2004. №6. – С. 7.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Вербальные мнемотехники как механизм кодирования и декодирования информации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2014. № 1. С. 128-134.

Коновалова Н. И. Психодиагностика речевой способности: Учеб. пособие. – Екатеринбург, 2015.

Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М., 1993.

Караулов Ю. Н. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности // Русский ассоциативный словарь. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М., 2002. – С. 750-782.

Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. – М., 1997

Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. – М., 1959.

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.

Педагогический энциклопедический словарь [Электронный ресурс]. Режим

доступа: www.slovar.cc/enc/ped.html

Петренко В. Ф. Основы психосемантики. – Смоленск, 1997.

РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. 1. От стимула к реакции / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – М., 2002.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М., 2007

Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

©Коновалова Н. И., 2016

Н.С. КОЧНЕВА

*(Тюменский государственный университет,
г. Тюмень, Россия)*

УДК 821.161.1-34(Крапивин В. П.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,445

АВТОРСКИЕ СТРАТЕГИИ НОМИНАЦИИ В АСПЕКТЕ АЛЛЮЗИВНОЙ ИГРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ СКАЗОЧНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В.П. КРАПИВИНА)

Аннотация: В статье анализируются аспекты аллюзивной игры, реализующей модусные стратегии авторской номинации. Рассматривается специфика аллюзивных онимов в литературной сказке В.П. Крапивина. Показаны особенности индивидуально-авторского номинативного творчества. Анализу подвергается ряд сказочных произведений автора: «Чоки-Чок, или Рыцарь Прозрачного кота» (1992 г.), «Серебристое дерево с поющим котом» (1992), «Стража Лопухастых островов» (2002 г.), «Пироскаф Дед Мазай» (2011 г.). Верифицируется мысль о том, что языковая игра выступает яркой приметой номинативного творчества известного детского писателя В.П. Крапивина. Наиболее частотным принципом языковой игры выступает аллюзивный принцип (по Т.А. Гридиной), коррелирующий, в свою очередь, с теорией интертекстуальности. Литературная аллюзия, включающая в себя объективную и субъективную информацию, позволяет выявить оценочные стратегии авторской номинации. Определяется, что самобытное ономастическое пространство крапивинской сказки формируется во многом благодаря аллюзивным переключкам с литературными прототипами, в частности с фольклорной сказкой. Креативно переосмысливая общеизвестный прототип, автор номинирует новый языковой знак, являющий собой «ассоциативную игровую трансформу», которая в тексте произведения получает ряд оценочных коннотаций. Выявляется, что аллюзивные онимы присущи как центральным, так и фрагментарным персонажам, что несёт определённую сюжетообразующую функцию в контексте всего произведения.

Ключевые слова: аллюзия, интертекстуальность, литературная сказка, литературный антропоним, прецедентное имя, языковая игра, В.П. Крапивин.

Игровое начало литературной сказки В.П. Крапивина – интересный и малоизученный феномен. Крапивинские тексты ориентированы прежде всего на детей, тем не менее, возрастной читательский круг шире очерченных рамок. И это не случайно, ведь кажущаяся на первый взгляд простота повествования скрывает семиотическую многомерность, обусловленную множественностью факторов, в числе которых – языковая игра как важ-

нейшая составляющая номинативного творчества писателя.

Одним из способов проявления языковой игры, которая понимается как форма лингвокреативной деятельности, является аллюзивный, основывающийся на интерпретации некоего прецедентного феномена, «выступающего прототипическим объектом для новой ассоциативной обработки» [Гридина 2013: 107].

В широком понимании аллюзия – это стилистический приём, являющий собой намёк на некий общеизвестный факт. Вслед за исследователями, отмечаем, что литературная аллюзия включает в себя содержательную и оценочную информацию [Новохачёва 2005: 9], что даёт возможность выявить оценочный компонент аллюзивного значения онима, который можно рассматривать в качестве стимула для развертывания различных стратегий авторской номинации.

Цель статьи – установить способы реализации аллюзивной игры, актуализирующие модусные стратегии номинации в сказочных произведениях В.П. Крапивина.

Материалом исследования стали имена собственные сказочных повестей (романов) В.П. Крапивина, отличающиеся аллюзивной репрезентативностью: «Чоки-Чок, или Рыцарь Прозрачного кота» (1992 г.), «Серебристое дерево с поющим котом» (1992), «Стража Лопухастых островов» (2002 г.), «Пироскаф Дед Мазай» (2011 г.).

По мнению ряда исследователей (С.П. Васильева, Е.В. Ворошилова, Т.А. Гридина, А.А. Фомин и др.), в процессе создания игрового аллюзивного онима лежит его способность разворачиваться одновременно в прецедентной и новой семантической плоскости, что даёт возможность рассматривать аллюзивную игру как «особый код, основанный на ассоциативной «перекличке» контекстов, образующих игровую трансформу» [Гридина 2013: 114].

Н.Ю. Богатырёва, изучающая жанровое своеобразие литературной сказки В.П. Крапивина, отмечает ее особенности, проявляющиеся в креативном преломлении традиций фольклорной сказки сквозь призму творчества писателя [Богатырёва 1998: 23]. Наши исследования показали, что выводы Н.Ю. Богатырёвой актуальны и для изучения языковой игры В.П. Крапивина, поскольку частотным является авторский приём интертексту-

альной переключки с литературными произведениями, которые широко известны читательской аудитории. К числу таких произведений относятся фольклорные сказки, герои которых явно «просматриваются» на страницах крапивинских текстов. Ярким показателем семиотической многомерности ономастикона становится прототипический образ *Бабы-яги*, получающий в пространстве художественного текста «новое ассоциативное прочтение» фольклорного образа. Литературные сказки В.П. Крапивина дают возможность проследить ономастическую реализацию принципа аллюзивной игры.

В повести-сказке «Чоки-Чок, или Рыцарь Прозрачного кота» события разворачиваются в двоемирии. В фокусе читательского внимания – одна из остановок сказочного маршрута (предшествующих входу в другой, *астральный* мир, в волшебную страну *Астралию*), станция *Чытоноги* и её обитательница – *Бабка со станции Чытоноги*. В «Кратокрафане» отмечено: «Похожа на Бабу-ягу, но отличается добродушным нравом. Летает на помеле с мотоциклетным седлом». В повести-сказке актуализация ассоциативного образа происходит за счёт дешифровки индивидуально-авторского окказионализма «*Чытоноги*», где второй компонент содержит отсылку к фольклорному «*Баба-яга, костяная нога*». Подчеркнём, что особенностями крапивинского персонажа как раз и являются те, на которые обратил внимание еще В.Я. Пропп, в их числе – указание «на ноги», «ногость», «костеность» [Пропп 2001: 81].

В романе-сказке «Стража Лопухастых островов» фольклорный персонаж *Бабы-яги* переосмыслен несколько иначе, прежде всего, за счёт фонетических сближений, способствующих созданию образа своенравной (за счет шипящих), интеллигентной, почти иностранной (Загорской) женщины. Так, *Ядвига Киши-товна Тышкевич-Загорская*, которая в «Кратокрафане» характеризуется как «Баба-яга с университетским образованием, генеральный инспектор всех аномальных и сказочных зон в регионе Малых Репейников. Терпеть не может глупых чиновников» [Крапивин, Кратокрафан, URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/30113/33/Krapivin_-_Kratokrafan.html]. В тексте произведения «версия» Бабы-яги поддерживается сочетанием структурных компонентов имени *Ядвига*, где инициаль *я-* и финаль *-га*,

находящиеся в фонетически сильных позициях, ассоциативно соотносимы с *-яга*, а отчество *Кишиштовна*, за счёт аллитерации (повторения глухого шипящего согласного звука *ш*) аллюзивно соотносимо с *Кащевна*. Важно отметить, что антропоним *Ядвига Кишиштовна* номинирует одного из центральных персонажей произведения и, соответственно, играет важную роль в смыслообразующих связях текста.

Развитие прецедентной символики фольклорного атрибута, традиционно сопутствующего образу Бабы-яги, прослеживается в других антропонимах анализируемого произведения. Речь идет об именах, внутритекстово соотносимых с *Ядвигой Кишиштовной*: *Ноги атлета Жоры* и *Куриные ноги*.

В контексте произведения писатель поясняет природу возникновения онимов. Так, Гипсовые Ноги – гипсовая статуя, вернее, то, что от нее осталось, *Куриные Ноги* – оставшаяся часть от рассыпавшейся избушки *на курьих ножках*. В «Кратокрафане» антропоним *Куриные Ноги* отсутствует, но включён антропоним *Гипсовые Ноги* («ноги от скульптуры атлета Жоры, которые остались без тела, когда Жору разбили. С той поры они вели самостоятельную жизнь, поэтому их можно рассматривать как отдельное фантастическое существо, хотя бестелесный и невидимый Жора всегда был при них»). Однако в «Кратокрафане» представлен еще один антропоним, непосредственно связанный с именем собственным *Куриные Ноги – Ноги Избушки Бабы-яги*, живущие на острове Одинокий Петух: «После разрушения избушки они вели самостоятельную жизнь, как и гипсовые ноги атлета Жоры. Поскольку ноги были не куриные, а с перепонками, как у водоплавающей птицы, возникавшая время от времени над ними избушка превращалась иногда в девицу, похожую на царевну-лебедь. Жора называл ее Лебёдушкой».

Разбитые вещи, сломанные предметы в сказке получают новую жизнь, «курьи ножки» взрослеют, становятся *Куриными Ногами*, которые «гуляют сами по себе». Взросление персонажа подчёркивается заменой притяжательного прилагательного *Курьи* (указывающего принадлежность к избушке) на относительное прилагательное *Куриные* (обозначающего признак, выражающий отношение к предмету, – избушке). Представленный выше отрывок из крапивинского текста даёт возможность гово-

речь о дальнейшей характеристике героев, осуществляемой за счёт расширения аллюзивных связей: курьи – куриные – лебединые (ножки – ноги), далее – Царевна-лебедь, ещё один персонаж из русского фольклора. Писатель усиливает антропоморфизм сказочного мира, показывая нежные чувства героев, в этом случае онимы из ирреальных становятся реальными антропонимами: *Жора* и *Лебедушка*.

В произведениях В.П.Крапивина интертекстуальные переключки с персонажами русского фольклора на ономастическом уровне прослеживаются и на материале других произведений писателя, кроме *Бабы-яги* встречаются и другие персонажи: *Ржавые бабки*, *колдуны*, *домовые*, *сашие* (от слова *сад*, по аналогии *лес-леший*) и др.

Многочисленными в творчестве писателя являются ономастические аллюзии, отсылающие читателя к прототипическому объекту: классическим произведениям, литературным героям широко известных текстов.

Имя одного из главных героев романа-сказки «Пироскаф «Дед Мазай» – *Поликарп Поликарпович Поддувало* по прозвищу *Капитан Поль*. В данном ониме соединяется несколько моментов: прозвище даёт отсылку к имени реального исторического лица, знаменитого моряка, ставшему названием романа А.Дюма «Капитан Поль». Фамилия *Поддувало* омонимична имеющемуся в русском языке слову, означающему «отверстие в печи ниже топки, служащее для улучшения тяги». Языковая игра на фонетическом уровне прослеживается в использовании взрывного глухого звука П-П-П-П (*Поликарп Поликарпович Поддувало ... Поль*) в инициальной позиции. Значение фамилии *Поддувало* («улучшение тяги»), таким образом, усиливается, создается эффект движения с напряжением, «пыхтящего» движения пироскафа. Сочетание прозвища, имеющего прецедентный характер *Капитан Поль* и фамилии *Поддувало*, создаёт направленный комический эффект.

В.П. Крапивин активно использует в своём номинативном творчестве приёмы аллюзивной игры, формируя тем самым самобытное сказочное пространство. Моделируемые писателем аллюзивные имена носят как центральные, так и фрагментарные персонажи, что играет различную роль в смыслообразующих

связях произведения: концептуально влияя на развитие сюжета, либо внося дополнительные коннотативные штрихи в контексте всего произведения. Ориентируясь на свою первоочередную читательскую аудиторию, В.П. Крапивин стремится к тому, чтобы коннотации имени собственного были бы интерпретированы должным образом, поэтому зачастую в тексте произведения писатель мотивирует выбор имени с использованием интертекстуальности, аллюзивная игра становится, таким образом, своеобразным стимулом к рефлексии.

ЛИТЕРАТУРА

Богатырёва Н.Ю. Литературная сказка В.П. Крапивина: жанровое своеобразие и поэтика: дис... канд.филол. наук. – М., 1998.

Васильева С.П., Ворошилова Е.В. Литературная ономастика: учеб. пособие. – Красноярск: КГПУ, 2009.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте. – Екатеринбург: УрГПУ, 2012.

Крапивин В.П. Кратокрафан [электронный ресурс] / режим доступа: http://www.e-reading.club/chapter.php/30113/33/Krapivin_-_Kratokrafan.html (дата обращения: 18.03.2016).

Новахачёва Н.Ю. Стилистический приём литературной аллюзии в газетно-публицистическом дискурсе конца XX – начала XXI веков: дис... канд.филол. наук. – Ставрополь: СтавГУ, 2005.

Протт В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001.

© Кочнева Н.С., 2016

А. В. КУБАСОВ

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'42:821.161.1-1

ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)64-45

ОТРАЖЕНИЕ ЖЕНСКОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ В ЗЕРКАЛЕ ИРОНИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация: Статья посвящена проблеме языковой личности, отраженной в художественном тексте. Выбран один аспект этой многогранной и большой проблемы – самоидентификация женщин, которая рассматривается сквозь призму иронической поэзии. В качестве материала для анализа выбраны однострочные стихотворения современных поэтов, прежде всего, Натальи Хозиновой. Предельная лапидарность этих художественных произведений обусловила их множественность, смысловую пестроту и установку на передачу дробной картины внутреннего мира современной женщины. Отталкиваясь от определения самоидентификации как признание тождества женщины с самой собой, которая выражается в языковой форме, автор рассмотрел четыре тематических группы одностиший, которые отражают важнейшие стороны бытия современной женщины: стихотворения, раскрывающие телесную сторону существования женщины; тексты, раскрывающие сексуальную сторону существования женщины; одностишия на тему партнерство / брак и на тему быта. В итоге делается вывод о том, что одностишия обладают диагностическим социокультурным потенциалом. Они раскрывают неблагоприятные бытия современной женщины, ее поневоле искаженной самоидентификации, но делают это с тонкой иронией, которая рождает смеховую реакцию читателя. Вместе с тем способность к самоиронии является свидетельством внутренней свободы женщин, их умения возвыситься над неблагоприятием современной действительности.

Ключевые слова: языковая личность, гендер, самоидентификация женщины, однострочные стихотворения, ироническая модальность

Однострочные стихотворения, моностихи или одностишия – явление отнюдь не новое для русской литературы и тем более для мировой. В русской литературе они бытуют со времен классицизма, а в европейской – со времен античности. В современности моностихи приобрели особую популярность, прежде всего, благодаря новым средствам массовой коммуникации. Особую роль в распространении одностиший играет Интернет. Он расширил не только читательскую аудиторию, но и писательскую. Помимо особенности своего бытования, интернет-

литература обладает рядом особенностей. Одна из заметных – иронический модус художественности при стремлении к максимальной лапидарности создаваемых текстов.

Ирония в духовно-интеллектуальной жизни современной России весьма распространена. Значимость ее за последнее время резко возросла не только в газетно-журнальном дискурсе, но и в повседневной речи. Ирония полифункциональна. Она вписывается в современный тренд относиться ко многим проблемам с недоверием, а то и с долей скепсиса. Ирония – одно из средств преодоления неблагополучия мира, его алогичности и неподвластности личности. Кроме того, ирония сокращает дистанцию между коммуникантами. Иронические одностишия интересны не только с художественной, но и с социокультурной точки зрения. Они позволяют раскрыть некоторые ситуации, в которых оказывается современная женщина, увидеть те роли, которые она себе присваивает, а точнее – мыслит допустимыми для себя. Конечно, иронические моностихи являются *кривым* зеркалом, то есть их нельзя прямо соотносить с реальностью. Но ведь и в комнате смеха, глядя в то или иное кривое зеркало, человек все-таки осознает, что оно утрирует не что-то находящееся вне его, а то, что есть в нем, хотя и не в таком гипертрофированном виде.

Предельная краткость одностиший позволяет пренебречь особенностями идиостиля того или иного автора. Поэтому только назовем некоторых из них: Наталья Хозяинова, автор цикла и книги с названием «Мины фемины», Ольга Арефьева, Ольга Дроздова, Марина Далимаева. Источниковедческой базой нам послужил сайт, специально посвященный данному стихотворному жанру [Одностишия. ру].

Современные философы и культурологи отмечают, что «изменение места и роли женщины в обществе сопряжено с фрагментарностью и противоречивостью ее существования, когда множественность сфер ее деятельности дестабилизирует ее некогда устойчивую идентичность. <...> Остроту вопросу о самоидентификации современной женщины придает возросшая дифференциация видов деятельности, источников знания о себе и своей социальной роли и изменившийся принцип социализации» [Ершова 2005: 3]. Множественность сфер деятельности

женщины обуславливает множественность ее социальных ролей. Самоидентификация отвечает на простой и вместе с тем сложный вопрос: «Кто я?». В современной философской литературе можно найти не одно определение этого понятия. Автор диссертационного исследования «Трансформация самоидентификации современной женщины: между полом и гендером», определяет самоидентификацию следующим образом: это «есть установление и признание тождества с самой собой, выражающееся через Я как языковую форму, концентрирующей полноту индивидуального бытия» [Ершова 2005: 12]. Если перевести сказанное с философского языка на общеупотребительный, то самоидентификация может быть оформлена в виде выражения «я есть...». И далее следует прибавить все социально-профессиональные роли, про которые женщина может сказать утвердительно, что она в них выступает.

Смежным с понятием *самоидентификация* является термин *самоопределение*, понимаемое как «установление неких пределов своего "я"» [Кеидия 2012: 51]. В структуре самоопределения выделяют следующие основные элементы: 1. телесность; 2. сексуальность; 3. партнерство; 4. материнство; 5. профессионализм; 6. потребление [Мясникова 2014: 70]. Если соотнести их с тематическими группами одностиший, то можно заметить, что два элемента из этой структуры в них не представлены. Это профессионализм и материнство. В отсутствии темы материнства среди одностиший видится глубокий этический и даже сакральный смысл: все-таки мать и дитя – это абсолютные ценности, над которыми женщины предпочитают не иронизировать. В эпоху кризиса и девальвации множества ценностей, материнство женщинами не подвергается ревизии. У мужчин же и отцовство может быть окрашено в иронические тона. Вспомним известное стихотворение Владимира Вишневского – *Ты мне роди, а я перезвоню*. Названные элементы с необходимыми коррективами будут определять последующий анализ материала.

Еще одно предварительное замечание касается соотношения литературного жанра одностишия и речевых жанров. Одностишие мы трактуем как метажанр, в пространстве которого могут реализовываться такие речевые жанры, как реплика из диалога женщины с мужчиной, реплика из доверительного разговора под-

руг, реплика из внутренней речи женщины, самопризнание и т.д.

1. Стихотворения, раскрывающие телесную сторону существования женщины.

Одна из современных маний, распространенных среди женщин, – стремление соответствовать рекламируемым и открыто насаждаемым масс-медиа стандартам стройности. Происходит фетишизация стройности. Конечно, можно сказать, что это не главное в структуре личности. Однако особенностью последних десятилетий следует признать интерференцию центра и периферии в ценностной картине мира многих наших современниц. Одностишия отражают этот сдвиг в психологии и аксиологии массового человека.

Лишь изредка я встаю с диеты. В основе стихотворения лежит обыгрывание прецедентного выражения *сидеть на диете*. Привстать можно со стула или кресла, тем самым абстрактное существительное выступает в значении предметного. В этом самопризнании отрывается вынужденный характер сидения женщиной на диете.

Помехи счастью – ты и лишний вес. Гипертрофированное значение телесных стандартов приводит к тому, что женщина не видит смысла жизни, если она не соответствует им. Ирония создается за счет неравнозначности двух главных причин неполноты женского счастья – партнер и лишний вес. Одностишие написано в жанре реплики, обращенной к мужчине.

Всё нестандартнее фигура год от года... Ключевое корневое слово – *стандарт* связано опять-таки с массовым сознанием, для которого травматично не совпадать с общепринятыми установками. Если можно так выразиться, то одностишие написано в жанре реплики со вздохом, который передается многоточием.

Другое стихотворение оформлено как фрагмент реплики из разговора, очевидно, подружек. У мужчин популярны фильмы ужасов, у женщин – разговоры в жанре «hoгog»: *...вдруг он ко мне подкрался с сантиметром!* Эмоциональная реакция ужаса возникает за счет ассоциативной связи с прецедентными устойчивыми выражениями *подкрался с ножом*, *подкрался с топором*, вообще с орудием убийства. Для женщины в роли смертельно опасного предмета выступает невинный сантиметр. Оче-

видно, что не только она – жертва манипулирования массовым сознанием, но и он, иначе бы не пытался узнать страшную женскую тайну. Образ фрагментарности реплики создается за счет инициального многоточия.

Вкус у меня прекрасный. Запах тоже. Ирония возникает за счет приема обманутого ожидания читателя. Стихотворение двухчастно. Языковая игра сосредоточена в рождающейся многозначности слова *вкус*. Выражение «вкус у меня прекрасный» реализует первичное значение слова *вкус* как эстетические предпочтения. Однако парцеллят *запах тоже* переводит уже прочитанное выражение в другой план. Происходит своеобразное удвоение смысла. К уже прочитанному и осознанному добавляется вторичное значение на основе реверсивного, возвратного перечтения и соответствующего ему переосмысления. Слово *вкус* реализуется теперь еще и в значении – *физиологическое ощущение*. Женщина своеобразно опредмечивается и становится чем-то съедобным, например, каким-нибудь фруктом. Смысловой эквивалент стихотворения можно примерно сформулировать так: такая женщина, что так бы и съел. В связи с этим вспомним фильм 1976 года с Натальей Гундаревой в главной роли, который назывался «Сладкая женщина».

Вторая *idea fix* женщин – победа над возрастом. Нежелание стареть поддерживается индустрией косметики, медицины, фармакологии, а также журналами, телевидением, Интернетом и т.д. Вполне сформировалось такое явление, как социальная геронтофобия. Страх старения внедряется в сознание общества, потому что на нем можно построить бизнес. Когда-то «война» с возрастом (преимущественно косметологическая) носила элитарный характер. Вспомним, например, Любовь Орлову и аплодисменты публики после фразы «Мне никогда не будет больше 39 лет, ни на один день» в спектакле «Милый лжец». Сейчас рекламируется не столько бег от инфаркта, сколько бег от возраста.

Идут года, мне все еще за тридцать... Иронический модус в приведенном одностишии создается за счет скрытого противопоставления выражения *идут года*, предполагающего временную длительность, и находящегося в оппозиции с ним *все еще*.

Года летят и на здоровье гадят. В основе стихотворения прием овеществления, опредмечивания метафоры, перевод пе-

реносного смысла в прямой и соответствующий ему обратный процесс: абстрактное существительное *здоровье* метафоризируется и приобретает значение предметного. В жанровой природе одностиший заложено стремление расширить контекст. Один из путей этого – подключение интертекстуальных связей. Интертекст в данном случае выступает как средство активизации культурно-исторического сознания читателя. Приведенное стихотворение являет собой иронический парафраз строки из известной песни: «А годы летят, наши годы, как птицы, летят...»

2. Стихотворения, раскрывающие сексуальную сторону существования женщины.

В России вопрос сексуальности исторически осмыслялся, прежде всего, философами. Вспомним, например, Василия Розанова. Николай Бердяев в работе «Метафизика пола и любви» прямо писал: «...женский вопрос, который сейчас рассматривается в связи с социальным, и есть вопрос половой» [Бердяев]. Одностишия рассматривают вопрос пола в ироническом аспекте и, конечно, без претензии на философскую глубину. *Ко мне ввалился! Ночью! Без жены!* Героиня стихотворения выступает в ролевом облике целомудренной женщины, которая возмущена некорректным поведением мужчины. Хотя в подтексте просвечивают их истинные роли. Очевидно, что это любовница и ее женатый подвыпивший любовник. Отметим экспрессивный синтаксис, который проявляется не только в парцелляции, но и в расположении ключевых слов в климаксе.

Женщина, в соответствии с установившимися неписаными правилами, на этапе ухаживания за ней мужчины, должна оказывать сопротивление. Она – своего рода приз, который достается воину. Но современные «завоеватели» слабоваты, не такие, о каких мечтает женщина. *"Нахал" – совсем не значит "прекратите"!*

Следующее одностишие строится как отрывочная внутренняя речь, которая, как известно, отличается неполнотой, эллиптичностью и предикативностью. Л.С. Выготский прямо писал: «Предикативность – основная и единственная форма внутренней речи, которая состоит из одних сказуемых...» [Выготский 2014: 522]. Принадлежность текста к внутренней речи подчеркивается троекратным употреблением многоточия [Кубасов,

Михайлова 2014: 263-265]. Если же говорить об образной структуре стихотворения, то женщина здесь предстает как опытная хищница и тонкий стратег, оценивающий свое поведение: ...*как робок он... сопротивляться сложно...*

Вчера нам низко пасть так и не вышло... Выражение *низко пасть* обладает устойчивой отрицательной коннотацией. В данном случае оно выступает как эвфемизм сексуальных отношений, которых женщина хочет, но не может быть их инициатором. При этом она столь деликатна, что проблему связывает не с мужчиной, а с некоей фатальной предопределенностью неудачи.

О, не лежи так явно на постели... По форме стихотворение окликает знаменитое «О закрой свои бледные ноги» Валерия Брюсова. Используя выражение Ю.Н. Тынянова, можно сказать, что ирония возникает за счет использования «ритмико-интонационного макета» [Тынянов 1977: 289] precedentного стихотворения.

Принято считать, что у женщины память слабее, чем у мужчин. Недаром есть устойчивое выражение *девичья память*. Но и забывчивость может носить орудийный характер, если ею правильно пользоваться. Женщины могут и *девичью память* заставить служить себе. Вот примеры якобы невинных женских вопросов: *Забыла. Мы чего уединились? Простите, я забылась, мы женаты?* Это реплики, обращенные к мужчине.

3. Стихотворения, раскрывающие тему *партнерство – брак*.

Одна из главных проблем в третьей тематической группе – это отсутствие партнера. Уже не только смешным выглядит стихотворение – *Уж зла любовь, ну а козла всё нету...* Precedentное высказывание очевидно: *Любовь зла – полюбишь и козла*. Пословица отражает народное представление о фатальности любви, ее независимости от воли человека. В стихотворении же акцент сделан на другом. Злость обретает процессуальный характер: любовь из ожидаемо прекрасной превратилась в злую, испортилась, а мужчины как не было, так и нет. На периферии ассоциативного поля стихотворения находится отголосок известной фразы, которая оторвалась от первоисточника и стала бытовать как самостоятельное полуфольклорное одностишие: «Уж полночь близится, а Германа все нет».

Чтобы овладеть мужчиной, женщина прибегает не только к

намеренной забывчивости, но и к другим способам: *Он любит борщ... Воспользуемся этим.* Одностишие варьирует широко распространенное представление о том, что путь к сердцу женщины лежит через его желудок. Женщина ловит мужчину в свои сети, используя обаяние, шарм, чары, прозаический борщ. В конце концов, она может попытаться просто убедить партнера в нужном ей результате. *Не надо спорить: ты на мне женился!* Иногда важно просто правильно сформулировать вопрос: *На что ты намекал мне поцелуем?* Здесь тоже важен диалогизирующий фон. Он создается фраземой *тонкий намек на толстые обстоятельства.*

Ситуация, когда мужчина добивается женщины, а не наоборот, в женских одностишиях практически не встречается. В сказках есть архетипическая ситуация: чтобы добиться суженой, герой проходит ряд испытаний – снашивает не одну пару железных сапог, съедает такие же хлебы, а вот испытание для современного мужчины: *Я слышу, любишь, а носки стираешь?*

Естественно, что брак, заключенный не на небесах, а в условиях сурового российского быта, расставляет свои акценты. В следующем стихотворении ирония возникает за счет контаминации семейно-брачных отношений с внеположными им армейскими: *Я в браке добровольно. Муж – контрактник.*

Залучившая мужчину в сети женщина предстает как воительница. Мужчине от нее не вырваться: *Я в третьем браке. Муж – в последнем.* Вынужденная маскулинность становится приметой современной женщины. Зачастую оказывается, что устроить свою судьбу женщина может, лишь уведя уже женатого мужчину из семьи: *Ваш муж б/у... Выходит без гарантий...* Одностишие дано в жанре реплики из разговора двух женщин. Мужчина здесь опредмечен и рассматривается в плоскости товарно-денежных отношений.

В конце концов, обретя мужчину, женщина может прийти к радикальным выводам, причем противоположным по смыслу своим первоначальным усилиям: *Чрезмерное замужество опасно!* Прецедентное выражение легко опознается – *Чрезмерное употребление алкоголя вредит вашему здоровью.* В основе одностишия лежит имплицитное овеществление абстрактного, уравнивание разнородных явлений. Пример сходного по смыслу

одностишия, написанного в жанре раскаяния, – *И мама, и Мин-здрав предупреждали...*

Первая задача современной женщины – залучить мужчину, ну, а со временем приходит трезвая оценка того, что пойманный не вполне оправдал связанные с ним ожидания: *Он в основном хорош, но слабоват в деталях.*

Когда-то Чехов написал в рассказе «Ниночка»: «Мужской логике никогда не совладать с женской». В какой-то мере когнитивные различия осознают и сами женщины. Без комментариев приведем ряд одностиший о специфической женской логике: *Да согласишься же наконец: я не упряма!!! Нет, я не против, только не согласна! Что ж, будь по-твоему: снег белый и холодный. Я требую: сейчас же, но не сразу!*

4. Четвертая группа одностиший, отражающая такую сторону самоидентификации, как профессия, практически не представлена. Причина этого видится в чрезвычайной пестроте трудовых занятий современных женщин, в трудности нахождения «общего знаменателя» в этом аспекте.

5. Тематическую группу потребление обозначим другим словом, способным объединить разнородное, – *быт*.

Первая бытовая проблема, знакомая и наиболее частотная, – нехватка денег. Она может выражена как прямо, так и косвенно. *Я всё прощю, но то, что ты бюджетник...* Здесь представлена иерархия ценностей замужней женщины и констатация факта, что бюджетник является контекстуальным синонимом слова *бедный*, выражения *мало зарабатывающий*. Деньги – источник ссор в семье. Из внутренней речи женщины: *...Пора мириться, завтра день зарплаты*. Приведем шедевр, в основу которого положены принципы соответствия и антитезы: *Как много лишних слов, как мало лишних денег!*

Следующее стихотворение создает затекстную ситуацию чтения женщиной дневниковой записи: *Назавтра у меня истерика и шопинг*. Важно, что истерика предшествует шопингу. Она не ситуативна, а запланирована, так как является средством манипулирования партнером для того, чтобы добиться своей цели.

Одна из распространенных женских жалоб общеизвестна – «нечего надеть». Бедность гардероба обыгрывается в стихотво-

рении: *Как много лет нам не в чем обниматься!*

И в заключение несколько стихотворений, которые передают ролевое поведение женщины на кухне. Если женщина хорошо готовит, то в этом случае нет места для иронии и самоиронии. Она возникает тогда, когда повариха из женщины никакая. *Сегодня плов без мяса. И без риса.* От плова остается только слово *плов*, продуктовые же атрибуты его отсутствуют. Парцеллят доводит высказывание до абсурда. Мужчина зачастую боится есть то, что приготовила неумелая повариха. На что может услышать: *Попробуй суп. Не бойся. Есть лекарство.* Героиня осознает, что приготовила нечто вроде отравы, но, не смущаясь этим, утешает мужчину тем, что есть противоядие. Тема яда и намерение отравить мужчину могут прозвучать и открыто: *Уж если жив, колись – не ел мой ужин?* Смеховая реакция здесь рождается за счет расхождения бытового повседневного разговора и его содержания, связанного с жизнью и смертью. Начав с того, чтобы всеми силами заманить мужчину в свои сети, женщина заканчивает тем, что готова отравить его. Тем самым она совершила восхождение от одного одиночества до замужества далее через быт, повседневные проблемы семейной жизни к другому одиночеству, выстраданному. Поэтому о событии убийственном, грозящем смертью, может говорить спокойно и буднично, ни от кого не таясь. Такой женщине мужчин не жалко: *Яд не тебе, но хочешь – угощайся!*

Таким образом, одништя женщины-поэтессы обладают в определенной мере диагностическим социокультурным потенциалом, они раскрывают неблагополучие быта и бытия современной женщины, ее поневоле искаженной самоидентификации, но делают это не надрывно, а с усмешкой, с тонкой иронией, которая после смеха оставляет в сознании читателя едва заметный горький осадок. Вместе с тем способность к самоиронии является свидетельством внутренней свободы женщин, их умения возвыситься над неблагополучием современной действительности.

ЛИТЕРАТУРА

Бердяев Н.А. Метафизика пола и любви. Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Berd/MetPol.php

Выготский Л. С. Мышление и речь. – М., 2014.

Ершова Н.М. Трансформация самоидентификации современной женщины: между полом и гендером. – Автореф. дис. ... канд. философ. наук. Екатеринбург.

бург, 2005.

Кеидия К.З. Философское понимание самоидентификации в бытийной структуре личности // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 1(137).

Кубасов А.В., Михайлова О.А. Семантико-символический потенциал многогочия // Феномен незавершенного. – Екатеринбург, 2014.

Мясникова Л.А. Самоопределение женщины: пол-функция и пол-сущность // Известия Уральского федерального университета. Серия 3. Общественные науки. 2014. № 3 (131).

Одностишия.ru. Коллекция одностиший, двустыший и прочих стиший. Авторы. Режим доступа: <http://odnostishia.ru/avtoram#name1>

Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977.

© Кубасов А.В., 2016

МАО ЯНЬ

(Санкт-Петербургский государственный университет,
г. Санкт-Петербург, Россия)

УДК 811.161.1'367.623

ББК Ш141.12-22

КАЧЕСТВЕННЫЕ ЗНАЧЕНИЯ У ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: В данной статье рассматривается вопрос о приобретении относительными прилагательными качественных значений. Границы, отделяющие относительные прилагательные от качественных, не являются жесткими. Причина этого состоит в том, что практически у любого относительного прилагательного могут возникать качественные значения. В этом отношении большой интерес представляют качественные значения, приобретаемые относительными прилагательными, обозначающими национальную или географическую принадлежность, поскольку в них отражаются существующие национальные стереотипы и коннотации. Одним из основных проявлений качественности считается способность прилагательного сочетаться с различными показателями степени признака. Далее с этой точки зрения анализируются сочетания *очень русский, по-настоящему русский, более русский*, представленные в Национальном корпусе русского языка. С помощью этих сочетаний качественную характеристику могут получать различные стороны жизни: еда, природа, архитектура, особенности языка, люди, причем в последнем случае оценка нередко дается через отсылку к известным персонажам литературы и кино. Таким образом, устанавливаются сферы применения этого сочетания и выражаемые им признаки и качества, эталонные для русского человека: боль за Россию, терпимость, сердечность, тонкость и в то же время наивность и непоследовательность.

Ключевые слова: относительные прилагательные, качественные значения, семантика, показатель степени признака, национальные стереотипы.

Основу прилагательных как особого класса слов составляют качественные прилагательные. По мнению Р. Диксона, к наиболее распространенным в языках мира прилагательным относятся (в порядке убывания популярности – «in order of popularity») следующие: *big/large* ‘большой’, *small* ‘маленький’, *long* ‘длинный’, *short* ‘короткий’, *new* ‘новый’, *old* ‘старый’, *good* ‘хороший’, *bad* ‘плохой’, *black* ‘черный’ и *white* ‘белый’ [Dixon 1977; 1999]. По своему значению они подразделяются на четыре группы: РАЗМЕР, ВОЗРАСТ, ОЦЕНКА и ЦВЕТ. Легко заметить, что эти значения типичны именно для качественных при-

лагательных. В языках, обладающих большим количеством прилагательных, к которым относится и русский язык, выделяются и другие семантические группы качественных прилагательных. Общей чертой качественных прилагательных является то, что они называют признак непосредственно, независимо от предмета, который они определяют.

Помимо этого, для русского характерно и значительное число относительных прилагательных, образуемых в основном с помощью суффиксов *-н-*, *-ов-* и *-ск-*: *автомобиль – автомобильный*, *бензин – бензиновый*, *море – морской*. Относительные прилагательные обозначают признак предмета через его отношение к тому, что названо мотивирующим словом. Общее значение отношения может конкретизироваться в соответствии со значениями определяемого существительного и того слова, от которых данное прилагательное образовано; ср. различные конкретизации общего значения отношения в следующих словосочетаниях с прилагательным *морской*: *морская прогулка*, *морская вода*, *морская рыба*, *морской порт*, *морская шинель* и т.д. [Шрамм 1979]. Согласно широко распространенной точке зрения, значение относительных прилагательных тождественно значению слов, от которых они образованы, а различие между ними состоит лишь в принадлежности к разным частям речи: «прилагательное *автомобильный* имеет то же лексическое значение, что и существительное *автомобиль*, но выражает его не в виде значения предмета, а в виде значения признака» [Земская 1973: 185]. Аналогичную общую характеристику дает относительным прилагательным и Л. Дюрович: «их основным назначением является конвертировать соответствующие существительные, наречия, глаголы в синтаксическую функцию согласованного определения» [Дюрович 1972: 190].

Границы, разделяющие эти два разряда прилагательных, не являются жесткими. Причина этого состоит в том, что практически у любого относительного прилагательного могут возникать качественные значения. Как писал В.В. Виноградов, «во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности, который часто раскрывается и развивается в серию самостоятельных значений» [Виноградов 1947: 205]. По мнению Е.А. Земской, «...В словообразовании прилагатель-

ных в течение длительного времени сосуществуют два процесса: 1) активное образование отсубстантивных ОП (относительных прилагательных. – М. Я.), 2) активное развитие качественных значений у ОП» [Земская 1991: 154].

Так, у прилагательного *розовый* возникли качественные значения цвета и оценки:

(1) *Жарко, лень. Цветущие олеандры бросают негустую тень на столики открытого кафе. Сквозь их жидковатые кусты с моря задувает спасительный ветерок. От истомлённых розовых цветов потягивает сладковатый гнилостный запах* [Фазиль Искандер. Летним днем (1969)];

(2) *Скоро будем жить как на Западе! Розовые мечтания... – Жить стало лучше* [Светлана Алексиевич. Время second-hand // «Дружба народов», 2013].

Значение, выражаемое прилагательным *розовый* в примере (2), в Словаре Ушакова толкуется следующим образом: «такой, который включает в себе только приятное, идеализирующий все (<...>), не замечающий недостатков».

Это прилагательное сохраняет и исходное относительное значение:

(3) *Итак: высший тип женщины – небожительница: красавица, по преимуществу блондинка с бриллиантами в ушах, нежная как розовый лепесток, в длинном вечернем платье с оголённой спиной, стройная, длинноногая, в серебряных туфельках, накрашенная, напудренная, поражающая длиной загнутых ресниц, за решёткой которых наркотически блестят глаза, благоухающая духами Коти, даже Герлена, – на узкой руке с малиновыми ногтями золотые часики, осыпанные алмазами, в сумочке пудреница с зеркальцем и пуховка* [В.П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)];

(4) *Под самым окном росли розовые кусты, но на веранде пахло не розами и не травой, а крепким кофе, который Ольга на моих глазах пила чашку за чашкой* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

В этой связи большой интерес представляют качественно-оценочные значения, приобретаемые относительными прилагательными, обозначающие национальную или географическую принадлежность типа *русский, европейский, французский* и т.п., поскольку в них отражаются существующие национальные сте-

реотипы и коннотации [Плунгян, Рахилина 1996]. Далее с этой точки зрения рассматриваются сочетания *более русский*, представленные в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorgo.ru).

В словаре С.И. Ожегова прилагательное русский получает следующее толкование: «Относящийся к русскому народу, к его языку, национальному характеру, образу жизни, культуре, а также к России, ее территории, внутреннему устройству, истории; такой, как у русских, как в России». Примечательно, что первая часть этого толкования отражает относительные значения слова *русский*, а вторая его часть, содержащая сравнение, указывает на наличие у этого прилагательного качественных значений.

Одним из основных проявлений качественности считается способность прилагательного сочетаться с различными показателями степени признака:

(5) *Уникальная самобытная «небесная» роспись с изображением архангелов, евангелистов, пророков и херувимов – образец очень русского северного письма, близкого каждому нормальному патриоту с художественным чутьём* [Эмма Порк. Херувимы и «Тайная недоброжелательность». Выставки (2002) // «Известия», 2002.01.10];

(6) *В спектакле есть особая, очень русская зрелищно-музыкально-поэтическая выразительность, и дети наших первых зрителей приняли «Юнону»* [Марк Захаров: «Из театров ушло то, о чем не надо жалеть» (2002) // «Известия», 2002.02.01];

(7) *Но по-настоящему русским этот дом делают не досуг и питание, а бесконечные лабиринты коридоров с нелепыми ответвлениями и тупиками и убийственно низкими потолками – я, например, пока разыскивал на четвертом этаже кабинет директора, очень опасался повредить голову о противопожарные датчики* [Василий Гулин. Прощание славянки с «Интуристом» (1997) // «Столица», 1997.05.13];

(8) *Восхвалением самих себя по-настоящему русские никогда не «хворали». Напротив, русские очень часто, а особенно в XIX и начале XX в., были склонны к самоуничижению – преувеличивали отсталость своей культуры. Русские хоть и не всегда, но по большей части жили в мире с соседними народами* [Д.С. Лихачев. Заметки о русском (1984)].

В этом же ряду находятся и рассматриваемые далее употребления прилагательного *русский* в форме сравнительной степени: *более русский*.

Судя по данным, отраженным в Национальном корпусе русского языка, с помощью этих сочетаний качественную характеристику могут получать различные стороны жизни:

а) еда:

(9) *Тем не менее, сегодня оборот одной нестационарной точки «Крошки-картошки» составляет до 500 долларов в сутки. Увязывайте меню с географией. Чем именно из широкого спектра фаст-фуда вы будете торговать, не так уж и важно. На мой взгляд, наша марка выиграла именно оттого, что картошка – более русский продукт, более традиционное блюдо, чем какая-нибудь сосиска в тесте [Ольга Колева. Буфет на колесах (2004) // «Бизнес-журнал», 2004.01.30];*

б) природа:

(10) *И затем, в Финляндии, оставшейся у нее в душе, как что-то более русское, чем сама Россия, оттого, может быть, что деревянная дача и елки, и белая лодка на черном от хвойных отражений озере особенно замечались, как русское, особенно ценились, как что-то запретное по ту сторону Белоострова, – в этой, еще дачной, еще петербургской Финляндии она несколько раз издали видела знаменитого писателя, очень бледного, с отчетливой бородкой, все поглядывавшего на небо, где начинали водиться вражеские аэропланы [В.В. Набоков. Защита Лужина (1929-1930)];*

в) архитектура:

(11) *Пространственное и конструктивное решение могло быть знакомо Алевизу ещё в его жизни в Италии, но за счёт изменения пропорций (больше, выше, мощнее) храм оказался схож с домонгольскими храмами Руси. Несомненно, что целый ряд черт – чисто русские. Это и световые барабаны глав, и устройство алтарной части, и одинаковое решение трёх фасадов. Но собор более «русский» чем Успенский именно потому, чтоб Алевиз родом из Венеции – той области Италии, которая больше всего и дольше всего испытывала художественное влияние Византии. Собор создан Алевизом в полном соответствии с художественными представлениями мастера позднего итальян-*

янского кватроченто, но одновременно – в такой редакции собор никогда не мог бы появиться и в Италии, и в Венеции, но только в России. И не случайно в Москве работали мастера из Северной Италии. Строгая архитектоника никогда не импонировала русским зодчим, они предпочитали свободные, живописные решения, им нравились смелые, порой ассиметричные группировки деталей, яркие красочные пятна [С.А. Еремеева. Лекции по русскому искусству (2000)];

г) особенности языка:

(12) Ты ошибаешься, моя дорогая, возражал ей жених. Компетентные органы прекрасно знают, что мой отец, полковник Эр, происходит от бомбардиров Севастопольской обороны, а э обратное – это русейшая гласная буква из всего алфавита, потому что ни в одном другом языке такой нет. Анка продолжала его любовно поддевать. В нашем алфавите есть еще одна гласная буква, **еще более русская**, чем э обратное. Это – ы. Я уверена, что и в армии нашей, кроме полковника Эра, есть полковник Ёр. Ау этого Ёра есть сын Кадыр Ёр, который, ну, скажем, сочиняет музыку и мечтает о светлоокой девушке сомнительного происхождения [Василий Аксенов. Таинственная страсть (2007)] [омонимия не снята];

д) люди, причем в одних случаях оценка дается через отсылку к известным персонажам литературы и кино:

(13) Так вот Марк... Такой законченный русский еврей, что даже противно. Нельзя быть **более русским**, чем русские. Это вещь недостижимая и иррациональная. А вот если взять и набуровить некое представление о русскости как таковой, то да, с этим вполне можно тягаться. Марк вполне пробирочный русский – обломо-карамазово-грушницкий [Галина Щербакова. Моление о Еве (2000)];

(14) Итог известен: неверным «соплям» уже не место в современном мегаполисе, вместе с классической литературой они канули на дно архивов. Уровень культуры, достигнутый за четверть века, к середине 80-х подошел к своему пределу (в плане формального прогресса и индивидуального мастерства), стал пробуксовывать и повторяться. Уже физически невозможно было сыграть лучше, тоньше, виртуознее, остроумнее... Ну, не будет, не будет уже более смешного Баберлея-Калягина и Паников-

ского-Гердта, не будет и более милого Ватсона, более «русского» Верецагина-Луспекаева, Жеглова-Высоцкого, более импозантной Плисецкой, более «правозащитного» Сахарова, более «разоблачительного» Ал. Зиновьева и т.д. ! Сам миф исчерпал себя в личностном исполнении, а личность потеряла флер романтической тайны и проекцию в мифологизм. Избитый термин «застой» адекватно отражает положение дел: люди устали от самих себя, хотя теоретически это самоклонирование могло продолжаться еще долго [Владимир Лапенков. Ars rossica: литературная Россия и фабула глобализации // «Звезда», 2003];

но чаще всего прямо названы:

(15) Слишком досталось нам в царской России крови, плевков в глаза, погромов. В России у великого писателя нет права травить инородцев, презирать поляков и татар, евреев, армян, чувашей. Седой темноглазый татарин сказал Мадьярову со злой, надменной монгольской усмешкой: – Вы, может быть, читали произведение Толстого "Хаджи Мурат"? Может быть, читали "Казаков"? Может быть, читали рассказ "Кавказский пленник"? Это всё русский граф писал, **более русский**, чем литвин Достоевский. Пока будут живы татары, они за Толстого молиться будут Аллаху [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)];

(16) Им еще есть что беречь, это видно из всего. Один театр «Субботы» у Пяти углов чего стоит, постоянно твердящий и поющий о Питере, словно о какой-то Мекке правоверных. Они ужасно обеспокоены судьбой Васильевского острова, столь своенравного, что от отчаливания в океан его спасают только якоря их любви. По существу, они **гораздо более русские**, чем мы (москвичи). Они больше романтики и больше интеллигенты. Они наивнее нас, но сердечнее расположены к искусству [Александр Вяльцев. Путешествия в одну сторону (1985-2000) // «Звезда», 2001];

(17) Но всё это доказывает только то, что Тютчев – поэт глубоко русский, даже **более русский**, чем любой другой русский поэт, именно в силу своей восхитительной непоследовательности, нелогичности и полной подчинённости сиюминутному чувству и, одновременно, некоей совершенно туманной и никоим образом рационально не объяснимой идее [Николай Журавлев. Поэт и вертикаль. Суэта вокруг юбилея (2003) // «Вестник США», 2003.09.17];

(18) Сейчас задерживаем выход фильма только потому, что изначально ориентировались на европейскую аудиторию, а теперь, как я уже говорила, к проекту подключились новые покупатели – американцы. На мое счастье, они заинтересовались нашей работой ближе к ее завершению. Дело в том, что американцы хотят хэппи энд. У нас был более тонкий, лирический финал, **более русский**, что ли. Ведь история разворачивается на русском материале, в Петербурге. Но, конечно, мы должны будем учесть пожелания новых партнеров, а стало быть, и новых зрителей. Что делать, чтобы не остаться с одним «Носом»? [Лариса Малюкова. Разговор поэтов о киноторговле (2003) // «Искусство кино», 2003.06.30];

(19) Если бы не я, он делал бы другие вещи. Его всегда интересовала старая Русь. Может быть, он написал бы оперу «Боярыня Морозова» или «Аввакум». Я вообще **более русского** человека не знаю, не встречала. Он за Русь всегда болел. Часто говорят: «Ну, черт с ней, Россией...». А он, наоборот, страдает, если в России плохо [Владимир Молчанов, Консуэло Сегура. И дальше века... (1999-2003)]

Таким образом, эталонными для русского человека считаются такие качества, как боль за Россию, терпимость, сердечность, тонкость и в то же время наивность и непоследовательность.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.; Л.: 1947.

Дюрович Л. Относительное предложение в славянских языках // The Slavic word. Proceedings of the International Slavistic Colloquium at UCLA. – The Hague; Paris, 1972.

Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. – М., 1973.

Земская Е.А. Относительное прилагательное как конструктивный элемент номинативной системы современного языка // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. Морфология. Словообразование. Синтаксис. – М., 1991.

Плунгян В.А., Рахилина Е.В. «С чисто русской аккуратностью»: к вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке // Московский лингвистический журнал. 1996. Т. 2.

Шрамм А.Н. Очерки по семантике качественных прилагательных. – Л., 1979.

Dixon R.M.W. Where have all the adjectives gone // Studies in language. 1977. 1:1.

Dixon, R.M.W. Adjectives. // Concise encyclopedia of grammatical categories. – Amsterdam, 1999.

© Мао Янь, 2016

В.А. МАРЬЯНЧИК

*(Северный (Арктический) федеральный университет имени
М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Россия)*

УДК 81'38
ББК Ш105.55

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ

Аннотация: В статье анализируется стилистический эффект как результат продуктивной и репродуктивной речевой деятельности человека, следовательно, как аспект моделирования языковой личности. Выделяются две стороны стилистического эффекта – эмотивные и когнитивные реакции на форму текста. Стилистический эффект рассматривается как компонент стилистической структуры речевого акта в единстве со стилистическим заданием и значением. Описываются известные и новые классификации стилистических эффектов. Предлагаются способы определения стилистического эффекта той или иной группы (состоявшийся – несостоявшийся, преднамеренный – непреднамеренный). Автором выдвигается идея разработки единой типологии стилистических эффектов, необходимой для систематизации результатов психолингвистических исследований. Предлагается оригинальная типология стилистических эффектов, построенная по принципу оппозиций. Описывается эксперимент, позволяющий разработать данную типологию. В статье изложены задачи, содержание, целевая группа, ход и общие результаты эксперимента. На основе материала, полученного в результате проведения эксперимента, сделаны обобщения и выводы о признаках стилистического эффекта как психолингвистического явления, о специфике стилистических эффектов текстов, принадлежащих к разным функциональным стилям, о тесной связи стилистического и прагматического эффектов текста, которая обусловлена единством содержания и формы.

Ключевые слова: языковая личность, стилистическая структура речевого акта, стилистическое задание, стилистический эффект, стилистика декодирования, интерпретация, эмотивная реакция, когнитивная реакция.

В современной лингвистике активно используются разнообразные инструменты изучения языковой личности, построенные на исследовании вокабуляра (лексикона) и корпуса текстов (высказываний), создаваемых носителем языка. Наряду с этим языковая личность характеризуется не только продуктивной, но и репродуктивной речевой деятельностью, которая очерчивает границы ее коммуникативно-вербального пространства – речевого комфорта. Текстопорождение базируется на восприятии чужих речевых высказываний, используемых в качестве образ-

цов (или антиобразцов), строительного материала и коммуникативных стимулов. Сказанное обуславливает необходимость акцентирования исследовательского внимания на рецептивно-интерпретативной деятельности языковой личности. Очевидно, что наиболее доступным инструментом изучения когнитивных и эмотивных реакций человека на воспринимаемые тексты является прием интроспекции, суть которого заключается в самонаблюдении, анализе своих реакций на вербальные продукты. Однако результаты рефлексии требуют рациональной обработки на основе сопоставления, материал для которого можно собрать в ходе лингвистических экспериментов различного содержания. Основной целью исследования, результаты которого представлены в рамках настоящей статьи, явилось сопоставление стилистических эффектов, получаемых при восприятии фикциональных (художественных и рекламных) текстов.

Триада «стилистическое задание – стилистическое значение – стилистический эффект» соответствует структуре речевого акта, результат которого следует рассматривать как результат сложного взаимодействия прагматического и стилистического эффектов. Прагматический эффект предполагает единство (1) информационного, (2) аксиологического и (3) эмоционального аспектов: в результате узнавания-усвоения-присвоения новой информации через эмотивную интерпретацию происходит подтверждение или изменение картины мира адресата, в том числе ее ценностной составляющей. Стилистический эффект складывается из когнитивных и эмотивных реакций адресата на текст. Подчеркнем, что форма высказывания (композиция, жанр, стилистическая окраска лексико-грамматических единиц) может являться стимулом для эмоциональных или рациональных оценочных суждений. Содержание текста также позволительно рассматривать в рамках стилистического эффекта, но только в том случае, если адресат испытывает интенсивные, ярко выраженные эмоции по поводу полученной информации, благодаря стилистическому мастерству автора. Следовательно, в структуре стилистического эффекта мы также выделяем три аспекта: (1) когнитивная реакция на форму текста (какие мысли вызывает форма / стиль высказывания), (2) эмотивная реакция на форму текста (какие эмоции вызывает форма / стиль высказывания), (3)

эмотивная реакция на содержание текста (какие чувства вызывает информация, переданная в такой форме).

Таким образом, эмотивный компонент является связующим звеном, общей зоной прагматического и стилистического эффектов: разграничение эмоциональной интерпретации фактов действительности и эмоциональных оценок, обусловленных именно формой текста, подчас бывает невозможным или слишком субъективным. Особенно это очевидно при анализе восприятия художественных произведений, мир которых фикционален.

Эмотивная реакция на форму текста обусловлена вкусом, чувством меры, литературным кругозором адресата; стиль текста может восхитить, разочаровать, оттолкнуть и даже оскорбить. Когнитивный компонент стилистического эффекта определяется тем, что любой текст есть факт культуры, а следовательно, должен соответствовать ее требованиям – кодовым, жанровым, стилевым, этическим. В то же время художественные аномалии и установка на новизну как стилевой закон медиадискурса и литературы являются мощными драйверами вербальной культуры: тексты, взрывающие систему, становятся наиболее значимыми для общества на информационном или эстетическом уровнях. Таким образом, стилистический эффект представляет собой многоаспектный компонент коммуникативной структуры.

До настоящего времени остается актуальным вопрос типологии стилистических реакций. Базовое деление стилистических эффектов на две группы (стилистически нейтральный или стилистически маркированный) соответствует традиционной стилистической парадигме. Стилистическая маркированность представлена двумя разновидностями: функционально-стилевая окраска текста, которая, как правило, осознается адресатом, и экспрессивно-стилистическая окраска текста, которая не только «понимается», но и «переживается».

Закрытая классификация, разработанная в рамках коммуникативного подхода, получила отражение в Стилистическом словаре и ряде работ, см.: (1) *состоявшийся* или *несостоявшийся стилистический эффект*; (2) *преднамеренный (ожидаемый)* или *спонтанный (неподготовленный) стилистический эффект* [СЭСРЯ 2003: 488-489]. Наличие или отсутствие стилистическо-

го эффекта можно проверить с помощью рефлексивных опор, в качестве которых реципиентам предлагаются фразы: «Форма, стиль текста не вызвали никаких мыслей // вызвали такие мысли, как...», «Форма, стиль текста не вызвали никаких эмоций // вызвали такие эмоции, как...». Степень подготовленности стилистического эффекта выявляется, во-первых, с помощью моделирования реципиентом стилистического задания автора и сопоставления его с полученным стилистическим эффектом; во-вторых, в результате эксперимента, в котором участвуют две группы испытуемых, работающих по одинаковым рефлексивным опорам (группа «авторов», определяющих стилистическое задание создаваемого текста, и группа «читателей/слушателей», эксплицирующих стилистический эффект). Первый способ дает материал для выявления частных стилистических эффектов и их классификации. Второй путь определения подготовленности или спонтанности стилистического эффекта представляется нам несколько искусственным, так как в реальной коммуникации тексты более разнообразны и функциональны, следовательно, порождают более разнообразные когнитивные и эмотивные реакции, которые необходимо учитывать при создании стилистической типологии. В то же время такой эксперимент дает материал, получение которого невозможно каким-либо другим путем: имея доступ к стилистической и прагматической интерпретации одного вербального продукта со стороны адресанта и адресата, мы можем найти и провести анализ «вербальных следов» расхождений, несовпадений, столкновений авторского замысла и интерпретаций читателей.

Соответствие стилистического эффекта стилистическому заданию определяется двумя основными факторами: коммуникативной формой высказывания и корреляцией «образ адресата – целевая аудитория». По мере движения от гипосемантической к гиперсемантической высказывания [Карасик 2002: 266-269] стилистическое задание становится более выраженным, следовательно, повышаются шансы его адекватного прочтения. При правильном прогнозировании автором образа адресата реакция последнего на текст становится более предсказуемой.

Для систематизации стилистических эффектов нами был проведен ряд экспериментов на группе интерпретаторов тек-

стов. Реципиенты самостоятельно определяли степень подготовленности стилистического эффекта путем моделирования стилистического задания и рефлексии когнитивных и эмотивных реакций на текст. Для анализа предлагались тексты разных стилей: научные (фрагмент монографии, учебника), публицистические (статья, фрагмент публичной дискуссии, гражданская лирика), официально-деловые (объявление, распоряжение, положение, служебное письмо) и художественные (прозаические и стихотворные произведения малых жанров, в том числе пародии). Анализ результатов экспериментов показывает, что различные стилистические эффекты можно рассматривать в качестве стилистических дихотомий: комический или иронический, аллюзивный или деаналитический, обманутого или подтвержденного ожидания, пародирования или стилизации, разговорности или официальности, декларативно-сентенционный или окказиональный, гедонистический (вербально-эстетический) или аффективный (инвективный). Когнитивное и эмотивное содержание названных эффектов различно; название того или иного эффекта может быть уточнено, конкретизировано. Каждый член пары выявляется через сопоставление со своим оппонитом.

Комический и иронический стилистические эффекты определяются через (не)совпадение текстовых и подтекстовых оценочных смыслов, но в том и другом случае когнитивно-эмотивная реакция адресата будет сводиться к смеху (осознанию смешного).

Декларативно-сентенционный и окказиональный стилистические эффекты выявляются в результате оценки текста по критерию (не)обычности выбранной формы и сообщаемой информации. Адресат воспринимает текст как изложение «ожидаемых мыслей в ожидаемой форме» или, напротив, через ощущение новизны логики (парадоксальное рассуждение) и формы.

Стилистические эффекты обманутого или подтвержденного ожидания проектируется различными приемами: а) жанр (не) соответствует содержанию; заголовок текста (не)соответствует содержанию; концовка / финал (не)соответствует развитию сюжета; б) логика автора, отраженная в композиции текста, (не)соответствует логике адресата, кажется (не)убедительной;

языковая форма (не)соответствует запросам и языковым вкусам читателя.

Деаналитический и аллюзивный стилистические эффекты в рамках стилистики декодирования связаны с «закрытостью / открытостью» текста (по У. Эко). Первый из названных эффектов возникает в открытых текстах, автор которых не руководит интерпретацией читателя, не облегчает ему задачу вычленения смыслов. Если в теории У. Эко закрытость связана с сюжетом, то при стилистическом анализе акцент переносится на языковую форму. Стилистические длинноты, синтаксическая перегруженность, информативная избыточность, гиперсемантичность затрудняют восприятие и понимание текста адресатом. Аллюзивность возникает в закрытых текстах, автор которых различными приемами интертекстуальности «подсказывает» читателю те или иные смыслы.

Стилистические эффекты пародирования и стилизации также связаны с интертекстовыми механизмами, возникают в результате актуализации читательского опыта, так как предполагают знание жанровых законов и узнавание чужой речи. Эти эффекты соотносятся друг с другом по позиции на оценочной шкале: пародирование создает пейоративный образ претекста, а стилизация не вызывает отрицательных оценок.

Стилистические эффекты разговорности и официальности базируются на функционально-стилевой окраске текста и апеллируют к классической оппозиции «книжное – разговорное». Ощущение разговорности имеет много граней: фамильярность, интимность и др. Функциональный стиль вызывает когнитивные реакции (осознание стилевой принадлежности текста, оценка его уместности / неуместности) и эмоциональный эффект (удовольствие / неудовольствие от восприятия формы текста). С этим связана следующая стилистическая оппозиция.

Гедонистический (вербально-эстетический) и аффективный (инвективный) стилистические эффекты предполагают высокий уровень языковой рефлексии. Читатель может получать наслаждение от языковой игры, от образной системы, стилистической конвергенции и др. Но не всегда стилистические эксперименты автора удачны: они могут вызывать интенсивные отрицательные эмоции адресата – вплоть до инвективного эффекта,

который возникает при нарушении вербального пространства адресата в результате вульгаризации речи. Так, читатель может рассматривать себя в качестве косвенного адресата высказывания с обценной лексикой и в силу этических норм чувствовать себя оскорбленным. Также интенсивные эмоции (возмущение, отчаяние) может вызвать содержание текста: информация, факты, сюжет. К распространенным приемам провоцирования такого эффекта являются парадокс (в т.ч. парадоксальное сравнение), гиперболизация, гротеск, пейоративная номинация, жаргонизация, дисфемизация.

Как было сказано ранее, систематизация стилистических эффектов стала возможной в результате обобщения эксплицированных рефлексий экспериментальной группы. В качестве примера приведем результаты интерпретаций самого короткого текста, используемого в эксперименте, предложенного целевой группе студентов. Объект рефлексии – моностих В. Вишневского: *А чистый лист не знал, что он лишь А-4*. С целью алгоритмизации стилистической рефлексии были смоделированы рамки фиксации самонаблюдения. Участники эксперимента (1) моделировали стилистическое задание автора текста, (2) рефлексировали полученный стилистический эффект. Моделируя стилистическое задание, реципиенты должны были продолжить фразы (проектные опоры): «Автор хотел вызвать такие мысли о форме, стиле текста, как...», «Автор хотел вызвать формой, стилем текста такие эмоции, как...». Описывая полученный стилистический эффект, реципиенты должны были продолжить фразы (рефлексивные опоры): «Форма, стиль текста вызвали такие мысли, как...», «Форма, стиль текста вызвали такие эмоции, как...». Участники эксперимента были вправе предложить свои комментарии, вербальные интерпретации своего восприятия. Сопоставляя предполагаемое стилистическое задание и полученный стилистический эффект, реципиенты должны были классифицировать эффект как состоявшийся или несостоявшийся, преднамеренный или спонтанный.

Зафиксированные эмотивные реакции на текст значительно различались, см.: «отрицательные», «отвращение», «грусть», «сожаление», «недоумение», «диссонанс», «когнитивный диссонанс», «удивление», «смятение», «смысл перекрыл эмоции от

формы» и др. На наш взгляд, в корпусе реакций сложно выделить те, которые относятся именно к стилю, поскольку грусть, сожаление и другие эмоции вызывает, скорее, не форма текста, а его содержание. Наиболее «чистым» эмотивным стилистическим эффектом является «удивление». Адмиративность имеет в этом случае две основы: 1) положительная оценка, восхищение (см. комментарий: «Удивительно, как можно коротко сказать о многом»), 2) непонимание (см. комментарий: «Я не понял: это стих? Какой-то странный, хочется продолжения»).

Когнитивные реакции на форму текста также были разные, см.: «недосказанность», «лаконичное высказывание», «когнитивный диссонанс», «стихотворение скорее всего современное», «почему стихотворение такое маленькое», «такую форму стихотворение и такое содержание я встречаю в первый раз», «форма текста не вызвала никаких мыслей», «глобальный, широкий смысл можно вложить лишь в одно маленькое предложение». Однако самонаблюдение по этому параметру чаще обнаруживало включение в область анализа уровня содержания, см. продолжение рефлексивных опор типа: «В чем отличие чистого листа от А4?», «Что может символизировать А4?», «чистый лист – *tabula rasa*» и др.

Большинство участников эксперимента определило стилистический эффект данного текста как состоявшийся, преднамеренный и отнесло его к «эффекту обманутого ожидания».

Анализ результатов эксперимента показывает, что специфика стилистического эффекта публицистики, медиатекстов состоит в следующем: 1) тексты актуального содержания провоцируют более активный и произвольный (неконтролируемый) перенос внимания с формы на содержание, 2) оценки стиля, формы «эмоционально агрессивных» текстов (например, гражданская лирика Д. Быкова) полярны (от инвективного до гедонистического эффекта).

Наиболее типичными для научных и официально-деловых текстов являются следующие стилистические эффекты: деаналитический («очень трудный для восприятия текст», «не понимаю, о чем читаю» и т.п.), аллюзивный («знакомая форма текста», «написано по шаблону, по образцу», «обычный документ» и др.), подтвержденного ожидания («я так и знала, что будет

скучно», «нормальная форма», «обычный научный текст»).

Подчеркнем, что определение эффекта на основе комментариев – процесс отчасти субъективный, требующий внимания к каждому слову в описании эмотивных и когнитивных реакций на текст, в ряде случаев необходимы уточнения автора комментария. Так, комментарий «обычный» («обычный документ», «обычный научный текст», «обычная политика») позволяет нам предполагать близкие, но разные стилистические эффекты – декларативно-сентенционный, аллюзивный или эффект подтвержденного ожидания. В этом случае необходимо выяснить, какие смыслы вкладывает информант в прилагательное «обычный»: у адресата возникли четкая отсылка к определенному вербальному факту (формуляр документа, цитата), жесткие, приблизительные представления о похожих текстах (подобная композиция, членение, тематика, языковые средства, клише и др.) или ощущение «нулевого» эффекта для своего вербального опыта и информативного пространства.

Таким образом, проведенный эксперимент позволяет сделать следующие выводы:

1) стилистический эффект – это психолингвистическое явление, обладающее следующими признаками:

- многоаспектность (сочетание когнитивных и эмотивных реакций на форму и содержание текста),

- синкретичность (один эффект может становиться основой для другого; например, вербально-эстетический может быть следствием комического или окказионального эффекта, эффекта стилизации или оправданного ожидания и др.),

- субъективность, индивидуальность;

2) стилистические эффекты текстов, принадлежащих к разным функциональным стилям, обладают спецификой;

3) тесная связь стилистического и прагматического эффектов текста обусловлена единством содержания и формы.

ЛИТЕРАТУРА

Карасик В.И. Язык социального статуса. – М., 2002.

ЭСРЯ – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М., 2003.

© Марьянчик В.А., 2016

Б. А. МАТИСАЕВА

*(Ошский гуманитарно-педагогического институт,
г. Ош, Кыргызская Республика)*

УДК
ББК

ПРОВЕРБИАЛЬНЫЕ ЕДИНИЦЫ КАК ОЦЕНОЧНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА

Аннотация: Провербиальный фонд языка, будучи одним из аспектов фиксации национальной культуры является средством выражения и усвоения национально-ценностных представлений и посредством преломления через национальную психологию и культуру, они приобретают ценностную значимость и эмоциональную окрашенность. Эта специфика находит отражение и выражение в языке, в частности, в провербиальных средствах языка, которые представлены совокупностью фразеологизмов и паремий. Среди оценочных средств языка значительное место занимают провербиальные единицы, соотносимые с оценками внешности человека.

В статье рассматривается один из аспектов сопоставительного изучения языковых явлений – анализ и систематизация языкового материала провербиального пространства при презентации внешности человека в кыргызском и русском языках по данным словарей и художественных текстов. Автор анализирует по сходству и смежности провербиальные средства, характеризующие внешние физические качества человека по следующим параметрам: рост, габариты, физическая сила или слабость; предполагает, что для их системного описания необходимо разработать концепцию, которая позволит выделить как базовые семантические признаки, формирующие эту систему в целом, так и отдельные её сегменты в виде фрагментов или знаний провербиального пространства кыргызского и русского языков.

В статье подчёркивается, что разработка системы провербиальных единиц языка при презентации внешности важна для уточнения системных отношений кыргызской и русской оценочной лексики в сопоставительном плане. Автором выдвигается идея использования данных материалов в лингводидактике как основы для создания пособий по развитию речи, обучению как русскому, так и кыргызскому языкам.

Ключевые слова: провербиальный фонд, провербиальные единицы, фразеологизмы, паремии, провербиальное пространство, оценка внешности человека.

Исследования языковых явлений во взаимосвязи с сознанием, мышлением, духовной жизнью человека, национальной психологией, историей, культурой позволяют представить наиболее значимые фрагменты языковой картины мира. Системные ком-

плексные описания языкового образа человека, как особого и центрального фрагмента языковой картины мира рассматриваются многими учеными (Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, Е.В. Урысон, В.В. Колесов, М.В. Пименова, М.П. Одинцова, Л.Б. Никитина, Н.А. Седова, Н.Д. Федяева, В.П. Завальников, О.В. Кортун, В.М. Богуславский, И.С. Кон и др.).

Одним из таких фрагментов является оценка человека и в частности оценка внешности, которые ярко выражены провербиальными средствами языка, которые представлены в провербиальном фонде языка. Ученые, занимающиеся изучением языковых явлений едины во мнении, что провербиальный фонд языка – совокупность ценностных установок – ядро каждой национальной культуры, системы ценностей, результат накопления человеческих знаний и опыта за весь период развития данной культуры. Провербиальный фонд языка, будучи одним из аспектов фиксации национальной культуры является средством выражения и усвоения национально-ценностных представлений и посредством преломления через национальную психологию и культуру, они приобретают ценностную значимость и эмоциональную окрашенность. Эта специфика находит отражение и выражение в языке, в частности, в провербиальных средствах языка, которые представлены совокупностью фразеологизмов и паремий. Провербиальные средства языка покрывают те участки действительности, которые непосредственно связаны с человеком, с его видением, оценкой реалий, с характеристикой психологических особенностей личности – познавательных процессов, эмоционально-волевой стороны деятельности, индивидуально-типологических свойств личности [Богуславский 2004].

Один из аспектов сопоставительного изучения языковых явлений – анализ и систематизация языкового материала провербиального пространства при презентации внешности человека, который представляет собой специфическую разновидность познавательной деятельности, и строится как на научном знании, так и на фактах обыденного сознания, осмыслении опыта определенной национально-исторической общности. Провербиальное пространство – это совокупность фразеологизмов и паремий, встречающихся в конкретном языке, группе языков или

языков вообще. Провербиальные единицы отражают, расчленяют и категоризируют действительность во всём многообразии и гетерогенности. Они обобщают мир, составляющие его элементы и фрагменты и оформляют их в виде типовых моделей [Зулпукаров 2011].

Среди оценочных средств языка значительное место занимают провербиальные единицы, соотносимые с оценками внешности человека. Для их системного описания необходимо разработать такую концепцию, которая позволит выделить как базовые семантические признаки, формирующие эту систему в целом, так и отдельные её сегменты в виде фрагментов или знаний провербиального пространства кыргызского и русского языков.

Сопоставление провербиальных единиц при презентации внешности человека по данным словарей, художественных текстов способствует определению границы, состава, внутренних семантических связей в кыргызском и русском языках. На основе установления связей групп и элементов в данном провербиальном пространстве по сходству и смежности можно выделить провербиальные средства, характеризующие внешние физические качества человека по многим параметрам (возраст, рост, глаза, лицо, нос, рот, ноги, руки и др.). Рассмотрим некоторые из них.

Рост

Высокий

Кыргызский вариант

1. Кожойгон (*корявый, угловатый*) киши – высокий сухопарый человек.
2. Кулжадай болгон абышка – высокий, сухощавый и степенно важный старик.

Русский вариант

1. Коломенская верста – человек очень высокого роста.
2. Каланча пожарная – об очень высоком человеке.
3. Как будто аршин проглотил – очень прямой высокий человек.

Низкорослый

Кыргызский вариант

1. Койгуттай (*бита, биток маленьких размеров*) болгон – маленький ловкий крепыш.

2. Бастек бойлуу – низкорослый.
3. Кодектей болгон байкуш (о человеке) – слабенький, хиленький; (*кодек – низкорослые, с тощим колосом зерновые*).
4. Балтек киши – человек низкого роста, полненький, коротконогий и короткорукий.
5. Ар киндик (*кишка тонка*) – малорослый.

Русский вариант

1. От горшка два вершка.
2. Мужичок с ноготок, а борода с локоток.
3. Старичок с кувшин, борода с аршин.
4. От земли не видать (не видно).
5. С ноготок (с булавочную головку).

Толстый

Кыргызский вариант

1. Дёнгөчтөй болгон (*как коряга*) – здоровенный толстяк.
2. Бышкан боорсоктой – как пончик.
3. Жумурткадай семирген (*жирный*) – он стал кругленьким, как яйцо.
4. Казыбайлап калыптыр (*казыбрюшной и реберный конский жир*) – отрастил брюшко.
5. Казысы кучак (*обхват*) – толстопузый богач.
6. Камырдай семиз – толстый, рыхлый, как тесто.
7. Капчыктуу (*мешочек*) киши – толстобрюхий и низкого роста человек.
8. Мойну дугдуйган – толстошей.

Русский вариант

1. Поперек себя толще.
2. Поперек себя шире.
3. Толст как бочка.
4. Майорское брюхо.
5. Сам копной, брюхо горой, копна копной – так и переваливается.
6. Его натошак не обойдешь.

Сила

Кыргызский вариант

1. Бакандай азамат – стройный и сильный молодец.
2. Аласкаа тоодой – как снеговая гора.
3. Дайкайган, акдайрадай чалкайган – он (богатырь) гордо

вздывается, как снеговая гора, раскинулся, как широкая река.

4. Багалчак келген жигит – коренастый парень.
5. Пил мучёлуу – здоровяк, слоновьего сложения.
6. Денеси бышкан – его тело закалено.
7. Келбетуу (сильный, большой).
8. Туруп алып – встав во весь свой рост (о высоком, здоровом человеке).

Русский вариант

1. Здоровый детина: телёнка кулаком убить может.
2. И тонок, да жилист.
3. Кость да жила, а всё сила.
4. Мал коротыш, да крепыш.
5. Косая сажень в плечах.
6. Плотно (или крепко) сбит.

Как видно из приведённых примеров, в кыргызском и русском языках состав, внутренние семантические связи провербиальных средств на лексическом и грамматическом уровнях, описывающих внешность человека, неоднозначны и связаны с особенностями менталитета народа. При этом можно выделить типологические идентичные фразеологизмы, которые образно мотивированы ситуацией и однозначно интерпретируются как в русском, так и в кыргызском языках:

- Молоко матери на губах не обсохло – эне суту оозунан кете элек (в значении возраста);

- ***Кровь с молоком – бетинен канны тамган, бетинен нуру тамган (признак хорошего здоровья).***

Презентация внешности человека провербиальными средствами в кыргызском и русском языках не предполагают сходства планов выражения этих единиц на лексическом и грамматическом уровнях, где полное отсутствие параллелизма и в их лексическом составе, однако семантическая общность, выражение общей мысли, общей идеи, ситуации присутствует. Например, признаки физической слабости и нездоровья, худобы ассоциируются с отрицательной эстетической оценкой человека, как в кыргызском, так в русском языках:

Кыргызский вариант

1. Арбайган арык – худущий.

2. Жаадай арык – тонкий, как стрела.
3. Ийне жеген иттей (*как собака, проглотившая иголку*) – страшно исхудавший.
4. Кыргызтай болгон – худенький, тоненький (*кыргыз – повязка из материи в виде широкой ленты вокруг элечека (женский головной убор)*).
5. Кургаткан тулкудөй (*как высохшая лиса*) – об очень худом человеке.
6. Куурай сан (*куурай – составная часть названия многих травянистых засохших растений*) – тонконогий, сухоногий, бессильный.

7. Куу (*сухой, высохший*) шыйрак – сухоногий, тонконогий.
Русский вариант

1. Костлява – как тарань.
 2. Вытянулся в струнку (в хворостинку).
 3. Кости глядят, а мяса не видать.
 4. Одни кости да кожа.
 5. Худ, как треска (как жердь, как спица).
 6. Костляв – как ёрш.
 7. В спицу высох (в щепку, в нитку).
 8. Тощ как хвощ.
 9. В чём душа держится.
 10. Как яичко сквозит.
 11. На солнышко просвечивает.
 12. Заморыш.
 13. Как чубок в чехле болтается.
14. Кости, что крючья, ты хоть хомуты вешай.

Таким образом, разработка системы провербиальных единиц языка при презентации внешности важна и для уточнения системных отношений кыргызской и русской оценочной лексики в сопоставительном плане. Это является источником формирования новых значений при уточнении представлений о типах провербиальных единиц и их компонентов. Важна она и для лингводидактики как основа для создания различных пособий по развитию речи, обучению как русскому, так и кыргызскому языкам.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Коннотация как часть прагматики слова

/лексикографический аспект // Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. – М.: Наука, 1992.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988.

Богуславский В.М. Оценка внешности человека: Словарь. – М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Горсинг», 2004.

Зултукаров К.З. Сборник научных трудов. Выпуск 3. – Ош, 2011.

Кон И.С. Фразеологический словарь русского языка. Изд. 2-е; под ред. А.И. Молоткова. Открытие «Я». – М.: Политиздат, 1978.

Киргизско-русский словарь. К.К. Юдахин. – М.: Советская Энциклопедия, 1985.

Кыргыз тилинин тушундурмө сөздугу. Ред. Э. Абдулдаев, Д. Исаев. – Ф.: «Мектеп», 1969.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XV111 – XX вв. под ред. А.И. Федорова. – М.: «Топикал», 1995.

© Матисаева Б.А., 2016

А.А. МУРАШОВ, Н.А. ШМАТКО
*(Гродненский государственный университет им. Янки Купалы,
г. Гродно, Беларусь)*

УДК 81'42:81'38
ББК Ш105.51+Ш105.55

ДВУСМЫСЛЕННОСТЬ: РЕЧЕВАЯ ОШИБКА И «ЯЗЫКОВАЯ ИГРА»

Аннотация: В статье рассматривается явление двусмысленности – как речевой ошибки и как некоего стимула «языковой игры», при которой слово нередко предстает перед реципиентом иными смысловыми гранями, обнаруживает ранее скрытые коммуникативные интенции. Двусмысленность не случайно называют важнейшей проблемой культуры речи: зачастую соответствуя закономерностям высказывания, она разрушает точность и ясность, препятствуя коммуникативному акту «говорящий – воспринимающий». Необходимость разделять ошибку и целенаправленный стилистический прием – требование работы по развитию креативного мышления учащихся всех уровней. «Языковая игра» в её отдельных проявлениях рассмотрена в противопоставленности речевой ошибке и в сопоставленности с каламбурными структурами, привлечение которых к учебному процессу делает его психологически и методически более приемлемым в условиях современного учебного заведения. Работа по «восстановлению» фраз, содержащих факты «языковой игры», способствует возникновению интересных творческих работ обучающихся. Эти работы (тексты остаются за пределами статьи) отражают умение избегать речевую ошибку, а с другой стороны, – овладение искусством целенаправленного создания творческих вербальных структур, отражающих новый уровень отношения к слову в художественном (публицистическом) тексте. Именно креативная ситуация, в которой двусмысленность оказывается каламбуром, одновременно реализующим оба значения слова, – подлинная цель работы с такого рода структурами.

Ключевые слова: «языковая игра», двусмысленность, значение, слово, омонимия.

«Языковая игра» – наличие в высказывании целенаправленно вводимых скрытых смыслов, способных значительно модифицировать его восприятие читателем (слушателем). Двусмысленность – смысловая погрешность, наиболее опасный недостаток речи, далеко не всегда основанный на ошибке. Наиболее опасный – потому, что двусмысленную речь зачастую просто нельзя понять. Различие между языковой игрой и двусмысленностью – то же, что и между авторской зоркостью и авторской слепотой

(глухотой). «Языковая игра» – показатель креативного отношения к слову, в то время как двусмысленность – речевой недостаток, не более того, хоть внешне они могут быть подобными. Формирование умения не только видеть «языковую игру» и отделять её от ошибки, но и самому включаться в создание креативных языковых (речевых) моделей – задача филологическая и психолого-методическая; её решение способно существенно увеличить объем владения языком у учащихся и студентов.

Ученые по-разному подходят как к определению термина *двусмысленность*. Тожественным понятием может выступать амфиболия как двойственность, получающаяся от смешения понятий или употребления слов в различных смыслах [Литературная энциклопедия]. М.М. Филиппова приравнивает лексическую неоднозначность к полисемии, а грамматическую двусмысленность называет синонимом грамматической омонимии [Язык, сознание, коммуникация]. Неоднозначность слова в речи, по мнению Ф.А. Литвина, «есть результат взаимодействия структуры содержания слова с реальным контекстом, окружением, способствующим или препятствующим (с точки зрения адресата) реализации разных языковых потенциалов слова» [Литвин 2005: 8]. Следовательно, слово не двусмысленно само по себе, а становится таковым, когда невозможно понять из контекста, в каком из значений лексема сейчас используется.

В литературе по культуре речи двусмысленность в основном рассматривается как категория отрицательная, как дефект языка. Ошибка, нарушающая ясность речи, проявляется на лексическом, морфологическом и синтаксическом языковых уровнях. Причины смысловой погрешности могут быть разными, но в результате – невозможно понять сказанное или смысл искажен настолько, что вызывает смех. Например, в региональном радиоэфире прозвучало: «Сергей, знаю, что *вы с приветом*, поэтому передавайте!» Быстрая скорость речевого потока не позволила ведущему проанализировать и переформулировать фразу. Налицо – двусмысленность, ведь «с приветом» – говорят о человеке со странностями.

Двусмысленность имеет разные причины, а следствие – одно. Вернее, два: или просто невозможно понять сказанное, или смысл искажен настолько, что от смеха невозможно удержаться.

Этого ли мы хотим, когда с серьезным видом начинаем о чем-то рассказывать? Но даже если вид не такой уж серьезный, – нам неприятно, если смеются, по сути, не над нашим остроумием, а просто – над нами, когда мы не могли достаточно грамотно и точно произнести фразу.

Двусмысленность мешает пониманию и ведет мысль не по тому пути, который предполагает говорящий (пишущий). Вне контекста фраза неясна; между тем самодостаточность – важное качество грамотного высказывания. Она препятствует точности и ясности речи, рождаясь нередко на основе собственно логических погрешностей. Смысловое влияние семантически связанной структуры может возникнуть при восприятии фразы учительницы, только что вошедшей в кабинет завуча: *«Знаете, я пришла к вам в кабинет по очень большой нужде»*. Ей была срочно необходима консультация (Или это неудачный каламбур?).

Такой речевой дефект возникает в результате неумения видеть специфику многозначности или омонимии. *«Козел переносится в другой конец зала»*, – рекомендует методист учителю физкультуры. В отличие от смыслового переноса, лежащего в основе метафоры, двусмысленность не способствует точности и выразительности речи, а, наоборот, делает высказывание трудным для восприятия. *«Председателя переизбрали»*, – говорят и тогда, когда избран прежний, и когда на его место пришел новый: энантиосемичность слова «переизбрать» приводит к двусмысленности. Снова коммуникативные потенциалы фразы близки к нулю именно из-за речевого дефекта.

При выборе лексической единицы следует четко разграничивать значения многозначных слов. Ведущая радиошоу поделилась с аудиторией случаем из жизни: *«Я говорю, мол, дайте книгу, мне буквально предложение написать – и вот уже несетя озабоченный администратор»*. Журналист не увидел многозначности в слове «предложение». Не ясно, что именно хочет сделать говорящий: то ли написать одну фразу (например, с жалобой), то ли хочет что-то предложить.

Несмотря на «отрицательный образ» двусмысленности, она способна функционировать в качестве стилистического приема, то есть намеренно создаваться для достижения определенных

коммуникативных целей. «Языковая игра», литературный прием с использованием в одном контексте разных значений одного слова (или разных слов или словосочетаний, сходных по звучанию) в публичной речи служит формой активизации внимания слушателей. «Сходила по подтяжечку, на чисточку, маникюрчик – все, тело сделано!» – ведущий радиопрограммы фонетически изменил устойчивое выражение «дело сделано», и фраза приобрела дополнительный смысл, сработал так называемый эффект неожиданности. Часто способствуют языковой игре омографы – слова, которые совпадают в написании, но различаются в произношении: «А я или на общественном транспорте, или пешком. Что думаешь, купил велик – и велик?».

Наиболее часто факты «языковой игры» встречаются в программах интерактивного типа и линейных эфирах, где присутствуют гости или второй ведущий, то есть в условиях диалога.

– Раньше тетрис был за счастье, а сейчас все эти смартфоны, ноутбуки, одним словом... Гаджеты...

– Э-э, а я тут при чем?

Второй ведущий обыграл схожие по звучанию существительное «гаджеты» и фразу «Гад же ты!» (ситуация омофонии), в результате чего получился каламбур.

– Я хочу передать привет своей подруге, на вашем форуме её ник **Роза**.

– Она ваш привет сейчас слышит? Подруга сейчас где?

– На работе, в **банке**, как раз щас обедает.

– Ого, прям минутка романтики! **Роза в банке!**

Каламбур в примере возникает снова из-за явления омонимии. *Роза* (имя) и *роза* (цветок) звучат одинаково, но между ними есть различия в написании. А вот «в банке» – это омоформа: слово «банк» одинаково звучит с лексемой «банка» лишь в конкретной грамматической форме.

Как указывает «Русская Грамматика-80», «порядок слов может варьироваться, но при этом он не свободен: при разном порядке слов смысл предложения, его коммуникативная задача оказываются различными» [РГ 1980: т.1, 19]. Эту языковую особенность радиоведущие применяют, чтобы привлечь внимание аудитории и развеселить слушателей. Однако журналистам следует бережно относиться к языку, тщательно подбирать слова и

лексемы, чтобы «языковая игра» не переросла в двусмысленность или упражнение в красноречии. Двусмысленность мешает пониманию и ведет мысль не по тому пути, который предполагает говорящий. А нагромождение каламбуров может привести к потере слушателем основной мысли. Вне контекста фраза неясна, а самодостаточность – важное качество грамотного высказывания.

Отношение к слову – в настоящее время проблема не только филологическая: в эпоху информатизации, когда слово воспринимается прежде всего как функциональная данность, элемент семиосистемы, – творческое отношение к нему означает как минимум освобождение от стереотипов и обращение к индивидуальным подтекстам слова, содержащимся в восприятии человеком мира и самого себя. Развитие креативного вербального мышления основывается на воспитании умения видеть двусмысленность – как ошибку и как зерно творческой речевой структуры. Это уже проблема методическая, возникающая тогда, когда явление двусмысленности и явление языковой игры будут хорошо знакомы участникам учебного процесса.

На занятии, развивающем креативные потенциалы обучающихся, логично обратиться, например, к фразам Н. Богословского, в каждой из которых отсутствует одно слово, восстановление которого требует определенного владения искусством «чувствовать» потенциалы слова.

У некоторых Робинзонов бывает семь ... на одной неделе (Пятниц).

Если посуда не ..., – ее уничтожают (Сдается).

Случается, что и депутаты ... совершают бездумные поступки (Думы).

Отсутствие ... хуже, чем отсутствие слухов (Слуха).

Умение создавать каламбуры – безусловное владение возможностями «языковой игры». «Восстанавливая» фразы (обычно предлагают разные варианты, которые сопоставляются в попытке оценить их креативные потенциалы), обучающиеся получают навык пристального анализа слова – в ситуации подлинного вдохновения, вызванного поиском семантических граней и светотеней.

Креативное отношение к слову – одно из важнейших и очень

редких умений человека, который видит то, что сокрыто от остальных, который может метко и остроумно ответить или удивить собеседника яркой мыслью или неповторимой строкой. Отсюда – путь к формированию орфографических моделей, стилистических кодов, риторических алгоритмов. Все это и составляет «чувство слова», делающее человека создателем собственного слова, которое аккумулирует знания и умения, полученные в соприкосновении с литературным (публицистическим) текстом.

А. Кнышев приводит фразы, где обыгрываются неожиданные грани слова, поиск которых включает смысл аудиторной работы по развитию креативного вербального мышления:

- *«Проваливай!» – буркнул студент...*
- *Иногда мы **подводим** итоги, иногда...*
- *Больной нуждается в **уходе** врача, и чем дальше... тем лучше.*
- ***Пою** мое отечество, – заявила...*

Привыкшие к определенному смыслу выделенных слов – смыслу, усиленному традиционным контекстом, – обучающиеся теряются, поставленные перед необходимостью продолжить фразу. Когда звучит комментарий: «Значение продолжения построено на многозначности или омонимичности – употреблении слова как раз не в том значении, которое приходит в голову сразу», – начинается интенсивная работа по выяснению семантических потенциалов слова. И чем более нелепым, но вполне имеющим право на существование, оказывается контекст у самого автора (в процитированных фразах – «экзаменатору»; «они нас»; «врач уйдет»; «продащица пивного ларька»), тем ошутимее возможности полисемии и омонимии, тем ближе и практически достижимее собственная «языковая игра» обучающихся. Работа такого рода приводит к значительному расширению концептуальной системы мира, к формированию созидательной, творческой личности. Импульсировать эту креативность важно, продумав такую работу в системе психологических приоритетов и заданий, привлекательным и содержащим личностно актуальные вопросы, проблемы, вызовы. «Учебная деятельность интерпретируется... как смыслодеятельность, то есть как совме-

стная деятельность равноправных сознаний педагога и учащихся, ориентированная на созидание, а не на воспроизведение смысловой основы рассматриваемого предмета...» [Лавлинский 2003: 24]. Иными словами, работа по развитию креативных навыков предполагает созидание новых смыслов, ситуаций, контекстов, ракурсов, в которых могут рассматриваться ставшие привычными вещи и ценности. А начинается она с простого – формирования умения видеть разницу между обыкновенной двусмысленностью, то есть речевой ошибкой, и «языковой игрой», креативные потенциалы которой значительно увеличивают возможности «человека говорящего».

ЛИТЕРАТУРА

Лавлинский С. П. Технология литературного образования. – М.: Инфра-М, 2003.

Литвин Ф. А. Многозначность слова в языке и речи (на материале английского языка). – М.: КомКнига, 2005.

Литературная энциклопедия. В 11 т. – Т.1. М.: издательство Коммунистической академии, Советская энциклопедия, Художественная литература. Под редакцией В.М. Фриче, А.В. Луначарского, 1929-1939.

Русская грамматика. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). – М.: Наука, 1980.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2007. – Вып. 34.

© Мурашов А.А., 2016

©Шматко Н.А., 2016

Д.Д. МУРЗАЛИЕВА

*(Ошский гуманитарно-педагогический институт,
г. Ош, Кыргызская Республика)*

УДК 81;246.2:811.512.524'42:821.512.524
ББК Ш163.25-022+Ш33(5Кир)6-8,44

ДИАЛОГ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР: К ВОПРОСУ О ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМАХ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ ДВУЯЗЫЧНОГО ПИСАТЕЛЯ

Аннотация: В статье рассматриваются лингвокультураны как единицы языкового материала, несущие национально-культурную информацию иноэтнического характера. Лингвокультурана, понимаемая нами в качестве единицы лингвокультурологии, включает в себя не только лексическое значение, но и элементы внеязыкового, культурного смысла. Ситуация осложняется в том случае, если лингвокультурана в художественном тексте языка одной национальной культуры диалектически синтезирует в себе элементы другого языка и культуры. Синтез национально-культурной информации двух языков и культур характерен для творчества писателей-билингвов, и, в частности, наблюдается в художественном мире произведений Ч. Айтматова – писателя киргизской культуры, но пишущего часто на русском языке. Изучение единиц одной национальной картины мира в художественном тексте другого языка является актуальным направлением в русле проблем лингвокультурологии, которое имеет практический выход также к вопросам преподавания русского языка в киргизской школе, к вопросам адекватного читательского восприятия. Нами предпринята попытка отразить лингвокультураны в повести «Ранние журавли» Чингиза Айтматова и систематизировать их в соответствии с теоретическими положениями ведущих специалистов (В.А. Маслова) в этой области, с анализом отдельных концептов.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая личность, художественный текст, лингвокультурана, концепт, классификация, билингвальный писатель, билингвокультуральный подход, билингвокультуральный рецепиент.

В современной лингвистике за последние годы сформировалось новое направление – лингвокультурология, в задачи которой входит изучение и описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и народного менталитета [Телия 1996: 216; Маслова 1997: 28]. Основу категориального аппарата лингвокультурологии составляют понятия языковой личности, лингвокультураны и концепта, гносеологическое становление которых, еще не закончено.

Познание культуры через язык и изучение языка через культуру неразрывны. Такое оптимальное средоточие языка и культуры представляют собой вербальные художественные тексты. Лингвокультурологический аспект в работе над ними чрезвычайно актуализируется, если объект анализа – художественный текст, его автор и читатель олицетворяют собой разные лингвокультурологические общности. Произведения Ч. Айтматова – интересное и неординарное явление в этом отношении. Романы, повести, рассказы Ч. Айтматова в своем подавляющем большинстве написаны на русском языке; его герои говорят по законам и правилам русского языка. А как известно, язык – главная среди всех остальных знаковая система культуры. Национальный язык – специфическое выразительное средство национальной культуры. В таком случае как будто логично было бы считать творчество Ч. Айтматова – достоянием русской культуры. Но ведь вместе с тем, знание и употребление иноэтнического языка позволяют писателю все-таки оставаться при этом в рамках традиций своей национальной культуры. Безусловно, у писателя есть произведения, в которых он выступает с позиций «родной язык – родная культура». Но такие тексты в большей степени традиционны, и их обычно воспринимаешь, сточки зрения лингвокультурологической, как своего рода «аксиомы, не требующие доказательств».

Художественное двуязычие Ч. Айтматова способствует развитию не одной, а двух культурных систем. Поэтому оптимально адекватное прочтение и понимание его произведений, на наш взгляд, может обеспечить только билингвокультуральный реципиент, то есть читатель, одинаково хорошо осведомленный как в области русского языка и русской культуры, так и в сфере киргизского языка и киргизской культуры. В противном случае трудно предположить возможность достижения в должной мере точного и полного понимания соответствующих художественных текстов Ч. Айтматова.

Повесть Айтматова «Ранние журавли» – это повесть о военном аильном детстве, рассказанная от лица юноши Султанмурата. Повесть содержит впечатления и воспоминания самого автора о военном времени, когда он, будучи подростком, работал секретарем сельсовета, налоговым агентом, учеником

тракторной бригады. «Я увидел свой народ в другом... состоянии, в момент наивысшей опасности для родины, в момент наивысшего напряжения духовных и физических сил. Я вынужден был, обязан был видеть это – я знал каждую семью на территории сельсовета, знал каждого члена семьи, знал наперечет немудреное хозяйство всех дворов. Я узнал жизнь с разных сторон, в разных ее проявлениях... Мы оказались тем поколением подростков, которые на другой день войны шагнули сразу из мира детства в пучину военной жизни, в многострадальную тыловую действительность, потребовавшую от нас далеко не детской зрелости» [Айтматов 1988: 58].

Произведения Ч. Айтматова неоднократно изучались с точки зрения специфики функционирования киргизской лексики. Текст повести «Ранние журавли» представляет собой яркое воплощение двуединого – русского и киргизского – лингвокультурологического содержания. Опираясь на классификацию культурем, предложенную В.А. Масловой, в ней можно выделить и сгруппировать следующие группы лингвокультурем:

1. Безэквивалентная лексика:

а) антропонимы, то есть имена героев повести, а также имена известных мифологических, исторических личностей: *Аджимурат, Айчурек, Анатай, Аруукан, Алматай, Барны, Джаманкул, Инкамал, Камбар-ата, Кубаткул, Манас, Мырзагуль, Нургазы, Султанмурат, Сатаркул, Сартбай, Семетей, Тыналиев, Чекиш, Чолпон-ата, Эркинбек, Эргеш;*

б) онимы – клички животных: коней – *Акбайпак-кулюк, Алтын-туяк, Акбакай, Дджелтаман, Жибек-жол, Октор, Чабдар, Чонтору*, собаки – *Актош;*

в) топонимы: *таласские горы, город Джамбул, Чуйский канал, Атчабар, Аксайское ущелье, Аральская улица, балка Туяк-джар, г. Ташкент, Алайский базар, Манасов снежный хребет, г. Москва, остров Чейлон, страна Индия, страна Австралия, остров Суматра, остров Борнео, остров Ява;*

г) слова, обозначающие детали киргизского быта: *аил, дувал, арык, кизяк, курай, малахай, камча, курджун, курдюк, юрта, шорпо и др.;*

д) советизмы: *колхоз, председатель, сельсовет, ферма и др.;*

е) обозначения людей по социальной, профессиональной,

возрастно-половой или национальной принадлежности: *арабакеч, джигит, чайханик, узбеки*;

ж) обозначения животных: *сарайгыр, торайгыр, сайгак, архар и т.д.*

2. Мифологемы, обрядово-ритуальные формы культуры, легенды, обычаи, поверья, закрепленные в языке во фразеологических единицах, образно-метафорических единицах:

а) связанные с киргизской культурой: *Камбар-ата, Чолпон-ата, Айчурек, Манас, Семете, конь джигита, манасовы тулпары, попугай, по два пальца жира на ребрах, как жеребенок в непогоду, ранние журавли и др.*;

б) связанные с русской культурой: *душу вымотать, набраться духу, сводить счеты, чуть что – в кусты, куда глаза глядят, докучать без дела, добывать хлеб, не показывать виду, хоть караул кричи, шуточное ли дело, наставлять уму-разуму, вкусить горечь жизни, без ума от страха, как снега свалиться, ветер в голове гуляет, ищи ветра в поле, уносить ноги, упрямый как ишак, со дня на день, долго не протянуть, пан или пропал и др.*

3. Паремии: *глаз – трус, а рука – храбрец.*

4. Символы, стереотипы, эталоны, ритуалы, проективные описания национальных традиций, обычаев, ритуалов: *плач на поминках Сатаркула, поминальная молитва, проминка и скачка коней, уговоры коней, суйунчу (подарок за радостную весть), ширалга (часть охотничьей добычи), переноска курая, ранние журавли (народная примета хорошего урожая).*

5. Образы-персонажи: *Мырзагуль, Тыналиев, клички коней Алтын-туяк, октор и др.*

6. Стилистический уклад языка: активное использование возможностей русской разговорной речи, так как повествование ведется от лица главного героя, подростка Султанмурата.

7. Речевой этикет и речевое поведение:

а) обращения-формулы: *Инкамал-апай, ата, атаке, Аджике, Султаке, агай, аксакал, башкарма-агай, устаке, Мырзагуль-бийкеч, тайаке, товарищ председатель*;

б) приветствие: *ассалам-алейкум.*

8. Взаимодействие языка и религии или теологизмы: *ассалам алейкум, поминальная молитва.*

Все эти лингвокультураны для расшифровки своего

культурологического концепта требуют познаний читателя в киргизском языке и киргизской культуре. Так, например, *Манас* – эпический герой, богатырь, совершающий подвиги во имя единения и независимости киргизского народа, создания государства, который известен из содержания эпического памятника «Манас». В то же время Манас глубоко живет в сознании киргизов, он много значит в их духовной жизни. С эпосом «Манас» связаны и другие лингвокультуемы – *манасовы тулпары, Айчурек, Семетей, Манасов снежный хребет. Камбарата* у киргизов – древне доисламское божество, покровитель лошадей и коневодства. Лингвокультуема *попугай* с точки зрения киргизской культуры – птица умная, с даром красноречия, умеющая ценить слово, красивая, долгожительница. Для русского человека *попугай* – это ассоциации с такими понятиями как глупость, неспособность к самостоятельным высказываниям.

Обращения-формулы типа *Султаке, устаке, апай, агай* придает киргизской речи неповторимый характер лиричности и задушевности, который не всегда может прочувствовать инокультурный читатель.

Таким образом, художественные произведения Ч. Айтматова, написанные на русском языке, но передающие с помощью этого языка киргизскую картину мира, сущностиродной киргизской культуры, требуют для своего адекватного прочтения и понимания билингвокультурального подхода. Именно в этом случае может состояться в полной мере интересный и плодотворный диалог автора сотворенного им художественного текста и читателя.

ЛИТЕРАТУРА

Айтматов Ч.Т. Статьи, выступления, диалоги, интервью. – М.: Изд. Агенства печати «Новости», 1988.

Айтматов Ч.Т. Повести и рассказы. – Фрунзе: Кыргызстан, 1985.

Воробьев В.В. Лингвокультурология. – М.: изд-во РУДН, 1997.

Коротенко Г.И. Киргизская лексика в русскоязычных вариантах произведений Чингиза Айтматова: на материале повести «Ранние журавли». – в журнале: Русский язык и литература в школах Кыргызстана, 1982, №1, С. 49-56.

Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию. – М.: Наследие, 1997.

Телия В.Н. Русская фразеология. – М., 1996.

© Мурзалиева Д.Д., 2016

М. Ю. МУХИН, Е. Р. ФИЛАТОВА
*(Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 821.161.1-3(Чехов А. П.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)5-8,44

ПРОЗА, ДРАМАТУРГИЯ, ПУБЛИЦИСТИКА И ПЕРЕПИСКА А.П. ЧЕХОВА В СОПОСТАВИТЕЛЬНО- СТАТИСТИЧЕСКОМ РАКУРСЕ

Аннотация: В статье рассматриваются лексические особенности прозы, драматургии, публицистики и переписки А.П. Чехова. На базе объемного корпуса текстов писателя (более 2,3 млн. слов) проведен сравнительный статистический анализ лексики. Проведена работа по лемматизации текстов, грамматической и частичной семантической разметке. Выявлены лексемы, наиболее характерные для каждого из четырех подкорпусов, а также слова, частотные для творчества Чехова в целом. Проведен тематический анализ, составлен индивидуально-авторский литературный тезаурус частотной лексики, даны идиостилевые комментарии к наиболее важным лексическим группам — таким, как «Эмоции», «Оценка», «Движение», «Родственные и семейные отношения», «Право», «Быт», «Медицина» и т.п. Сделаны выводы о различиях в лексическом составе и, как следствие, функциональных особенностях прозы, драматургии, публицистики и переписки А.П. Чехова. При этом письма и публицистические произведения как лингвистические источники выступают наравне с художественными произведениями. Проведенный анализ является экстенсивным с точки зрения большого объема материала и задает векторы направления филологического исследования. Полученные данные открывают перспективы для дальнейшего идиостилевого анализа творчества — и в целом наследия — писателя.

Ключевые слова: лексическая статистика, текстовый корпус, семантический анализ, А.П. Чехов, идиостиль, проза, драматургия, публицистика, переписка

1. Идиостилевые параметры все чаще получают сегодня статистическую аргументацию. Стилometрия развивается: выходят авторские частотные словари [Минц 1999; Частотный грамматико-семантический словарь... А.П. Чехова 2012; Частотный словарь рассказов А.П. Чехова 1999; Частотный словарь рассказов Л.Н. Андреева 1999; Шайкевич 2003], для изучения текста применяют математические модели и проводят сопоставитель-

ные исследования творчества разных авторов.

Художник слова часто является только поэтом, или прозаиком, или драматургом. Пробуя свои силы в пределах другого рода литературы, он редко создает объемно и много. К примеру, поэт Борис Пастернак как прозаик написал один большой роман «Доктор Живаго» и несколько других небольших произведений. Специализация литературного творчества является причиной того, что сопоставительное филологическое исследование обычно проводится на однородном материале творчества разных авторов или – в пределах наследия одного автора – на материале однотипных в родовом смысле произведений.

В то же время статистические модели более эффективны в применении к объемному материалу. В этом смысле любопытным межстилевым примером является для нас наследие А.П. Чехова. Объем его прозы, драматургии, публицистики и эпистолярных текстов достаточно большой, чтобы можно было говорить о статистической точности. Таким образом, мы предполагаем, что на основании лексико-статистического сопоставления этих четырех ипостасей одного писателя можно выявить как универсально-авторские черты, так и индивидуальные функционально-стилистические признаки.

Творчество писателя уже становилось объектом статистических измерений. В 1999 г. в СПбГУ опубликован Частотный словарь рассказов А.П. Чехова. В 2012 г. в Лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии МГУ в результате огромной и кропотливой работы вышел Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова. Однако и этот замечательный словарь отражает лексический состав только прозы и драматургии. Нас же интересуют все направления чеховского письма, и, кроме того, в основе предлагаемой методологии – статистическое сопоставление нескольких лексических массивов.

Подкорпус прозы Чехова составляет 1 100 792 слова (47 % материала), драматургии – 176 629 слов (7,5 %), публицистики — 182 650 (7,8 %) и, наконец, переписки – 882 263 слова (37,7 %). Общий объем корпуса чеховских текстов, которым мы располагаем, – 2 342 334 слова.

Тексты лемматизированы при помощи программы Mystem

(URL: <https://tech.yandex.ru/mystem/>) с функцией контекстного снятия омонимии и переведены в базу данных. Следует заметить, что при наличии ошибок автоматизированного разрешения грамматической омонимии общее качество этой процедуры следует признать удовлетворительным, а некоторые системные ошибки были скорректированы вручную.

2. Аналогично модели сопоставительного статистического анализа, предложенной в [Мухин 2010], из каждого подкорпуса выбрано по 2000 самых частотных знаменательных лемм. Одинаковые по объему выборки позволяют скомпенсировать количественную разницу в исходных лексических массивах. Кроме того, отказ от рассмотрения служебных слов и местоимений объясняется «семантикоцентричностью» работы, задача которой – связать лексические частоты и текстовые стилевые черты.

Полученные списки сопоставлены, и выявлены слова, которые попадают в набор самых частотных только в одном из подкорпусов. Для прозы этот список составили 337 слов, для драматургии – 503, для публицистики – 613 и для переписки – 518 слов. Само такое распределение кажется вполне объяснимым: стиль прозы является лексически наиболее нейтральным с точки зрения общепотребительной лексики, а стиль публицистики и эпистолярного жанра – наоборот, что «маргинализует» перечень оригинальных слов и увеличивает его объем.

Кроме того, был выбран «универсальный» для писателя лексический массив (775 слов, часто встречающихся во всех чеховских подкорпусах). В верхней части этого списка ожидаемо фигурируют лексемы *быть, говорить, человек, мочь, еще, уже, сказать, знать, теперь, давать, год, рука, день, писать, очень, идти* и т.д. Эта лексика не является индивидуально-авторской, ее общезыковая частота высока, и она попадает в «пик» частотности практически любого протяженного текста. Однако в выбранном массиве есть слова, на которые нужно обратить внимание с точки зрения изучения именно чеховского идиостиля. Сравним относительные частоты чеховских лексем с данными, которые приводятся в «Новом частотном словаре русской лексики» [электрон. ресурс]. Некоторые из них по своей относительной частоте существенно (от 3 до 300 раз по индексу *ipt*, т.е. на миллион словоупотреблений) превосходят общезыковые

показатели.

Конечно, отчасти мы имеем дело с временными различиями в языке, так как в этой группе есть устаревшие варианты слов, историзмы и просто лексемы, употребительность которых за век значительно снизилась: *счастье, жалование, уезд, прислуга, верста, управа, господин, дама, непременно, почтенный, казенный*. Однако активное употребление Чеховым следующих групп слов нельзя объяснить приметами времени. Это широкий спектр оценочной лексики: *прелесть, милый, великолепный, умный, благородный, честный, порядочный, дурной, дурно, ужасный, ужасно, чепуха, пустяк, обыкновенно, необыкновенный*. Это слова, связанные с творчеством и перепиской (*рассказ, пьеса, публика, письмо, телеграмма*), лечением и здоровьем (*доктор, больной, здоровье, здоровый*), семейными отношениями (*женатый, семейство, невеста*), бытом (*чай, обед, сытый, табак, шляпа, шапка*), финансами (*дорого, даром, копейка*), погодой и восприятием тепла/холода (*погода, дождь, тепло, холодно*). Занятно, что в небольшой перечень «универсальных» чеховских эмотивов (*скука, скучно, скучный, виноватый*) попали три репрезентанта концепта «скука», значимость которого для чеховского творчества понимает любой филолог (см., например, об этом [Сопова 2014; Маханова, электрон. ресурс и др.]). Кроме того, значительно отличается от общеязыковой частота употребления писателем таких слов, как *сад, пьяный, громадный, лошадь, тотчас, мало-помалу*. Среди перечисленных слов много и других репрезентантов чеховских концептов – сошлемся здесь на работу [Виноградова 2008].

Рассматривая эти группы, мы намеренно отказались от анализа глагольной лексики. Специфика лемматизатора *Mystem* заключается в том, что он приводит глаголы совершенного вида к видовым парам несовершенного вида. Поэтому сопоставление наших данных с «Новым частотным словарем», в котором видовые пары разведены, не является корректным. В решении этой грамматической проблемы мы видим одну из частных перспектив исследования.

Подобная выборка имеет свои перспективы для дальнейшего филологического описания чеховского языка, ее можно использовать в качестве базы для идиостилевого словаря, в котором

рассматриваются индивидуально-авторские, а не общезначимые лексические признаки.

3. Перейдем к анализу частотных слов, характерных для четырех подкорпусов (из списков исключены имена собственные). Основу четырех оригинальных лексических списков составляют следующие слова:

- Проза: *крикнуть, проговаривать, послушаться, засмеяться, побежать, почувствовать, поручик, рукав, пробормотать, пятно, покраснеть, коляска, облако, схватывать, спальня, проходиться, бровь, погода, повертываться, неподвижно, побледнеть, удивление...*

- Драматургия (здесь топ списка естественным образом возглавляют фамилии и имена персонажей, но среди них встречаем и другие слова): *пауза, хор, занавес, целоваться, прочь, рыдать, замолчать, живо, уставать, напевать, душечка, отставать, замучиваться, испуганно, танцевать, мошенник, налево, вбегать, дружба, радостно...*

- Публицистика: *поселенец, ссыльный, селение, округ, арестант, колония, надзиратель, каторга, гилек, население, смотритель, тюремный, побег, житель, материк, южный, японец, возраст, тайга, сельский, приказ, долина, японский, администрация...*

- Переписка: *оборот, поклон, высылать, конверт, март, благополучный, привет, корректура, преданный, побывать, слать, сборник, издание, февраль, телеграфировать, повидаться, октябрь, гонорар, хранить, сердечный, печатать, экземпляр ...*

До проведения семантического анализа можно предположить, что наборы индивидуальных частотных слов в переписке должны отражать реальную жизнь писателя и круг его общения, в драматургии – специфику в первую очередь персонажной речи и авторских ремарок, в прозе – сочетание авторской и персонажной речи, с явным преобладанием речи авторской, в публицистике – социальные аспекты, которые волновали Чехова (в первую очередь связанные с его поездкой на остров Сахалин).

4. На следующем этапе проведена идеографическая классификация частотных слов, образующая литературный тезаурус, и выделены доминантные тематические группы лексики, наиболее характерные для сравниваемых подкорпусов. Семантическая

идентификация произведена с опорой на идеографические словари Уральской семантической школы (руководитель – проф. Л.Г. Бабенко).

Для прозы А.П. Чехова количественно наиболее актуальны сферы эмоций, речи и звучания, быта, движения, физиологических действий, оценки, социального статуса, частей тела человека и животного (*бровь, локоть, затылок, подбородок, морда, рожа, ладонь, борода, головка, крыло, глазик, ножка*).

Для драматургии – оценки, эмоций, религиозной и медицинской сфер, движения, звучания, родственных и семейных отношений. Кроме того, специфика рода литературы отражена в частотности таких слов, как *пауза, занавес, действующий, рампа, хор*.

Поскольку проза и драматургия, как направления художественной литературы, тематически близки, сопоставим лексические классы, которые для них актуальны.

Собственно эмоции, чувства в прозе и пьесах достаточно похожи: равнодушие и спокойствие, испуг, радость и грусть, раздражение и злость и т.д. Сравним: *удивление, ненависть, злоба, грустный, отвращение, рассердиться, испуганный, радостный, почувствовать, равнодушный, равнодушно* (проза); *испуганно, испугать, радостно, взволновать, раздражённо, нетерпеливо, покойно, спокойный, вспылить, злость, возмущать, смущённо, разлюбить, томиться, взволнованно, хладнокровно, тосковать, растрогать, меланхолия, гордость, самолюбие* (драматургия). Резко отличается проза разработанностью лексики внешнего выражения эмоций: *засмеяться, вспыхивать, сконфузиться, конфузиться, покраснеть, побледнеть, краснеть, бледнеть, нахмуриваться, зарыдать, плач, захохотать, поморщиться, морщиться, хмуриться, закричать, всхлипывать, выбежать, задрожать, замахать, взвизгивать* и др. В пьесах эту функцию выполняет разве что слово *рыдать* да еще ряд глаголов совмещенной семантики: *вбегать, вырывать, плясать*. В самом деле, визуальность драматургии, возможность актерского внешнего выражения делает необязательным использование лексических средств выражения эмоций. В прозе же это необходимо, иначе эмоциональное состояние персонажа читателю представить трудно.

По этой же причине, вероятно, в прозе значительно важнее, чем в драматургии, лексика речи и звучания: *крикнуть, проговаривать, послышаться, пробормотать, помолчать, забормотать, шёпот, прошептать, зашептать, закричать, вслух, запевать, проворчать, пение, доноситься, произносить, выговаривать, громкий, умолкнуть, кашлянуть, крякнуть* и др. В драматургии этот перечень значительно более бедный: *замолчать, напевать, высказывать, бредить, клеветать, слышный, щёлкать, звонить, свистеть, наигрывать, трещать*.

Зато оценочная лексика в драматургии реализована очень са­мо­бытно, так как в диалогах персонажей оценка должна быть эксплицитной: *мошенник, губить, погубить, подлость, подло, мерзавец, безнравственный, бесчестный, пошлость, пошлый, глупец, гадость, невежество, нудный, безобразие, мелочный, мелко, гнусность, неприлично, опротиветь, несправедливость, бесчестный, грешник, грешница, грешно, чучело, психопат* и, наоборот, *умница, умно, красавец, справедливый, великодушный, восхитительный, прелестный, милая, мило, чудно, изящный, молодчина, добродетель, искренность, справедливый, честность*. Этот перечень включает самые разные виды оценки: интеллектуальную, этическую, эстетическую, – отрицательную и положительную. В прозе же есть иные (и часто имплицитные) средства выражения оценки, поэтому этот лексический класс большим объемом и явными особенностями не отличается. Кстати, если опираться на частотную лексику, в своих письмах Чехов использовал не очень большое количество оригинальных оценочных слов. С положительной оценкой в переписке связаны лексемы *благополучный, недурно, симпатичный, хвалить, велико­лепно, превосходно, изумительный, недурной, сносно*, а с отрицательной – *скверный* и *скверно*. Рассмотрение единичных словоупотреблений [Величко 2010] резко увеличивает этот список, но требует подробного контекстологического анализа – в нашем случае на материале 2,3 млн. слов.

Именно в художественных текстах, в отличие от публицистики и писем, оказывается количественно выраженной лексика движения, перемещения. И если в прозе движение может быть значимо «само по себе»: *побежать, пройтись, повёртываться, оглянуться, заходить, нагибаться, направляться, шевелиться,* –

то в драматургии глаголы движения обычно служат выражению эмоции или физического состояния (*танцевать, вбегать, шататься, вырывать, пошатываться, плясать*).

Проза, в отличие от пьес, «наводнена» словами, обозначающими детали быта, обихода, – разнообразными мелочами, заполняющими художественное пространство. Это следующие лексические группы:

– предметы одежды и их части: *пуговица, рукав, цилиндр, воротник, сорочка, туфля*;

– различные предметы бытового обихода: *одеяло, подушка, спичка, трубка, очки, зеркало, сундук, ковёр, карандаш, ложка*;

– помещения, строения и их части: *амбар, ступень, калитка, спальня, потолок, крыльцо, забор, порог*;

– транспортные средства, приводимые в движение лошаадьми: *бричка, телега, сани, экипаж, коляска, воз*.

В публицистике Чехова определяющей и наиболее разработанной является правовая сфера, в которой четко выделяются группы «Человек» (*ссылный, арестант, подсудимый, преступник, ссылнокаторжный, каторжник, осуждённый, рецидивист, испытуемый, поселенец, беглый, виновный* и, с другой стороны, *надзиратель, смотритель, защитник, палач, жанدارм, заседатель, конвойный, полицейский*), «Место заключения» (*колония, камера, карцер, рудники, каторга, ссылка*), «Правовой процесс» (*надзор, заключение, следствие, казнь*) «Предмет, связанный с наказанием и заключением» (*розги, кандалы, плеть*), «Документ» (*приговор, протокол* и т.п.). Ориентация на географическую и фактографическую реалистичность определяет здесь также особую актуальность следующих лексических классов:

– населенный пункт (*селение, округ, поселение, слободка, местность, поселок*),

– природные объекты (*материк, тайга, долина, мыс, почва, устье, пролив, залив, речка, луг, побережье, океан, болото, приток, хребет, равнина, просека, бухта, падь*),

– сельское хозяйство (*сельскохозяйственный, урожай, пахотный, семя, огород, хлебопашество, растение, пшеница, сенокос, сеять, зерно, пашина, солома, сельский, картофель, почва*),

– медицина (*лазарет, цинга, эпидемия, сифилис, оспа*),

– нации и народы, человек по месту проживания (*гиляк, японец, китаец, татарин, москвич, сахалинец, аинка*).

– слова из разных сфер, обозначающие социальный статус человека, род занятий: *служащий, генерал-губернатор, защитник, инспектор, корреспондент, кассир, бухгалтер, агроном, артистка, антрепренёр, певец, плотник, промышленник, клоун* и др.

В целом чеховскую публицистику следует признать крайне оригинальным с лексико-семантической точки зрения подкорпусом.

В письмах А.П. Чехова, непосредственно отражающих жизнь и интересы писателя, наиболее реализованы сферы «Искусство, литературное творчество», «Медицина», «Передача информации», «Оценка», «Финансы», «Эмоции». Специфичной для эпистолярного жанра является группа личных обращений к жене: *дуся, дусик, лошадка, актрисуля*.

К сфере «Искусство, литературное творчество» в переписке относятся как слова, называющие литературные направления и жанры (*проза, сказка, стихотворение, сочинение, фельетон, заметка, рецензия*), так и во многом лексемы, указывающие на специфику издания литературного произведения (*корректурa, издание, печатать, экземпляр, рукопись, оттиск, обложка* и др.). Неслучайны здесь и слова сферы «Финансы»: *гонорар, уплачивать, расход, аванс, зарабатывать, платёж, безденежье, перевод*.

Слова, обслуживающие сферу «Передача информации», также характерны именно для эпистолярного жанра: *высылать, конверт, слать, телеграфировать, заказное (письмо), посылка, марка, бандероль, выписывать, извещать, курьер, адресоваться, переписка, телеграф, высылка, пересылка* и многие др.

Теперь сравним реализацию медицинской сферы и слов, указывающих на здоровье/нездоровье в письмах, драматургии и публицистике. В переписке явно выделяются подгруппы: болезненное состояние или выздоровление (*хворать, нездоровиться, поправляться, выздоравливать*), болезни (*геморрой, плеврит, тиф, инфлуэнца*), симптомы (*кашель, кровохарканье, воспаление*) и слово *клиника*. Проблемы Чехова со здоровьем начались ещё в десятилетнем возрасте, когда он начал чувствовать «тес-

нение в груди»; в гимназические и студенческие годы Чехов болел туберкулезным воспалением брюшины, а с 1884 г. страдал кровотечением из правого легкого. Чехов вел борьбу с болезнью на протяжении всей жизни, и вполне естественно, что эта тема нашла важное отражение в его письмах.

Для других подкорпусов такая лексика менее актуальна. В драматургии встречаем слова, обозначающие симптомы, необходимые, пожалуй, более для внешнего выражения внутреннего состояния (*сердцебиение, обморок, трещать, пошатываться, бредить*), а из названий болезней – только *подагру* и *ревматизм*. Для публицистики актуальны распространенные во времена Чехова и из-за этого социально значимые болезни *цинга, сифилис, оспа*, само слово *эпидемия*, а также место массового лечения – *лазарет*. В итоге сопоставление лексического материала наглядно показывает, как общие функциональные черты конкретного подкорпуса влияют на словоупотребление, и эта картина охватывает большое количество актуальных для каждого массива слов.

Чеховское наследие – это более чем удачный материал, позволяющий судить о лексической разнице литературных форм, к которым обращался один автор. Большой объем корпуса и, значит, повторяемость частотных слов объективируют применение статистических методов. А первичный анализ, основанный на сопоставлении массивов слов, позволяет говорить об универсально-текстовых («внечеховских»), универсально-авторских (идиостилевых) и индивидуальных чертах, которые свойственны каждому подкорпусу. Дальнейшее филологическое развитие такого исследования видится нам в подробном контекстологическом анализе и более глубокой интерпретации полученных данных.

ЛИТЕРАТУРА

Величко Е.В. Оценочность в языковой картине мира А.П. Чехова (на материале писем крымского периода) // Семинар «Мир языка А.П. Чехова», тр. IV междунар. конгресса «Русский язык: исторические судьбы и современность». – М., 2010. URL: http://www.philol.msu.ru/~rlc2010/abstracts/rlc2010_abstracts_sem22.pdf (дата обращения: 21.03.2016).

Виноградова М.С. Реконструкция языковой картины мира позднего Чехова: на материале художественной прозы 1898-1903 гг. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2008.

Маханова Г.Е. Репрезентация концепта «скука» специализированными структурными схемами в художественной прозе и письмах А.П. Чехова. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/representatsiya-kontsepta-skuka-spetsializirovannymi-strukturnymi-shehami-v-hudozhestvennoy-proze-i-pismah-a-p-chehova> (дата обращения: 21.03.2016).

Минц З.Г. Частотный словарь цикла «Стихи о Прекрасной даме»; Частотный словарь «первого тома» лирики Ал. Блока // Минц З.Г. Блок и русский символизм: избр. тр.: в 3 кн. Кн. 1: Поэтика Александра Блока. – СПб., 1999. С. 581-627; 699-721.

Мухин М.Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. – Екатеринбург, 2010. 232 с.

Новый частотный словарь русской лексики. Под ред. О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова // Словари на основе Национального корпуса русского языка. URL: <http://dict.ruslang.ru/freq.php> (дата обращения: 21.03.2016).

Сопова С.П. Мотивные составляющие концепта «скука» в повести А. П. Чехова «Скучная история» // Сибирский филол. журнал. 2014. № 2. С. 43-47.

Частотный грамматико-семантический словарь языка художественных произведений А.П. Чехова с электронным приложением / Под общ. ред. А.А. Поликарпова. М., 2012.

Частотный словарь рассказов А.П. Чехова. – СПб., 1999.

Частотный словарь рассказов Л.Н. Андреева. – СПб., 2003.

Шайкевич А.Я., Андрющенко В.М., Ребецкая Н.А. Статистический словарь языка Достоевского. – М., 2003.

© Мухин М.Ю., 2016

© Филатова Е.Р., 2016

А. М. ПЛОТНИКОВА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 378.124:81'38

ББК Ч448.042+Ш105.551.12

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ НЕКОМПЕТЕНТНОСТЬ КАК ПОЛЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ¹⁰

Аннотация: В статье рассматривается специфика отображения в речи представлений о несоответствии человека занимаемой им должности, уровня его образования предъявляемым профессиональным стандартам. Категория «профессионализм», «профессиональное мастерство» имеет в языке явно выраженный оценочный характер и реализуется в системе лексических и фразеологических средств. Если положительная оценка профессиональных качеств выражается обычно эксплицитно, то профессиональная некомпетентность характеризуется при помощи сравнений, метафор, иронии и других приёмов не прямой коммуникации. Цели использования таких приемов связаны с желанием говорящего уйти от правовых рисков, а также его стремлением усилить воздействующий потенциал сказанного, найти наиболее эффективные способы убеждения адресата. Помимо сознательного применения в публицистике игровых приёмов, в текстах жалоб в официальные органы, в устной публичной речи обнаруживаются нестандартные способы оценки профессиональных качеств, которые формируют особую конфликтную тональность текстов. Креативные способы оценки профессиональной несостоятельности направлены на дискредитацию лица, формирование негативного социального имиджа, иногда речевые манипуляции являются инструментом коммуникативного садизма. На примерах из судебной практики показаны возможности интерпретации приемов языковой игры, используемых для характеристики профессиональной некомпетентности лица.

Ключевые слова: языковая игра, конфликтная коммуникация, речевая агрессия, оценка, социальные качества лица.

Профессиональные качества и способности человека полу-

¹⁰ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 16-06-00340 «Отношения противоположности в словаре и дискурсе: лексикографический, когнитивно-дискурсивный и лингвокультурологический аспекты») и Программы повышения конкурентоспособности УрФУ на 2013-2020 гг. (номер соглашения 02.А03.21.0006).

чают разноаспектную характеристику в лексике и фразеологии русского языка. Человека, качественно выполняющего работу, называют *профессионалом, специалистом, виртуозом, мастером на все руки*. Лингвистически отмеченными являются в языке характеристики профессиональных умений и навыков, стереотипность которых обусловлена их функционированием в жанрах резюме или объявлениях о приеме на работу: *грамотный, квалифицированный, опытный специалист; исполнительный работник; коммуникабельный, инициативный менеджер* и т.д. По данным О.Н. Бабушкиной и Е.И. Головановой, в русском языке обнаружено 227 фразеологических единиц с семантическим компонентом оценки труда [Бабушкина, Голованова 2012: 12].

Если использование не прямых форм коммуникации, в том числе и приёмов языковой игры, для положительной оценки профессиональных качеств можно считать нетипичным способом оценивания работника, то, напротив, некомпетентность человека, его несоответствие занимаемой им должности, отсутствие у него необходимых профессиональных знаний, умений и навыков отображается непрямыми речевыми актами, одна из причин появления которых связана с желанием говорящего или пишущего уйти от правовой ответственности за обвинения в непрофессионализме.

Т.С. Шахматова, анализируя высказывание *«Я требую качественной работы, а не той халтуры, которую вы выдавали раньше»*, произнесенное главным редактором газеты в адрес сотрудника редакции и ставшее предметом судебного разбирательства, отмечает: «С помощью вербальной дискредитации, дискриминации, инсинуации и диффамации может осуществляться травля работника, реализация руководством того или иного предприятия невыгодной репрессивной политики, вынуждение к увольнению, борьба с неугодными и многое другое» [Шахматова 2013: 276].

Институциональный характер общения, в котором один участник характеризует профессиональные качества другого, казалось бы, должен удерживать говорящего от применения инвективной лексики или приёмов речевой агрессии, однако речевая практика свидетельствует об обратном. Так, на оперативном совещании Министерства по управлению государственным иму-

ществом N-ской области министр П. в присутствии всех руководителей департаментов, начальников отделов, заместителей министров высказал в адрес К. следующую фразу: «*К. – присоска на теле коллектива*». Использование окказиональной метафоры позволяет говорящему показать, что К. – это нечто чужеродное, паразитирующее на коллективе, мешающее нормальной работе всего коллектива.

Отрицательная оценка профессиональных качеств не ограничивается констатацией самого факта и оценкой некачественно выполненной кем-либо работы, недобросовестного отношения к своим обязанностям. Иногда трудно провести грань между профессиональными и личными качествами сотрудника, поэтому происходит объединение этих признаков либо перенос личных качеств на профессиональные. Например, в одной из статей написано: «*3. была уволена в апреле 2010 года за некомпетентность на фоне прогрессирующего амбиционизма*». Словосочетание «*прогрессирующий амбиционизм*» включает неузуальное слово «амбиционизм», которое является синонимом зафиксированного в словарях слова «амбициозность». Словосочетание «*на фоне прогрессирующего амбиционизма*» построено по модели конструкций, называющих заболевания человека, например, *на фоне алкоголизма, на фоне прогрессирующего атеросклероза*, где параметрическое слово *прогрессирующий* отнесено к обозначению социального качества, а существительное «амбиционизм» образовано по той же словообразовательной модели, что и алкоголизм [Русская грамматика 1980: 193]. Подобные примеры иллюстрируют развиваемую Т.А. Гридиной концепцию языковой игры как реализацию эвристической функции речемыслительной деятельности, форму лингвокреативного мышления [см.: Гридина 2015].

Одним из распространенных способов указания на несоответствие работника занимаемой им должности является использование сравнения, например, обращаясь к судье, говорящий произносит: «*Вот что здесь написано Вами в решении суда, это может написать только пьяный и под наркотическим воздействием*», «*Это баба деревенская такое решение напишет*» (здесь и далее стилистика текстов сохранена). Одна профессия может сравниваться с другими, обычно не требующими специ-

альной квалификации. Опровергая тезис о равенстве всех профессий, журналист одного из региональных изданий пишет: *«Гуламджан У. по недоразумению занимает в МОВД должность начальника отделения дознания. Вместо поста чабана небольшой отары Моюнкумского животноводческого хозяйства»*. Нарушающее типовую сочетаемость выражение «пост чабана отары» (в русском языке типичным является употребление слова «пост» в значении «ответственная должность») ведет к созданию иронической тональности, язвительного отношения к герою публикации. Полагая выбранное им сравнение удачным, автор продолжает: *«Вот для овец Моюнкумского животноводческого хозяйства доводов Гуламджана У. было бы вполне достаточно»; «Почему чабана взяли на работу?»* Придуманное автором Моюнкумское животноводческое хозяйство также работает на общий гротескный образ ситуации.

Оскорбительная аналогия содержится в тексте жалобы: *«А даме в 102 кабинете с видом кассира платного туалета работать соответственно внешности и не подпускать ее к людям»*. В отличие от приведенного выше примера здесь речь идет не о сознательно выбранной игровой стратегии. Равнодушие к проблемам посетителей, неумение работать с людьми вызывает у автора текста неприязненное отношение, поэтому для указания на несоответствие чиновницы занимаемой должности автор жалобы выбирает в качестве источника сравнения образ кассира платного туалета, выступающего эталоном нечуткости, грубости, равнодушия, нежелания помогать просителям.

Этот пример показывает, что, помимо случаев осознанного использования языковой игры, в текстах жалоб, в устной речи возникают такие смыслы, которые могут быть условно квалифицированы как «наивная» креативность, когда говорящий, в чем-то уподобляясь художнику-примитивисту, дает словесную характеристику профессиональной личности, отчасти имитируя газетные штампы, а в чем-то импровизируя в рамках заданного речевого жанра, например: *«Быть судьей в арбитражном суде обязывает лицо, занявшее это место, иметь мужество, чтобы быть способным восстановить поправленные гражданские права. Многие же халатные особи этого не понимают, а существуют лишь для распечатки стандартной отписки и получения*

денег в кассе суда, как судья Иванова. Я не могу доверять рассмотрение своего искового заявления лживой тунеядствующей (филонящей) номенклатуре». В отдельных случаях говорящий переходит грань разумной критики должностного лица, используя враждебно-неуважительную тональность, навешивая ярлыки и нарушая этико-речевые нормы, например: «Судья М. позволила себе войти в зал судебного заседания в неряшливом, неопрятном виде, опять не застегнут ворот мантши. Под мантией надето что-то нательное, не совсем стиранное. С какой целью судья М. пришла в судебное заседание в таком же виде? Под мантией должны быть честь и совесть. Совесть нараспашку не может быть»; «Я бы на месте судьи М. написал рапорт о добровольной отставке, плотно свернул его в трубочку и проткнул височную часть головы, за которой нет ничего – ни ума, ни совести, ни чести». Такие случаи можно квалифицировать как глумление и проявление коммуникативного садизма.

Профессиональная некомпетентность связывается в сознании многих с невысоким образовательным уровнем человека, не позволяющим ему добросовестно выполнять свои обязанности. Пожалуй, чаще другого поводом для игрового переосмысления становится наличие заочного образования, качество которого вызывает у пишущего сомнения, например: «Я... имею музыкально-ведческое фундаментальное образование, чего не имеет Виктор Иванович... У него какое-то там заочное околосвященное театроведческое образование». В другом одновременная реализация двух значений слова «заочный» в высказывании служит средством создания намеренной неоднозначности: «Всю жизнь заочник. Заочно учился, заочно работал... Кроме того, большую часть своего трудового стажа В., хоть и числился подручным сталевара и сталеваром, работал освобожденным от должности проформом. Вот и получается, что и образование, и работа были заочными. Таким же заочным, для галочки, похоже, является и его депутатство...».

Несмотря на то, что категория «профессиональное мастерство» по своей сути оценочна, для представителей некоторых профессий существуют более или менее четкие критерии оценивания. Например, для оценки деятельности хирурга в одной из статей использована пространственная метафора: «Есть из-

вестное выражение, что у каждого хирурга есть свое персональное кладбище. Так вот у Л. на этом кладбище могил – за горизонт».

Во многих других профессиях критерии, позволяющие оценить профессиональный уровень, достаточно субъективны. Даже авторитетные специалисты, чьи заслуги получили признание, периодически подвергаются жестокой критике, а их оппоненты зачастую утверждают, что кто-либо недостойн полученного научного звания, необоснованно стал обладателем первой премии, незаслуженно выиграл грант и т.д. Например, режиссер документальных фильмов оспаривал в суде по делу о защите деловой репутации информацию, изложенную в следующем фрагменте: *«В программах, посвященных профилактике сиротства, нет ни грамма художественности. Нет в них также профессиональной начитки и нормального сценария. Это просто набор синхронизации с наложенной на них музыкой».* Очевидно, что данный иск не был удовлетворен судом, поскольку понятие «художественности» не может быть описано через систему формализованных признаков.

В то же время прямое указание на профессиональную непригодность может стать поводом для признания фактологического характера информации: *«...кто там участвует, это просто профнепригодны, этот комплекс ортопедических упражнений, который называют танцем на сцене, вы извините меня, абсолютно не нужно работать в театре и достаточно несколько раз сходить в разные театры, в том числе в Большой, в наш оперный театр и посмотреть, как действительно должны люди танцевать».*

Субъективно-оценочный характер носит заголовок другого текста *«Ненормативная Петрова»* (фамилия изменена), в котором нарушение сочетаемости прилагательного «ненормативный» служит целью наведения смысла: нарушающая установленные нормативы. Можно предположить, что для реализации семантики нормативной оценки автор намеренно использует это прилагательное, обладающее богатым ассоциативным шлейфом и вовлекающее в круг переосмысления другие контексты: *ненормативные слова, ненормативные правовые документы, ненормативные решения.* В другом случае говорящий оценивает профессиональную деятельность истца,

признавая её неудовлетворительной: «*В.С. не проходит испытание на профессионализм*».

Как элемент языковой игры, связанный с речевыми импликациями, в текстах о профессиональной некомпетентности используется ирония, например, в статье, в которой говорится о том, что сотрудники полиции ищут преступников, хотя их имена, фамилии, должности всем хорошо известны: «*Завидуйте, Холмс, Пуаро и Мегрэ в придачу с Желовым! Это дело вам точно не по зубам – слишком запутанное. Раскрыть эти мудрёные схемы, выйти на след этих дерзких злоумышленников и обезвредить их под силу лишь полицейским нашей эпохи. К счастью расследованием занимаются настоящие профи из отделения полиции...*». Автор как будто бы приписывает превосходные профессиональные качества, прибегая к прецедентным именам литературных детективов и используя в названии статьи прецедентное высказывание «Следствие ведут знатоки». Несответствие буквального и подразумеваемого смысла сказанного служит средством создания «мистификации», которая, по выражению О.П. Ермаковой, и лежит в основе создания иронии [Ермакова 2011].

Таким образом, креативные способы оценки профессиональной несостоятельности направлены на дискредитацию лица, формирование негативного социального имиджа и характеризуются, безусловно, более высокой воздействующей силой, чем прямые обвинения в некомпетентности, особенно в том случае, если мастерство словесной игры и изящество игровой установки не нарушают этические и правовые нормы.

ЛИТЕРАТУРА

Бабушкина О.Н., Голованова Е.И. Словарь английских и русских фразеологизмов, отражающих оценку профессиональной деятельности. – Челябинск: Энциклопедия, 2012.

Гридина Т.А. Ассоциативный потенциал слова как основе лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. – 2015. – 3 (25). Москва.

Ермакова О.П. Ирония и её роль в жизни языка. – М.: Флинта-Наука, 2011.

Русская грамматика. /Под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Наука, 1980. Т. 2.

Шахматова Т.С. Оскорбление как инструмент языкового насилия в речевых ситуациях институционального общения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. – 2013. – Т. 155, кн. 5. – С. 267-278.

© Плотникова А.М., 2016

Т. В. ПОПОВА

(Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'42:821.161.1-3(Кржижановский С. Д.)
ББК Ш141.12-3Ш33(2Рос=Рус)6-8,44

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ АВТОРА КАК МАРКЕРЫ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ СМЫСЛОВ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛЕКСЕМ С.Д. КРЖИЖАНОВСКОГО)

Аннотация: В статье рассматривается деривационное пространство авторских неолексем С.Д. Кржижановского и возможность выявления доминантных смыслов текста через свойственные им словообразовательные феномены.

При этом обосновывается целесообразность учета не только традиционных словообразовательных единиц (словообразовательного гнезда, словообразовательного значения, словообразовательной категории), но и таких, как деривационно-семантическое поле и деривационно-семантический блок: поле объединяет производные неолексем разных частей речи с близкими категориально-словообразовательными семами, блок – дериваты с синонимичными семами без учета статуса последних (категориально-словообразовательная или дифференциальная сема). Анализ деривационно-семантического пространства авторских неолексем позволяет выявить деривационно-семантические доминанты текста и их роль в экспликации концептуальных смыслов художественного произведения. Установлено, что неолексем С.Д. Кржижановского объединяются в 7 деривационно-семантических блоков: «Человек», «Предмет», «Признак», «Действие», «Состояние», «Время» и «Пространство». Деривационно-семантической доминантой неолексикона С.Д. Кржижановского является словообразовательный смысл «Действие», передаваемый глаголами, существительными, прилагательными и наречиями. Бóльшая склонность С.Д. Кржижановского объективировать динамический, а не статический признак реалии или саму реалию является особенностью его идиостиля, обусловленной отражением в художественном сознании автора серьезных деформаций окружающей его действительности.

Ключевые слова: неолексема, деривационно-семантическое поле, деривационно-семантический блок, смысловая доминанта текста, деривационно-семантическая концептуализация.

Содержательно-концептуальное пространство текста обуславливается всей системой формирующих его элементов. Наиболее существенными для смысла целого текста являются по-

вторяющиеся в нем значения, составляющие его основу. Эти значения могут быть выражены повторами сквозных слов, слов одного семантического поля, модели, фраз, крупных синтаксических единств, тем, образов, мотивов и иных текстовых компонентов [Кожевникова 1983: 52-70]. По мнению Ю.Н. Караулова, «...многочисленные повторы некоторых слов, существенные отклонения в их частоте определенным образом воздействуют на читателя, формируя его восприятие неосознаваемым им образом, подобно 25-му кинокадру в секунду» [Караулов 2001: 363]. При этом наибольшее воздействие на читателя обусловлено не абсолютной частотой употребления конкретного слова в тексте, а качественными характеристиками контекстов его употребления и распределением этих контекстов на пространстве текста.

Особое место среди лексических элементов текста занимают неолексемы, созданные автором. Индивидуально-авторских образований, по словам Н.Г. Бабенко, «отличаются исключительными образорождающими возможностями» [Бабенко 2008: 32]. Более того, они обладают особым типом языкового значения – словообразовательным, которое – наравне с лексической семантикой – участвует в создании концептуальных смыслов текста. Неолексемы обладают особой текстовой значимостью для автора, поскольку отражают те участки интерпретируемой действительности, которые наиболее значимы для автора текста, но недостаточно дифференцированы и/или номинированы узальными средствами языка. Роль деривационно-семантических феноменов в экспликации концептуальных доминантных смыслов произведения изучена явно недостаточно.

По мнению лингвистов, одной из ключевых особенностей идиостиля такого концептуального писателя-философа первой половины XX в., как С.Д. Кржижановский, является языковая игра в разных её проявлениях (см., например, [Гридина 2014]). Н.Ю. Буровцева замечает: «В его произведениях парадоксально-самобытная идея ... излагается таким же парадоксально-самобытным языком» [Буровцева: 1998: 97]. Активное словотворчество – характерная особенность стиля С.Д. Кржижановского. В современных исследованиях в целом выделено около 1000 созданных им неолексем: в работе О.П. Бышук – 470 ново-

образований, в работах Л.В. Промах – более 600, причем словники исследователей совпадают лишь на 16 % (около 150 новообразований).

Деривационно-семантическая концептуализация опирается на словообразовательные феномены, которые носят знаковый характер, то есть семантически нагружены, и традиционно относятся к комплексным единицам словообразования (Е.А. Земская): это словообразовательное гнездо, словообразовательный тип, словообразовательная категория, деривационно-семантическое поле и подполе.

С.Д. Кржижановский активно использует все эти феномены. Многие словообразовательные инновации автора легко объединяются в словообразовательные гнезда и номинируют людей, живущих по принципу, названному мотивирующим словом *авось*, *небось*, *нет*: *авось* – *авось*, *авоська*, *авосиха*, *авосята*, *авоситься*; *небось* – *небось*, *небосиха*, *небосята*, *небоська*; *нет* – *нет*, *нета*, *нетенок*, *нетик*, *нетеньки*, *нетовский*, *нетовый*, *нетствующий*; феномены разного рода: *сон* – *сон* «человек», *сница*, *снишка*, *сновидчество*, *снообразный*; *время* – *времярез*, *времярезничество*, *обезвременность*, *безвременье*; учение и его сторонников: *хаустолог*, *хаустология*, *хаустогнозия*, *хаустологический* и под.

Однокоренные неолексемы фокусируют внимание не только на реалиях конструируемого автором фантастического мира, но и на феноменах, приобретающих концептуальное значение в конкретном тексте или творчестве в целом. Так, по мнению Л.В. Промах, герой С.Д. Кржижановского Сутулин (рассказ «Квадратурин»), пытаясь решить извечный вопрос нехватки жилья, становится жертвой деформированной им же самим привычной реальности, при этом рассказ строится в основном на актуализации корней *жи(ть)* и *квадрат*. «*Выквадратурилив*» свою крохотную «*жилклетку*», свой «*гробовидный жилкороб*», свою «*крохотушу*» с «*пропаутиненными*» углами волшебным средством для «*разращивания*», «*ращения*» комнат «*квадратурином*», он становится пленником «*расквадратившейся квадратуры*» и погибает, заблудившись во враждебном теперь ему «*оквадратуриненном*» пространстве [Кржижановский 2006: 274]. Неолексемы с корнем *квадрат* создают некую иллюзию

реальности, ясности происходящего – правильная геометрическая фигура (квадрат) становится прообразом новых слов, которые по-математически чётко и последовательно описывают происходящую деформацию бесконечно-увеличивающейся комнаты. В результате правильный привычно-надёжный комнатный квадрат искажается до неправильных, безобразно-огромных, вселенско-невообразимых размеров и поглощает своим фантастически деформированным пространством собственного создателя.

Еще большую значимость и концептуальность приобретают смыслы, передаваемые деривационными средствами в рамках словообразовательного типа, категории, поля или подполя. Так, значимая для С.Д. Кржижановского идея отсутствия важнейших, необходимых для нормального, естественного существования человека реалий, признаков, состояний в новом фантастическом мире передается словообразовательными типами и категориями, формирующими поле отсутствия чего-либо, отрицания чего-либо: *не-воздух, не-мысль, не-мудрец, не-я; безбуквие, безвещье, безвидие, безвоздушье, безволние, безвременье, бездвижие, бездурачье, беззвучье, беззлobie, безорбитье, безкнижье, безлучье, безмирье, безмогилье, безмолвие, бескнижье, бесскорбие, бессловие, бестемье, бестопливье, бесцветье, бесшажие; бесшумь; бездуновенность, безоощущение; бесчувственница; безвопльный, беззурный, безъизъянный, безурный, безцельный, бескрестный, бесступенный; безжизнить, беззвездиться, бессмыслить; беззвучащий; бессловно* и под. Это поле формируется синонимическими словообразовательными категориями слов разных частей речи: существительных, прилагательных, глаголов, наречий.

Как показывают исследования Л.В. Промах, деривационно-семантическое пространство неолексем С.Д. Кржижановского формируют 185 словообразовательных типов; объединенных в 157 словообразовательных категорий, сгруппированных, в свою очередь, в 30 деривационно-семантических подполей и 12 полей. Среди деривационно-грамматических полей неолексем С.Д. Кржижановского доминирует субстантивное поле. Оно насчитывает 400 неолексем, что составляет 63,7 % от общего количества новообразований С.Д. Кржижановского. Глагольное поле содержит 114 неолексем (18,2 %), адъективное – 96 ново-

образований (15,3%).

Среди субстантивных деривационно-семантических полей самые объемные поля – это поле «Лица» (оно включает 106 неолексем, или 26,5% от общего количества субстантивных новообразований) и поле «Действия» (103 неолексем, или 25,8 %). Их количественное доминирование позволяет предположить, что именно эти смыслы наиболее важны для данного автора.

Этот вывод может быть уточнен путем анализа деривационно-семантических блоков, характеризующих неолексемы С.Д. Кржижановского. Представляется, что именно блоки позволяют более корректно определить семантическую (а на ее базе – и концептуальную) доминанту текста. По мнению Л.А. Новикова, «современный анализ языка художественной литературы характеризуется детерминантным подходом, поиском ведущих, доминантных речевых средств, позволяющих выделить главные ... семантические текстовые поля и т. п., организующие целостное единство художественного текста в его эстетическом восприятии» [Новиков 1988: 31].

Возможность выделения деривационно-семантических блоков обусловлена полисемностью любого словообразовательного значения: однотипные содержательные семы могут иметь статус не только категориальной, но и дифференциально-словообразовательной семы. Так, неолексемы С.Д. Кржижановского, по данным Л.В. Промах, легко объединяются в 7 деривационно-семантических блоков: «Человек», «Предмет», «Признак», «Действие», «Состояние», «Время» и «Пространство». При этом сема «действия», например, поддерживается не только субстантивным полем «Действие» (103 неолексем, 15 словообразовательных категорий), но и глагольными полями «Действие» (64 неолексем, 12 словообразовательных категорий) и «Воздействие» (50 неолексем, 14 словообразовательных категорий), а также адвербиальным ДСП «Характер действия» (16 неолексем, 2 словообразовательных категории). Таким образом, семантика действия у С.Д. Кржижановского манифестируется 232 новообразованиями (44 словообразовательных категории), что позволяет объединить их в один деривационно-семантический блок «Действие».

Именно этот словообразовательный смысл – «Действие» –

является деривационно-семантической доминантой неолексикона С.Д. Кржижановского. Одноименный деривационно-семантический блок имеет самый высокий удельный вес – 36,9% (232 новых слова из 628) и максимально большую степень детализированности (в него входят 45 словообразовательных категорий из 157, свойственных неолексемам автора, то есть последние характеризуют действие в 45 аспектах, обусловленных сеткой словообразовательных значений русского языка: как действия и воздействие разного типа; как действие, выполняемое одушевленным или неодушевленным субъектом; как действие, связанное с определенным объектом, имеющее общий или частный результат; как действие, происходящее в определенном месте и времени, и т.п.). Бóльшая склонность С.Д. Кржижановского объективировать динамический, а не статический признак реалии или саму реалию, вероятно, является особенностью его идиостиля, обусловленной отражением в художественном сознании автора и художественном мире его произведений серьезных деформаций окружающей его действительности.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко Н.Г.* Язык русской прозы эпохи постмодерна: динамика лингвопоэтической нормы: диссертация ... д. филол. наук. – СПб., 2008.
- Буровцева Н.Ю.* С.Д. Кржижановский: проблемы поэтики: автореф. дис.... канд. филол. наук. – М.: Изд. МГПУ, 1998.
- Бышук О.П.* Типы и функции новообразований в творчестве С.Д. Кржижановского: дис...канд. филол. наук. – Ярославль, 2008.
- Гридина Т.А.* Игровой субъязык С.Д. Кржижановского // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве: коллективная монография /отв. редакторы Б.М. Гаспаров, Н.И. Купина. – Екатеринбург, 2014.
- Караулов Ю.Н., Пуиг М.С., Черкасова Г.А.* Ассоциативные нормы испанского и русского языков. Москва – Мадрид, 2001.
- Кожеевникова Н.А.* О типах повтора в прозе А. Белого // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. – Калинин, 1983.
- Кржижановский С.Д.* Тринадцатая категория рассудка. – М.: Эксмо, 2006.
- Новиков Л.А.* Художественный текст и его анализ. – М., 1988.
- Промах Л.В.* Лексические новообразования как репрезентанты художественного мира (на материале произведений С.Д. Кржижановского) // Вестник РУДН. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. Москва, 2009. №4.
- Промах Л.В.* Лексические новообразования как маркеры ключевых смыслов художественного мира С.Д. Кржижановского // Книжное дело: достижения, проблемы, перспективы – III: сборник статей. Вып. 3. / Екатеринбург: УрФУ, 2011.

© Попова Т.В., 2016

Л. В. РАЦИБУРСКАЯ
*(Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия)*

УДК 81'42:81'38
ББК Ш105.51+Ш105.551.5

СЛОЖНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК ИГРОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

Аннотация: Сложные новообразования как игровая составляющая современных медиатекстов.

В статье рассматриваются такие проявления словообразовательной игры в современных медийных текстах, как сложные новообразования нетиповой структуры, функционирование которых в медиатексте способствует его экспрессивизации и деавтоматизации восприятия содержания адресатом. Среди игровых новообразований наибольшим экспрессивным потенциалом обладают дериваты неузальных способов словообразования: созданные путем заместительной деривации, контаминации, графической гибридизации.

В новообразованиях, созданных путем заместительной деривации, заменяется одна из частей исходного узального слова, которая обычно формально и семантически обыгрывается в производном слове. В контаминированных новообразованиях происходит совмещение формально тождественных частей исходных слов (с возможными формальными видоизменениями) и соответственно удвоение семантики. Действенным средством языковой игры являются графические гибриды, в которых графически (обычно прописными буквами) выделяются части, соответствующие узальным словам.

Новообразования неузальных способов словообразования активно создаются в результате обыгрывания разного рода прецедентных феноменов: названий известных телепередач, кинофильмов, песен, произведений живописи, литературных произведений, периодических изданий, фразеологизмы, цитаты из литературных произведений, паремиологические единицы, имена ключевых фигур современности.

Языковая, и в частности словообразовательная, игра в современных медиатекстах усиливает воздействие СМИ на сознание носителей языка, задействует скрытые механизмы формирования оценки и определенных эмоций, актуализирует социальные представления и лингвокультурологические знания носителей языка.

Ключевые слова: медиатекст, новообразования, словообразовательная игра, неузальные способы деривации, заместительная деривация, контаминация, графическая гибридизация, прецедентные феномены.

В настоящее время к языковой игре исследователи относят широкий круг явлений, имеющих место в разговорной речи, художественной литературе, публицистике, рекламе. Языковая игра является важной составляющей, неизменным компонентом русской языковой действительности [Ильясова, Амири 2009: 28], и в частности современных медийных текстов, яркой отличительной чертой которых стало усиление личностного начала. Современные медиатексты отличаются повышенной экспрессией, оценочностью, речевой раскрепощенностью, языкотворческими экспериментами, в числе которых особенно востребованные медийщиками приемы языковой, и в частности словообразовательной, игры. Под языковой игрой обычно понимается «творческое, нестандартное <...> использование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний» [Культура русской речи 2003: 802]. Эстетический, чаще комический, эффект воздействия языковой игры на адресата отмечается многими учеными (Е.А. Земская, Т.А. Гридина, В.З. Санников).

«Рассмотрение языковой игры как формы лингвокреативного мышления предполагает изучение, прежде всего, ее языкотворческой функции» [Гридина 2004: 7; Санников 2002]. По мнению ученых, «словообразовательная игра связана с деавтоматизацией восприятия словообразовательной структуры производного слова и актуализацией словообразовательных средств, намеренное подчеркивание которых порождает различные эффекты в речи» [Николина 1999: 337]. При трактовке языковой игры как некоторой намеренной языковой неправильности (В.З. Санников), нарушения языкового канона (Б.Ю. Норман), мотивированного отклонения от определенной языковой нормы (С.В. Ильясова), как проявления «творческой инициативы говорящих, связанной с выходом за пределы языкового стандарта» [Гридина 2004: 7], средством и результатом словообразовательной игры становятся медийные новообразования, которые отсутствуют в лексической системе языка и по ряду параметров не соответствуют словообразовательным нормам.

Так, в рамках заменительного словообразования, которое многими учеными относится к неузуальным способам словообразования, нередко каламбурно сталкиваются исходное и произ-

водящее слово. В составе исходного слова может заменяться одна из частей: **Вагонозажатые**. *Железнодорожники ищут способы восстановить бюджетное субсидирование* (Коммерсантъ – Нижний Новгород, 26.03.13, № 51), ср. исходное *вагоновожатые*, в котором заменяется вторая часть; **Турецкопойманые**. *Россию обвинили в поставках оружия Сирии* (12.10.2012, <http://www.kommersant.ru/doc/2042264>) – ср. исходное *турецкоподданные*, в котором заменяется вторая часть; **Пресстурбулениция**. *У Владимира Путина накопилось много ответов для журналистов* (19.12.2014, <http://kommersant.ru/doc/2636083>) – ср. *пресс-конференция*, где заменяется вторая часть; **Вдругметалл**: *золото подешевело неожиданно для всех* (16.04.2013, <http://www.kommersant.ru/doc/2171497?fp=350>) – ср. *драгметалл*, в котором заменяется первая часть. В некоторых случаях заменительная деривация усиливается дополнительной капитализацией – выделением заменяющей части **ОбВОРУЙсервис** (Аргументы и факты, 2013, № 43) – о деле ОАО «Оборонсервис», отвечавшего за имущество Министерства обороны РФ. Заменяющиеся части обычно перекликаются формально и семантически, имея общие материальные и семантические компоненты. Новообразования при заменительной деривации нередко являются средством иронической оценки, а также средством создания комического эффекта.

В современных российских СМИ представлено большое количество незуальных новообразований контаминированного характера, которые служат ярким средством языковой игры. Подобные новообразования обычно являются результатом междусловного наложения (термин Н.А. Янко-Триницкой), при котором произвольно совмещаются формально тождественные части исходных слов: **Сфутболью** *в сердце*. *Жеребьевка ЧМ-2018 была полна скрытых интриг и переживаний* (26.07.2015, <http://www.kommersant.ru/doc/2776789>) – *футбол + боль*; **Физкультприветливые** *лица*. *Казань встретила Владимира Путина песней про любовь и золотом Универсиады* (20.03.2013, <http://www.kommersant.ru/doc/2149958>) – *физкультпривет + приветливые*; *Виктор Янукович впал в украинности*. *Президент Украины продолжил движение в Евросоюз мимо*

удивленных президентов СНГ (26.10.2013, <http://www.kommersant.ru/doc/2329663>) – Украина + крайности. Одно из исходных слов при контаминации может вставляться внутрь другого (тмезис): **Конькобеженец**. *Корейский русский Виктор Ан, выиграв бронзу в шорт-треке, вернулся к себе* (12.02.2014, <http://www.kommersant.ru/doc/2405546>) – конькобежец+ беженец; **Самбооценка**. *Скандальную продажу спорткомплекса в Кстове исследует арбитраж* (Коммерсантъ – Нижний Новгород, 30.04.2013, № 16) – самооценка + самбо.

При совмещении формальных частей исходных слов возможны разного рода формальные видоизменения, в частности усечение финали первого слова или начальной части второго: **Убеженец**. *Как Джулиан Ассанж обхитрил англосаксонский истеблишмент и что ему за это будет* (20.08.2012, <http://www.rusrep.ru/article/2012/08/20/ubezheneц/>) – убеж(ище) + беженец; **Контрабатькин** товар. *Белоруссия продает российскую нефть на Запад под видом растворителей* (12.10.2012, <http://www.mk.ru/politics/article/2012/10/11/760197-kontrabatkin-tovar.html>) – контраб(анда) + батькин; **Миропрিতворческая** миссия. *На саммите в Минске Владимир Путин и Петр Порошенко говорили на разных языках, используя русский* (27.08.2014, <http://www.kommersant.ru/doc/2553438>) – миротворческая + притвор(яться). В последнем случае одно из исходных слов вставляется в другое (тмезис).

Среди контаминированных новообразований в значительном количестве встречаются такие, в которых обыгрываются аббревиатуры: *совсем обОРЗели* (Аргументы и факты, 2013, № 46) – в названии статьи о способах лечения ОРЗ обыгрывается грубое, просторечное выражение *совсем оборзели*; **МайдаНАТОвцы** (Комсомольская правда, 2014, № 25) – о тесной связи майдановцев с прибалтийскими лагерями НАТО; **УПАклонники** (Литературная газета, 2014, № 38) – о сторонниках, «поклонниках» Украинской повстанческой армии (УПА); **зАТО аргументы Порошенко налицо** (Советская Россия, 2015, № 14) – о подставной бомбардировке штаба АТО; **Пациент, на бУЗИ** (Аргументы и факты, 2014, № 15) – о необходимости ультразвуковых исследований (УЗИ). Игровой эффект при контаминации возникает в результате формального столкновения двух слов в одном и уд-

воения семантики в новообразованиях.

Среди особенно популярных в СМИ разновидностей языковой игры – графическая языковая игра, при которой также создаются новообразования гибридного характера. Графические гибриды, или визуальные неологизмы [Маринова 2005: 124-132] представляют собой формально соответствующие узואальным словам неологизмы, в которых графически (обычно прописными буквами) выделяются части, соответствующие другим узואальным словам (при этом возможны формальные видоизменения исходных слов): *ЗаЗУБрите!* (Аргументы и факты, 2014, № 14) – заметка, содержащая советы о том, какие продукты следует исключить из рациона, чтобы реже посещать стоматолога; *ИнтерНЕТ – интерДА* (Литературная газета, 2014, № 7); *ЧАСтный вопрос* (Аргументы и факты, 2013, № 39) – о возвращении зимнего времени; *Сколько платят МЯЧтателям?* (Аргументы и факты, 2013, № 43) – о зарплате российских футболистов; *ДЕДские развлечения* (Аргументы и факты, 2013, № 52) – о международных соревнованиях Санта-Клаусов. Графические гибриды нередко становятся средством не только выразительности, но и негативной, иронической оценки: *ДОХОДяги нашего городка* (Нижегородские новости, 2015, № 61) – о доходах нижегородских градоначальников.

Новообразования разных типов в медийных текстах последних десятилетий активно создаются в результате обыгрывания прецедентных феноменов – слов и текстов, «значимых для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников...» [Караулов 1987: 216]. Это феномены, «актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане», «обращение к которым постоянно возобновляется в речи представителей того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных 2003: 170].

В качестве прецедентных феноменов выступают названия известных и популярных телепередач, кинофильмов, песен, произведений живописи, литературных произведений, периодических изданий, фразеологизмы, устойчивые выражения, ставшие крылатыми, цитаты из литературных произведений, паре-

миологические единицы: *Школа блогословия* (Литературная газета, 2014, № 7) – статья о владелице одного из самых популярных блогов русскоязычной сети – Татьяне Толстой, ведущей передачи «Школа злословия», в названии которой содержится исходное для новообразования слово с меняющимся корнем; *В мире ЖИВОТных* (Аргументы и факты, 2014, № 12) – каламбурное сталкивание этимологически родственных слов в названии известной телепередачи; *Три бюрократыря* (Аргументы и факты, 2015, № 33) – статья посвящена чиновникам-бюрократам, которые иронически оцениваются путем обыгрывания названия картины В.М. Васнецова «Три богатыря», в котором содержится одно из исходных для новообразования-гибрида слов: *бюрократ* + *богатырь*; *Вопросы языкознания. Как в Кремле проходили занятия русскому языку* (19.05.2015, <http://www.kommersant.ru/doc/2729972>) – *языкознание* + *незнание*; ср. название журнала «Вопросы языкознания»; *Пролетарии всех киберстран, объединяйтесь! На Глобальной конференции в Гааге даже Запад согласился, что с интернетом надо что-то решать* (18.04.2015, <http://www.kommersant.ru/doc/2712459>) – ср. прецедентный лозунг: «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!», где представлено исходное для новообразования слово; *Глубокоуважаемый шкаф* (Огонек, 2014, № 10) – ассоциация с «глубокоуважаемым шкафом» из комедии А.П. Чехова «Вишневый сад», где Леонид Андреевич Гаев, персонаж Чехова, обращался к шкафу; ср. исходное *глубокоуважаемый (шкаф)*, в котором происходит замена корня; *Приветственное рукопожатие. В Нижегородский аэропорт уже прибыло дактилоскопическое оборудование для оперативной проверки прибывающих иностранцев* (Нижегородский рабочий, 08.04.2015); ср. исходное (*приветственное*) *рукопожатие*, в котором заменяется префиксальная часть; *Убедителей не судят. Как Владимир Путин и Франсуа Олланд нашли друг друга* (26.11.2015, <http://kommersant.ru/doc/2863010>) – в заголовке статьи обыгрывается фразеологизм *победителей не судят*, в котором присутствует одно из исходных для новообразования-гибрида слов: *убедить* + *победитель*; *Блогоугодное дело* (Аргументы и факты, 2014, № 1-2) – обыгрывается фразеологизм в названии статьи о блоге протоиерея Андрея Кураева: *блог* + *блогоугодное (дело)*;

Мастера глубокого каламбура (Литературная газета, 2015, № 10) – в заголовке обыгрывается устойчивое выражение *мастер глубокого бурения* с помощью новообразования-гибрида: *каламбур + бурение*; *Верховный главнооуправляющий*. Как Владимир Путин посетил расположение Сергея Шойгу (16.06.2015, <http://kommersant.ru/doc/2748256>) – в заголовке обыгрывается устойчивое выражение *верховный главнокомандующий*, в последнем слове которого заменяется вторая часть; *Перейдет ли грека через еврореку?* (Комсомольская правда, 2015, № 74) – в заголовке статьи о положении дел в Греции обыгрывается известная скороговорка *ехал грека через реку...*, где находится исходное для новообразования с префиксоидом слово.

В качестве прецедентных феноменов в графических новообразованиях нередко выступают имена ключевых фигур современного общества: *ИННапланетянка* (Аргументы и факты, 2013, № 40) – о юбилее известной актрисы Инны Чуриковой; *МОЗГОВый штурм* (Аргументы и факты, 2014, № 31) – обыгрывается и фразеологизм *мозговой штурм*, и фамилия баскетболиста Тимофея Мозгова; *АМИРным путем* (Аргументы и факты, 2014, № 29) – обыгрывается и устойчивое словосочетание *мирным путем*, и имя майкопского футболиста Амира Натхо, подписавшего контракт с «Барселоной».

Имена политиков, известных общественных деятелей, деятелей шоу-бизнеса, культуры и спорта нередко становятся предметом обыгрывания не столько в связи с профессиональной деятельностью, сколько со скандальными ситуациями: *Оксана Григорьева осталась на МЕЛи* (Комсомольская правда, 2015, № 74) – о скандальном суде известной российской пианистки с Мелом Гибсоном; *РасКОХтались* (Советская Россия, 2015, № 43) – статья о реакции зарубежных политиков на празднование 70-летия Великой Победы, где отмечалось мнение Альфреда Коха.

Среди причин, побуждающих авторов использовать языковую игру, исследователи обычно называют потребность точно и/или кратко выразить мысль, продемонстрировать свое отношение к предмету речи, потребность деавтоматизировать восприятие речи адресатом и привлечь внимание последнего. Языковая, и в частности словообразовательная, игра усиливает воздействие СМИ на массового носителя языка. В современной

журналистике, как отмечают исследователи, преобладает скрытая оценочность, т.е. «умело завуалированное манипулирование массовым сознанием», когда используются «скрытые языковые механизмы формирования оценки» [Клушина 2004: 51-54]. Языковая игра «является социальным инструментом, поскольку посредством ее возможно выражение и сознательное моделирование определенных эмоций» [Шаховский 2008: 383].

Новообразования активно используются в заголовках в информационно-развлекательной функции: с целью заинтересовать адресата, привлечь его внимание к публикации и в определенной степени информировать о содержании текста. Словотворчество как игровая составляющая современного медиатекста способствует «акцентированию внимания читателя на актуальных общественных проблемах, актуализирует имеющиеся у читателя культурологические знания и лингвистические представления о связях языковых единиц и способствует расширению образовательного пространства в современном обществе» [Рацибурская, Шумилова, Самыличева 2015: 84].

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Игровой дискурс в современной языковой ситуации // Языковая игра. Онтогенез речевой деятельности. Дискурсивная презентация языковой личности / Урал.гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2004.

Ильясова, С.В., Амири Л.П. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. – М., 2009.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Клушина Н.Н. Язык публицистики: константы и переменные // Русская речь. 2004. № 3

Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003.

Культура русской речи: энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сквородникова, Е.Н. Ширяева и др. – М., 2003.

Маринова Е.В. Визуальные неологизмы: Новая графика «старых» слов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Филология». Вып. 1 (6). – Нижний Новгород, 2005.

Николина Н.А. Словообразовательная игра в художественном тексте // Язык. Культура. Гуманитарное знание: Научное наследие Г.О. Винокура и современность. – М., 1999.

Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. – М., 2015.

Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М., 2002.

Шаховский В.Н. Лингвистическая теория эмоций. – М., 2008.

© Рацибурская Л.В., 2016

Е. С. РЕДКИНА

*(Российский государственный педагогический университет
имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 801:821.161.1-1

ББК Ш33(2Рос=Рус)64-45+ Ш33(2Рос=Рус)118

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация: Статья посвящена использованию приемов языковой игры в текстах современных русских поэтов, опубликованных в журналах «Новый мир», «Октябрь», «Звезда», «Урал» в период с 2012 по 2014 год. Явление языковой игры исследуется с точки зрения контекстуального функционирования и взаимодействия автора и читателя. В статье рассматриваются механизмы языковой игры в новейшей русской поэзии, предполагающие включенность в поэтический текст элементов бытового дискурса, дискурса массовой культуры и рекламы, анализируются принципы лексико-семантической организации текстов, в которых авторы прибегают к приему языковой игры. В процессе контекстуального анализа выделяются такие специфические особенности современного поэтического дискурса как использование автором маски для создания сниженного образа собственной языковой личности, самоирония, деромантизация мира, столкновение прецедентных феноменов элитарной и массовой культуры, стилистическая неоднородность и пр. На основании представленного анализа характеризуется особый тип отношений автора и читателя, где последний ориентирован на активацию собственного читательского опыта в процессе интерпретации текста для распознавания содержащихся в нем игровых элементов и рефлексию над современной социокультурной и языковой ситуацией.

Ключевые слова: языковая игра, новейшая русская поэзия, современная русская поэзия, современная русская литература, новейшая русская литература, поэтический дискурс, интертекстуальность, прецедентные феномены, массовая культура, деромантизация.

Языковая игра «как средство передачи мыслей, чувств, эмоций, ощущений, невербализованных идей автора» является востребованной в современной художественной речи, прежде всего в связи со стремлением сказать что-то, не повторяясь, не прибегая к “избитым формулировкам”, потерявшим уже не только образность, но и четко различимый смысл» [Захарова 2006: Электронный ресурс]. Игра в художественной литературе возникает в том случае, когда «автор намеренно заостряет свое и читательское внимание не только на том, что он выражает, но и на

том, как он это делает» [Скворцов 2000: Электронный ресурс]. Поэтический текст представляет собой особый тип дискурса, представляющего собой «диалектическое взаимодействие составляющих «автор – текст» и «читатель – текст», в котором текст является тем звеном, соединяющим эстетическую деятельность продуцента (автора) и реципиента (читателя) в гетерогенное целое поэтического дискурса» [Монгилева 2004: Электронный ресурс].

Языковая игра в новейшей русской поэзии устанавливает определенную тип отношений автора и читателя, ориентируя последнего на активацию собственного читательского опыта в контексте рефлексии над современной социокультурной и языковой ситуацией, а также на восприятие художественных и мировоззренческих установок, связанных с отказом от романтического образа мира и нарочитым пренебрежительным отношением к человеку в нем. Обратимся к некоторым случаям языковой игры в текстах новейших русских поэтов, опубликованных в период с 2012 по 2015г в литературных журналах «Новый мир», «Октябрь», «Звезда», «Урал».

В стихотворении Григория Петухова «Александр Александрович и другие» представлен образ современного поэта. Название отсылает к имени Александра Блока, под «другими» подразумеваются прочие русские поэты, в частности А.С. Пушкин, что понятно из дальнейшего контекста. В описанном пейзаже появляется герой – автор стихов:

Сочиненьем стихов о *Прекрасной Няне*

сам из жизни изъят,

автор заметит: у местной пьяни

кроткий, кроличий взгляд.

Итак, в контексте предметом описания поэта становятся особенности выражения лиц «местной пьяни», что, очевидно, вступает в противоречие с заданным смысловым полем, сформированным отсылкой к творчеству Блока и Пушкина. В тексте представлено контаминационное название стихов о «Прекрасной Няне», заключающим аллюзию на цикл «Стихов о Прекрасной Даме» Блока и стихотворения «Няне» Пушкина. Подобная языковая игра, апеллирующая сразу к двум прецедентным названиям, соединение которых никак не мотивировано, а основывается

лишь на созвучии, создает комический эффект и, соответственно, формирует образ стихотворца в несерьезном, пародийном ключе. Кроме того, указанная номинация может быть прочитана читателем и как отсылка к феномену массовой культуры – сериалу «Моя прекрасная няня», упоминание которого также снижает статус стихов героя-поэта. «Продуктом» его лирических переживаний являются, вероятно, низкопробные «стихи о Прекрасной Няне», абсурд, бессмыслица.

Стихотворение Евгения Солоновича «Postscriptum» представляет собой своеобразное описание биографии автора, представленное схематично. Большая часть глаголов в тексте лишена предполагаемых их семантикой дополнений:

Для кого-то никто, для кого-то поэт, для кого-то переводчик, родился тогда-то и там-то
(а точнее, в татарском Крыму, дальнем, как для Улисса Итака),
поступал, поступался, считался, сбивался со счета,
Заводил, заводился (бывало, и с пол-оборота),
наступал по примеру других на любимые грабли,
меру знал, если врал (все когда-нибудь ввали)...

Смысл текста остается несколько размытым: синсемантические слова *поступал/поступался* и *заводил/заводился* образуют пары, являющиеся частью языковой игры, основанной на том, что указанные глаголы имеют разное значение, а глагол *заводился* используется в составе просторечного фразеологизма *заводиться с половоротом*. Таким образом создается пренебрежительная, ироничная интонация, ориентирующая на несерьезное отношение к жизни поэта.

Для современных поэтов также характерна «речь от лица маски», то есть включение чужой речи в лирическое высказывание [Абдуллаев 2013: Электронный ресурс]. Так автор намеренно создает ложный образ собственной языковой личности, «заранее заявляя о своей неприязнительности, дополнительности» [Зубова 2010: Электронный ресурс]. Например, в стихотворении Игоря Иртеньева «Хоть по жизни я и не философ» автор примеряет на себя маску циничного человека, подверженного влиянию некоторых стереотипов:

Хоть по жизни я и не философ
И биенья мысли мне чужды,
Но имею целый ряд вопросов

На предмет общественной нужды;
В этом я согласен с Соломоном,
Несмотря на то, что он еврей.

Попытка постижения смысла жизни, которая «в принципе понятна» герою, вступает в конфликт с языком, на котором написано стихотворение: просторечный фразеологизм *по жизни* используется в контексте с канцелярскими штампами *ряд вопросов* и *общественная нужда*, устаревшим союзом *ибо* и выражением *во время оно*; имя царя Соломона упомянуто в связи с прецедентным текстом Александра Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека...», авторство которого в тексте приписывается царю. Осмысление данного прецедентного текста также представлено комично:

Что, мол, в жизни все идет по кругу,
Но бывает, что наоборот,
И с *какого* типа *перепугу*
Нам менять вещей привычный ход.

Субстандартная фразеология задает разговорный тон стихотворению, которое напоминает спонтанную устную речь и поддерживает создаваемый игровой образ автора. Игровая поэтика в отношении авторского образа связана с «настороженным отношением поэта к любой идеологеме или точке зрения, принимаемой без ее осознания и критической оценки» [Скворцов 2000: Электронный ресурс].

Зачастую в современных поэтических текстах «контраст с претекстом оборачивается связью, в результате которой интертекстуальная связь приобретает характер каламбура, гиперболы или их взаимоложения», таким образом «соединяются «высокий» и «низкий» регистры» [Фатеева 2000: 33].

Языковая игра, заложенная в названии стихотворения Владимира Гандельсмана «По-весть», как и мотивированность дефисного написания, становится понятной читателю по ходу чтения стихотворения, представляющего собой пародию на «Черного ворона» Эдгара По:

Бар напрасный, бар случайный, жизнь, зачем судьбою тайной...
От тоски ли чрезвычайной и семейных дряг и свар
я набрался как сапожник и услышал сквозь угар,
как в окно влетело: «Карр-р»

Омонимия единиц разных уровней языка (лексемы По и аф-

фикса по-) позволяет привнести новый смысл в название стихотворение – весть от Эдгара По.

В стихотворении Анатолия Наймана используется словосочетание «Щастье Общин Рабочих Селян», содержащее в себе анаграммное написание фамилии Щорса:

И советская власть – вне пространств и сезонов: обрыскай
слеты многостаночниц, ячеек, подполий. И Щорс,
Щастье Общин Рабочих Селян,
в топке бьется с Лазо. А на сладкое пляшут Нуф-Нуф и Наф-Наф
и Ниф-Ниф...

Выделенное словосочетание не имеет смысла, и, очевидно, пародирует коммунистические лозунги революционной эпохи 20-х гг. Данная языковая игра, встроенная в хаотическое смысловое поле текста, где сталкиваются между собой прецедентные имена из разных дискурсов, поддерживает мысль о том, что суть истории советской России – абсурд.

Языковая игра в стихотворении Вадима Дулепова «Июльские аллеи веселее» основана на актуализации одной лексемы одновременно в двух значениях:

... в тени укрывшись, артемиды алчет
несчастный актеон... но деве лень
сказать контральто: кыш отсюда, мальчик! –
ведь мальчик с виду – ну такой олень...

Сюжет мифа об Актеоне, превращенном Артемидой в оленя, в данном случае становится поводом для языковой игры. Автор переводит речь греческой богини в низкий регистр, приписывая ей использование разговорных конструкций «кыш отсюда» и «ну такой олень», где лексема *олень* использована в жаргонном пренебрежительном значении «глупый, наивный, несообразительный человек». Вадим Дулепов помещает героев древнегреческого эпоса в современную бытовую ситуацию, тем самым размывая границы «высокого» и повседневного, сниженного. Игровое поле данного текста формируется и при посредстве игры литературной. Автор вступает в прямой диалог с читателем, полагаясь на то, что интертекстуальные связи в стихотворении легко будут распознаны:

менады, аргонавты, кифареды –
сыграй в игру, продолжи ряд, сынок!
летят пегасы стаей, как мопеды,

и оставляют за собой дымок...

Читателю предлагается наравне с автором конструировать пространство текста, дополняя его аллюзиями, связанными с личным читательским опытом: «продолжи ряд, сынок». Единый перечислительный ряд мифологических персонажей, скорее, формирует общее смысловое поле всего стихотворения, чем содержит в себе конкретную информацию, логически встроенную в композицию текста: дифференциальные признаки упомянутых персонажей как прецедентных феноменов в тексте нерелевантны.

В стихотворении «Москва» Андрей Василевский фрагментарно изображает ряд бытовых ситуаций, воссоздавая повседневный мозаичный образ города с использованием бытовой речи:

кто-то кричит:
мужчина!
горит
путевка в Египет
но лучше на Крит

Данная реплика включает разговорное значение глагола *горит* и воспроизводит распространенный рекламный штамп. Высказывание построено на эффекте обманутого ожидания: в отдельные строчки вынесено восклицательное обращение «мужчина!» и слово «горит», таким образом, что словосочетание «горит путевка» оказывается разорванным, и начало реплики воспринимается читателем так, будто речь идет о пожаре. В противопоставлении ожидаемого описания катастрофы ажиотаж, связанный с привлечением потенциального покупателя туристической путевки, обретает сниженный статус. Включение лексем из бытового/рекламного дискурса создает вульгаризированный образ бессмысленно суетного города.

Стихотворение Евгения Коновалова «На смерть Стива Джобса» строится на несоответствии обозначенной еще в названии темы смерти и сниженной характеристики Стива Джобса. Контраст «высокого» и «низкого» проявляется и в языковой игре:

Значит, время призвало тебя, как осенний лист.

Роль свою доиграть хорошо. Напоследок сказать: «Ом мани падме хум!» – и проверить кэш. Всё-таки был похож на Микеланджело, а на днях в деревянный лёг макинтош.

Использование словосочетания «деревянный макинтош» в

значении «гроб» напоминает читателю о названии линейки компьютеров «Macintosh» компании «Apple», ассоциация с которой неизбежно возникает в стихотворении, посвященном Стиву Джобсу. Таким образом, понимание языковой игры основывается на наличии пресуппозитивной информации.

В стихотворении Дмитрия Румянцева «Ночь. И мафия вновь открывает глаза» языковая игра позволяет автору маркировать разные явления как значительные для разных социокультурных ситуаций:

Эти черные улицы, черный разбой,
черный бумер и визг тормозов
объяснят ли мне Бубер, Бердяев, Толстой
вплоть до зауми – с самых азов?

Таким обращением автор ставит под сомнение состоятельность философии великих умов в условиях бандитских реалий современного мира. Внутрискочная рифма «бумер – Бубер», построенная на созвучии упомянутых слов, выстраивает временную парадигму от Бубера до современной криминальной России. Таким образом одновременно противопоставляются две эпохи: для одной в качестве знакового явления выделяется философия Мартина Бубера, а для другой – черный бумер, отсылающий читателя к прецедентному фильму «Бумер».

В стихотворении Григория Петухова «Сам я не видел, но есть, говорят, равнины» языковая игра также связывает две противопоставленные друг другу эпохи и предполагает знание читателем творчества Ф.М. Достоевского:

Мерзостно как-то глядеть в старшекласниц лица,
в них призыв Достоевского заголиться...

Реминисценция на рассказ Достоевского «Бобок» содержит буквализированное толкование призыва «заголиться» в отношении старшекласниц, в то время как в самом рассказе глагол «заголиться» употреблен в значении «говорить правду».

Для новейшей русской поэзии характерно вовлечение читателя в пространство языковой и литературной игры с автором, «который порой глубоко ироничен, и, как бы резвяся... открывает перед нами неизвестные ранее измерения и ракурсы непостижимого до конца универсума» [Фатеева 2001: Электронный ресурс]. Основой языковой игры в современной поэзии зачастую

является обращенность авторов к прецедентным текстам и высказываниям как элитарной, так и массовой культуры. Механизм подобной языковой игры предполагает возникновение контрастных смыслов, открывающихся читателю в процессе интерпретации; между значением прецедентного феномена в оригинальном контексте и контексте, созданным автором, тематикой стихотворения и каламбурной, ироничной интонацией лирического высказывания, интенциональным содержанием текста и стилистически неоднородной лексикой, часто субстандартной. Важно также отметить ориентацию на разговорность в процессе языковой игры, включенность в поэтический текст элементов бытового дискурса, дискурса массовой культуры и рекламы, что, с одной стороны, указывает на некоторую «усталость», обусловленную навязчивостью современного медийного пространства, а с другой стороны, приглашает читателя к рефлексии над современным состоянием языка и социально-культурной обстановкой.

ЛИТЕРАТУРА

Абдуллаев Е. Поэзия действительности (II). Очерки о поэзии 2010-х [Электронный ресурс] // Арион. – 2010. – №3. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/arion/2010/3/ab20.html>

Захарова М. Языковая игра как факт современного этапа развития русского литературного языка [Электронный ресурс] // Знамя. – 2006. – №5. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/5/za12.html> (дата обращения: 12.03.2016)

Зубова Л.В. Языки современной поэзии [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://romanbook.ru/book/8749605/?page=19> (дата обращения: 17.03.2016)

Монгилева Н.В. Семантическое пространство поэтического дискурса [Электронный ресурс]: дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. – Челябинск, 2004. – Режим доступа: http://www.dissland.com/catalog/semanticheskoe_prostranstvo_poeticheskogo_diskursa.html

Скворцов А.Э. Литературная и языковая игра в русской поэзии 1970-1990-х годов [Электронный ресурс]: дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук. – Казань, 2000. – Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/v/26512/d#?page=1>

Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. – М., 2000.

Фатеева Н.А. Основные тенденции в развитии поэтического языка в конце XX века [Электронный ресурс] // НЛО. – 2001. – №50. – Режим доступа: <http://www.levin.rinet.ru/ABOUT/fatte.htm> (дата обращения: 17.03.2016)

© Редкина Е.С., 2016

М. Э. РУТ

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.161.1'374:811.161.1'28
ББК Ш141.12-4+Ш141.12-025.7

МОТИВАЦИОННЫЕ ПАРАДОКСЫ: ЗАМЕТКИ ДИАЛЕКТНОГО ЛЕКСИКОГРАФА

Аннотация. В публикации представлены наблюдения за мотивированностью диалектных лексических единиц, зафиксированных в ходе полевых сборов Топонимической экспедиции Уральского университета. Непосредственным источником материала послужили черновые словарные статьи на букву П Словаря говоров Русского Севера, создаваемого сотрудниками кафедры русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета при поддержке РГНФ. Отмечаются случаи утраты мотивационного значения и факты различных типов ремотивации, как сопровождающиеся фонетическими изменениями в слове, так и представляющие собой только семантические модификации. Анализу подвергаются причины указанных явлений, среди которых прежде всего отмечаются подвижки онтологического характера: изменения самих номинируемых реалий или их функций, в результате чего происходит утрата связей с явлениями, обозначаемыми мотивирующими лексемами. Наряду с этим большое значение могут приобретать и собственно лингвистические факторы: утрата или переход в пассивный запас мотивирующих лексем, фонетические изменения, в том числе связанные с финно-угорским субстратным воздействием на систему северно-русских говоров, семантические процессы внутри многозначных слов, факты морфологического опрощения и др. Получению результатов в немалой степени способствуют иллюстративные примеры в составе словарных статей.

Ключевые слова: северно-русские народные говоры, региональная лексикология, региональная лексикография, лексическая семантика, лексическая мотивированность, ремотивация, фонетические изменения, опрощение, финно-угорский субстрат в русском языке.

Обработка полевых материалов при составлении диалектного словаря дает достаточно широкий материал для наблюдений за мотивированностью диалектных лексем. Наличие мотивационных контекстов, равно как и их отсутствие, а также особенности толкования лексем носителями языка позволяют проследить разные этапы утраты мотивированности, с одной стороны, и приобретения новой мотивации, с другой. В данной публикации

представлено несколько этюдов на указанную тему. Используются материалы черновой картотеки Словаря говоров Русского Севера на букву П, работа над которым ведется кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского федерального университета при поддержке РГНФ.

Поводом для обращения к тем или иным фактам послужило прежде всего зафиксированное фонетическое варьирование, которое манифестирует либо утрату мотивированности, либо приобретение новых мотивировочных связей.

ПАДЕ/НЬЕ – ПОДЕ/НЬЕ

Эти и однокоренные им слова широко распространены на территории Русского Севера для обозначения осадка при взбивании или перетопке масла, ср.:

ПАДЕ/НЬЕ. Осадок, остающийся при взбивании или перетопке масла. Арх: В-Т, Кон, Котл; Влг: В-Уст. *Масло тает – паденье образуется (В-Т, Вознесенское). С падением и колобки пекли, всё, что угодно (В-Т, Ларионовская). Смешают масло да в печь, а на дне паденье – дак это рокша (Кон, Мешково). Паденье масляно тако, как пенка (Котл, М. Уртомаж). Когда масло из носатика выливали, паденье оставалось в носочке (В-Уст, В. Кичуга). Масло топилшь – так паденье, а то, что мешаешь – подпахтанье, пахтус – это то, что сливается (В-Уст, Павшино).*

Ср. также: **ПАДЁ/НКИ.** То же, что **ПАДЕ/НЬЕ.** Арх: Котл. *Падёнки от масла останутся (Котл, Куумиха).* **ПАДЁ/НОК.** То же, что **ПАДЕ/НЬЕ.** Влг: В-Важ. *Падёнок с маслом в пироги ложат, (В-Важ, Спицынская).*

ПОДЕ/НЬЕ. Отходы, остающиеся при перетопке сливочного масла. Арх: Вил, Кон; Влг: Бел, Вож, Кир, Ник, Сямж, У-Куб, Хар. *Масло-то смешаем, в пецьку поставим, оно ужарится, а снизу-то бело оставалось, отходы такие, поденьем звали (Хар, Дитинская). Масло растопят, поденье останется, дак в розульки выливали (Бел, Дресвянка). Когда в пироги поденье вылью, а когда съем (Вож, Мышино). Поденьё хорошо на пироги намазывать (Ник, Филинский Починок). Поденье – оно на дне, и вкус-то кислый такой, не как у масла. Маленькие были, хлебушок в поденье макали – так вкусно (У-Куб, М. Гора).*

Оформление слова позволяет мотивировать его и как производное от глагола *падать* «то, что падает (на дно)», и как приставочное образование от существительного *дно*. Осмысление указанных связей как реальных представлено в контекстах, но не влияет на оформление лексем, ср.: *масло топилшь – сверху пенка, снизу падёнок; а снизу-то бело оставалось, отходы такие, поденьем звали; поденье – оно на дне и а на дне паденье*. Очевидно, бытийная близость понятий «падать» – «вниз» – «дно» допускает двоякую мотивацию лексем. С другой стороны, показательно, что география вариантов достаточно различна.

Разумеется, в тех случаях, когда речь идет о полевых материалах, всегда остается вопрос: насколько адекватно был зафиксирован материал, не является ли появление того или иного варианта фактом языкового сознания собирателей. Однако многочисленность фиксаций говорит в пользу объективности записей.

ПЕЛИ/К – ПИЛИ/К

В северно-русских говорах весьма активно обозначение сделанной на скорую руку берестяной посудинки для питья или сбора ягод, ср.:

ПЕЛИ/К. Берестяной ковшик конусообразной формы. Влг: Ваш, Кир. *Кто куликом, кто пеликом зовёт (Ваш, Остров). Пелик из берёсты сделают, вроде кулька (Кир, Гора). В лесу пелик из берёсты скрутишь и напьёсси (Кир, Исаково). Пелик – кармашек из берёсты, защемят край, который смыкается вместе, берут ягоды, ничего нету-тко (Кир, Петровское).*

ПЕЛИЧО/К. Уменьш.-ласкат. к **ПЕЛИ/К.** Арх: Кон; Влг: Баб, Бел. *Из пеличка красиво пить; из ольшины палочку колешь пополам, зажимаешь кулёк берестяной и черпаешь как ковшиком (Баб, Борисово-Судское). Кто как зовёт, хтопеличком, кто – ковшиком (Баб, Васютино). На покосе пеличок из берёсты свернёшь и пьёшь (Баб, Ельник). Пелицёк – он вроде кружецьки (Бел, Исаково). Пелички делали из берёсты: свернёшь пелечок из скалинки, вроде черпуги-от (Кон, Лычное). Пеличок на покосе делали – стаканчик из берёсты (Баб, Сорка).*

ПИЛИ/К. Небольшой ковшик, сделанный наскоро из свернутого кулечком куса бересты. Арх: Карг, Кон, Нянд; Влг: Бабуш, Бел., В-Важ, Вож, Кир, Тарн, У-Куб, Хар. *Пилик – это тюрочок такой, воду*

пили и ягоды собирали; раньше у каждого родничка пилик был (Карг, Федчино). Пилики прямо в лесу и делали (Бел, Мишино). Берёсто содерут, согнут кулёчком, вичку срежут, раздерут и ставя в расщепы, чтобы скрепить (Вож, Огибалово). Сдерут сколоцьки, сделают как как церпацёк, вот и стоит пилик у родницька (Тарн, Игнатовская). Пилик, где попил, тут и оставил (У-Куб, Давыдовская).

ПИЛИЦА. То же, что **ПИЛИК.** Влг: К-Г, Ник. Пилицу сделают из берёста и попьют (К-Г, Ворова). Конус из берёста скрутим, вицу расслоим, ею скрепим – вода не вытекает из такой пилицы (К-Г, Коркин Дор). На пожне пилицу свернёшь из берестинки, воды попить (Ник, Дворищи). Пилица – как поварёнку сделаешь и пьёшь (Ник Чернино).

ПИЛКА. То же, что **ПИЛИК.** Арх: В-Т, Леш, Нянд, Плес, Уст, Холм: Влг: Нюкс, Тарн. Берестянку соймёшь, совьёшь, палку вставляешь – вот пилка (В-Т, Анфимовская). Раньше из береста сворачивали, когда дрова рубили, пилку возьмут и напьются (Леш, Некрасово). Пилки из родников на каждом кусту были (Нянд, Холопья). Тут вон у ручья пилка есь, оставил хто, дак пей (Холм, Кудамсина). Топором затюкнут, скалину сдерут да пилку свернут (Нюкс, Красавино).

ПИЛОТКА. То же, что **ПИЛИК.** Влг: Сямж, Тарн. Пилотку свернут напиться (Тарн, Яринская).

Варьирование *e / и* в приведенных лексемах, как и варьирование *o / a* в предыдущем случае, можно считать объективным в силу многочисленности фиксаций. Учитывая разветвленную семантику указанных лексем (мы сочли возможным не приводить в данной публикации все другие значения) и их распространение, О.В. Мищенко хорошо разработанная гипотеза о прибалтийско-финском происхождении северно-русского *пилик* [Мищенко 2007: 145-150]. Как видно из приведенных иллюстративных примеров, это не отменяет факта несомненной связи в сознании диалектоносителей лексем *пилик* и *пить*. О том же говорит и возможность переноса ударения (*пи/лка*). Возникает необходимость объяснения вариант *пелик*. Разумеется, заимствованный характер лексемы допускает такое варьирование на уровне языка-источника, но видится и возможность объяснения

на собственно русской базе: как явствует из высказываний информантов, важным элементом создания реалии является раздирание надвое (распяливание / распеливание) ветки, которая скрепляет свернутую бересту.

ПОЖОГ – ПОЖОК – ПАЖОК

На практически одной и той же территории встречаются варьируемые обозначения костра, ср.:

ПОЖОГ. 1. То же, что **ПОЖО/Г** (в 1 знач.). Влг: Вож, Ник, Хар. *У нас говорят не костёр, а пожог растопить (Вож, Ракишево). Накалят напожогу и каменья с пожога в чан садят (Ник, Всемирская). Веток наберут, пожог зажгут (Хар, Павшиха).*

2. Раскалённые камни, которые кладут в чан при варке пива. Влг: Ник. *Пожог спускаем в кадцу (Ник, Демино). Чан делают деревянный, солод-от размешивают, туды каменья горячие суют – пожог, спускают сусло, а на сусло хмель кладут и парят над огнём, потом приголовок делают, чтобы пиво-то ходило (Ник, Леунино).* **ПОЖОГ САДИ/ТЬ.** Класть раскалённые камни в чан, где варится пиво. Влг: Ник.

ПОЖО/Г. 1. Костёр. Арх: Карг, Кон, К-Б; Влг: Баб, Бел, Ваш, Вож, Выт, Кад, Кир, У-Куб, Устюж, Хар, Чаг, Череп. *Пожог на покосе сделаешь, от комаров дымом спасаешься (Кон, Скопнская). На улице пожог сделают, пиво всей деревней варят (Баб, Балуево), Пожог станем делать, дак сперва смолону сосну ишем (Выт, Замошье). Пожог разожгут на полосе, руки погриют, однако жнут (Хаар, Панинская). Ну, поставим котелки, а мужики налаживают сучья, вот и стоят кругом пожога этого человек десять (Череп, Слабеево).*

2. Зола, оставшаяся на месте прогоревшего костра. Влг: Сямж, Чаг. *От костра-то пожог осталси (Сямж, Аверинская). Костёр когда прогорит, дак пожог (Чаг, Волунь).*

3. Яма под полом овина, в котором разводят костер для просушки зерна. Влг: Тот.

ПОЖО/К. То же, что **ПОЖО/Г** (в 1 знач.). Влг: Баб, Влгд, Кад. *На пожке можно готовить (Баб, Нижний Колец). На улице накладывают дров, потом каменья, потом ещё дров – вот и пожок, на пожке и сварят (Баб, Тимошино). От пожка*

и загорелось (Кадуи, Куракино). У ночлежника спал, у пожка (Кад, Бор).

ПОЖО/ЧЕК. Уменьш.-ласкат. к **ПОЖО/Г** (в 1 знач.). Влг: Баб. Соседи пожочек сделали, дым идёт (Баб, Занино). На тряси вроде пожочек (Баб, Тимошино).

ПАЖО/К. То же, что **ПОЖО/Г** (в 1 знач.). Арх: Котл; Влг: Баб, У-Куб, Череп. Пажок в той деревне, пиво варят, камни там палят (Котл, Харитоново). Пажок тамока опять развели, хоть бы лес не загорелся (Баб, Аганино). В праздник пажок делали раньше, прыгали девки-то через него (Баб, Афанасово). «Костёр» ведь потом стали звать, а раньше всё «пажок» звали (Баб, Кобелево). А вот бывало на сенокосе пажок и разведём (У-Куб, Телилово). На пажках варили, вколают перекладину и варят (Череп, Алексино).

Исходным вариантом является, без сомнения, *по/жо/г*, чья мотивационная связь с глаголом жечь, пожечь очевидна. Варьирование конечного согласного кажется не вполне понятным, хотя нельзя не отметить, что для северно-русских говоров это не редкость, ср.:

ПО/Г. 1. Под русской печи. Арх: Лен; Влг: Бел, Ваш, В-Уст, Выт, Хар. Хлеб пекли на поту (Ваш, Бонга). На поту раньше пекли калитки, противней-то не было (Выт, Рубцово).

2. Глиняный пол, на котором раскладывали лен для просушки. Влг: Влгд. На поту складывали и две ли, три ли недели сушили (Влгд, Фетинино).

ПОТТО/Н. Подстилка из сучьев и веток, которую кладут под стог, чтобы сено не гнило. Влг: Сямж. Поттон такой накла, что не подгниёт сено (Сямж, Пигалева Горка). Насекут палощек, лапаков хвойных, поттон сделают, чтоб сено не гнило (Сямж, Копылово). Кряжины насекёшь, поттон крес-накрес положишь (Сямж, Гридино). Ср.: также: **ПОДДО/Н.** 1. Настил из веток, служащий основанием для стога. Арх: Пин, Холм; Влг: Сямж, Чаг. Поддон у остожья из хвороста (Пин, Кеврола). Под стог вицы кладут, поддон называется (Сямж, Колбинская). Поддон из прутьев накладёшь, итобы сено не гнило (Чаг, Пучнино).

Складывается впечатление, что в говорах в определенных

случаях не вполне релевантным оказывается разграничение звонкости / глухости согласных. При этом, если в случае с колебанием лексем *под* / *пот* можно говорить о деэтимологизации слова и победе его начального варианта над формами косвенных падежей, то в случае с преобразованием в оглушенный вариант приставки *под-* перед звонким согласным да еще и с оглушением этого последнего фонематические причуды, вполне возможно, вызваны субстратным воздействием финно-угорских языков, не имевших противопоставления по звонкости / глухости.

Еще примеры, подтверждающие мену звонких / глухих в северо-русских говорах:

ПОТО/Г. Батог, палка. Арх: Мез. *Потог – то палка, на болоте нужна (Мез, Мезень).*

ПО/ТОГА. Жердь, подкладываемая под катки, на которых карбас выкатывают из моря на берег. Арх: С-Двин. *Катки на потоги кладут и по каткам идёт хорошо (С-Двин, Сюзьма).* Ср.: **ПО/ТОК.** Жердь, используемая при накате брёвен. Арх: Уст. *По потокам деревья вытхивают наверх, два потока положат и катят (Уст, Аничкин Починок).*

Необходимо подчеркнуть, что во всех случаях фонетическое варьирование связано с ослаблением или полным исчезновением мотивированности лексем.

Вариант *нажок* представляется следующим шагом деэтимологизации, произошедшим, очевидно, не без влияния литературного произношения.

Если вернуться к наблюдениям за метаморфозами приставки *под-*, можно увидеть ее семантическое «опустошение», как, например, в следующем примере, поскольку словообразовательное значение в всей полноте выражено приставкой *при-* и уменьшительным суффиксом:

ПОДПРИ/КОПЁНОК. Маленькая копна сена. Влг: Кир. *Беремя на беремя положишь, подприкопёнок будет (Кир, Чистый Дор). Нагрёбла десять копён да два подприкопёнка (Кир, Русаниха).*

Совершенно излишним оказывается использование приставки *под-* и в следующих случаях:

ПОДСВЯТНОЙ \diamond **ПОДСВЯТНОЙ УГОЛ.** То же, что **ПОДЫКО/ННЫЙ УГОЛ** Влг: Вож. *Угол, где иконы, под-*

святным зовут (*Вож, Крутая*).

ПОДСУ/ТОЧНЫЙ. ◊ **ПОДСУ/ТОЧНЫЙ УГОЛ.** Красный угол в доме. Влг: Ник. *Был подсутошной угол и подполатешной угол, где сутки и где полати (Ник, Большое Сверчково)* и т.п.

ПОДХОЛО/ДНАЯ. В знач. суц. Окрошка. Влг: Бел, Ва ш. *Ничего больше нет, дак давайте сделаем, ребята, подхолодную (Бел, Никиткино)*. У вас сичас салатом зовётся, а мы звали подхолодная (*Ваши, Дерягино*).

Наконец, есть факты, когда приставка *под-* не только ничего не добавляет к семантике слова, но даже ей противоречит:

ПОДЗАКРЫ/ШКА. Крышка. Влг: Т ар н. *Веко приделано к корзине, подзакрышка такая (Тарн, Выползово)*.

ПОДЧЁ/ЛОК. Головной убор невесты. Ар х: В - Т. *Сарафан на невесту наденут, да повязку положат на голову, да подчёлк на повязку, он без верхушки был (В-Т, Ярунинская)*. Ср.

ПОЧЁ/ЛОК. Головной убор невесты. Ар х: Вин, В - Т, У ст. *Почёлк оденут из бересты на невесту и платком накроют (Вин, Романиха)*. Наложат девке на голову поцёлк-от да и под венець поведут (*В-Т, Хорнема*). Высокий почёлк сделают, украсят (*Вин, НижняяКица*). На невесту почёлк наложат, как дуга кобыльа экой на голове (*Уст, Ивашевская*). Почёлк наложат с рожками такима, весь бисером ушит (*В-Т, Клинья*).

ПОДЫ/ЗБИЦА. Чердак. Ар х: Вин, Кон, Лен; Влг: Чаг. *Это где-нибудь на чердаке, на подызбице, скажет, валяется (Лен, Яреньга)*. Под крышей до потолка – подызбица (*Чаг, Герасимово*). У нас говорят: я пошёл на подызбицу (*Чаг, Чикусово*) Лом какой снесёшь на подызбицу, свалишь, там сору, пыли всегда (*Чаг, Мегрино*). Подызбица раньше чердак назывался, не знаю, почему под, он ить, вроде, над (*Лен, Дорофеевская*). Под крышу забираешься, так там подызбица (*Лен, Голяшово*).

В последнем случае очень интересны два последних речения информантов, в одном из которых носитель языка выражает недоумение несоответствием структурного мотиватора и семантики, во втором же производится своеобразная ремотивация лексемы.

Угасание лексической мотивированности даже в прозрачных с точки зрения внутренней формы словах можем наблюдать с

различных контекстах, созданных диалектоносителями, ср. высказывания информантов для слова *пелевня*, мотивированного лексемой *пелёва* ‘отходы при провеивании овса’:

ПЕЛЕ/ВНЯ. Сарай, в котором хранится корм для скота [в толковании нет проявления мотивировочного компонента значения]. Влг: Баб, Кад, Устюж. *Пелевня – это сараюшка, что пелёву-то туда носили и складывали (Баб, Волкова).* [Мотивировочное значение налицо, хотя использование прошедшего времени в высказывании весьма показательно]. *В пелевню и мякину, и всё ложат, а в амбар – только зерно (Кад, Ларионовская). Корм в пелевню убирают, сено, солому кладут туды, пелёву (Кад, Якишинская)* [Подчеркнуто неполное соответствие мотивационного значения и семантики слова в целом]. *В пелевню сено клали, большие и маленькие, всяки делали (Устюж, Никитино)* [Мотивационный компонент не проявлен].

Отсутствие мотивированности проявлено и в следующем примере: **ПЕЛЁ/ВНЯ.** То же, что **ПЕЛЕ/ВНЯ** (в 1 знач.). Влг: Чаг. *В пелёвню солому кладут (Чаг, Метелищи).*

Другая форма проявления демотивации связана с переходом в пассивный запас производящего слова. Например, в севернорусских говорах имеет место несколько лексем, называющих кусок полотна, используемый при отбеливании белья золой. Все они изначально мотивированы лексемой *пеле/л* в значении ‘зола’. Контексты информантов свидетельствуют о сохранении мотивированности в следующих случаях:

ПЕ/ПЕЛЬНИК. Арх: В-Т; Влг: В-Уст. *Пепельником* кадку с бельём накроют, *пеплу* насыпят, когда истопится печь, кипячёную воду в золу выливают (В-Т, В. Тойма).

ПЕПЕЛУ/ХА. Арх: В-Т. *Пепелуху* к бочке привяжут, *пеплу* насыпят и в воду опускают (В-Т, Ларионовская).

Однако в целом ряде случаев связь с *пепел* уже никак не проявлена, ср.:

ПЕПЕЛИ/ХА. То же, что **ПЕПЕЛУ/ХА.** Арх: Уст. *Бельё бучили, дак сверху пепелиху из портна клали, на неё соломы, золы – и бучат (Уст, Алферовская). Бук, туды кладут бельё, на него – пепелиху, а на неё золу сыпят (Уст, Дудино). Поверх пепелиху кладёшь, постилаха круглая такая, каменя на неё из печи (Уст, Кидюга).*

ПЕПЕЛЬНИК. То же, что **ПЕПЕЛУХА.** Влг: В - Уст. *Пепельник клали под золу, как бучили, постелют пепельник, золы наложат и бучат (В-Уст, Логиновская). Пепельник накладышь на бук, на него золы насыплешь, он тканый, из холста (В-Уст, Пожарово).*

Утрата мотивационного значения может реализовать себя в специфическом развитии полисемии. Так, в следующем примере мы можем наблюдать постепенное указание мотивационного компонента в семантике:

ПЕННИК. 1. Вырубка. Арх: Вель; Влг: Вож, Кир, М-Реч, Хар. *Пенник-то там был, лес вырубили (Вель, Клоповская). Если лес вырублен, так один пенник, говорят (Вож, Бекетовская). Сейчас дак вырубкой называют, а раньше – пенник, лес здесь вырублен, одни пни остались (Кир, Погорелово). Мы на пенник за грибам ходили (Хар, Беляевская).*

2. Участок леса, расчищенный под пашню или покос. Арх: Кон; Влг: Ваш, В-Важ, Вож, Кир, Сямж, Тарн, Хар. *На пеннике косили: в лесу вырублено место, пеньки уберут и косят там (Кон, Вершинино). От кулигу вычистили, то и пенник (Сямж, Лукинская). Задерут новину, разрабатывают, так то пенник будёт (Тарн, Власьевская). Выкорчуют деревья на каком-нибудь месте, распашут – пенником зовут (Тарн, Палкинская). Пенников много, там косим, лес там вырублен (Хар, Мурыгинская).*

3. Сухое возвышенное место на болоте; покос на таком месте. Влг: Вож, Сямж. *Пенник, деука, то покос на высоком месте, бывает и в лесу; вон там пенник некошенный, надо докосить (Вож, Куклинская). Сухие места в болоте пенником зовут. Бугор такой пенником и зовут (Вож, Борисово). Пенник – место такое сухое, кустики там (Сямж, Житьёво).*

4. Заброшенный покос, заросший кустарником и молодыми деревьями. Влг: Вож, Сямж. *Раньше подсеки были, пни исчезли, а выросли другие кусты (Вож, Куришевская). Там, где покос был, шшас пенник – берёзы, ольхи выросли (Вож, Нефедовская).*

Как видно из иллюстрирующих контекстов, два первых значения слова хорошо сохраняют связь с мотивирующими лексемами *пень, пенёк*; даже если эта связь не проявлена в тексте на-

прямую, ее поддерживают лексемы той же тематической группы: *вырубить*, *выкорчевать*. В третьем значении мотивационный компонент отсутствует. Своеобразным реликтом выглядит контекст, иллюстрирующий четвертое значение: *гни исчезли, а выросли другие кусты* – такая мотивировка, конечно, может быть только попыткой ремотивации.

Ремотивация может проявляться чисто ситуативно. Так, в говорах активно фиксируется лексема *парничо/к* ‘паренек, мальчик’:

ПАРНИЧО/К. Паренек, мальчик. Арх: В-Т, Пин, Уст; Влг: В-Уст, М-Реч, Ник, Нюкс. *Мальчик – дак всегда «парничок» говорят, обыграно даже в журнале было (В-Т, Горка). Парниџбка-то в детдом свезли (Пин, Кеврола). Ой, какой грязнуля парничок (В-Уст, Марилово). Камаша у парничков, как у девушек (М-Реч, Гаврилово). Парничок милый ты мой, ангелок! (Ник, Захарово). Да и Вася, парничок последний после войны родился (Ник, Ремешки). Он маленький парничок (Нюкс, Ларинская).*

Однако в контексте – *Дочь гостила со своими парничками (В-Уст, Б. Слобода)*, – зафиксированном после разговора о том, что у дочери информантки сыновья-близнецы, слово *парнички* мотивационно сближается с лексемой *пара*, что влечет за собой появление значения ‘близнецы’ на черновой карточке.

Особенно интересными оказываются случаи, когда мотивированность теряет обозначение онтологически важной реалии. Именно так происходит с терминами родства, так сказать, второй ступени: *прадед, прабабка, правнучка, правнук*. Здесь, пожалуй, самым важным оказывается *прадед* – ведь апелляция традиционной культуры к предкам всегда актуальна. Между тем приставка *пра-*, образующая термин, в народном языковом сознании явно перестала восприниматься, что и влечет за собой ремотивационные процессы. Результатом одно из них становится лексема *переде/д*, ср.:

ПЕРЕДЕ/Д. Прадед. Арх: Уст. *Раньше деды, передеды это давали (Уст, Квазеньга).*

Замена непродуктивной приставки *пра-* может трактоваться по-разному: либо это **перед-дед* (ср. *предки, прежде*), либо *пере-* здесь употреблена в древнем значении ‘через’ (*«через-

дед»).

Переработки слова в целом более популярны, ср.:

ПРАВДЕ/ДКА. Прадед. В л г : Б а б у ш. *Правдедки ещё до нас были, я деда только знал (Бабуш, Тупаново). Это ведь ещё правдедки наши были (Бабуш, Коровинская).*

ПРА/ВДЕД. То же, что **ПРАВДЕ/Д.** Ар х : К о н. *Правдед мой оттуда был, дедко мой, дак о матку-то – сын его (Кон, Чублак).*

ПРАВДЕ/Д. Прадед. Ар х : К о н ; В л г : Б е л. *Ёйныйи-равдед и мой правдед-от были братовья (Кон, Чублак). Наши правдед с Пошехонья сюда баришиной пришёл (Бел, Калинино).*

ПРА/ВДЕДКИ. Прадеды; предки. Ар х : К о н. *Так ещё-старинники называли; знаешь место – так и называешь, от правдедков всё (Кон, Мокеевская).*

ПРАВДЕ/ДКИ. То же, что **ПРА/ВДЕДКИ.** В л г : Б а б у ш.

ПРАВДЕДКО. То же, что **ПРАВДЕ/Д.** Ар х : К а р г.

ПРАВДЕ/ДУШКА. То же, что **ПРАВДЕ/Д.** В л г : У - К у б. *Правдедушко Калистрат был (У-Куб, Филинская).*

ПРАВДЕ/ДУШКО. То же, что **ПРАВДЕ/Д.** Ар х : В и н ; В л г : В л г д. *В прадедушку по родству фамилия (Влгд, Хоробрец). У нас правдедушко Андрей жил в Питере (Вин, Рочегда).*

Эпентеза *в*, возможно, обусловлена параллелями *прадед – правнук, правнучка*, что свидетельствует о немотивированном автоматизме восприятия слова. Интересна дальнейшая ремотивация: возникает сближение с корнем *прав(е)д-*, что не может не считаться отражением отношения к предкам в традиционной культуре, ср.:

ПРАВЕ/ДУШКО. То же, что **ПРАВДЕ/Д.** Ар х : К о т л. *Дедко ли, правдедушко ли – не помню (Котл, Печорино).*

ПРАВЕ/ДУШКИ. То же, что **ПРА/ВДЕДКИ.** В л г : К - Г. *Правдедушки вот так и звали, как мы зовём (К-Г, Огрызково).*

С мужского термина родства ремотивационное усилие переходит на женский:

ПРАВДАБКА. Прабабка. Ар х : В - Т. *Моя правдабка еще при мне хлебы сама пекла (В-Т, Зайцево).*

ПРАВЕ/ДУШКА. То же, что **ПРА/ВДАБКА.** В л г : К - Г. *Я уж правдедушка: вон Иринка-то – внучкина (К-Г, Юшково).*

Очевидно, уже чисто механически ремотивирующий корень

проникает в обозначение младших родственников.

ПРА/ВЕДНИЦА. Правнучка. В лг: Хар. *Вверху-то уж будет не внучка, а праведница (Хар, Дитинская).*

ПРА/ВЕДОК. Правнук. В лг: Ник. *Двадцать внучонков да пятеро праведков (Ник, Гороховский).*

В целом можно говорить об объемности мотивационных процессов в говорах: здесь и системные взаимодействия, и влияние субстрата, и отражение специфики народной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Блинова О.И. Концепция мотивационного словаря сибирского говора // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 1 (5). С. 5-12.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. – Томск, 1989.

Загоровская О.В. Лексическое значение диалектного слова. – Сыктывкар, 1989.

Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии. – М., 1991.

Михайлова Л.П. Прибалтийско-финский компонент в русском слове // (Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы. – Казань, 2004. С.148-149.

Мищенко О.В. К этимологии сев.-рус. *пилл* // Этимология: 2003-2005. – М., 2007. С. 142-152.

© Рут М.Э., 2016

Т. А. СНИГИРЕВА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

А. В. СНИГИРЕВ

(Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 821.161.1-31(Акунин Б.)

ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8.44

Б. АКУНИН: ИГРА С ИМЕНЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХ СОПРОВОЖДЕНИЙ К «ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА») ¹¹

Аннотация: В статье исследуются пять повестей, сопровождающих «Историю Российского государства» («Огненный перст», «Плевок дьявола», «Звездуха», «Князь Клюква», «Бох и Щельма»), которые усиливают художественную составляющую проекта Б. Акунина, откровенно превращая историю в «занимательную историю», «историю в (образных) картинках», историю в «lovestory». Используя апробированные и результативные приемы, которые наработаны в разных вариантах исторической прозы, Б. Акунин предлагает свой ход, одновременно на одном и том же материале проигрывая две роли – историка и беллетриста, но «разбрасывает» их по двум текстовым потокам: исторический труд и историческая проза по мотивам уже изложенного исторического сюжета. Особое внимание уделяется причинам интенсификации игры с именами персонажей в этом проекте писателя.

Ключевые слова: Б. Акунин, проект «История Российского государства», историческая проза, игра, имя.

В проекте «История Российского государства» Б. Акунин одновременно выступает и в роли автора «занимательной истории» и автора «занимательного литературоведения» [Быков 2014: 93]. И на вопрос, верно ли утверждение о том, что «история учит тому, что она ничему не учит», писатель везде и неизменно отвечает категорично: «Если хорошо учиться, то учит». Думается, что проект многотомной «Истории Российского государства» (ныне вышло уже три тома) нацелен на задачу «хоро-

¹¹ Работа выполнена в рамках интегрированного проекта УрО РАН «Формирование национальных художественных систем пермских литератур в социокультурном ландшафте России конца XIX – первой половины XX вв.».

шо научить», четко изложить и систематизировать знания по истории российской государственности. Но «хорошо научить» истории, по Акунину, можно, если делать «учебник истории», во-первых, не скучным, а легко читаемым, во-вторых, не откровенно дидактичным, но интересным, в-третьих, отнюдь не претендуя на передачи «истины в последней инстанции».

Откровенно используя апробированные и результативные приемы, которые наработаны в собственном весьма успешном и привлекательном для читателя творчестве, он в новом проекте, одновременно на одном и том же материале проигрывая две роли – историка и беллетриста, «разбрасывая» их по двум текстовым потокам: исторический труд и историческая проза по мотивам уже изложенного исторического сюжета [Снигирева, Снигирев 2015: 160]. И в этом смысле повести-сопровождения становятся уроком на запоминание, так как читатель *volens-nolens* воскрешает исторические события, положенные в основу «Огненного перста», «Плевка дьявола», «Звездухи», «Князя Клюквы», «Боха и Щельмы», тем более что Б. Акунин выстраивает в них целую систему подсказок и отсылок к уже описанным им фрагментам истории. Это, во-первых. Во-вторых, повести-сопровождения – узнаваемый Акунин не только в своих концептуальных положениях, но и в художественных способах их подачи. Так, одним из эффектных приемов изображения, скажем, в романах о провинциальной России (трилогия о Пелагии) становится ее тотальная карнавализация, воплощенная в постоянной смене масок. Это и изменение социального статуса: кардинальное, лежащее в основе детективной интриги превращение монахини Пелагии то в госпожу Полину Лисицыну, то в молодую московскую вдовушку, то в дворянку Московской губернии. Автор не без улыбки дает оправдание: «Раз сама героиня нашего повествования, скинув рясу, нареклась другим именем, станем так называть ее и мы – из почтения к иноческому званию и во избежание кощунственной двусмысленности. Дворянка так дворянка, Лисицына так Лисицына – ей виднее» [Акунин 2013б: 209]. По мере разворачивания текста главная героиня все время меняет социальный статус-маску: «московская паломница», «столичная снобка», «ряженая монахиня», «огненно-рыжая лиса», «княжна Тараканова», «невеста-вдова», «сестра милосер-

дия», «рыжая шикса», «Христова невеста». Столь же масочна и национальность героев. Так, попадая в Житомир, город, раздираемый межнациональной враждой, в интересах дела (расследование убийства и поиски исчезнувшей Пелагии) Матвей Бердичевский вынужден менять национальность и, как следствие, внешность и имя. При помощи патентованного американского средства «Белокурый ангел» или «Инфернальная Зизи» он превращается то в Берг-Дичевского, то снова в «идише коп» (еврейская голова), и в момент первого превращения приходит к удивительному открытию: «Матвей Бенционович немного волновался из-за своего вопиюще неславянского носа, но блондинистость справилась и с носом: был еврейский крючище, а стал прегордый бушприт, орлиного и даже породистого вида» [Акунин 2013с: 261]. Смена социальных и национальных масок создает атмосферу маскарада. Сначала маскарад веселого, водевильного, затем – разрушающе-фарсового. Всем героям (как положительным, так и отрицательным) приходится выдавать себя за другого, играть чужую роль, меняя внешность и поведение. Пелагия, «не монахиня, а недоразумение конопатое» [Акунин 2013а: 23], «рыжеволосая дама» [Акунин 2013а: 287] пытается воспротивиться: «Так все-таки опять Полину представлять? – вздохнула монахиня. Зареклись ведь, говорили, что в последний раз. Я не со страха говорю, что разоблачать и из инокинь погонят. Мне это лицедейство даже в радость. Того и боюсь. Соблазна мирского. Очень уж сердце у меня от маскарадов этих оживляется. А это грех» [Акунин 2013а: 236-237]. Но, в конечном счете, вынуждена пойти на еще больший «грех»: «Стало быть, приходилось затевать новый маскарад, еще неприличней и кощунственней первого. А что прикажете делать? Опять же, передвижение в обличье скромного монашка сулило некоторую дополнительную выгоду, только теперь пришедшую Полине Андреевне в голову». Следствием постоянных социальных, национальных и гендерных перевоплощений становится и нескончаемая смена имени, то есть сути героя: Пелагия – Полина Андреевна Лисицина; Земфира – Матрена Сичкина; Тихон Иеремеевич Спасенный – Срачица; Мурад Джураев – Черкес; Старец Израиль – Дон Гуан; Алексей Степанович Ленточкин – Ланселот Озерный – «мистер Базилиск».

В повестях-сопровождениях к «Истории Российского государства» игра с именем так же, как и в Фандориане, и в трилогии о Пелагии национально, социально, исторически и художественно обусловлена. В центре повестей – одна генетическая ветвь, которая «перекочевывает» из одного текста в другой. Но если, скажем, Фандориана, разветвляясь, «держится» на вариации фамилии и фамильных черт характера, то новая семья, выведенная Б. Акуниным, мечена физиологически особой отметиной на лбу, и как бы она ни называлась – перст, плевок, клюква – суть остается одной: семья несет на себе печать истории. В каждой из повестей Б. Акунин с постоянством, но и с вариативностью объясняет особую метку (которая, кстати говоря, характерна для любого героя детективной серии, как в мировой литературе, так и в творчестве создателя Фандорина (седые виски, заикание) и Пелагии (рыжая)). Вариативность расположена между двумя полюсами: от отмеченный до клейменный: «У отца, которого Кикимора не любила вспоминать, и у бабки тоже был лбяной знак. Это потому что их род, вся деревня, – от древнего лесного бога, у которого из главы произрастал сучок. В незапамятные времена, в далеком краю, где большие озера и деревья до небес, жила-была обычная земная девушка, которая поженилась с лесным богом. И потому в каждом поколении тот сучок беспрерывно у кого-то одного сквозь лоб прорастает» [Акунин 2014а: 273]; «Род свиристельских князей шел от Святослава Ярославовича, сына величайшего из русских владык мудрого Ярослава. Со временем Святославово потомство расплодилось, рассеялось по всей Руси. В черниговском углу прежней единой державы утвердились Ольговичи, семя Олега Святославовича, у которого, как у Ингваря, на лбу был некий родовой знак» [Акунин 2014с: 293]. В совокупности «Довелось клейму побыть и персидским царским знаком, и колдовской печатью, и древним юдейским пророчеством, и много чем» [Акунин 2015б: 152]. Добавим – от божественной до каиновой печати, от перста до плевка.

Отметина в разных исторических обстоятельствах оборачивается то счастьем, то несчастьем для ее носителей, что подчеркивает и драматизм, и непредсказуемость вплетения человеческой судьбы в свершении истории.

Возможно, в повестях-сопровождениях Б. Акунин интенсифицирует и углубляет именную игру. В первой повести «Огненный перст» основатель «меченного» рода грек Дамианос, герой – супермен, и одновременно, по классификации Б. Акунина, аристомом, которого, как и Фандорина, весьма просто обмануть, герой безусловного обаяния, прозревает чуть позже, чем Фандорин и Пелагия, то есть чуть позже, чем необходимо для жизни. Но площадке сравнительно небольшого текста он многожды меняет (или ему меняют) имя: Аминтес, Гад (для лесных), Дамианос (для греков), Любор (для матери-северянки), Демьян (для Кья), Демьян Грек (для киевлян), Гад-Демьян (после разоблачения), Лесень (для возлюбленной). Сам герой проговаривается: «Имя Дамианос означало “укрошающий” или “дрессирующий”». Недаром говорится: какое у тебя имя, такая и судьба» [Акунин 2014а: 95]. Но это традиционное объяснение судьбы через имя («Как корабль назовешь, так и поплывешь»), но не полиименности.

Уже эта повесть заставляет поставить ряд вопросов: почему, как и прежде, писатель не ограничивается одним именем? Попадая в чужую среду, личность становится другой? Многоименность – знак зыбкость мира/человека? Частично автор сам или устами своих героев раскрывает причины именной вариативности. Например, один и тот же этнос по-разному именуется в зависимости от того, кем воспринимается. Так, русы в зависимости от этнонациональных контактов именуется варварами, варягами, вэрингами, викингами. Существование двух имен освящено традицией: «Князей двуименно зовут – в память святого, дабы жили по-христиански, и по-воински, в память о прежних воителях, дабы по их славе мерились. И каждому выбирать приходится, крестом жить или мечом. Все властители, кои в летописях оставили по себе память, выбирали меч. И кто ныне помнит, что Ярослав Мудрый был крещен Георгием, Владимир Мономах – Василием, а Всеволод Большое гнездо – Дмитрием? Придется и тебе выбирать, кем жить – Солонием иль Олегом» [Акунин 2014с: 104].

Два имени может быть объяснено и традицией семьи: «Батюшка, книжник, назвал своих детей по-ученому, не как в других княжеских семьях. Старшего сына – Тимоном, что означает «честь», ибо для наследника княжеского стола нет ничего важ-

нее чести. Дочь нарек Филоменой, это «Сильная Любовь». Для женщины, говорил отец, самое главное – любовь. Младшему сыну выбрал для крещения имя Солоний, «Мудрый». Было, конечно, как положено и родовое имя, Олег, в честь великого пращура Олега Святославовича...» [Акунин 2015а: 79].

Внимательный читатель подхватывает авторскую игру, поскольку он уже знает правила движения меченного рода. От греческого шпиона через несколько поколений к Олегу Святославовичу «плевок дьявола» наследуется Филоменой, полюбившей завоевателя, ставшей «настоящей монголкой», второй великой любовью Манула, второй Звездухой, Одоншиыр. А через поколения появится и Яшка – Ничейка – Шельма – Schelm – Йашка – Иаков (от библейского, сам выбрал) – Яков Шельма – Джакопо Шельми – Якоб Шельменготт – Яков Шельмин – Яков Дмитрич, один из излюбленных героев Акунина (модификация Бубнового Валета, Сеньки/Симона), молодой авантюрист, человек мира, талантливый и легкий: «Яшка всякую грамоту разбирал: и свою русскую, и латинскую, и татарскую. Любое наречие к нему приставало легко, потому что мотыльку-комарику полезная наука – одно порхание. И языков знал много, шесть или семь. На каждом изъяснялся так, что принимали за своего, имелся у него от природы на то особый дар. Оказавшись в чужом месте, среди чужих людей, он очень скоро приравнивался к тамошней жизни и становился своим. Все в себе менял и даже звался всюду по-разному – как нарекут» [Акунин 2015б: 148].

Неожиданный для Акунина отказ от уже знакомой семьи Фандориных /фон Дорнов / Дориных знаков и показателей в еще одном аспекте. Основой для номинации героев в повестях-приложениях становится не фамилия, не родовое имя (если брать традиции европейской антропонимики со времен античности), а имя собственное, прозвище или прозвищное имя. Б. Акунин выводит героев повестей-сопровождений за рамки рода, клана, семьи, которые, по его концепции истории, не способны изменить мир. Те же Фандорины на протяжении всей своей истории – с того момента, как их предок отправился в крестовый поход и наблюдал падение Иерусалима и до нашего современника Николаса Фандорина, который наблюдает, как гибнет первый вариант рукописи «Преступление и наказание»,

прямого значения для развития истории не несут.

В отличие от них, остающихся наблюдателями, сын рабыни Дамианос меняет ход истории, познакомив Олега с женщиной, которая станет его спутницей, но никогда не родит ему детей, и Русью станут править не его потомки, а слабые и завистливые Рюриковичи. Именно безродный Яшка Шельма становится тем, чьи действия привели к победе на Куликовом поле и т.д. Такая достаточно жесткая позиция «человек рода – наблюдатель, человек имени – творец истории» знакова для исторической концепции Б. Акунина, убежденного в том, что историю должны делать люди не освященной традицией фамилии / рода, но личности, прославившие свое имя.

Именная игра вплетена Б. Акуниным в жанровую игру. «Огненный перст» – использование апробированного писателем жанра «исторического детектива», в котором отталкивание от исторического факта предполагает весьма вольную трактовку его. Жанр, в котором история используется как источник интертекста и как ядерный текст, а реальные исторические герои и их имена органично вплетены в систему героев вымышленных. «Плевок дьявола» соотносим уже не с историческим детективом, но исторической повестью, в основе которой дворцовая интрига, связанная с престолонаследием, традиционно предполагающая использования известного сюжета подмены наследника. Показательно композиционное построение повести, в ней на первый план вынесены не исторические события (они являются фоном), но характеры, о чем свидетельствует именной название глав: «Агафадор», «Святослав», «Живка», «Кикимора», «Кут».

Если повесть «Плевок дьявола» легко вписывается в ряд произведений, представленных, скажем, «Ледяным домом», то «Князь Клюква» соотносим с «Князем Серебряным». «Звездаха», соответственно драматическому содержанию, откровенно апеллирует к «Капитанской дочке», «Бох и Шельма» – блестяще написанная плутовская повесть, внутри которой автор играет с разными жанровыми обозначениями, откровенно травестируя их. Как главный герой меняет имена, так и автор в главах внешне меняет жанровый ракурс повествования: «Житие несвятого Иакова», «Поучение мудрого хитрому», «Слово о дальних

странствиях», «Чудо о волшебной змее», «Дастан о заколдованной деве», «Видение о благодарных душах», «Хождение за три степи», «Сказ о добром молодце и красной девице», «Повесть о неправде на Непрядве», «Плач о Страшном суде и неотвратимом воздаянии».

Поэтика названий повестей отмечена игровой семантикой разного характера, вплоть до двусмысленности прочтения (как в названии для многих лучшего романа фандоринской серии «Коронация, И(и)ли последний из Р(р)оманов). Двусмысленности, позже варьируемой в тексте подспудно, в финале – открыто, и все же даже в конце оставляя читателю «пространство для маневра»: последний из романов, нет, последний из Романов(ых). Бох – нет, видимо, все же Бог, но очень акунинский – всезнающий интеллеktуал: « – Про Бога-то... За важной беседой совсем запамятовал, прости старика. Ждет тебя тут один человек. Третий день уже» [Акунин 2015б: 296].

Осваивая новый для себя материал, Б. Акунин выстраивает новую художественную систему, проблемно-тематическую, мотивную, персонажную. Используя наработанные приемы, он иначе их артикулирует. В повестях-сопровождениях, в отличие от всего предшествующего творчества, нет борьбы Добра и Зла, и, как следствие, нет злодея-антагониста. Мир «урока повторения» истории строится на иной системе координат, о которой сказал сам Б. Акунин, аннотируя первый сборник повестей, в своем блоге: «А, впрочем, все три повести про любовь, только разную. В этом – основное отличие беллетристической линии «ИРГ» от документальной. Там всё больше про победы и поражения; здесь же – сага о том, как люди тысячу лет любили друг друга, благодаря чему жизнь не прекратилась, род не пресекался, и теперь тут живем мы с вами» [Акунин: URL: <http://borisakunin.livejournal.com/117194.html>].

В именной игре Б. Акунин сплавляет воедино историю государства и историю семьи, каждый из членов которой несет свое имя / имена, авторской волей меняя историю.

ЛИТЕРАТУРА

Акунин Б. Любовь к истории. Блог Бориса Акунина // URL: <http://borisakunin.livejournal.com/117194.html>

Акунин Б. Пелагия и белый бульдог. – М., 2013а.

Акунин Б. Пелагия и черный монах. – М., 2013б.

Акунин Б. Пелагия и красный петух. – М., 2013с.

Акунин Б. Огненный перст // Акунин Б. Огненный перст. Повести. – М., 2014а.
Акунин Б. Плевок дьявола // Акунин Б. Огненный перст. Повести. – М., 2014б.
Акунин Б. Князь Клюква // Акунин Б. Огненный перст. Повести. – М., 2014с.
Акунин Б. Звезда // Акунин Б. Бох и шельма. Повести. – М., 2015а.
Акунин Б. Бох и Шельма // Акунин Б. Бох и шельма. Повести. – М., 2015б.
Быков Д. Блуд труда. – СПб., 2014.

Снигирева Т., Снигирев А. Игровая модернизация исторического повествования («История Российского государства Б. Акунина») // Уральский филологический вестник. Мат-лы Всероссийского семинара с международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей» 27 ноября 2015 г. / Гл. ред. проф. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2015.

© Снигирева Т.А., 2016

©Снигирев А.В., 2016

В. В. СОКОВНИНА

(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н.Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811.511.111'42:821511.11-8
ББК Ш166.11-51+Ш33(4Фин)-47

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В ПОСТМОДЕРНИСТСКОМ КОМИКСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ФИНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО КОМИКСА «КЕККОНЕН»)

Аннотация: В статье рассматривается жанровая типология современных комиксов, приводится классификация существующих на сегодняшний день форматов их издания. Анализируются структурные и содержательные характеристики комиксов как креолизованных текстов, предложена классификация комиксов, включающая такие их типы, как стрипы, журнальные комиксы, графические романы, web-комиксы. Авторы современных комиксов не используют «текстовые облака» и выходят за рамки кадра, что придает интерактивный характер комиксу. Игра с читателем и отрицание нормы, характерные для постмодернизма, изменяют не только структурный и визуальный образ комикса, но и его содержание. На материале финского политического комикса «Кекконен» (автор Матти Хагельберг, в переводе А. Беликовой), посвящённого политической карьере У.К. Кекконена от его членства в парламенте до поста президента Финляндии, рассматриваются приёмы языковой игры, свойственные постмодернистскому дискурсу нонсенса. Реальный исторический персонаж помещен автором в невероятные ситуации. Основной акцент в статье делается на характеристике аллюзивного принципа языковой игры, основанного на использовании широкого репертуара прецедентных знаков. Специфика языковой игры в постмодернистских комиксах в жанре нонсенса заключается в провозглашении адресата на поиск новых смыслов.

Ключевые слова: креолизованный текст, комиксы, web-комиксы, языковая игра, прецедентный феномен, нонсенс

Несмотря на долгую историю существования как европейского, так и отечественного комикса, в России этот жанр во многом по-прежнему остаётся заложником внутренней формы английского слова «comics», ассоциируясь у читателя с непременным содержательным признаком – комичностью. Стереотипным также остаётся и представление о структуре комикса как последовательности рисунков, рассказывающих историю одного или нескольких персонажей, с минимальным включением вербальных средств, передающих речь героя.

Читательской аудитории начала XXI века представлено широкое разнообразие видов и сюжетов комиксов, значительно отличающееся содержательно и структурно от комиксов этого же периода в XX веке, реализующих исключительно развлекательную функцию. Разделяя современные комиксы по типам, можно представить следующую классификацию:

1. Стрип (strip – англ. газетная полоса) – история, занимающая не больше одной страницы, чаще всего стрипы печатают в конце журнальных номеров или газет. Из стрипов может состоять и сериальный комикс, каждый выпуск которого будет представлять собой одностраничный законченный сюжет.

2. Журнальный комикс (comics magazine) – периодичное издание серии комиксов в формате журнала или газеты, объединённых сюжетной линией или/и героями. В данном случае выпуск представляет собой многостраничную историю, часто с дальнейшим продолжением в следующем номере.

3. Графический роман (graphic novel) – книжный формат комикса с завершённым сюжетом в рамках одного издания («Sandman», «Габо», «Маус», «Персеполис»). Тип комиксов с равным количеством вербальных и визуальных средств или преобладанием текстового компонента. Помимо самостоятельных авторских сюжетов, нередко встречается переработка литературного произведения в графический роман («Преступление и наказание», «Хоббит», «Песнь льда и пламени»)

4. Web-комикс – комикс, публикующийся изначально в интернете в блогах, на сайтах авторов либо на специальных ресурсах, предоставляющих подобные материалы бесплатно («Cyanid and happiness», «Xkcd», «Это может быть чем угодно»). Web-комиксы обычно публикуют в виде стрипов, чтобы новая история не зависела от предыдущей. Это связано с тем, что читатель, согласно системе блога, знакомится с комиксом с конца, а уже потом, если выпуск его заинтересовал, обращается к предыдущим записям. В web-комиксах нет никакого регламента ширины, длины или формы выпуска: это может быть и бесконечный комикс, и история в несколько кадров, и даже одна иллюстрация

с филактером¹² или подписью.

Жанр комикса отчасти детерминирован его форматом, так серийные комиксы чаще всего относятся к жанрам фантастики, приключений и детективам, позволяющим продолжить сюжетную линию в последующих выпусках, а графический роман и web-комикс представляют более широкое разнообразие жанров: роман, ужас, абсурд, нонсенс, биография, фантастика, документалистика и т.д.

Структура комикса также подвержена изменениям в зависимости от формата, жанра и авторского замысла. Согласно понятию графической нормы, выведенной И.Э. Клюкановым, идеальной моделью расположения языковых и неязыковых компонентов применительно к комиксу можно считать следующую: сопровождающий изображение текстовый ряд внутри кадра представляет собой речь персонажа, заключённую в филактер, или комментарий автора [Клюканов, 1983: 18]. Однако многие авторы комиксов пренебрегают классической структурой, зачастую не используя «текстовые облака» и выходя за рамки кадра, что делает комикс интерактивным. Подобная игра с читателем и отрицание нормы, характерные для постмодернизма, наполняют современные комиксы не только в структурном и визуальном, но и в содержательном плане.

С точки зрения лингвистики комикс как сообщение, представленное и вербально, и изобразительно, является креолизованным текстом – «сложным текстовым образованием, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата» [Ворошилова 2006: 181].

А. Базарх утверждает, что «комикс принципиально «беспрощаден», принципиально полон: то, чего не хватает литературному тексту, даёт картинка; то, чего не хватает изолированному изображению, дают текст и соседние картинки» [Базарх, 2010:

¹² Филактер (англ. bubble callout, speech balloon, word cloud) – прямоугольное или овальное пространство, содержащее реплики персонажа и располагающееся в непосредственной близости от говорящего.

43]. Отсюда и возникает стремление комикса к визуализации языковых игр и его обширный выразительный потенциал: любой текст, построенный на метафорическом сравнении или метонимии, может разрушиться за счёт изображаемого и превратиться в частный случай языковой игры. Кроме того, зачастую независимо от жанра комикса авторы наполняют как вербальную, так и невербальную его часть прецедентными именами и ситуациями, призывая читателя к со-авторству, со-творчеству и провоцируя на поиск новых смыслов.

Примером подобной «игры в постмодернизм» является вышедший в России в 2015 году политический комикс в жанре нонсенса «Кекконен», посвящённый политической карьере У.К. Кекконена от его членства в парламенте до поста президента Финляндии. Комикс представляет собой серию графических романов на финском языке, издаваемых с 1992 года и объединённых темой политики Финляндии: «Герой Марса», «Несчастья Бонусвиля», «Правосудие зомби», «Хольменколлен» и др. Серия переведена на шведский и французский языки, на русском языке был выпущен лишь 12-ый номер «Кекконен» в переводе А. Беликовой.

Матти Хагельберг, автор комикса, помещает реального исторического персонажа в невероятные ситуации: Кекконен во время рыбалки попадает в чрево кита и встречается там Пиноккио, сражается с главой Марса Кларком Кентом, ведёт войну вместе с Элвисом Пресли против антиамериканских космических хиппи, обедает с богом, ходит по Финляндии после смерти и выкрикивает воззвания, из его останков делают голема и показывают за деньги на площади – все эти приключения хронологически связаны с реальными событиями в жизни У. Кекконена. Подобный уход от привычного логического построения мира, комбинация несочетаемых ситуаций и образов, характерных для произведений жанра нонсенса, и создаёт комический эффект.

Текст комикса с первых страниц наполнен языковой игрой, предполагающей наличие у читателя фоновых знаний о внешней и внутренней политике Финляндии 1950-1980 гг., а также представлений о политическом устройстве в целом, например: *«Камбала делает Кекконену предложение, от которого трудно отказаться: «Я помогу тебе выбраться, если ты сделаешь ме-*

ня премьер-министром». Кекконен пренебрёг предложением, он предпочёл бы всё-таки трёхмерного министра».

В данном фрагменте рыба наделяется антропоморфными признаками, такими как владение речью, наличие разума, обладание социальным статусом. Герой отказывает рыбе в высоком poste, сомневаясь в её «трёхмерности», в этом случае актуализируется представление о камбале как плоской рыбе. Автор использует геометрическое понятие «плоская» в синонимичном значении по отношению к пространственному понятию «двухмерная», но так как материальный мир представляет собой трёхмерное пространство, где любой объект имеет три измерения (широту, высоту, длину), то здесь даже визуально плоский предмет будет трёхмерным.

Другой пример «Щука по имени Ахти тоже подплывает с предложением... В роли министра иностранных дел щука как рыба в воде» заключает в себе прецедентное имя Ахти (Карьялайнен – министр иностранных дел Финляндии). Использован зооморфный образ, основанный на приписывании признака хищности и обусловленный политическими реалиями: А. Карьялайнен впоследствии пытался занять пост У. Кекконена. Второй случай языковой игры – щука как рыба в воде – заключается в языковой избыточности: актуализируется видовая характеристика щуки как рыбы, за счёт чего нивелируется метафорическое значение фразеологизма.

Безусловно, в тексте есть примеры языковой игры, не требующие знаний о политической ситуации в Финляндии, построенные на особенностях использования языковых единиц:

Кекконен пробирается в центр города. Башмачки тук-тук-у.к.к.

Переводчик использует в роли сказуемого междометие «тук-тук», передающее глухие и отрывистые звуки, вовлекая в создание этого звукоизобразительного образа аббревиатуру от имени главного героя комиксов.

Скоро надо будет принять сильное плацебо.

Как известно, плацебо – вещество без явных лечебных свойств, следовательно, к нему не может быть применено прилагательное с градуальной семантикой, особенно указывающее на высокую степень воздействующего эффекта от применения

препарата.

Президент Урхо Кекконен решил выбраться из дома, чтобы заняться вопросами внешней политики.

В основе языковой игры лежит известный прием, основанный на омонимии значений «находящийся, расположенный вне» и «действующий за пределами данного государства, иностранный».

Сюжетообразующей деталью исследуемых комиксов являются прецедентные феномены. Автор играет с историческими сюжетами (*Из модуля выходит Кекконен, делает один шаг, произносит слова, вошедшие в историю: «граждане, medborgare»¹³*), массово-культурным контекстом (*Кекконен засовывает голову в куст, делая вид, что охотится: «I'm hunting wabbits»¹⁴*) и литературными аллюзиями (*Кекконен парится в бане с министрами, послами, губернаторами... Никто не говорит Кекконену, что он забыл раздеться¹⁵*), переплетая их с биографическими фактами. Наибольшее количество прецедентных феноменов в тексте касается религиозной тематики. Приведем несколько контекстов с кратким комментарием источников прецедентности: *«Кекконен кладёт деньги себе на счёт под проценты, а Иисуса вахтёр прогоняет из банка кнутом»* (аллюзия на евангельский сюжет – изгнание Иисусом Христом торговцев из храма). В другом примере *«В самый дальний угол торгового центра никому не известным способом был перенесён марсианский город Бедлам»* можно сделать вывод об аллюзии на Бедлам – сокращённо от Bethlehem – Вифлеем, библейский город. Однако, учитывая события, разворачивающиеся в рамках сюжета, можно также отнести это прецедентное имя к названию лондонской больницы для душевнобольных, существовавшей в XIX

¹³ Аллюзия на слова Нила Армстронга, впервые ступившего на лунную поверхность: *«Это маленький шаг для человека, но огромный – для всего человечества»*. «Граждане, medborgare» – вступительная фраза У.К. Кекконена в каждом его обращении к народу, узнаваемая так же, как обращение Б.Н. Ельцина «дорогие россияне».

¹⁴ I'm hunting wabbis (я охочусь на кволиков) – прецедентное высказывание персонажа американского мультсериала Looney Tunes Элмера Фадда.

¹⁵ Инверсия прецедентной ситуации из сказки Г.Х.Андерсена «Новое платье короля».

веке и также именуемой в честь Вифлеема. Если данный контекст требует усилий от читателя, то, безусловно, легко считается прецедентный библейский сюжет – предательство Христа Иудой и получение платы 30 серебрянников в контексте: *«За 30 M&M's Тахмо и Пехмо продают своих товарищей»*. Другой известный библейский сюжет – предание об исходе евреев из Египта под предводительством Моисея – становится основой для игровой трансформы: *«Во сне Кекконен слышит зов – вести белок в землю обетованную»*.

Обилие прецедентных феноменов религиозной направленности и специфическая сюжетная парадигма комиксов обусловлены тем, что автор предлагает читателю, узнав аллюзии, представить комикс как пародию на житие. Вероятно, такого рода жанровые трансформации обусловлены тем, что У.К. Кекконен – президент Финляндии, непрерывно правивший в течение 25 лет, распустивший три парламента и ушедший с поста в 81 год.

Литература начала 20 века благодаря политической ситуации в России стала более открытой для новых форм и сюжетов. Именно тогда под влиянием европейского контекста начали появляться не только единичные газетные стрипы, но и полноценные многостраничные комиксы в таких известных журналах как «Ревизор», «Ёж», «Сатирикон», «Крокодил» и др. Комикс как площадка для многосмысленных интерпретаций происходящего стал идеальным форматом воплощения языковых игр, в частности, в детской литературе и политической сатире. В то же время в 1930х годах была попытка создания графического романа в его современном понимании: «Маршак придумал издавать своего рода комиксы - пересказывать классиков для детей, как, например, Рабле – зачем детям Рабле?–но книжку такую выпустил. <...> И вот Хармсу предложили пересказать «Дон Кихота»...» [Цит. по: Сажин, 2010: 194]. В 1934 году Хармс написал первую серию «анегдотов», выдержанных в стиле текста к комиксам, но не воплощенные в собственно комикс при жизни автора, однако в 1998 году «Анегдоты...» были снабжены визуальным рядом по всем структурным правилам жанра.

В послевоенный период развитие российского комикса остановилось, ограничившись последующим переизданием уже существовавших произведений, так и не выйдя за пределы жур-

нального издания. Жанр полноформатного графического романа, возникшего в США ещё в 70-х годах, в России так и остался на этапе зарождения. Однако сам факт роста популярности переводных полноформатных комиксных изданий среди российской аудитории говорит о продолжении развитии жанра. Перевод на русский язык выпуска комикса в жанре нонсенса «Кекконен» позволяет сделать вывод об его актуальности и готовности читателя к интертекстуальной игре и языковому сотворчеству. Если в 1990-х годах (период первого выпуска серии финского комикса) внесмысленная литература и комиксная традиция в России находилась на некой паузе в силу социально-политических аспектов, то сегодня мы можем наблюдать новый исторический виток и, возможно, новый этап эволюции жанра.

ЛИТЕРАТУРА

- Базарх А.* О поэтике комикса // Русский комикс: сб. статей. – М., 2010.
- Ворошилова М.Б.* Креолизованный текст: аспекты // Политическая лингвистика. 2006. Вып. 20.
- Клюканов И.Э.* Структура и функции параграфемных элементов текста. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 1983.
- Сажин В.* ... для детей и дураков // Русский комикс: сб. статей. – М., 2010.
- Хагельберг М.* Кекконен / Пер. с фин. А. Беликовой. – СПб., 2015.
- © Соковнина В.В., 2016

Н. В. СОЛОВЬЕВА

(Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Россия)

УДК 81'42
ББК Ш105.51

ЦИТАТА И ЕЕ «ОКРУЖЕНИЕ» (К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОЙ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ)¹⁶

Аннотация: В статье рассматривается ряд вопросов, связанных с функционированием цитат в научных текстах трех периодов (XIX, XX и XXI век). Затрагивается проблема определения цитаты, решая которую автор отдает предпочтение узкой трактовке, отделяя цитату от других форм передачи чужой речи. Показаны способы введения цитат в научный текст – констатация ментальных действий предшественника и экспликация методологической характеристики персонифицированного предшествующего знания. Объектом исследования являются цитаты с эксплицитно выраженной аксиологической функцией, предмет изучения – индивидуально авторские особенности выражения метатекстового окружения цитаты.

На материале лингвистических текстов иллюстрируется своеобразие творческой манеры 9 авторов. Обращается внимание на те оценочные единицы (слова, конструкции), которые становятся доминирующими. Выявляются закономерности в употреблении оценки цитированного знания, которая может быть позитивной, негативной и смешанного типа. В текстах авторов XXI века отмечается уменьшение количества средств выражения оценки, особенно – средств выражения полемичности, тогда как в текстах авторов XIX и XX веков представлены оценки всех типов, причем оценки с преобладанием средств выражения полемичности.

Высказывается предположение о том, что снижение количества употреблений цитат с эксплицитно выраженной аксиологической функцией свидетельствует о снижении уровня критичности мышления.

Ключевые слова: оценка, цитата, окружение цитаты, аксиологическая функция цитаты, научный текст, речевая индивидуальность ученого, полемичность.

Проблему цитирования в научных произведениях сложно назвать малоизученной. Обращение к литературе показывает, что эта тема рассматривалась в нескольких аспектах на материале

¹⁶ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект 14-34-01026a1 «Активные процессы в научном стиле речи»

разных текстов (естественнонаучных, гуманитарных) и языков. Так, описаны структурно-семантические особенности цитат [Даирова 1983], их роль в композиции научного текста [Петрова 1987]; рассмотрены способы ввода цитат в научный текст и выполняемые ими функции [Баженова 1986, 1988; Котюрова 2001; Шагеева 2005]; выявлены типы цитат (цитаты-аргументы, цитаты-примеры и др.). В последние десятилетия значительный интерес представляют исследования цитаты как «эксплицитного маркера интертекстуальности» [Чернявская 1999, Кузьмина 1999], как носителя культурной информации [Алейникова 2006, Нехлюдова 2004].

Несмотря на такой широкий спектр заявленных проблем в отношении цитирования в научной речи, существуют вопросы, окончательно нерешенные и требующие дальнейшего изучения. Например, является дискуссионной проблема определения цитаты. Ввиду отсутствия единых критериев этот термин имеет широкое и узкое толкование. Широкая трактовка наряду с собственно цитатой включает и другие формы передачи чужой речи. Мы же рассматриваем цитату как дословно воспроизведенный фрагмент из чужого научного текста (объемом от слова до комплекса предложений), обособленный графически и сопровождающийся ссылкой на автора и соответствующую страницу источника.

Отдавая предпочтение узкой трактовке, поясним такой выбор. Как известно, цитата в научном тексте является одним из основных способов реализации старого знания. Актуализируя старое знание, цитата вступает в различные отношения с полученным новым (собственно авторским) знанием. При использовании именно цитаты граница между старым и новым знанием графически маркирована, тогда как использование косвенной речи или пересказа не предполагает дословного изложения и может допускать частичное «вмешательство» со стороны интерпретирующего автора. При анализе средств выражения аксиологического поля (термин М.П. Котюровой), образуемого вокруг цитат, маркирование последних позволяет отчетливо разграничивать диалогические смысловые позиции.

Предварительное исследование современных научных текстов выявило широкое использование цитат при отсутствии их

критического восприятия, что позволило автору статьи сформулировать предположение об ослаблении критичности мышления как одной из тенденций современного научного дискурса [см.: Соловьева 2016]. Однако для подтверждения гипотезы проводится анализ функционирования цитат в динамике (в диахроническом аспекте).

В ходе этого исследования открылась перспектива изучения метатекстового окружения цитат в аспекте авторской индивидуальности. Анализ 9 научных текстов по лингвистике трех временных периодов (XIX, XX и XXI век) показал, насколько разнообразны формы и средства выражения оценки цитируемого знания (Список исследованных текстов приведен в конце статьи. Из текста каждого автора было проанализировано по 6 тыс. словоупотреблений).

Проблема цитирования в аспекте речевой индивидуальности ученого рассматривалась М.П. Котюровой [2001]. На основе дифференциации способов экспликации цитат исследователь реконструировала характер стиля мышления цитирующего автора – дискретно-логический или континуально-психологический. Вслед за М.П. Котюровой мы сохранили разделение способов введения цитат в текст на 2 вида: 1) констатация ментальных действий предшественника – констатирующее цитирование (например: *В 1939 году акад. Л.В. Щерба писал: «Цитата»* (сноска) [Буд., с. 67]); 2) экспликация методологической характеристики персонифицированного предшествующего знания (например: *Грамматические отношения между именем существительным и глаголом лучше всего определяются общей формулой А.А. Потебни: «цитата»* (сноска) [Вин., с. 53]). Однако в фокусе нашего исследования оказались только цитаты с **эксплицитно** выраженной аксиологической функцией.

В методологическом отношении объяснительным ориентиром избираем универсальный *принцип доминанты* (А.А. Ухтомский), в соответствии с которым будем обращать внимание на те оценочные единицы (слова, конструкции), которые, будучи частотными, придают тексту яркое своеобразие.

Интересно, что в текстах всех авторов, независимо от периода, преобладает констатирующее цитирование (показатели по каждому веку больше почти в 2 раза), однако утверждать, что

такая закономерность сохраняется и в отношении оценки используемых цитат, не представляется возможным.

Проанализируем работы авторов XIX века и опишем особенности речевой манеры выражения оценки у каждого автора (в силу ограниченного объема статьи будем приводить 2-3 примера). Я.К. Грот отдает предпочтение конструкциям с модальностью «возможности / невозможности»: *Этот способ письма, вообще говоря, не может быть признан удачным* [Грот, с. 76]; *Но, вообще говоря, ... попытка... едва ли могла бы ожидать успеха* [с. 79-80].

В тексте Ф.И. Буслаева частотна используемая в качестве интенсификатора оценки частица «весьма»: *Поэтому весьма ошибаются те, которые употребляют так называемую сократическую методу в первоначальном преподавании* [Бусл., с. 32]; *И упреки эти и опровержения их заключают в себе весьма много дельного...* [с. 35]. Привлекают своей необычностью и метафоричностью глаголы, передающие семантику несогласия: *Так, Турш восстает на реалистов за...* [с. 35]; *Яростно нападает Гинтер на реалистов...* [с. 36]. С этой целью используются и фразеологизмы: *В ошибку другого рода против отличия в преподавании отечественного языка от иностранного впал Вурст* [с. 52]; *Вурстовы же примеры ... действительно подлежат осмеянию* [там же].

Если в тексте Ф.И. Буслаева образными можно назвать лишь некоторые языковые единицы, то в тексте А.А. Потехина образность при выражении оценки становится доминирующей чертой: *В этих замечательных словах собраны все несообразности, которыми страдает теория откровения языка* [Пот., с. 23]; *Еще яснее бесплодный формализм Беккера в определении...* [там же]; *Такова в общих чертах господствующая теперь гербартова теория представлений как сил...* [с. 61].

Работы авторов XX века также показательны в плане творческой индивидуальности. Поражает многообразие оценочных наречий в текстах Р.А. Будагова и В.В. Виноградова. Интересно, что в текстах обоих авторов конструкция «наречие + глагол (краткое причастие) со значением ментального действия» является преобладающей при выражении оценки цитат, введенных способом констатации. Однако в текстах Р.А. Будагова эти на-

речия используются в положительной степени, а в текстах В.В. Виноградова – в сравнительной (редко – превосходной).

Сравним «ремарки цитирования» (термин В.Е. Чернявской) в текстах названных авторов:

Иронически оценивал проблему литературного языка Бодуэн де Куртене... [Буд., с. 6]; *О. Блок ... остроумно заметил по этому поводу...* [с. 7]; *И недаром Бреаль справедливо называл...* [с. 11].

Шире эта проблема освещена в «Курсе общей лингвистики» де Соссюра [Вин., с. 15]; *Еще решительнее зависимость грамматики от словаря утверждали Г. Шухардт и Н.Я. Марр* [с. 16]; *Еще ярче противопоставлял семантические свойства имени существительного глаголу Герцен...* [с. 50].

В тексте Н.Д. Арутюновой в отличие от текстов других авторов – существенно преобладают оценочные суждения в отношении методологической характеристики предшествующего знания (в то время как оценка цитат констатирующего типа представлена единичным случаем), в связи с этим ее текст чрезвычайно наполнен оценкой разнообразных методологических операторов: *приходится встречаться с несколько прямолинейными утверждениями и формулировками* [Ар., с. 9]; *Пожалуй, самым больным местом семантических теорий предложения является проблема денотации (референции)* [с. 36]; *Это положение составляет ключ к концепции ... Л. Витгенштейна* [с. 41]; и др.

Как известно, оценка цитированного знания может быть позитивной, негативной и смешанного типа, и в этом отношении также выявляются различия и по персоналиям, и по периодам. Однако в данной статье мы не ставили задачи сопоставления ремарок цитирования. Нашей целью было показать индивидуальное своеобразие творческой манеры каждого автора. Вместе с тем при обращении к текстам авторов XXI века мы отметили «угасание» средств выражения оценки, особенно – средств выражения полемичности (несогласия, либо частичного несогласия), тогда как в текстах авторов XIX и XX веков представлены оценки всех типов, причем оценки с преобладанием средств выражения полемичности.

Характеризуя ремарки цитирования в текстах авторов XXI века, отметим тенденцию к стереотипности средств выражения,

в том числе средств выражения цитатного окружения, преимущественно в ситуациях «вежливого» несогласия (частичного несогласия) с оппонентом: *«Цитата»... В принципе, ничего не имея против метафизики и метафизических посылок, отметим недостаточность данной посылки* [Бел., с. 15-16].

В тексте О.П. Сологуб частотны слова со значением позитивной оценки «центральный» и «особый» и производные от последнего, а также конструкции «обладать большой объяснительной силой»: *Центральной идеей лингводетерминологии является...* [Сол., с. 24]; *При таком подходе к изучаемому объекту возникают новые возможности лингвистического анализа, обладающие большой объяснительной силой* [с. 25]; и др. В тексте же Н.Н. Белозеровой доминирует конструкция «играть (большую / огромную / существенную / особую / главную) роль»: *Особую роль в выборе подобного подхода сыграл аксиологический компонент семантемы «эко»* [Бел., с. 27].

Особенностью речевой манеры Л.В. Кушнина можно назвать использование только положительно оценочных ремарок цитирования: *Данное высказывание Ю.М. Лотмана имеет исключительно важное значение* [Куш., с. 27], *О.А. Корнилов в работе ... приводит убедительные доказательства несовпадения границ между концептами... Так, «цитата»* [с. 20].

Как уже было сказано, негативная оценка цитат в современных (проанализированных) текстах встречается редко, однако такую функцию могут перенимать фрагменты, в которых критика высказывается другим исследователем и при этом не сопровождается собственно авторской ремаркой по поводу используемой цитаты: *В своей статье ... Урсула Хайзе критикует представителей «экологической поэтики» за их увлечение чуждой для анализа художественных текстов терминологией: «цитата»* [Бел., с. 27].

Анализ материала позволяет сделать вывод о том, что от XIX к XXI веку количество употреблений цитат в научных текстах постепенно увеличивается, что, по мнению исследователей, «приводит к возрастанию объективности научного изложения» [Прохватилова, Вотрина 2011: 190], в то время как количество употреблений цитат с эксплицитно выраженной аксиологической функцией уменьшается, что, по нашему мнению, свиде-

тельству о снижении уровня критичности мышления.

В заключение возникает необходимость ответить на вопрос о практической значимости подобных исследований. В настоящее время, когда при подготовке научных работ формализация и стандартизация становятся распространенным явлением [Хазаров 2010], очень важно обращаться к языку великих ученых, мастеров слова и мысли, особенно молодым исследователям, не столько с целью заимствования, сколько с целью обогащения собственной научной речи.

ЛИТЕРАТУРА

Алейникова Ю.А. Цитирование в научно-популярном тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тула, 2006.

Баженова Е.А. Фактор интерпретации чужой речи в смысловой структуре научного текста // Функциональная стилистика: теория стилей и их языковая реализация. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1986. С. 70-75.

Баженова Е.А. Способы экспликации и функции чужой речи в научном тексте // Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1988. С. 83-92.

Даирова К.Н. Структурно-семантические особенности цитаты и ее функционирование в тексте (на материале английской научной лингвистической литературы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983.

Которова М.П. Творческая индивидуальность и цитирование // Стереотипность и творчество в тексте. Вып. 4. – Пермь: Перм. гос. ун-т, 2001. С. 244-258.

Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та – Омск: Омск. гос. ун-т, 1999.

Нехлюдова Л.А. Тенденции развития современного языковедческого текста: лингвокультурологический анализ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ростов-на-Дону, 2004.

Петрова Е.В. Цитация в письменном научном произведении: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1987.

Прохватилова О.А., Вотрина Е.Н. Функционирование средств внутренней диалогичности в научных текстах XX века (синхронно-диахронический аспект) // Вестник Волг. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2011. № 2(14). С. 186-191.

Соловьева Н.В. Ослабление критичности мышления как одна из тенденций современного научного дискурса // Болгарская русистика. Вып. 3-4. – София, 2016. В печати.

Хазаров Г.Г. Обесмысливание научного дискурса как объективный процесс. 2010. URL: <http://www.hazager.ru/pragmatica/125-senseless.pdf> (дата обращения: 20.02.2016).

Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. – СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 1999.

Шагеева А.А. Когнитивные функции цитаты в естественнонаучном тексте (на материале русского и английского языков): Автореф. дис. ... канд. филол.

наук. – Екатеринбург, 2005.

СПИСОК ИССЛЕДОВАННЫХ ЦИТИРУЕМЫХ ТЕКСТОВ (С ПРИНЯТЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ)

Ар. – Аругюнова Н.Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. 383 с.

Бел. – Белозерова Н.Н. Мир реальный и мир виртуальный: две экологические системы: монография. – Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2010. 252 с.

Буд. – Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1967. 376 с.

Бусл. – Буслаев Ф.И. Преподавание отечественного языка: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. «Рус. яз и лит.». – М.: Просвещение, 1992.

Вин. – Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. 4-е изд. – М.: Русский язык, 2001. 720 с.

Грот – Грот Я.К. Русское правописание. Руководство, составленное по поручению Второго Отделения Императорской Академии Наук. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1894. 120 с.

Куш. – Кушнина Л.В. Теория гармонизации: опыт когнитивного анализа переводческого пространства. – Пермь: Изд-во Перм. гос. техн. ун-та, 2008. 196 с.

Пот. – Потехня А.А. Слово и миф. – М.: Изд-во «Правда», 1989. 624 с.

Сол. – Сологуб О.П. Русский деловой текст в функционально-генетическом аспекте: монография; под ред. Н. Д. Голева. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2008. 332 с.

© Соловьева Н.В., 2016

В. А. ТОРОПКИНА

(Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород, Россия)

УДК 811.161.1'42:811161.1'38
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55

ПОЛИКОДОВОСТЬ ЗАГОЛОВКОВ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАТЕКСТОВ В АСПЕКТЕ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ

Аннотация: В статье на материале заголовков современных российских СМИ анализируется заголовков русскоязычных медиатекстов. В заголовки современных российских СМИ феномен поликодowości, как одна из специфических черт современного медиатекста, обусловленная тенденцией к эстетизации процесса речевого общения в медиадискурсе, усилению игровой составляющей, влиянием глобализационных процессов в обществе на специфику коммуникации. Рассматривается такое проявление поликодowości, как использование средств иноязычной графики в составе активно включаются графически неосвоенные иноязычные лексемы (*Hotel как лучше, Работа не work*), в том числе слова-онимы (*Загнанные в Google, Завтра у Tiffany*), полиграфиксаты (*Массовый PSYхоз, DDoSmali, SMS-ополчение*). Анализируется специфика функционирования инографического элемента в контексте, взаимодействие поликодového заголовка с русскоязычным текстом. Подобные элементы являются окказиональными и обладают большим экспрессивным потенциалом, позволяющим использовать их в рамках языковой игры. Иноязычные элементы используются для формальной трансформации прецедентных феноменов путем замены одного из компонентов на нетранслитерированную заимствованную лексему (*Вишневый cash, SIM, SIM, откройся*), семантически и фонетически обыгрываются в составе каламбуров. В составе заголовков подобные образования выполняют развлекательную функцию, позволяют привлечь внимание читателя.

Ключевые слова: медиатекст, языковая игра, поликодowości, прецедентный феномен, инографическое написание, иноязычный элемент, полиграфиксат

В эпоху глобализации иноязычные элементы в исконной графике все чаще встречаются в СМИ. При освещении мировых событий неизбежно употребляются иноязычные слова-онимы, наименования иностранных организаций, брэндов, а также наименования реалий зарубежной жизни, не имеющие эквивалента в русском языке. Однако такие иноязычные лексемы в нетранслитерированном виде употребляются не только в информатив-

ной и номинативной функции, но и в развлекательной, эстетической функции в процессе языковой игры. Соединение средств разных алфавитов, инографические заголовки русскоязычных текстов отражают специфическое для медиатекстов XX-XXI века стремление к поликодности.

Как отмечают ученые, современные медиатексты являются мультимодальными (Н.В. Чичерина), креолизованными (Н.С. Валгина, Л.Г. Кайда), поликодными (В.Е. Чернявская), то есть соединяющими разнородные элементы (вербальные, визуальные, аудитивные, аудиовизуальные и другие). В широком смысле поликодность предполагает сочетание любых различных знаковых систем в пределах одного текста, смешанный характер текстов «с различными невербальными знаковыми системами» [Рождественский 1979: 166]. В современном медиаскурсе поликодность проявляется за счет добавления к тексту мультимедийных элементов, изображений, графического оформления текста и др.: «важным элементом газетного текста выступает визуальная составляющая, его графическое, шрифтовое, цветовое оформление, шрифт, цвет, фон текста (цветной или иллюстрированный), иконические печатные символы (пиктограммы, идеограммы и т.п.)» [Анисимова 2003: 98]. Таким образом, соединение в тексте разных алфавитов, элементов разных языковых систем отражает тенденцию к смешению кодов. При этом семиотически разнородные элементы, включенные в текст, взаимосвязаны в содержательном и формальном аспекте, значительно влияют на восприятие текста [Орлова 1995: 10].

Иноязычные графически неадаптированные элементы изучались многими исследователями в период активизации процесса заимствования в конце XX – начале XXI в. Для обозначения этого явления использовались термины «инкрустация» (А.А. Реформатский, М.В. Панов), «проникновение», «трансплантация», «цитация», «гетерограмма», «иноязычное включение», «нетранслитерированный элемент», «иносистемное языковое явление», «инографическое написание» [Маринова 2012: 97]. Как отмечают ученые, подобные явления не всегда связаны с процессом заимствования: нетранслитерированные элементы часто употребляются в СМИ ради языковой игры, имеют окказиональный характер и никогда не перейдут в узус в русской

графике [Маринова 2012: 99].

Языковая игра на базе поликодовости часто встречается в заголовках, поскольку подобное построение помогает привлечь внимание читателя визуально, деавтоматизировать восприятие текста.

Поликодовые заголовки современных электронных медиа реализуют разные механизмы языковой игры.

Инографические элементы могут внедряться в состав прецедентных феноменов как средство их трансформации в рамках языковой игры. В соответствии с тенденцией к интертекстуализации современного медиапространства, отсылки к прецедентным феноменам часто используются в заголовках СМИ. Прецедентные тексты, имена, высказывания, будучи культурными знаками, служат «нравственным эталоном нации, фиксирующим ее оценку реальности» [Нахимова 2007: 12], поэтому для всех носителей национальной культуры они узнаваемы, воспроизводимы и наполнены аксиологической информацией. Это позволяет им выступать в экспрессивно-оценочной функции в рамках медиадискурса. Экспрессивность прецедентных феноменов усиливается за счет их формальной трансформации, одним из способов которой является замена одного из элементов прецедентного текста, имени, высказывания. В качестве заменяющего может использоваться произвольный инографический иноязычный элемент: *He **Urals** единой. Новый сорт российской нефти по качеству может обогнать арабское «черное золото»* (Российская газета, 27.01.2012) – ср. цитата из Библии «*не хлебом единым жив человек*», *Urals – российская марка экспортной нефтяной смеси*; *Сам себе «**Observer**»!* Почему чиновникам все больше нравится блогосфера (Московский комсомолец, 19.09.2014) – ср. название телепрограммы «*Сам себе режиссер*»; *Вишневый **cash**. Применение метода DCF (discounted cash flow) к пьесе Чехова может изменить взгляд на классику* (Коммерсантъ, 25.02. 2013) – ср. название пьесы А.П. Чехова «*Вишневый сад*»; *FIFA. Мечты сбываются. Как Владимир Путин и Игорь Сечин поздравляли Йозефа Блаттера и Алексея Миллера* (Коммерсантъ, 16.09.2013) – ср. рекламный лозунг «*Газпром. Мечты сбываются*». Подобные заголовки реализуют характерное для публицистических текстов стремление к балансу стан-

дартности и экспрессивности, нормативности и новаторства: узнаваемый и воспроизводимый прецедентный феномен креативно переосмысливается за счет добавления нетранслитерированного элемента.

Иноязычный элемент может иметь и не произвольный характер, а подбираться на основе созвучия заменяемому слову: *Не верь, не Boeing, не проси. За год родственникам жертв рейса МН17 не назвали ни виновных, ни убедительной официальной версии трагедии* (Коммерсантъ, 18.07.2015) – ср. «*Не верь, не бойся, не проси*» – тюремная поговорка, о которой написал Александр Солженицын в произведении «Архипелаг ГУЛАГ»; *Работа не work. Как в России относятся к труду* (Коммерсантъ, 02.03.2015) – ср. пословица «*работа не волк, в лес не убежит*»; *Поколение best. Юношеская сборная России выиграла чемпионат Европы* (Новая газета, 20.05. 2013) – ср. устойчивое выражение «*поколение нехст/пехт*».

Внедряемый иноязычный элемент может быть омофоном исходному слову, отличаться лишь графическим оформлением: *Hotel как лучше. Российские гостиницы с 21 октября начнут работать по новым правилам* (Российская газета, 19.10.2015); *SIM, SIM, откройся. Новые законы для владельцев сотовых, ценителей вина и малого бизнеса* (Российская газета, 05.10.2013). Таким образом, визуальный облик, написание прецедентного феномена изменяется, а его звучание остается практически неизменным, что поддерживает узнаваемость прецедентной единицы.

Данный прием языковой игры основан на принципе ассоциативной адаптации [Гридина 1996]. При прочтении подобных заголовков происходит наложение смыслов: в сознании читателя воспроизводится прецедентный феномен в его привычном облике, с закрепленными в национальной культуре смыслами, в то же время, новый добавленный элемент отсылает к актуальным событиям, описываемым в тексте. Как следствие, абстрактный культурный смысл прецедентной единицы обыгрывается в контексте конкретных современных событий.

При этом иногда нарушается смысловая связь поликодового заголовка на базе прецедентного феномена или устойчивого сочетания с общим содержанием текста: *Дом, который придумал*

SWIFT. Напомним, что *SWIFT (Society for Worldwide Interbank Financial Telecommunications)* – это международная система передачи информации и совершения платежей между банками. Если какая-то из стран отключается от *SWIFT*, это означает, что ее финансовые учреждения автоматически лишаются возможности совершать международные переводы. (Новые известия, 10.02.2015); *Мотай на US Open! Шесть россиян из девяти вышли во второй круг Открытого чемпионата США по теннису* (Московский комсомолец, 30.08.2013) – ср. устойчивое выражение *мотай на ус*. Для создания поликодового заголовка используется произвольная с точки зрения смысла прецедентная единица, на первый план выходит формальная «необычность» построения заголовка с элементами иноязычной графики в сочетании с узнаваемым и воспроизводимым прецедентным текстом.

Созвучные русским словам иноязычные элементы могут употребляться не только в составе прецедентных феноменов и фразеологизмов, но и в произвольном контексте: *Сложный Focus. Решение о том, что Ford будет производить в России Focus, было принято корпорацией в 1999 году* (РБК, 17 июня 2014); *TOR хозяйствующих субъектов. МВД судится с подрядчиком по взлому анонимной сети* (Коммерсантъ, 24.11.2015); *Трудная дорога к FATCA. Российские «дочки» иностранных банков начали регистрироваться в налоговой службе США IRS, чтобы присоединиться к FATCA* (РБК, 16 мая 2014). В подобных случаях создается каламбур за счет одновременной актуализации семантики иноязычного элемента и подразумеваемого русскоязычного омофона, неизбежно всплывающего в сознании читателя за счет созвучия.

В электронных СМИ часто встречаются каламбурные образования, построенные на стилизации заголовка под адрес веб-страницы в интернете, стандартное окончание которого «.net» созвучно русской отрицательной частице «нет». В сочетании с существительным в родительном или именительном падеже может быть прочитано двояко, как интернет-адрес или как конструкция с отрицанием: *Комиссия. net. Как избежать коммунальные платежи от наценок* (Российская газета, 11.11.2014); *Запрет.Net. Экспертная группа вырабатывает рекомендации по изменению «антипиратского закона»* (Новые известия,

15.10.2013); **Кудрин.net**. Алексей Кудрин всем своим поведением показывает, что он не рвется в премьеры (Профиль, 27.04.2013); **Чемоданы.net**. Депутаты хотят прекратить войну компроматов (Российская газета, 11.03. 2013). Такие поликодовые заголовки каламбурного характера часто принадлежат текстам, посвященным теме интернета: **Таблеток.net**. В России снова собираются закрыть все интернет-аптеки (Российская газета, 31.10.2014); **Виновных пока нет**. Кто нажился на модернизации сайта Минобороны (Российская газета, 07.03. 2012). Подобные поликодовые образования встречаются в СМИ крайне часто, стали настолько узнаваемыми, что используются как база для новых каламбурных трансформаций: **WWW.PUTIN.DA**. Владимир Путин нашел, что предложить «креативному классу» в интернете (Коммерсантъ, 23.10. 2012).

Часто базой для языковой игры становятся слова-онимы в инографическом написании – названия мировых брэндов, компаний, фирм. Сохранение исконного графического оформления связано не только с лингвистическими причинами: товарные знаки официально регистрируются в соответствии с международными правилами, на их функционирование влияют экономические факторы. Однако большинство онимов встречаются в СМИ как в исконном, так и в русском написании («**Фейсбук**» об *table*. Соцсети **Facebook** предрекли скорую гибель (Российская газета, 23.01.2014)). Каламбур на базе имен собственных создается за счет того, что в контексте актуализуется прямое значение иноязычных слов, входящих в название фирмы, брэнда: Лицом к **Facebook**. Дмитрий Медведев поделился идеями с Марком Цукербергом (Российская газета, 02.10.2012) (Facebook, Face – лицо, ср. «лицом к лицу»); Качество не **SuperJet**. Всего десять новейших самолетов обеспечили 40% отказов авиатехники «Аэрофлота» в 2012 году (Коммерсантъ, 06.02.2013); **Jet**, который *не super*. «Аэрофлот» более полугода летает на новых *Super Jet 100*. Но их эффективность оставляет желать лучшего (Компания, 23.01.2012). При этом используются иноязычные слова, потенциально известные целевой аудитории.

С помощью латиницы могут оформляться не только самостоятельные, но и морфемы или неморфемные части русскоязычных слов. Графически неадаптированные элементы участ-

вуют в деривационных процессах, образуя полиграфиксаты. Как отмечают исследователи, чаще всего создаются полиграфиксаты-композицы [Попова, Галактионов], сложные новообразования, образованные путем сложения: *Попытка оценить VIP-дачи закончилась для сотрудников Фонда борьбы с коррупцией избияниями* (Новые известия, 05.08.2014); *SMS-ополчение. Памятники защитят современные технологии* (Российская газета, 05.10.2012).

Иноязычные элементы в исконной графике могут соединяться путем контаминации – произвольного совмещения близких по звучанию частей: *Массовый PSYхоз. Корейская поп-звезда доказала, что мир, возможно, более плоский, чем нам кажется* (Эксперт, 26.10. 2012) – *психоз+PSY* – псевдоним корейского певца; *С Новым GoGo-дом! Александр Воронов о дюжине способов встретить 2012-й в клубах* (Коммерсантъ, 16.12.2011) – *год+Go-Go* – стиль танца; *DDoSмалу. «Ъ» просит МВД проверить причастность «Наших» к атакам на ИД* (Коммерсантъ, 10.02.2012) – *достали+DDoS*, DDoS-атака – хакерская атака на вычислительную систему.

Итак, инографические элементы широко используются в заголовках медиатекстов в процессе языковой игры. По мнению ученых, обилие заголовков с использованием языковой игры на базе инографических элементов также связано с тем, что «визуальный компонент поликодового текста обогащает его возможностью выполнения эстетической функции <...> по-новому структурирует контент, преобразуя внутренние связи между частями текста и заголовочного комплекса» [Прасолова 2011: 172]. Также подобные заголовки выполняют функцию привлечения внимания за счет необычного внешнего вида, выделяющегося среди прочих заголовков, что крайне востребовано для современного медиадискурса с переизбытком информации. Они реализуют развлекательную функцию, вовлекая читателя в интеллектуальную игру с «расшифровкой» многогранного смысла, пробуждает интерес адресата к публикации.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. – М., 2003.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Маринова Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка:

учеб.пособие. – М., 2012.

Нахимова, Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. – Екатеринбург, 2007.

Орлова Т.Г. Обучение жанрам поликодовых текстов в школе и в вузе // Т.Г. Орлова: автореф. дис. ... канд. пед. наук. – М., 1995.

Попова Т.В., Галактионов А.П. Морфемные типы номинативных полиграффиксатов-симплексов в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета, № 5(1). – Нижний Новгород, 2011.

Рождественский Ю.В. Введение в общую филологию. – М., 1979.

Прасолова Е.В. Поликодовость как жанровая доминанта мультимедийной истории в интернет-СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики, № 12 (54). – Тамбов, 2015.

© Торопкина В.А., 2016

И. А. ХАРИТОНОВА

*(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)*

УДК 811.161.1'42:778.534.66

ББК Ш141.12-51+Щ378.7

РОЛЬ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОГО АНИМАЦИОННОГО ФИЛЬМА

Аннотация: В статье рассмотрены особенности дискурса современного анимационного фильма студии «Мельница». Мультфильм – это замкнутый, ограниченный, самостоятельный мир, где действуют свои правила общения между субъектами языкового сообщества. Особое внимание уделено языковой игре, которая трактуется как лингвокреативная деятельность, проявляющаяся в сознательном нарушении языковых норм для создания комического эффекта и с целью формирования яркого мультипликационного образа, отражающая знание языка, мышление говорящего (продюцента и репродюцента) и осознаваемая воспринимающим субъектом (реципиентом). Таким образом, языковая игра становится ведущим средством создания индивидуального стиля речи героя и раскрытия художественного образа. Персонажи анимационного фильма используют в своей речи всевозможные приёмы языковой игры (например, омонимия, использование синонимов-эвфемизмов, окказионализмов, прецедентных высказываний, деформация идиом), в чём реализуется её самопрезентирующая функция. В этом случае мультипликационных героев можно характеризовать как квалифицированных носителей языка и как «творческих» личностей», обладающих индивидуальной манерой речи, мышлением и поведением. Помимо этого задача анимационных фильмов не только рассмешить, но и отразить в них через вымышленное современную действительность, изменение в ценностях и мировоззрении.

Ключевые слова: языковая игра, анимационный фильм, художественный дискурс, художественный образ, прецедентная фраза

В дискурсе современного анимационного фильма языковая игра создаёт мир сказочный, но в тоже время, отражающий современную действительность. Именно благодаря уникальному языковому оформлению виртуальный мир становится в какой-то степени правдоподобным, и зритель начинает жить в нём, а значит, и говорить на языке героев.

Своеобразие языка современного анимационного фильма обусловлено смешением элементов различных стилей. Это связано с тем, что сказка (вымышленное) переплетается с действительностью (современностью): герои имеют разное происхож-

дение, разный уровень образования, что отражается в их речи. Отметим, что здесь проявляет себя самопрезентующая функция языковой игры, заключающаяся в самовыражении личности средствами языка в интересной и оригинальной форме [Куранова 2010].

Первостепенная задача мультфильма, как известно, развлечь и рассмешить, поэтому языковая игра становится ведущим средством общения субъектов анимационного дискурса – создателей мультфильма и зрителей. В процессе просмотра реципиент не только отдыхает, но и развивает мышление, воображение, лингвистическое чутье, обнаруживая подтекст, раскрывая смысл тех или иных выражений, улавливая языковую игру.

Одной из ярких функций языковой игры в анимационном дискурсе является моделирование художественного образа, характера героя. Художественный характер – это персонаж, в образе которого полно и многопланово представлена человеческая индивидуальность и её одушевленное подобие [СИЭ: 2006]. Помимо своеобразия психологических качеств и внешности, его отличает индивидуальная манера речи, особый стиль мышления и поведения.

Опираясь на работы Т.А. Гридиной, В.З. Санникова, А.П. Сковородникова, Л.В. и О.В. Лисоченко, в нашем исследовании под «языковой игрой» мы понимаем следующее: это лингвокреативная деятельность, проявляющаяся в сознательном нарушении языковых норм (в широком смысле) для создания комического эффекта и с целью раскрытия характера героя (формирования яркого мультипликационного образа), отражающая знание языка, мышление говорящего (продюцента и репродюцента) и осознаваемая воспринимающим субъектом (реципиентом).

Исследовательской базой для нас послужил речевой материал современных анимационных фильмов студии «Мельница», в которых представлены яркие образы, полюбившиеся и детям, и взрослым. На ряде примеров проиллюстрируем, как возможности языковой игры позволяют создать колоритные художественные характеры.

Главными героями, несомненно, являются русские богатыри. Все они сильные, бесстрашные, любящие свою родину. Однако

каждый имеет особенный характер и отличается своеобразной речью. Так, самый легендарный из богатырей – Илья Муромец. Он наиболее близок и понятен народному сознанию, а потому его речевой образ строится с опорой на многочисленные пословицы, поговорки, приметы. Например, из его уст можно услышать такие высказывания: «*муха в молоко попала – ждите, мама, гостей*», «*кто духом слаб, у того животное в опале*». Здесь используется аллюзивный принцип языковой игры, связанный «с новой ассоциативной обработкой прецедентного текста в целях создания эстетического эффекта» [Гридина 2008: 71-72]. В подобных высказываниях можно заметить иронию над множеством суеверий, а окказиональная пословица, как и большая часть узуальных, имеет назидательный характер.

Добрыня Никитич предстает перед нами как опытный, рассудительный, умудренный годами человек. В качестве примера приведем диалог богатыря с юным гонцом Елисеем:

Добрыня: *Елисей, ты зачем ко мне в попутчики навязался, забавы ради?* Елисей: *Ты всё знаешь? Ну да, я жениться на ней хочу.* Добрыня: *Вам, молодым, только забавы да веселья подавай. На ком жениться?* Елисей: *На Забаве.* Добрыня: *Вона как? Так ты не в ученики ко мне, а в палаты княжеские прописаться решил?!*

Омонимия нарицательного существительного *забава* («развлечение, потеха») и собственного – женского фольклорного имени *Забавы* – приводит к коммуникативному недоразумению, которое быстро разрешается Добрыней.

В другой ситуации Добрыня организует голосование «по старому русскому обычаю»: раздаёт участникам бумагу и следит, чтобы каждый сделал свой выбор честно и анонимно. В этот момент он напоминает строгого и справедливого школьного учителя, используя типичные фразы «*Не списывать*», « *Попрошу сдавать*».

Алёша Попович – самый молодой богатырь и потому чаще других попадает в нелепые ситуации. Его речевая характеристика тоже соответствующая. То он ведёт себя как капризный ребёнок и заявляет: «*Всем кони, а мне пони – не полечу на таком*». Для создания комического эффекта используется приём рифмовки: *кони – пони*. То он становится мнительным ревнивцем,

который превратно толкует предсказание гадалки («*Дома тебя сюрприз ожидает: чужак удалой ждёт тебя, поджидает*») и слова разбойника («*Ты под парус – она чужака в дом*»). Размышляя, он приходит к выводу, что у его жены Любовы появилась другой: «*Но кто этот чужак? Брат мой? Но у меня нет брата. А если бы и был, тогда какой же он чужак? Стоп. Ещё раз. Ежели не чужак, значит, знает, что я в командировке, а зачем тогда дома меня поджидает зазря*». Монолог Алёши превращается в запутанный диалог с самим собой в процессе выяснения личности «чужака».

Не менее колоритны образы других персонажей.

Конь Юлий, знакомясь со стариком Тихоном и Алёшей Поповичем, а также со зрителями сразу заявляет о себе как о субъекте с недюжинным интеллектом: «*Зовут меня Гай Юлий Цезарь, но, делая скидку на ваше образование, для вас просто Юлий (в честь великого полководца-императора)*». Поэтому он предстаёт перед нами знатоком в разных областях:

– современной политики: «*Мы с Моисеем считаем, что лучшая битва та, которой не было: в мире сейчас всё решает дипломатия*»,

– экономики: «*Вы не имеете права, это частная собственность!*»,

– медицины: «*Я читал в книге, что голодание считается лечебным только после хорошего ужина, а недостаток пищи в молодом организме способствует скорейшему отмиранию клеток головного мозга, если таковые имеются*».

Исходя из контекста можно говорить о двуплановости данных высказываний: с одной стороны, что Конь употребляет в своей речи термины в их прямом значении (*дипломатия, частная собственность, лечебное голодание, отмирание клеток головного мозга*) и информирует собеседников в тех или иных вопросах; с другой стороны, фразы используются с другой коммуникативной целью – в первом примере завуалирована трусость персонажа, его нежелание вступать в бой, во втором случае передано возмущение действиями тех, кто прогнал Коня, а в третьем – выражено желание поесть.

Юлий знает, как манипулировать людьми в, казалось бы, безвыходной для себя ситуации, и бросает такие фразы: «*У меня*

большие связи! Да за мной весь Новгород стоит!», «*Как вы смеете! Моя мама – депутат и папа – депутат*», «*Я выбираю звонок другу*». Использование стереотипных высказываний создаёт комический эффект, так как обычно их употребляют, желая похвастаться или запугать. Прецедентная фраза из телешоу «Кто хочет стать миллионером» усиливает этот эффект: как известно, подсказку выбирают, попадая в затруднительную ситуацию, когда участники не могут самостоятельно найти решения и их спасение зависит от способных помочь.

В некоторых ситуациях проявляется «животная» натура коня Юлия. Так, увидев большое количество золота, он воскликнул: «*Иго-го какое!*». Данная фраза представляет собой контаминацию звукоподражания *иго-го* и междометия *ого-го*, выражающего удивление и оценку. Находясь в состоянии сильного эмоционального возбуждения, образованный конь почти потерял дар человеческой речи.

Особо отметим фразу Юлия «*Не смешите мои подковы*», которая построена на метонимическом переносе и восходит к обороту «не смеши меня». Её можно часто слышать из уст подростков и молодёжи, потому что она обладает экспрессией и соответствует стилю общения данной возрастной категории. Таким образом, окказиональное высказывание, принадлежащее мультипликационному персонажу, стало прецедентным.

Князь Владимир – это образ-пародия на современных политиков: нерешительный, корыстолюбивый, склонный к обману. В его речи частотны оговорки, раскрывающие истинные намерения и помыслы нерадивого руководителя: «*Чего хочу – того и ворочу... эээ... действую в интересах державы*»; «*Не пойман – не вор... эээ... в переносном смысле*». Синонимы-эвфемизмы заставляют зрителя задуматься об оттенках значения слова и их выборе в зависимости от коммуникативной ситуации, а употребление данных поговорок самим князем работает как приём саморазоблачения.

В мультфильме языковая игра стимулирует динамику создаваемых образов и активизирует процесс восприятия, привлекая внимание к парадоксальности суждений, нестандартной речи, за которыми нередко скрывается подтекст, важный для осознания художественного смысла.

Явление языковой игры можно рассматривать, во-первых, как способ самовыражения личности средствами языка, проявления ее лингвокреативных способностей, и, во-вторых, как такой тип поведения, когда говорящий демонстрирует индивидуальный стиль исполнения, свою языковую компетенцию, в особых случаях достигающую вершин языковой виртуозности. Другими словами, языковая игра является важным способом реализации индивидуального стиля говорящего. Она всегда отсылает к личности говорящего и тем самым выполняет, даже в условиях разговорной речи, «характерологическую функцию – характеризует субъекта речи как квалифицированного носителя языка и как «творческую» личность» [Николина 1998: 552].

Таким образом, языковую игру следует рассматривать как специфический механизм создания индивидуального стиля и как жанровый признак, который определяет стилистический жанр сказки, реализуемой в дискурсе анимационного фильма.

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Е.А., Николина Н.А. Языковая игра в современной русской прозе // Семантика языковых единиц. – М., 1998.

Гридина Т.А. Языковая игра в художественном тексте: монография / Т.А. Гридина. – 2-е изд., испр. и доп.; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». Екатеринбург, 2008. – 165 с.

Куранова Т.П. Функции языковой игры в медиаконтексте // Ярославский педагогический вестник. – 2010. – № 4. [Электронный ресурс] URL: http://vestnik.yspu.org/releases/2010_4g/56.pdf

Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. – М.: Росмэн. Под редакцией проф. Горкина А.П. 2006. [СИЭ]

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта: Наука, 2006. 344 с.

© Харитоновна И.А., 2016

В. К. ХАРЧЕНКО

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия)

УДК 81'42:81'38:81:61

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Р11

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В БОЛЬНИЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация: В статье анализируются особенности больничного дискурса и различные проявления языковой игры в устах медперсонала и пациентов. Преимущественно берутся следующие пары коммуникантов: врач – пациент, медсестра – пациент, медсестра – медсестра, пациент – родственник, пациент – пациент. Исследование осуществлено на основе личных наблюдений и записей автора в период пребывания в хирургическом отделении городской больницы с 21 ноября по 4 декабря 2015 г. Феномен языковой игры автор исследует на фоне характерных особенностей больничного дискурса. Это преобладание побудительных, ситуативно неполных предложений, эллипсисов. Отмечены типичные вокативы (обращения по фамилии и по родственным аналогам). В речи медсестер при характеристике лекарств и процедур частотны диминутивы. В речи пациентов выделяются стандартизированные «больничные» метафоры, выполняющие игровую функцию: *лимузин* – о коляске, *допинг* о лекарстве. Приводятся также ситуации, вызвавшие непреднамеренный комический эффект. Вместе с тем автор подчёркивает необходимость сопряжения фактов языковой игры с репрезентантами концептов БОЛЬ, БОЛЕЗНЬ, ДИАГНОЗ. В этом плане проиллюстрирован язык внутрителесных болевых ощущений, на драматическом фоне которых и фиксируются проявления языковой игры и чёрного юмора.

Ключевые слова: языковая игра, дискурс, больница, пациент, реплика, тело, интероцепция, экспрессия, метафора, сравнение, чёрный юмор.

Заявленная тема будто бы сразу нацеливает брать быка за рога, то есть характеризовать феномен языковой игры, однако применительно к внутрибольничной коммуникации само по себе восприятие языковой игры без обрисовки общей картины больничного дискурса может оказаться искажённым (собрались пошутить?), поэтому поначалу очертим общеречевые особенности стационарного медицинского учреждения.

Оказавшись на больничной койке, лингвист вынужденно становится наблюдателем и носителем, приёмником и передатчиком особого языка, точнее специфической коммуникации в языке, а именно больничного дискурса. Многое определено ха-

рактором заболевания. Так, Т.Б. Щепанская отслеживала родовой дискурс, пребывая в роли пациентки гинекологического отделения [Щепанская 2001: 236-265]. Для данной статьи пригодился материал, зафиксированный нами в отделении хирургии Первой городской больницы г. Белгорода в течение двухнедельного пребывания там в ноябре-декабре 2015 г. в роли прооперированной пациентки (резекция вены, полифлебит).

Больничный дискурс открывает типологически широкий спектр общения: как субъектный (кто с кем общается), так и тематический (тематика, содержание общения). Субъектный «каталог» больничного дискурса включает в себя следующие пары участников коммуникации: врач – врач, врач – медсестра, медсестра – медсестра, врач – пациент, медсестра – пациент, пациент – пациент, пациент – родственник, врач – родственник больного, санитарка (как правило, она же раздатчица обедов) – пациент. Разумеется, мы объединяем здесь и противоположные векторы: медсестра – врач, пациент – родственник и т.п. Разумеется также, что «мощность» фиксируемого материала разнится. Диалоги врача с врачом, санитарки с санитаркой, врача с родственником в большинстве случаев оставались за кадром, однако другие «субъектные» проекции оказывались весьма насыщенными для наблюдений и выводов. Так, не только разговоры в палате, но и сотовые телефоны открыли доступ к фиксации такого типа общения, как пациент – родственник.

Тематический «каталог» по существу почти однороден: слишком большой удар для заболевшего – болезнь, операция, прогнозы врача. Поэтому разговоры с врачом, с соседями по палате, естественно, вращаются вокруг концептов БОЛЬ, БОЛЕЗНЬ, ЛЕЧЕНИЕ. Впрочем, и прожитое, и семья, оставшаяся за бортом больницы, не отпускают сознание. Более того, национальный менталитет весьма способствует доверительному общению, как сказала 80-летняя соседка по палате, реагируя на моё нежелание ответить на неделикатный вопрос: *Милень, чужим можно всё рассказывать! Своим – нет!* (24.11.15). В больничном дискурсе нарративы тематически нередко выходят за пределы больничных сюжетов и страстей.

В том, что мы сейчас обозначили, нет ничего удивительного, то есть оригинального и неожиданного. Собственно, предполо-

жить такие проекции наблюдения над «больничной речью» можно было бы, и не попадая на больничную койку. Вот почему характеристику заявленного дискурса мы начнём с двух системных особенностей, которые не сразу бросаются в глаза.

Это, прежде всего, особый синтаксис профессиональной коммуникации: побудительные предложения, эллипсисы, ситуативная неполнота предложений. В хирургическом отделении счёт нередко идёт на минуты, притом что в urgentные дни объём работы увеличивается едва ли не на порядок, и эта чёткость требований и, соответственно, сжатый синтаксис автоматически переносится и на более спокойные периоды работы. Проиллюстрируем эту «пружинность» синтаксиса.

[Перед операцией врач строго:] *Какие лекарства не переносите? – Я не помню. – Надо вспомнить!* (21.11.15). [Медсестра:] *На неё у меня нет надежды. Посмотрите. Как до чёрной полоски дойдёт – зовите Наташу (о себе). – Я сама медсестра. – Тем более!* (23.11.15). [Медсестра:] *Люда-а! Ты в 9-й делала укол? Там мальчик лежит, мужчина. Сделай, пожалуйста!* (25.11.15).

Даже когда разговор не ограничивается рекомендацией, вопросом, предложением, а содержит рассуждение, то и оно состоит из кратких энергичных фраз. [Перед выпиской врач женщине 80 л.:] *Показывайте бандаж! Это противогрыжевый. А этот не держит. А основное – это бандаж. Понемножку (грыжу) самойправлять. А операцию вы не перенесёте. Это же под общим наркозом делать. Это только по жизненным показаниям. А здесь делать уже нечего!* (25.11.15).

Соответственно и семантические конденсаты (стяжения), и метонимия работают на краткость «текста». [Медсестра:] ***В процедурке...*** (о процедурном кабинете) (24.11.15). [Медсестра:] *Печать поставить! Может, на приёмке? Давай я схожу!* (23.11.15). [Медсестра больному, потом практикантам:] *Мне завтра! нужна! ксерокопия полиса! Девочки, уйдите в «переливание»!* (24.11.15)..

Инверсию и эллипсисы, ситуативно обусловленную неполноту предложений и семантические стяжения с некоторой натяжкой можно рассматривать как проявления профессиональной языковой игры – настолько экспрессивны эти конструкции, осо-

бенно при аккордовом их представлении. [Медсестра:] *Градусник не брали, девочки, нет? Сейчас* (померяем) (23.11.15). [Медсестра:] *Бабушку уложите. Ей капельницу! Она не лежит...* (23.11.15). [Медсестра:] *Галина Дмитриевна! Возьмите анализ её общий!* (23.11.15). [Врач:] *Тебе ж больничный нужен? Ты же работаешь. Больничный – по сегодня, а завтра – к труду!* (30.11.15).

Экспрессия синтаксиса связана подчас с дидактикой внутрибольничного общения, с его «воспитательными моментами», относящимися, в том числе, и к тем, кому за 60, то есть к основному контингенту отделения. [Санитарка и больная 80 л.:] *Никакая не малая! Это даже пододеяльник! Не капризничайте! Где она рваная? Это седьмая палата. Вдруг вы закровите – здесь должны быть клеёнки везде. Все так спят, не только вы! Пододеяльник у вас хороший. Ни у кого такого нету белого, чистого!* (23.11.15).

Компактность высказываний наблюдается, естественно, в речи медицинских работников: врачей, медсестёр. На понедельник 24 ноября в отделении находилось 74 пациента, и это, как рассказывают, не предел. Но интересно и то, что манера «делового» общения распространяется и на больных в палате. Казалось бы, «свободное время» в больнице располагает к неторопливому, качественному общению, что должно влиять на выбор синтаксических структур, однако и сами больные нередко предпочитают экспрессивный синтаксис. [Пожилая женщина:] *У нас на Харьковской горе врач, ехал на работу, а тромб оторвался, и всё!* (23.11.15). [В палате:] *Она из Харькова приехала, мама, и остановку переехала. Выскочила: бабах! и под колёса. Перелом шейки бедра* (24.11.15).

Вторая, системная особенность больничного дискурса касается обращений. Разумеется, и в условиях больницы спектр обращений весьма широк.

[Медсестра:] *Зачем вы, котик, выдернули? Мне же ещё укол вам! Вас за это убить надо, золотце! Я б пришла, всё сделала...* (23.11.15). [Медсестра нежно:] *Так, сейчас мы всех ухаживающих... Все ухаживающие, сидите, только по коридору не ходите. С трёх до пяти тихий час* (23.11.15). [Медсестра коллеге, потом пожилой женщине ласково:] *Ой, а мне ещё клизму надо*

ставить! Так, девушка моя, обувай тапки, пойдём, пойдём со мной! (23.11.15). [Медсестры:] **Степановна! Зина! Зиночка!** Да не спеши! (23.11.15). [Медсестра санитарке:] **Фёдоровна!** Там мужчина переходит в девятую палату! (24.11.15). [Медсестра:] **Здравствуйте, барышни!** Подставляйте пузики, попы! (30.11.15). [Санитарка:] **На обед, моя принцесса!** (03.12.15).

Вместе с тем наблюдается два противоположных аттрактора, притягивающих основную массу обращений. Во-первых, во избежание недоразумений это обозначение лиц по фамилии, что «по инерции» нередко переносится и на позицию обращения. [Медсестра:] **Цимбал, жалобы есть? Цимбал?** Нету? (22.11.15). [Постовая медсестра:] **Я не поняла: Морозов где он? А история лежит у меня. А его нет!** (23.11.15). [Медсестра:] **Лера, есть такая Перцова?** Я просто не уверена, что она в первой (хирургии) (23.11.15). [Медсестра:] **Тоцкий! 11-я палата! – Зайду!** (24.11.15). [Медсестры:] **Бережному?** – Да, деду! – А я его не перевожу никуда! (24.11.15). Во-вторых, что не противоречит предыдущему пункту, это распространенное в традициях национального менталитета обращение по родственному принципу в основном к людям старшего поколения при непосредственном контакте, особенно со стороны медсестёр. [Молодой врач женщине 80 л.:] **Бабуль, трубочку не надо убирать. – Откуда? – Из носа! Она до утра должна быть. – Ой, я же ночью выдерну её** (23.11.15). Эта родственность подчас сопровождается и переходом на ТЫ-общение [Санитарка:] **Ба, давай собирайся, на рентген пойдём! Градусник где дела? ... Ба, пошли на рентген!** (24.11.15). Вполне ожидаемы родственные обращения больных к медперсоналу. [Больная медсестре:] **Доча, а что это? – Барий! Выпили – поболтали. Выпили – поболтали. – А кашель будет? Чем лечить? – Не будет кашля!!!** (23.11.15).

Типично для врачебного общения употребление 1 л.мн.ч. при обозначении собеседника. [Дежурный врач:] **Так, как дела у нас? Обезбаливаться на ночь надо?** (22.11.15). [Медсестра прооперированному:] **Давайте, давайте, по-быстрому. Не перекладываемся, а просто передвигаемся. Вот всё! Полотенце свалилось** (22.11.15). [Медсестра:] **Что вокруг шеи намотано? Это крестик. Да никто его не возьмёт! Сегодня людей много! Лежим! Вот умничка!** (23.11.15). Врачебная модель «мы» (в

значении «она», «он») копируется родственниками, ухаживающими за больным. [Невестка о свекрови 80 л.:] *А что за болезнь? – Болезнь Альцгеймера. Она не помнит, сколько ей лет. Заслуженная учительница математики. – А если мочиться захочет? – А мы в памперсе!* (25.11.15).

Как в любой профессии, в высказываниях медперсонала наблюдается приверженность к диминутивным формам. [Медсестра:] *У нас валерьяночки нету, у нас хирургия – не кардиология. Промидольчик на ночь? Что? Уколют в попу! (24.11.15).* [Медсестра:] *Вы ж сами не кушайте! – А с чего начать? – А начать с кефирчика* (25.11.15). [Медсестра пожилому мужчине:] *Это уже вечер у нас! Утречком прокапали и... Иду к вам! У вас бабочка или вена? (25.11.15).* [Медсестра:] *Так, сначала гепарин. Готовьте пузико, потом попу* (под обезболивающее!) (01.12.15). [Санитарка-раздатчица:] *На ужин идём! На ужин! Кашечка жиденькая-жиденькая!* (01.12.15). [Об инсулине:] *Вы мне дозу уменьшите! – Да там и так такая пендирюшечка!* (04.12.15).

Грамматические структуры, обращения, переносное употребление форм лица, слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами – всё это создаёт особую экспрессию, но апофеозом языковой игры в больничном дискурсе становится юмор. В качестве эпиграфа к материалу могла бы стоять запись: [Больная 80 л. медсестре:] *Вы весёлые, молодцы! – А иначе здесь не выдержишь!* (25.11.15).

Чёрный юмор в речи врачей на материале трёх языков исследовала О.С. Зубкова, используя скрытый диктофон и прибегая к посредничеству экспертов. Был собран уникальный материал [Зубкова 2011]. У нас не было возможности отслеживать юмор врачей в их профессиональных диалогах, но и медсестры, и сами больные, как оказалось, не лишали себя возможности пошутить, сосртить, вспомнить смешное.

[В приёмном отделении:] *Но я же так хорошо себя чувствую! Как огурчик! – Зелёнький, пупыристый!* (21.11.15). [Медсестры:] *Какие слова ты знаешь на букву А? На букву Д? Дурак! А на В такое вкусенькое, сладкое... Ты «варенье» не знаешь? Да, а папино варенье – водка* (смеются) (22.11.15). [Медсестра коллеге:] *Привет-привет! На пиво нет? У меня*

дедушка так отвечает! (22.11.15). [Мужчина лет 70 перед забором крови:] *Сколько на кровь сегодня! Кровяную колбасу будут делать* (смеётся) (23.11.15). [Перед операцией врачи:] *Привезли анализы? – Да, ждём, ждём. Это плановый?* (25.11.15). [Медсестра знакомой:] *Вы десять дней будете лежать? Полялякаем. Вы в 10-й будете лежать? – Ещё не знаю! – Ещё вас не утрамбовали?* (24.11.15). [В столовой мужчина шутливо девушке:] *Вам половину пустую или половину полную?* (25.11.15). [Утром в палате:] *А когда втроём храпели, это был духовой оркестр, хор Пятницкого! – А когда я проснулась половина третьего – у меня своя физгармония началась* (28.11.15). [Пожилкой мужчина протягивает большое красное яблоко медсестре:] *Это своё. Из собственного сада. Без червячка. Как только прилетает (мошка) – я по морде!* (25.11.15). [В палате:] *Там было полно камней. Та оны такие жёлтенькие. Они в кулёк сложили и принесли мне. Хоть ожерелье вешай и носи!* (26.11.15). [Больная о знакомом:] *Ну, говорит, ты лётчица: из одной больницы в другую!* (30.11.15). [В столовой:] *А ты мне банан взял? – А ты не просил! – А ко мне обезьяна сегодня придёт!* (04.12.15).

Следы юмора можно увидеть в сравнениях, «анафорах», в многоприставочных глаголах, обращениях, комплиментах, диминутивах, грамматических формах, в фактах словотворчества, в отзеркаливании словоформы.

[Перед выпиской женщины 66 л.:] *Всё, готова, как пионер!* (28.11.15). [Медсестра:] *Только ляжу – укол! Только ляжу – укол! Только ляжу – температуру там (мерить)! За ночь часа два и спала. Кто как! Кто на подушке...* (22.11.15). [На посту весело:] *Все попринёрлись! В 7-15 пришли! – Не хочу работать! – Это естественное желание в полвосьмого утра...* (24.11.15). [Весело медсестре:] *Ларисочка, цыплёнок, это где?* (24.11.15). [В коридоре мужчина медсестре:] *Спасибо за помощь, девушка! Блондиночка!* (25.11.15). [Медсестра:] *Всё, ложитесь. Я сейчас к вам приду, там один кубилёчек (кубик)* (25.11.15). [Медсестра:] *Сейчас мы уколемся и идём какаться. Укол? Новокаин, обезболивающее* (23.11.15). [Медсестра после суточного дежурства о кошке Соне:] *Мне надо домой! У меня кошак голодный!* (23.11.15). [Больная перед УЗИ и медсестра:] *Я капуста поела,*

ничего? – Да может, и чего. Там спросите! (24.11.15).

Смех может быть вызван самой ситуацией.

[Больная и санитарка:] *Я нагреть никак не могу! – Это у нас градусник один такой, всё 35 показывает!* (23.11.15). [Медсестра о практикантах:] *Господи, как хорошо, когда есть хотя бы студенты! Хоть чемодан отнести куда!* (23.11.15). [Дед и медсестра:] *Я войну прошёл! – Какую войну? Вам 80, а войне 75. Вы что, всё помните?!* (23.11.15). [Пациентка 80 л. и врачи:] *Мне камни удаляли. 182 камня. – Кто считал? – Хирург, кто удалял. Но это давно. – Тогда у врачей было время!* (смеются) (24.11.15). [Медсестра:] *Температуру желающие есть мерить? У меня один градусник, правда...* (02.12.15).

В больничном дискурсе наблюдаются привычные юмористические метафоры: *Мерседес, лимузин* – о коляске, на которой везут больных на УЗИ; *компот, десерт* – о третьем флаконе во время капельницы; *шашлык, вино* – о каше на ужин. [Женщина 77 л. по телефону дочери:] *Меня возили (на УЗИ) на каталке. На лимузине сегодня ехала!* (02.12.15). [Больная больной о лекарствах:] *Ну что, допинг приняли?* (29.11.15).

Тема «Языковая игра в больничном дискурсе» требует не только предваряющего описания особенностей больничного дискурса, но и замыкающего описания как эмоционального негатива, так и языка внутрителесных ощущений, свидетельств интереспекции. Без этих печальных проекций парадоксальная роль чёрного юмора в устах медперсонала и больных будет не до конца осознаваемой.

Эмоциональная палитра общения нередко включает негативы, поэтому место языковой игры в общем континууме общения преувеличивать не следует. [Медсестра с обидой:] *Вот «неправильно сказала»! А ты за собой следи!* (22.11.15). [Медсестра:] *Сейчас она придёт, Лариса Ивановна, и будет воротить мордой: почему это не сделали. Вера Ивановна, в седьмой ещё стимулировать и клизмить* (23.11.15). [Медсестры:] *Девочки, потише, Лен! – Как что, одна Лена! Он же тоже разговаривает. Типа я одна виновата?* (24.11.15).

Заявленная тема настоятельно требует упомянуть и об интереспекции [Нагорная 2014, 15], то есть о внутрителесных ощущениях и, прежде всего, о репрезентантах концепта БОЛЬ, что

структурирует задачу отдельного исследования. Поэтому мы ограничимся двумя примерами, чтобы подчеркнуть, на каком драматическом фоне звучат шутки больных и чем вызван чёрный юмор врачей, спасающих если не от смерти, то от мучений.

[В палате женщина 67 л. советует соседке 77 л.:] *Чего вы? Не стесняйтесь! Чего ж мучаться будете! При полной больнице врачей! Цэ ж позор! Скажи, что у меня невралгия, сегодня весь день боль адская. – Давайте я пойду! – Да она быстрее сбегает, а то я боюсь: до обеда не вытерплю. Межрёберная невралгия, стрелы прямо пронизывают, а нога – это сопутствующее... <...> Подействовал укол? – Подействовал. Там где-то в глубине отдаётся, а острой боли нет. Надо было раньше. А я терпела! – А чего ж терпеть? Это ж больница! – Да не хотела! У них и так много работы. Стеснительный я человек, это очень плохо!* (27.11.15). [По сотовому телефону дочери во время тихого часа:] *Ой! Слушай, Ирина, ты ж не представляешь, какая у меня боль была ночью и утром. Я каталась, хорошо, что с матраца не упала. Это не передать!* (28.11.15).

ЛИТЕРАТУРА

Зубкова О.С. Лингвосемиотика профессиональной метафоры. Дис. ...д-ра филол. наук. – Курск, 2011.

Нагорная А.В. Дискурс невыразимого: вербалика внутрителесных ощущений. – М.: ЛЕНАНД, 2014.

Нагорная А.В. Вербальная репрезентация interoцептивных ощущений в современном английском языке: Автореф. дис. ...д-ра филол. наук, 2015.

Щепанская Т.Б. К этнокультуре эмоций // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М.: РГГУ, 2001.

© Харченко В.К., 2016

Г. Г. ХИСАМОВА

(Башкирский государственный университет, г. Уфа, Россия)

УДК 81'42:81'38:82.0

ББК Ш300.1+Ш33(2Рос=Рус)-3

ПЕРСОНАЖ КАК ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Аннотация: Автор художественного произведения проявляет себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными прагматическими установками, поэтому при изучении художественного текста представляется вполне правомерным использования термина «языковая личность». Статья посвящена выявлению особенностей речевого поведения персонажей как языковых личностей в рассказах В.М. Шукшина. Прагматический аспект исследования речевого поведения героев рассказов писателя позволяет представить его разнообразные проявления. В рассказах В.М. Шукшина выделяются конфликтный и центрированный тип личности. Персонажи конфликтного типа коммуникативно активны, предпочитают такие жанры речевого общения, как перебранка, ссора, выяснение отношений, они проявляют себя в тактиках угрозы, обвинения, оскорбления, упрёка, злопожелания. Центрированный тип языковой личности представлен «чудиками». Речевое поведение «чудиков» предполагает некоторую отстраненность от окружающих. Оно характеризуется логической непредсказуемостью, импульсивностью действий. Многим шукшинским персонажам свойственно лицедейство, балагурство. Игра для них дает возможность творческого взлета личности и становится единственным средством реализации духовного потенциала.

Ключевые слова: персонаж, художественный текст, речевое поведение, жанры речевого общения, тактики общения.

Художественная картина мира составляет существенную грань концептуального образа действительности. При изучении художественного текста представляется вполне правомерным использование термина «языковая личность», так как автор художественного произведения проявляет себя через идиостиль, обусловленный индивидуальным видением мира и определенными мотивационно-прагматическими установками. Не случайно само словосочетание «языковая личность» терминологически зафиксировано В.В. Виноградовым в работе «О художественной прозе» (1930 г.). Опыт описания героев художественного произведения в качестве языковой личности был впервые осуществ-

лен Ю.Н. Карауловым в книге «Русский язык и языковая личность» (1987 г.).

Под языковой личностью понимается, вслед за Ю.Н. Карауловым, особым образом организованная языковая компетенция индивидуума, представляющая структурно упорядоченный набор языковых способностей, умений, готовностей производить и воспринимать речевые произведения. Применительно к художественному тексту набор языковых умений может расцениваться «как определенный (лингвистический) коррелят черт духовного облика целостной личности, отражающий в специфической, языковой форме ее социальные, этические составляющие, т.е. опредмечивающий в речевых поступках основные стихии художественного образа». Выделяются три уровня структуры языковой личности: 1) вербально-семантический (уровень языковых единиц); 2) лингвокогнитивный, включающий понятия, идеи, концепты и отражающий иерархию ценностей; 3) прагматический, включающий цели, мотивы, интересы, установки, интенции.

Особый интерес представляет прагматический уровень (прагматикон), представленный совокупностью языковых средств для выражения интенциональной и иллюкутивной сферы личности и отражающий особенности ее речевого поведения.

К.Ф. Седовым разработана типология языковых личностей по характеру коммуникативного взаимодействия, которая предусматривает выделение таких типов, как конфликтный, центрированный и кооперативный. Кооперативный тип речевого поведения отличается доминирующей в общении установкой на партнера коммуникации. Конфликтный тип (агрессор и демагог) демонстрирует установку против партнера по коммуникации. Подобная интеракция отражает стремление самоутвердиться за счет собеседника. Центрированный тип речевого поведения характеризуется наличием у одной из участников установки на себя при игнорировании партнера коммуникации.

Как отдельную проблему можно выделить принцип отбора автором языкового материала для моделирования языковой личности литературного героя. Особый интерес в этом плане представляет проза В.М. Шукшина – мастера художественного отображения национального межличностного общения. В его произведениях доминирует динамичный диалог, что позволяет

наиболее ярко проявлять себя и языковой личности.

Статья посвящена характеристике особенностей речевого поведения шукшинских героев в прагматическом аспекте.

Характеризуя персонажи рассказов В.М. Шукшина по степени координации речевого поведения, можно говорить о довольно отчетливо выраженной в их повседневном общении конфликтности. С учетом характера гармоничного / дисгармоничного речевого поведения герои рассказов писателя представляют два типа языковой личности: конфликтный («энергичные», «крепкие люди» и «демагоги») и центрированный («чудики»).

К «энергичным людям» можно отнести деревенского дельца Баева, «крепкого мужика» Шурыгина, «крепкую нравом» тещу Зяблицкого Елизавету Васильевну, Малышиху, «свояка Сергея Сергеевича», тестя Ивана Дегтярева Наума Кречетова. Особую модель поведения, явление социальной демагогии представляют Глеб Капустин и «непротивленец Макар Жеребцов», «генерал Малафейкин» и «мужик Дерябин». Центрированный тип языковой личности присущ «чудикам»: Андрею Ерину и Моньке Квасову, Косте Валикову и Веньке Зяблицкому, Броньке Пупкову и Василию Евгеньевичу Князеву, Гриньке Малюгину и Пашке Холманскому.

Крепкие люди демонстрируют в отношении окружающих негативную иллюкцию в виде агрессии. Это проявляется в выборе ими конфронтативных тактик общения: неприятия и отторжения, угрозы, оскорбления, упрека, обвинения.

Речевое поведение персонажей в рассказе «Крепкий мужик» определяет внеречевая ситуация – «снос церкви». Бригадир Шурыгин принадлежит к конфликтному типу языковой личности. Шурыгин наперекор людям решил разрушить церковь, прикатив «три могучих трактора». В рассказе преобладают негармоничные демагоги, так как Шурыгин, будучи языковой личностью конфликтного типа, проявляет себя как вербальный агрессор. Он навязывает свою линию поведения в диалогах с односельчанами, используя неприемлемую, враждебную тональность общения. Им избирается тактика издевки, оскорблений:

Шурыгин всерьез затрясся, побелел:

– Вон отсюда, пьяная харя!

Неподатливость характера Шурыгина выражена в жажде по-

велевать, устрашать, подстегивать, так как он «вдруг почувствовал себя важным деятелем с неограниченными полномочиями».

Волюнтаризм шурыгинского толка проявляется в употреблении глагольной лексики со значением волеизъявления: – *Не суйтесь не в свое дело;* – *Не понимаешь, значит помалкивай;* – *Не лезь!;* – *Давай, какого!*

Грубость, своеволие Шурыгина проявляются в использовании бранной лексики, угроз (*пьяная харя, халява;* – *Я вам прижму хвосты-то*), так как бригадир *«распоряжался этим делом, как всяким делом: криливо, с матерщиной»*.

Постепенно, встречая сопротивление односельчан, Шурыгин впадает в неистовство, что подчеркивается метакоммуникативными показателями (*«Шурыгин всерьез затрясся, побелел», «заревел Шурыгин», «заорал Шурыгин трактористам»*).

Доминирующая стратегия в речевом поведении «демагогов» – навязывание собственного мнения, собственного жизненного опыта, стремление подчеркнуть собственную значимость. Они используют императивные тактики: поучения, совета, приказа, приоритета мнения.

Роль советчика, своеобразного «унтер Пришибеева», главного героя одноименного рассказа А.П. Чехова, самочинного блюстителя порядка, считающего себя вправе во все вмешиваться, всем делать замечания, «примеривает» на себя «непротивленец Макар Жеребцов», главной герой одноименного рассказа.

Доминирующая иллюкутивная установка в речевом поведении почтальона Макара Жеребцова – преувеличение авторитетности своего жизненного опыта и навязывание своего мнения. Стремление к самореализации воплощается у Макара в желании *«учить жить»*: он ходил по домам и *«обстоятельно, въедливо учил людей добру и терпению»*. В ходе общения с людьми это проявляется в бесконечных поучениях, советах, наказах Жеребцова, даже если люди и не нуждаются в них: *«– А завтра опять пойду по домам, опять полезу с советами. И знаю, что не слушают они моих советов, а удержаться не могу. Мне бы – в большом масштабе советы-то давать, у меня бы вышло. Ну, подучиться, само собой... У меня какой-то зуд на советы. Охота учить, и все, хоть умри»*.

Макар не способен оказать действенную помощь людям, он

играет роль стороннего наблюдателя:

– Ты, лоботряс, только рассуждать умеешь... Ходишь по деревне, пустозвонишь... Пустозвон. Чего ты лезешь не в свое дело?

– Я вас учу, дураков. Ты приехай к нему, к Петьке-то, да сядь вытей с ним...

– У тебя прям не голова, а сельсовет.

– Да. Вытей. А потом к нему потихоньку в душу: сократись, сынок, сократись, милый. Ведь мы все пьем по праздникам....

Бессилие что-либо изменить превращает Макара в демагога. Навязчивый, он раздражает односельчан («Старухи обижались. Старики посылали Макара... дальше»; «Но Макара не хотели слушать – некогда. Да и мало на селе в летнюю пору встречных»). Иногда его «деятельность» была причиной конфликта, и не только вербального. Пытаясь дать совет Ивану Соломину в выборе имени только что родившемуся сыну, Жеребцов получил «пинка под зад. – За совет!» Макара не испытывает уважения к людям, презирает их, для него они «бараны», «кроты», «дураки», «подлецы».

Центрированный тип языковой личности присущ «чудикам».

Обычное речевое поведение такой языковой личности содержит несоответствие выбранных тактик ситуации общения и интенции собеседника и предполагает некоторую отстраненность от окружающих. Дисгармония мироощущения «чудиков» приводит их к дисгармонии общения, которое наполнено коммуникативными неудачами.

«Чудики» нередко оказываются беспомощными в самых простых ситуациях. Определенная часть их коммуникативных неудач связана с нарушением правил инициации речевого общения.

Так, конфликт Андрея Ерина и его жены Зои («Микроскоп») начался с сообщения мужа о потере денег:

– Это... я деньги потерял. – При этом ломаный его нос (кривой, с горбинкой) из желтого стал красным. – Сто двадцать рублей.

У жены отвалилась челюсть, на лице появилось просительное выражение: может, это шутка?.. Она глупо спросила:

– Где?

Тут он невольно хмыкнул.

– Да если б знал, я б пошел и...

– Ну, не-ет!!! – взревела она. – Ухмыляться ты теперь долго будешь! – И побежала за сковородником. – Месяцев девять, гад!

Инициация неожиданного коммуникативного акта послужила причиной агрессивной реакции жены. Покупая микроскоп, шукшинский герой парадоксально формулирует свою «цель», обращаясь к сыну: «Луну будем разглядывать». Коммуникативная и практическая цель Андрея Ерина (приобретение микроскопа) не согласуется с практическими целями жены (покупка шуб для детей).

Произнося ту или иную реплику, сопровождающую определенные действия, персонаж ожидает реакции от собеседника и пытается ее прогнозировать на базе собственного знания жизни, людей. В случае несоответствия собственных жизненных представлений и реальности происходящего возникает «эффект обманутого ожидания». Подобное случилось с Чудиком во время поездки к брату. Он вместо положительной реакции соседа, читающего газету в самолете, обнаружил его агрессию:

Лысый читатель искал свою искусственную челюсть. Чудик отстегнул ремень и тоже стал искать.

– Эта?! – радостно воскликнул он. И подал.

У читателя даже лысина побагровела.

– Почему надо обязательно руками трогать! – закричал он шепеляво.

Чудик растерялся.

– А чем же?

– Где я ее кипятить буду? Где?!

Этого Чудик тоже не знал.

Негативная реакция персонажа вызвана не только его высказываниями, но и авторскими (*лысина побагровела, закричал он шепеляво*) и свидетельствует о неудачном начале коммуникативного акта с последующим мгновенным завершением.

В то же время для «чудиков» характерна природная тяга к творчеству. Творческая языковая личность – это личность, которая реализует в своем речевом поведении лингвокреативные стратегии. Данные типы представлены в рассказах писателя

множеством ролевых номинаций (шутник, весельчак, балагур, остряк, «артист»).

Пашка Холманский (рассказ В.Шукшина «Классный водитель») – личность с хорошо развитым творческим началом: он стремится смехом, игрой пробудить добрые чувства в других людях. Для этого он использует маску «трепача», «балагура». Его речь выдержана в манере присловья, озорства, некой языковой игры:

– *Клуб есть? – спросил Пашка.*

– *Клуб? Ну как же?*

– *Сфотографировано.*

– *Что?*

– *Согласен, говорю! Пирамидон.*

Прохоров заискивающе засмеялся.

– *Шутник ты... <...>*

– *Стараюсь. Значит, клубишко имеется?*

– *Имеется, Пашка. Вот такой клуб – бывшая церковь!*

– *Помолимся, – сказал Пашка. Оба – Прохоров и Пашка – засмеялись.*

В репликах Пашки встречаются слова и обороты, в которых отражено намерение персонажа оторваться от бытовых фраз, подчеркнуть изысканность речи: *Поговорим, как желтьтмены; С'нк-ю.*

Средства речевой характеристики персонажа свидетельствуют о том, что перед нами человек искренний, веселый, безобидный. Ориентация на речевое поведение персонажа, представляющая процесс развертывания речевого взаимодействия в условиях его художественной репрезентации, позволяет выйти на анализ литературного героя как языковой личности во всей совокупности представленных в тексте характеристик.

ЛИТЕРАТУРА

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

Седов К.Ф. Речевое поведение и типы языковых личностей // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000.

Хисаимова Г.Г. Диалог как компонент художественного текста (на материале художественной прозы В.М.Шукшина). – М., 2007.

© Хисаимова Г.Г., 2016

П. В. ШАКИН

(Уральский государственный архитектурно-художественный университет, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 811161.1'42:811.161.1'374

ББК Ш141.12-51+Ш141.12-4

ВЫЗОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ И ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКЕ: К ВОПРОСУ ОБ ИМПОРТЕ КОНЦЕПТА

Аннотация: В статье анализируются лексикографические особенности фиксации компонентного состава значения лексемы *вызов* (в функции имени формирующегося в современной русской дискурсивной практике концепта *ВЫЗОВ*), описывающей референт, соответствующий концепту *CHALLENGE* в англо-американской лингвокультуре. Исследование опирается на компонентный лексико-семантический анализ, который позволяет определить семантические структуры сопоставляемых лексем. Методология исследования лексических единиц базируется на анализе данных толковых словарей, которые рассматриваются в качестве достоверных источников лексикографической информации. На основе сопоставления компонентных моделей значения лексем *вызов* и *challenge* выявляются общие и уникальные для культур донора и реципиента дифференциальные семы, отраженные в словарных статьях русских и английских толковых словарей. Уникальные дифференциальные семы рассматриваются в лингвокультурологическом аспекте, что дает возможность определить характер выявленных несоответствий с точки зрения сопоставления различных языковых картин мира. Доказывается, что узуальные инновации обусловлены импортом фрагмента инокультурной картины мира в русскую лингвокультуру за счет регулярной контекстной реализации не фиксируемых в русской лексикографической практике дифференциальных сем лексемы *challenge*.

Ключевые слова: концепт, имя (номинация) концепта, лексема, компонентный анализ значения, импорт концепта, концептосфера, лингвокультура.

В современных публицистическом, экономическом, политическом типах русского дискурса можно наблюдать активное использование слова *вызов* в лексическом значении, не зафиксированном толковыми словарями русского языка и соотносимом с референтом, описываемыми англосаксонским концептом *CHALLENGE*. Например, А. Десницкий для Газета.ру: *Самое печальное в речах патриарха – что он словно бы продолжает этот спор славянофилов и западников, консерваторов и либера-*

лов на языке XIX столетия, спорит с нигилистами и атеистами, как будто бы не замечая подлинных **вызовов** нашего, а не позапрошлого века [30.03.2016, <http://www.gazeta.ru/comments/column/desnitsky/8147801.shtml>]. Показательны и следующие заголовки Независимой Газеты: **Вызовы времени – честные закупки** [24.03.2016 http://www.ng.ru/economics/2016-03-24/4_challenge.html]; **Ближневосточный кризис и вызовы международного терроризма: уроки для России** [15.02.2016 http://www.ng.ru/dipkurer/2016-02-15/11_crisis.html]; **Сентябрьские выборы: формирование системы и новые вызовы** [29.09.2015 http://www.ng.ru/ideas/2015-09-29/8_vybory.html]; **Общественники дадут ответ на стоящие перед Москвой вызовы** [11.09.2015 http://www.ng.ru/moscow/2015-09-11/6_msk.html].

Первыми неполноэквивалентность лексем *challenge* и *вызов* констатировали практикующие переводчики. Считая, что именно концепция «вызов-и-ответ» легла в основу эволюции американской цивилизации, став основной движущей силой не только общенационального, но и индивидуального развития, переводчик Т.М. Шкапенко не без иронии пишет: «Настоящий американец – это человек, чья жизнь состоит из вызовов, на которые он дает ответы, развиваясь и одерживая победы. Такой концептуальный подход отражается и на языковом уровне: не только любая проблема, но и любой физический недостаток сразу же получает лингвоконцептуальный статус *challenge*'а. Толстому американцу брошен вызов по горизонтали: *horizontally challenged*, невысокому – по вертикали: *vertically challenged*, слепому – по зрению: *visually challenged*, умственно неполноценному – по развитию: *developmentally challenged*, физически неполноценному – по физиологии: *physically challenged*. И даже лысому брошен вызов по фолликулам (луковицам волос), ибо такой американец именуется *follicly challenged*» [Шкапенко 2012: 87].

Англо-русский словарь В.К. Мюллера (2003) предлагает следующие варианты перевода лексемы *challenge*: 1. вызов (на соревнование, дуэль и т. п.); 2. оклик (часового); 3. мор. опознавательные (сигнал); 4. юр. отвод (присяжных); 5. препятствие. Ни одно из этих значений не реализуется в приведенных выше примерах: слово *вызов* могло бы быть заменено в них контекст-

ными эквивалентами *угроза* или *проблема*. Семантико-синтаксическим маркером нового узуса стали субъектно-объектные валентности лексемы *вызов* (субъект-агент – тот, кто принимает вызов и отвечает на него и объект-каузатор – проблема или ситуация, подлежащая разрешению с участием субъекта), определяющие категориально-грамматические особенности (одушевленность / неодушевленность, активность / пассивность и др.) заполнения этих позиций, и субъектная лексическая сочетаемость (принять вызов / ответить на вызов).

Если сравнить предложенные варианты перевода с интегральным лексикографическим описанием лексемы *challenge*, сконструированным нами на базе английских толковых словарей Oxford, Cambridge и Macmillan, становится очевидным соответствие приведенного контекста референтной ситуации, описываемой лексемой *challenge*. В интегральном лексикографическом описании лексемы *challenge* мы выделили два значения:

1. A call, an invitation to participate in a competitive situation, fight, game or argument to decide who is superior in terms of ability or strength – призыв, приглашение участвовать в соревновательной ситуации, борьбе, игре или споре, чтобы определить чье-либо превосходство в силе или способностях.

2. A task or situation that tests someone's abilities, needs great mental or physical effort, skill, energy, and determination in order to be done successfully, to deal with or achieve, especially something you have never done before and will enjoy doing – ситуация или задача, с которыми субъект встречается впервые и разрешает с удовольствием; ситуация или задача, которая проверяет чьи-либо способности и требует для достижения успеха больших психических или физических усилий, навыков, энергии и решимости.

В целях выявления прототипических сем, лежащих в основе предлагаемой русско-английским словарем соотносительности лексем *вызов* и *challenge*, мы смоделировали интегральное описание семантики слова *вызов*, в которое вошли только русские ЛСВ, отраженные в толковых словарях русского языка Д.Н. Ушакова, С.И. Ожегова и Т.Ф. Ефремовой, соответствующие референтным ситуациям, номинируемым лексемой *challenge*: 1) призыв к борьбе, состязанию. 2) приглашение, предложение,

просьба участвовать в чём-либо, делать что-либо. 3) Желание вступить в борьбу или в спор, выраженное взглядом, словами, поступком.

В целях выявления характера лексико-семантических различий между лексемами *вызов* и *challenge* на семном уровне был осуществлен компонентный анализ лексических значений обеих лексем по методу Э.В. Кузнецовой [Кузнецова 1989: 35]. Приведем результаты сопоставления семных структур.

В составе лексемы *challenge* английскими толковыми словарями регулярно фиксируются следующие категориальные (КС) и дифференциальные (ДС) семы:

- КС ситуативности: ситуация, обстоятельства;
- КС проблемности: задача;
- КС внешней инициированности: просьба, требование, приглашение призыв;
- ДС объективности: объективно существующая;
- ДС эмоциональности: сердечная, горячая;
- ДС срочности: срочная, неотложная;
- ДС официальности: формальная, официальная;
- ДС состязательности: соревнование, конфликт, дискуссия, спор, схватка, борьба, дебаты;
- ДС целевой ориентации: чтобы достичь цели, результата, успеха;
- ДС конкуренции: чтобы выиграть, победить, утвердить превосходство в способностях, влиянии, силе; чтобы противостоять силе, давлению;
- ДС медиативности (за счет каких средств): требует силы, энергии, решимости, навыков, способностей, таланта, профессионализма, отваги;
- ДС новизны: впервые;
- ДС позитивной коннотации: выполняется с удовольствием;
- ДС личностного роста: проверяет способности, раскрывает способности.

В составе лексемы *вызов* русскими толковыми словарями регулярно фиксируются следующие категориальные (КС) и дифференциальные (ДС) семы:

- КС проблемности: проблема, угроза;
- КС внешней инициированности: просьба, призыв, приглашение

шение, предложение;

- ДС эмоциональности: горячая, повелительная;
- ДС состязательности: борьба, состязание, соревнование, спор;
- ДС добровольности: желание субъекта вступить в борьбу;
- ДС демонстрации: проявленность в поведении – словах, поступках.

Таким образом, в структуре лексемы *challenge* были выявлены следующие уникальные семы: КС ситуативности, ДС объективности, ДС срочности, ДС официальности, ДС целевой ориентации, ДС конкуренционности, ДС медиативности (за счет каких средств), ДС новизны, ДС позитивной коннотации, ДС личностного роста. В структуре лексемы *вызов* в качестве уникальных сем были определены ДС добровольности и ДС демонстрации. Общими семами для двух лексем стали КС проблемности, КС внешней инициированности, ДС эмоциональности и ДС состязательности.

Выявленные безэквивалентные семы свидетельствуют о существенных различиях не только семных структур сопоставляемых лексем, но и о различной степени концептуализации референтной ситуации в двух лингвокультурах. Результаты наглядно демонстрируют, что лексема *challenge* обладает более развернутой семной структурой, что обусловлено более глубокой проработанностью и, как следствие, более подробной и расчлененной фиксацией компонентного состава лексического значения имени концепта в англоязычных словарях. Констатируем, что номинация концепта *CHALLENGE* представляет собой лексему с ярко выраженным этнокультурным фоном, специфика которого определяется актуализованной в культуре-доноре активной поведенческой позицией субъекта-агента, принимающего вызов. В.И. Карасик отмечает, что в русской лингвокультуре в результате инокультурной интервенции «наблюдается тенденция постепенного расширения положительной оценки поведения, воплощающего этот концепт» [Карасик 2007: 51], что ведет к актуализации в контекстах позитивных коннотативных компонентов значения, не зафиксированных для лексемы *вызов* в русской лексикографической практике.

Действительно, каждая безэквивалентная сема несет в себе определенную лингвокультурную информацию интерпретационного

характера. Дифференциальная сема срочности, например, выражает невозможность отложить решение задачи на потом, к чему склонны носители русской лингвокультуры. Дифференциальная сема официальности соотносится с официальным дискурсом, в рамках которого, как правило, актуализируется данное значение лексемы *challenge*. Примечательно, что новый концепт *ВЫЗОВ* используется в основном в русском политическом и экономическом дискурсах. В концепте *CHALLENGE* конкретизирована дифференциальная сема целевой ориентации. Субъект точно осознает, зачем он принимает вызов. Стремление к успеху, личностный и профессиональный рост, конкурентоспособность присущи корпоративной культуре англосаксонской цивилизации, что вместе с импортируемыми бизнес-моделями внедряется в русскоязычную деловую культуру. Достижение цели требует от субъекта определенных качеств: энергии, решимости, опыта, компетенции, умений и навыков, усилий. Благодаря дифференциальной семе медиативности, это требование фиксируется в значении *challenge*. В русскоязычных толковых словарях в традиционном лексическом значении слово *вызов* не фиксирует семы необходимости у субъекта особых компетенций, чтобы принять вызов; не находит русского эквивалента и сема реализации способностей и качеств субъекта в решении проблемы. Свойственный русской лингвокультуре фатализм не предполагает и обязательной фиксации семы успешности субъекта. *Вызов* в русском языке представляет собой не добровольную реакцию (ответ) субъекта на объективную ситуацию, но действие со стороны другого субъекта, которое может повторяться многократно. Семы ситуативности и объективности в лексеме *challenge* выражают задачу как комплекс сложившихся объективных обстоятельств. В русской лингвокультуре вызов является нежелательным для субъекта внешним вынуждением, извне направленным на субъект, проблемой: он не является ситуацией, на которую субъект добровольно реагирует. *Challenge* описывает уникальную проблемную ситуацию, с которой субъект встречается впервые, что отражено в дифференциальной семе новизны. Если проблема решена, субъект действия обретает соответствующий опыт и в дальнейшем знает, как реагировать на подобные ситуации. Лексема *challenge* обладает позитивными характеристиками, субъект выполняет задачу с удовольствием, зная какие плюсы принесет ему достижение успеха. В русском языке лексема *вызов*

имеет негативную коннотацию: вызов всегда сопряжен с трудностями и проблемами. *Challenge* проверяет и раскрывает способности субъекта, развивает его в личностном и профессиональном плане, что выражается дифференциальной семой личностного роста. *Challenge* описывает развивающую личность субъекта ситуацию, *вызов* – угрожающую комфорту и спокойствию.

Таким образом, концепт *CHALLENGE* внедряется в русскую лингвокультуру через концепт *ВЫЗОВ*, благодаря чему последний расширяется и приобретает новое значение. В результате компонентного анализа имен этих концептов мы определили конкретные семы, которые актуализируются в современном дискурсе и формируют под влиянием инокультурного концепта-регулятива новый фрагмент русской концептосферы – концепт *ВЫЗОВ*. Процесс формирования нового концепта еще не закончен и происходит под влиянием базовых ценностей западной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

- Карасик В.И.* Языковые ключи. – Волгоград, 2007.
Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. – М., 1989.
Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь. – М., 2003.
Шкапенко Т.М. Импорт американского лингвоконцепта «Challenge» // *Aucrisia*. Рецензируемый журнал для общественных наук. – Прага, 2012.
- Электронные версии словарей**
- Толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой* – <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova>
Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой – <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/>
Толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова – <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/>
Cambridge Dictionary – <http://dictionary.Camb ridge.org>
Macmillan English Dictionary <http://www.macmillandictionary.com>
Oxford Dictionary – <http://www.oxforddictionaries.com>

© Шакин П.В., 2016

Г. М. ШИПИЦЫНА

(Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия)

УДК 811.161.1'0

ББК Ш141.12-03

ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА КОНЦЕПТ *ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО*

Аннотация: В статье с историко-лингвистических позиций рассмотрена семантика слов с древним корнем *корм* (*кормление, кормильство, кормёж* и др.) со значением «мздоимство, взяточничество», а также их системное лексическое окружение и корпус народных паремий и афоризмов с этими словами. Анализируемые слова изменили свое значение. При изучении семантики таких слов существует опасность перенесения их новых смыслов на старые эпохи, поскольку в новое время они воспринимаются в изоляции от своей прошлой культурной и семантической среды и оказываются под влиянием уже иной лексико-семантической парадигмы для слова, а также нового ореола его оценочности и прагматики. На различных примерах в статье показано, что в слове *кормление* в прошлом переплетались два значения: «обеспечиваться натуральными продуктами, содержанием, деньгами и т. п.» и «управлять, направлять, рулить». Однако к нашему времени второе значение слова утратилось, что привело к ошибочной мотивации его значения и суженному его пониманию. Автор приходит к выводу, что в лексиконе и фразеологии русского языка прошлых периодов нет языковых средств с прагматикой осуждения и неприятия такого социального порока, как взяточничество.

Ключевые слова: кормление от должности, взятки, лексика, пословицы и поговорки, ментальность, семантика, словообразование, этимология.

Рассмотрение концепта с позиций науки о языке предполагает изучение средств его репрезентации вербальными средствами, чему и будет посвящена данная статья. Репрезентация социально значимых концептов обусловлена культурно-историческим генезисом сознания, что не может не отражаться в языковой картине мира народа. Ментально-мыслительных процессы в сознании народа также обуславливают его оценку объектов действительности и определяют способ категоризации познанных явлений и последующей их номинации средствами языка. С опорой на этимологию и семантику языковых средств рассмотрим особенности отражения в генетической памяти русского народа его отношения к вопросам взяточничества.

Основная цель данной статьи: на материале слова *кормление* и его системного лексического окружения, а также фразеологии (в самом широком ее понимании), показать, какие этноязыковые и собственно языковые факторы помогают осмыслить неистребимость в нашем обществе такого социального порока, как преступное обогащение чиновников, крупных и мелких начальников различного уровня путем поборов с населения и людей, зависящих от мздоимца в каком-либо отношении. Начнем же своё исследование с определения основной методологической позиции, которой руководствуемся в анализе языкового материала.

Современники могут наблюдать язык в его повседневном функционировании и наиболее точно определять семантику слов, исходя из реалий жизни. По прошествии же некоторого времени появляется опасность перенесения смысла слова новой эпохи на старую, поскольку оно может восприниматься в изоляции от своей прошлой культурной и семантической среды и оказаться под влиянием уже иной лексико-семантической парадигмы для слова, а также нового ореола его прагматики. К сожалению, такая тенденция в описании семантики языковых единиц прошлых периодов развития языка скорее закономерна, чем случайна, о чем предупреждал в свое время академик В.В. Виноградов: «история чаще всего осмысливает действительность прошлого под влиянием господствующих идей современности» [Виноградов 1995: 27]. Он приводит т пример со словом *кормление* в словосочетании *кормление бояр на воеводстве*: люди его времени (годы жизни В.В. Виноградова 1894-1969) понимали это слово как «разновидность воровства, преступное обогащение с использованием своей должности, мироедство».

Такое понимание этого слова в приведенном академиком контексте не только сохранилось со времени жизни В.В. Виноградова, но стало единственно возможным в настоящий период развития нашего языка, фокусирующего мировоззрение, ценности и состояние культуры нашего общества. Это обусловлено, с одной стороны, идеологическими факторами современного мышления носителей русского языка, отражающего реалии настоящего с его коррупционностью и частой безнаказанностью воровства и поборов всяческих начальников, то есть преступного «кормления». С другой стороны, данное понимание семанти-

ки слова *кормление* спровоцировано и чисто языковыми причинами, которые и составляют предмет данной статьи.

На современное восприятие слова *кормление* оказывает свое мощное воздействие корень этого слова (*корм-*) как основной репрезентант семантики всего родственного гнезда слов с этим корнем. Этимологическое же значение слова *корм* (из праславянского *кърмь*) – «обрезок, нарезанное». Дальнейшее смысловое развитие этого корня: «что-либо отрезанное» → «отрезанная доля пищи» → «полученная еда, пища» (Этимол. словарь). У слова *корм* живая внутренняя форма (*внутренняя форма* в понимании А.А. Потебни, то есть исходный смысл, унаследованный производным словом (или его значением) от производящего). Она представлена в свободном корне, то есть способном употребляться без аффиксов и потому надежно удерживающим внутреннюю форму в активном восприятии её смысла носителями языка. Поэтому синхронное словообразование вполне закономерным сочтет образование слова *кормление* от глагола *кормить* в значении «давать пищу».

В действительности же слово *кормление* образовано от слова *корма* в значении «задняя часть судна». Родственные слова: *кормило* – «руль у судна, подвешенная к корме лопасть»; *кормчий* – «управляющий ходом судна»; *кормщик* – «рулевой на судне»; *кормильство* – «управление, руководство, наставление»; словосочетание *кормчая книга* – «сборник правил, законов для управления чем-либо» (Словарь XI-XVII вв.). Так что на самом деле слово *кормление* в словосочетании *кормление бояр на воеводстве* обозначало «управление», а не «преступное обогащение». Поскольку это словосочетание перестало употребляться, сознание носителей языка постепенно подменило его внутреннюю форму с опорой на омонимичный корень слова *корм* (вместо *корма*) по той причине, что слово *корм* гораздо частотнее по употреблению и активнее в языковом сознании носителей языка, так как не ограничено специальной сферой употребления, как это наблюдается у слово *корма*, функционирующее в морской сфере.

Внутренняя форма слова *корма* очевидна, если ее связать с неосновным значением этого слова «управление». Гораздо интереснее развитие семантики самого слова *корм* и глагола *кор-*

мить, совместивших в себе казалось бы такие не связанные друг с другом значения, как «давать пищу» и «управлять, руководить». Однако академик В.В. Виноградов о подобных случаях писал так: «Соотношение значений в современном употреблении слова, их иерархия, их фразеологические контексты и их экспрессивная оценка – всегда заключают в себе диахронические отложения прошлых эпох» [Виноградов 1995: 15].

Понимание семантики слова *кормление* (*бояр*) как «мздоимство» спровоцировано воздействием словообразовательной системы с регулярным образованием от глаголов отвлеченного имени существительного с суффиксом *-ени(е)*, продуктивным в этой функции (сравн. *стареть* → *старение*, *двигать* → *движение*). В прошлом была продуктивной именно эта модель, а вот примеров образования существительных с суффиксом *-ениј-*, а также с суффиксом *-иј-*, непосредственно от имен существительных мы не нашли. Так что имя существительное *кормление* мотивировалось глаголом *кърмити* со значением «править, стоять у руля», производным от существительного *кърма*. Примеры того же словообразовательного типа: *бракъ* → *брачить* («венчать») → *брачение*, *баня* → *банить* («мыть, чистить») → *бание*.

Кроме того современное понимание семантики слова *кормление* (*бояр на воеводстве*) только как «мздоимство» обусловлено архаизацией неосновного значения этого слова, актуального для Руси 13-16 веков, «система вознаграждения бояр, осуществлявших судебные-административные функции, путем предоставления им права облагать в свою пользу население управляемой ими местности» (МАС-2). В словаре В.И. Даля одно из значений слов *кормление*, *кормеж*, *кормка*, *корм* определяется так: «жалованье, содержание отъ казны, и самые мѣста, должности внѣ столицы, помѣстье, волость или городъ и посылка чиновниковъ на управление ими». *Кормленье с боярскимъ судомъ* означало «мѣсто съ правомъ суда и расправы», где «вмѣсто жалованія правительъ взималъ пошлину», Примеры: *Поехаль на кормежъ, на доходное мѣсто; посадить кого на кормъ* – «дать доходное место» (Даль).

Это значение у слов *кормление* и его вариантов утратилось, пребывает лишь в архивном фонде языка, но оно оставило свой след в генетической памяти народа, тем более что денотативная

основа его семантики осталась неизменной: управленцы территорией обычно продолжали от ее населения «кормиться», хотя такое право для них законами уже не предусматривалось. Более того, сегодняшняя картина деятельности управленцев дает немало примеров того, как на любом поприще чиновники и даже руководители небольших коллективов, учреждений изобретают способы обогащения *кормлением*. Например, директор одной из московских школ (некто Петров) поборами от родителей учеников и махинациями с заработной платой учителей своей школы смог довести свое благосостояние до поражающих воображение огромных размеров (об этом сообщалось в программе «Новости» по первому каналу передач российского телевидения 25 июля 2011 года). Факт сам по себе удивительный, поскольку школьное образование до сих пор вроде бы находилось в стороне от процессов издоимства и воровства.

Итак, в современном значении слова *кормиться* проступают и его диахронические смыслы. Значения двух действий – «управлять чем-либо (территорией, коллективом подчиненных, учреждением или кораблем») и «кормиться от этого управления» (то есть «нечестно добывать средства для своего обогащения») – были омонимичными значениями, но в определенный исторический период слились в единую лексему как связанные между собой семемы одной и той же лексемы, эксплицированные в многочисленных сочетаниях слов. Характерный пример – слово *кормити*. В «Словаре русского языка XI – XVII веков» приводится два омонимичных слова. *Кормити*¹ с пятью значениями, из которых два значения связаны со смыслом слова *корм* как «еда»: «давать пищу, вскармливать, угощать» (есть примеры в пословицах *Басни соловья не кормят, Вас кормит море, а нас томит горе*). Значение № 3 – «содержать, обеспечивать едой, кормами», пример: *Въ Новѣгородѣ же тогда Ярославъ кормяше варягъ много, бояся рати* (Новгородская летопись, 1618 г.).

Значение же № 4 «иметь на «кормлении», содержать кого-либо за счет поборов, обложения» и значение № 5 «давать жалованье, платить чем-либо» демонстрируют некоторый отрыв от первой группы значений. При этом от семемы *кормити* № 4 образованы слова *кормление*, *кормленский*, *кормленщикъ*. Слово *кормление* в древности имело весьма широкий семантический

объем, в русле которого функционировало и такое употребление: кормление как способ содержания княжеских и государственных людей за счет поборов с местного населения; административно-территориальная единица, подати с которой (денежные и натуральные) обеспечивают материальные нужды управленцев соответствующей территорией. Пример: *Пожаловал есми Келаря Петровича въ Мещерѣ городом Елатьюю ... в кормленье съ мыты, и с перевозы, и со всѣми намѣстничьи доходы, и съ пошлинами* (1589 г.). У слова *кормленский* значение «полученный в «кормление», на содержание должностных лиц за счет поборов с местного населения, сбора налогов в свою пользу». У слова *кормленщикъ* значение «лицо, получившее определенную территорию в «кормление», живущее на полном содержании за счет всяческих поборов с местного населения, сбора налогов в свою пользу». Пример: *Взято на Москвѣ в Устюжскую четверть кормленщиком на жалованье у приказчиковъ вашихъ ... оброчных денег двестѣ девять рублев* (1608 г.).

Семантика «кормиться от населения за счет поборов и налогов в свою пользу» была закреплена в целой группе устойчивых сочетаний: «Дать кому-либо что-либо в кормление» (*А въ Новъ-городъ приихаша князь Патрикий Наримантовичъ, и прияша его новгородци и даша ему въ кормление Орѣховъ городъ* (Новг. летоп.); «держати кормление, сидѣти по кормлениемъ» (*Бояре и князь и дѣти боярские сидѣли по кормлениемъ по городомъ и по волостемъ для росправы людемъ и всякого устройства землямъ и собѣ отъ служебъ для покою и прекормления* (Ник. летоп.); *Кормленая печать* – «печать, скрепляющая документ, дающий право на содержание, обеспечение «кормлением»; *дати кормлю* – «дать право на поборы, «кормление» с какой-либо территории»; *кормовая грамота, кормовые деньги*.

В единой звуковой оболочке в прошлом многозначного слова *кормление* переплетаются значения «обеспечиваться натуральными продуктами, содержанием, деньгами и т. п.» и «управлять, направлять, рулить». Отсюда появились как многозначность многих слов с корнем *корм*, так и наличие слов-омонимов. Амплитуда колебаний семантики их внутренней формы развивается по метонимической модели полисемии в направлении: *корм* (пища) → *корм* (содержание) → *корм* (управление территорией

с правом обеспечивать удобное для себя содержание поборами с населения) → *кормь* / *корма* (управление судном). Поскольку последняя составляющая этой модели характеризуется отрывом от ядерной архисемы со значением «пропитание», эта семантика организует омонимичный вариант группы слов, номинирующий объекты управления судном: *корма*, *кормило* (руль у судна), *кормити*² (управлять кораблем), *кормник*, *кормиций*, *кормчий*, *кормицик*, *кормовицик*² (рулевой на судне, а также старший в промысловой (рыболовной) артели), *кормовое* (судно), *кормчая* (книга), *кормицичий* и другие.

Слово *кормило* в значении «средство, устройство для управления» сохранилось в архаичном фразеологизме высокого стиля у *кормила правления (власти)* – «стоять, быть во главе управления чем-либо» (Этимол. слов. совр. рус. яз.). Интересно, что заимствованное из голландского языка слово *руль* со значением «устройство для управления движением транспортного средства» по аналогии со словом *кормило* приобрело такое же символическое значение «обладать властью, играть руководящую роль», активизировавшееся в советский период. Например, *Маркс раскрыл истории законы, пролетариат поставил у руля* (В. Маяковский. Владимир Ильич Ленин). То же у производных слов от слова *руль*: *Партия – наша надежда и сила, Партия – наш рулевой* (песня В. Мурадели на стихи С. Михалкова «Партия – наш рулевой»). В этом же символическом значении слово продолжало употребляться и в постсоветский период: *В условиях глубочайшего экономического кризиса у руля державы должен стоять не ученый-теоретик, а практик, который сможет убедить тех же ученых на время спуститься на землю и в одной упряжке хоть как-то оттащить Украину от последней черты* (СПб Эхо. 28. 10. 1992 г.).

Пример семантического развития слова *кормление* иллюстрирует тот факт, что языковые процессы развития многозначности слова отражают исторически мотивированное восприятие этого слова сознанием народа, а также изменения в этом восприятии, обусловленные меняющейся картиной мира. Известно, что в каждом национальном языке так или иначе проявляется мировидение народа и это проявление влияет на формирование его ценностей и культуры.

Семантические и прагматические смыслы слова можно рассматривать как своеобразный источник концептуально значимой социокультурной информации, транслируемой языком. Умозаключение, лежащее в основе исходной семантической структуры слова и его этимоне, глубоко прагматично. Языковые средства сохраняют и передают от поколения к поколению проверенную жизненными практиками житейскую мудрость, которая особенно убедительна потому, что основывается на образах знакомых, обыденных, отражающих стереотипы ближайшей культурной среды. Ментальная составляющая в семантике слов формируется в самой гуще народа, затем воспроизводится и тиражируется на протяжении длительного времени, уходя своими корнями в глубь веков. Однако функции языка не ограничиваются только отражением действительности. В определенном смысле язык навязывает человеку не только форму креативной категоризации мира, но и нормы общественного бытия и социального поведения, поскольку произнесенное слово воздействует на общество носителей языка всеми своими ментальными и прагматическими смыслами.

Истоки национальной ментальности проступают через семантические отложения разных эпох не только в словах, но и в наиболее архаичных языковых единицах языка, к которым относятся разного рода народные афоризмы, устойчивые сочетания слов, особенно пословицы и поговорки (паремии). Паремия является ценнейшим объектом лингвокультурологического анализа, потому что в ней в наибольшей степени реализуется кумулятивная функция как культуры, так и языка. Поэтому необходимо обратиться и к этому материалу.

И вот что интересно: если по самым разным порокам общества и отдельных людей, практически по любым (воровство, предательство, обман, лесть, лень, пьянство и т. д.) в корпусе нашего языка существует обилие паремий, со всех точек зрения, и как положительных, и как отрицательных, оценивающих и осуждающих эти пороки, то по теме «коррупция, взяточничество» (устаревший синоним этого слова *мздоимство*) их количество ничтожно мало. Изучив состав многочисленных сборников народных пословиц и поговорок, примеров к словам *взятка*, *мзда*, производных от них слов и их синонимов в различных

словарях, мы нашли всего одну поговорку (в сборнике И.М. Снегирева «Русские народные пословицы и притчи», впервые изданном в 1848 году): *Мзда и мудрых ослепляет, а немудрых погубляет*. В словаре В.И. Даля есть примеры, объясняющие ситуацию мздоимства весьма спокойно, без всякого осуждения этого социального зла: *Въ землѣ нашей мздоимствуется, по обычаю; Всякъ трудъ мзды своей достоин; Мзда не лихва (Лихва – «избытокъ, излишекъ, корыстные, вымогательные барыши»)* (Даль). Пример в этом же словаре: *Лихва да леть – дьяволу честь*. Получается, что в народной картине мира у взяточничества отсутствует ореол осуждения, оно представляется как нормальное деяние, приравнивается даже к обычаям народа, особенно если речь не идет о *лихве*. Более того, на эту тему мы нашли две поговорки, в которых дано своеобразное объяснение необходимости взятка путем отсылки к простому и ясному для всех образу движения: *Не подмазано – не катится* и *Не подмажешь – не поедешь*. Смазка колесных осей экипажа в прошлом – это необходимое действие в подготовке к дороге, без которого движения не будет. Этот образ перенесен на движение не только экипажей, но и вообще всякого дела. Взятничество всесильно: *Когда деньги говорят, правда молчит; Если золото всплыло, правда потонет; Стоит крикнуть, да денежкой брякнуть, так все и будет* (Даль). В данных поговорках речь идет не о моральных принципах социума, а о конкретной модели поведения, которая позволяет самым быстрым и главное – абсолютно надежным способом решить всякую проблему. Прагматическим аспектом значения в этих поговорках провозглашается нормальное и привычное в обществе поведение людей как важная составляющая общенародной картины мира. Видимо, неслучайно Александр Герцен в свое время сказал: *Если бы в России строго выполнялись все законы и никто не брал бы взятки, жизнь в ней была бы совершенно невозможна*.

В качестве вывода мы предлагаем следующее умозаключение: лексикон и фразеология русского языка свидетельствуют о том, что в ментальности нашего народа исторически не было сформировано непринятие взяточничества и мздоимства или их оценки как постыдных и недопустимых социальных пороков. Фактически и сколь-нибудь заметного ореола осуждения этих

пороков в языковом материале прошлых эпох не просматривается.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Вопросы языкознания. 1995. № 1.

СЛОВАРИ И ИХ УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Даль: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М. 1980.

МАС-2: Словарь русского языка. Под ред. А.П. Евгеньевой; в 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. М. 1981 – 1984.

Словарь XI-XVII вв.: Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 1 – 28. М. 1975 – 2008.

Этимол. словарь: Этимологический словарь современного русского языка. Сост. А.К. Шапошников: в 2-х т. М. 2010.

© Шипицына Г.Н., 2016

Н. Н. ЩЕРБАКОВА

*(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)*

УДК 81'42:82-93
ББК Ш300.1+Ш380.015

О СПОСОБАХ ПРЕЗЕНТАЦИИ ИГРОВЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ДЕРИВАТОВ В СТИХОТВОРЕНИЯХ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Аннотация: В статье анализируются основные способы подачи игровых единиц, созданных при помощи трансформации семантики, в поэтических текстах, предназначенных для детской аудитории. Поскольку развитие языковой личности в онтогенезе демонстрирует постепенное формирование представлений о переносном значении, то тексты с игровым компонентом представляют объективную сложность для юного читателя или слушателя. В этом смысле привычная для взрослого носителя языка метафора становится для ребёнка практически аналогом того явления, которое называется языковой игрой. Что касается собственно игровых единиц, то они представляют ещё более значительную сложность для восприятия и интерпретации. В связи с этим в отечественной детской поэзии выработаны разные способы презентации игровых единиц, предполагающие использование как стратегии объяснения, так и включение игры в широкий контекст без специального толкования. В последнем случае актуализируются различные системные связи, позволяющие уточнить смысл и игровые составляющие семантического деривата. Автором выдвигается идея о необходимости исследования данной проблемы с позиций диахронии, поскольку рассмотренные в работе способы презентации игровых семантических дериватов демонстрируют движение к усложнению способов их презентации, что выражается прежде всего в непрямом объяснении, в использовании парадигматических связей как основного способа подачи игровой единицы.

Ключевые слова: языковая игра, онтолингвистика, стихи для детей, текст, семантическая деривация, системные отношения, речевые стратегии.

Развитие языковой личности в онтогенезе связано как с количественными, так и с качественными изменениями. И если первые предполагают увеличение объёма лексикона и грамматических средств, то вторые связаны прежде всего с умением использовать эти средства в реальной речевой практике, связанной не только с порождением собственных высказываний, но и с правильной интерпретацией чужого текста. Процесс самонаучения языку [Горелов, Седов 2001: 213-214], суть которого

Л.В. Щерба охарактеризовал как добывание языка из речи [Щерба 1974: 35] в современных условиях во многом связан с воздействием не только бытовой речи окружающих, но и с влиянием художественных текстов, чтение которых обязательно проводится в детских дошкольных учреждениях, а также практикуется в условиях семейного воспитания. Поэтические тексты, предназначенные для детской аудитории, имеют серьёзный потенциал именно для изменения качественных параметров овладения языком, поскольку содействуют формированию и развитию у ребёнка представлений о системных связях слов - как внешних, так и внутренних, обусловленных явлением полисемии. Известно, что образные вторичные значения нередко вызывают у детей младшего дошкольного возраста проблемы с интерпретацией высказывания. Так, на сердитый приказ матери, убирающей разбросанные игрушки, «Ну-ка дуй отсюда!» двухлетний малыш отворачивается в противоположную сторону, собирает губы в трубочку и начинает дуть, в точности выполняя её распоряжение согласно первичным значениям слов. Практическое знакомство с полисемией, развитие представлений о вторичных значениях становится той базой, на которой возможно восприятие текстов с проявлением языковой игры, поскольку без формирования представления о внутренней форме слова такое восприятие практически невозможно. Если рассмотреть процесс создания нового значения в грамматических координатах, с использованием технологии обычного словообразовательного анализа (мотивирующая база, формант, словообразовательное значение), то можно выявить, что, например, при метафоре в качестве мотивирующей базы выступает ассоциативный потенциал первичного значения слова, а в качестве форманта - образование у него новой внутренней формы на базе семантического сходства предметов, их признаков или действий, а в результате акта семантической деривации создаётся единица, имеющая словообразовательное значение «обнаруживающий черты сходства с явлением, названным мотивирующей базой». Так, упомянутый выше глагол *дуть* в значении «быстро передвигаться» создан на базе значения «идти, распространяться (о воздухе)» при помощи приращения такой характеристики данного значения, как скорость распространения. В результате про-

исходит образование внутренней формы у слова *дуть* – «перемещаться со скоростью ветра». Существенно в данном случае то, что в первичном значении внутренняя форма отсутствует, а вторичное значение её обретает. Этот краткий анализ показывает, что восприятие подобного рода единиц требует уверенного владения языком, развитого умения мгновенно сравнивать явления, опоры на контекст и ситуацию.

Все эти параметры требуются и при восприятии текстов, содержащих элементы языковой игры, в особенности тех её разновидностей, которые связаны с трансформацией семантики, вызванной такими механизмами, как ассоциативное наложение, игровая идентификация, ассоциативная выводимость [Гридина 1996: 17-29].

Поэтический текст, сама сущность которого требует поиска новых форм выражения мысли, – это источник самых разнообразных проявлений игры со словом. И вместе с тем детская аудитория не всегда готова к восприятию этой игры по объективным причинам. Возникает, таким образом, противоречие между текстом и его адресатом, которое устраняется или хотя бы нивелируется за счёт системных контекстуальных связей. В этом смысле абсолютно подтверждается следующий вывод: «Одним из основных системных параметров текста является иерархичность, которая может быть интерпретирована двояким образом: 1) существование в пределах самого текста нижестоящих уровней и 2) расположение текста в вышестоящем уровне – сверхтексте» [Горсуева 1986: 67]. Важнейшими составляющими такого сверхтекста являются многочисленные парадигматические связи слов, реализуемые с использованием различных приёмов, которые можно объединить в две стратегии: объяснения и включения.

Стратегия объяснения предполагает введение в текст прямого толкования какой-либо игровой единицы, как, например, объяснение слова *стратостат* в следующем тексте за счёт фоносемантического сближения со словом *староста*:

Я теперь до старости

В вашем классе староста.

А чего мне хочется?

Стать, ребята, лётчицей.

Поднимусь на стратостате...

Что такое это, кстати?

Может, это стратостат,

Когда старосты летят?

(А. Барто. Болтунья)

По форме перед нами обычное толкование слова, сомнительность которого в данном случае подчёркивается опорой на контекстуальное окружение текста: героиня стихотворения предстаёт перед читателем / слушателем как человек крайне неорганизованный, поверхностный, а потому не заслуживающий доверия, а кроме того, наличие вопросительной интонации выдаёт неуверенность даже такого персонажа в правомерности утверждения.

Помимо прямого объяснения, в текстах встречаются случаи косвенного толкования игровых единиц, построенного по принципу соотношения с предшествующей информацией в тексте. Именно так осознаётся значение слова *закорюка* в стихотворении Ю. Мориц «Свежий бублик»:

На Каляевской в окошке

Тётя бублики печёт!

Я куплю четыре штуки

На четыре пятака.

Пятаки звенят в ладошке,

Дождь за шиворот течёт...

Тесто крутит закорюки -

Бублик делает пока!

Раз-два-три-четыре штуки,

Покупаю закорюки

Для себя и для друзей:

Шуре, Ване и Серёже,

Всей компании моей!...

Интересным приёмом стратегии толкования является использование омонимов, созданных на основе одной мотивирующей базы, или многозначных слов. Такие тексты способствуют расширению представлений о различии значений слов, имеющих совпадающий план выражения, причём это различие подчёркивается не только лексическим материалом, но и грамматическими средствами, поскольку построение такого текста обычно

предполагает противопоставление с использованием союза *а*:

*У нашей бабушки живёт
Большой «гладильный» кот!
Его поглаживать могу
Часами напролёт.
А вот у нас в семье живёт
Гладильная доска!
И гладить целый день на ней
Тоска. Тоска. Тоска.*

(Н. Шемякина. Гладильный кот)

Поэт А. Усачёв обычно использует в таких случаях ещё и графические средства, выделяя похожие слова:

*Трубач любил свою Трубу.
А Трубочист – свою.
Трубач играл в свою Трубу,
А Трубочист — в свою.
А вечерами Трубочист
Звал в гости Трубача:
Они сидели на трубе
Они играли на трубе,
И, громко хлопая себе,
Плясали «Ча-ча-ча».*

(А. Усачёв. Трубач и трубочист)

В отличие от стратегии толкования стратегия включения подразумевает отсутствие прямого объяснения или синонимического соотношения слова с какими-то фрагментами текста, в таких случаях обычно используются те связи слова, которые существуют в самом широком контексте - в контексте языковой системы в целом. Рассмотрим это явление на примере стихотворения Ю. Мориц «Шло по улице окно»:

*В городе, в посёлке,
В снегопадном шёлке,
Шло по улице окно
С ангелом на ёлке.
Шло по улице окно,
Там, где ночь стояла.
Ночь стояла, шло окно,
Ангелом сияло.*

*Шло по улице окно
С ангелом лучистым.
Это было не в кино
С ангелом-артистом.
Это шло моё окно
В снегопадном шёлке,
В гости шло к тебе оно
С ангелом на ёлке.*

Это стихотворение интересно тем, что автор использует в данном случае разные парадигматические связи словоформы *шло*. Вначале возникает алогичная, парадоксальная ситуация: окно, будучи неодушевлённым предметом, ходить не может. Сравнение окна в традиционном рождественском украшении с экраном телевизора осознаётся при чтении стихотворения не сразу, тем более что вторая строфа включает словоформу *шло* в состав антонимической пары: (окно) *шло* – (ночь) *стояла*. В третьей строфе возникает тема кино, т.е. включение центральной словоформы текста в определённую тематическую группу, благодаря которой алогизм исчезает, однако последняя строфа стихотворения, на первый взгляд, этот парадокс снова возвращает: окно всё же идёт в гости, т.е. словоформа как бы употребляется в своём первичном значении. Но на самом деле в данном случае образ праздничного окна, сияющего светом должен вызывать мысли об ожидании гостей, для которых всё это убранство и было создано, а потому окно устремлено к гостям так же, как и они к нему.

В данном тексте, как уже было отмечено, использован целый арсенал системных связей слова, способствующих возникновению языковой игры. Чаще мы обнаруживаем использование какого-либо одного приема, например, парадоксальную сочетаемость слов:

*Прибежал букет котов,
Растопырив уши,
И при помощи хвостов
Он сбивает груши!
Груши с дерева летят,
Груши ловят шляпами!
Прибежал букет котят,*

*Груши ловит лапами.
(Ю. Мориц. Груши с дерева летят)
Я улыбаюсь до ушей,
А чайник мой грохочет,
Хохочет,
Словно муравей
До слез его щекочет!
(Ю. Мориц. Пузатый чайник)*

Одним из приёмов стратегии включения является каламбур, наиболее сложно воспринимаемый детской аудиторией, не случайно такие тексты адресованы школьникам. Этот приём обнаруживается, например, в следующих коротких стихотворениях В. Берестова из цикла «Кто живёт в портфеле»:

*Карандаш в пенале мается,
Но зато он не ломается,
Ручка в темноте находится,
Но зато легко находится.
(В. Берестов. Пенал)*

*Почему из-под точилки
Вьются стружки и опилки?
Карандаш писать не хочет,
Вот она его и точит.
(В. Берестов. Точилка)*

*Очень весело пишется ручке:
Буквы держат друг дружку за ручки.
(В. Берестов. Ручка)*

Исследование приемов презентации игровых единиц в поэтических текстах для детей позволяет увидеть, что они обнаруживают тенденцию к усложнению: если стихи для детей, написанные в первой половине XX столетия, не слишком часто содержат элементы языковой игры и, как правило, демонстрируют стратегию объяснения игрем, то тексты второй половины XX века явно тяготеют и к языковой игре в целом, и к стратегии включения игровых единиц в текст без акцента на их объяснении. Это положение, разумеется, требует более серьёзного исследования на большом объёме текстов, пока же можно высказать предположение о том, что это изменение не является случайным и спровоцировано изменением демографической ситуации в стране: в ситуации уменьшения количества детей

в семье собеседником ребёнка (нередко единственного) всё чаще становится взрослый, для которого явление языковой игры не представляет объективной сложности, а следовательно, знакомство ребёнка с этим интереснейшим явлением начинается довольно рано.

ЛИТЕРАТУРА

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики: Учебное пособие. Изд. 3-е, перераб и доп. – М., 2001.

Гридина Т.А. Языковая игра: стереотип и творчество: Монография. – Екатеринбург, 1996.

Торсуева И.Г. Детерминированность высказывания параметрами текста // Вопросы языкознания. 1986. № 1.

Щерба Л.В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974.

© Щербакова Н.Н., 2016

SUMMARY

Avdeeva Galina. The imitative principle of language game in D. Bykov's publicism

Annotation: This article examines the cases of realization of the imitative principle of language game in Dmitri Bykov's collection of publicistic works. As the main examples of the imitative principle of language game the author of the article examines humoristic mockery of the stylistic manner of a specific author and reproduction of the traits of a specific genre. The article points out exaggeration, irony, stylistic contrast and other devices as basic linguistic means of expressing parody. The author of the article draws attention to the presence of different variants of realization of the imitative principle of language game in the texts of the collection. The article analyzes the cases of «parodic use», when a form of parody (in a broad sense) or a comic situation is used by the author not with the purpose of mocking the source text, but in order to create critical (polemic) statements on socially significant current issues. Such «pseudoparodies» are represented in the essays «Svin'jazatejnica» (The Playful Pig), «Tabel' o shlangah», «Novoe jesperanto» (The New Esperanto) and others. Other variants of realization of the mentioned principle are also examined in the article: literary-critical essay, which contains the elements of parody and pastiche; parodic scheme of a conspiracy novel. The form of the parody (or pastiche) allows the author to express his opinion towards the object of the parody or to state an opinion on socially significant issues.

Keywords: language game, imitative principle of language game, parody, pastiche, «parodic use», irony.

Akbaeva Olga. Fixed phrase scheme «Hy he + N₁!»: systemic and speech qualities.

Annotation: This article is devoted to the description of fixed phrase scheme's systemic and speech qualities with a base element, represented combination *hy he*, which consists of an interjection and an intensive conjunction. The urgency of this research is caused by the untested nature of objective space and its high relevance for communication in practice. It is stated, that this fixed phrase scheme is characterized by such features of phraseologisation as reproducibility, structural-semantic stability and integrity, idiomaticity and expressivity. The author proves that fixed phrase scheme «Hy he + N₁!» is productive, has all necessary phraseological features and it is an adequate recourse of expressive syntax. Fixed phrase scheme with the base element «Hy he + N₁!» is quite frequent, effective in the process of speech communication, gives it a relaxed character.

Keywords: syntactic phraseology; fixed phrase scheme; phraseological subsystem; Russian language, ideomaticity, non-categorematic, enantiosemanticism.

Beglova Elena. Paronymy as a Source of Language Game and Generation of Creative Text

Annotation: The article examines the role of paronymy in the aphorism as a

small speech genre; paronymy is differentiated into words-paronyms and words-paronomas. Reflecting the language game at the level of semantics and sound structure of words, paronyms and paronomas serve as a means of generating an aphorism as an intellectual genre, a keen sense of which is enhanced by paronymy.

Aphorism is considered as a small speech genre – creative text written by specific author with a high level of language competence. It demonstrates how consonant forms of words become part of the mechanisms of language game at level of semantics and general background knowledge of the sender and the recipient.

Analysis of aphorisms in terms of using paronyms and paronomas shows that thanks to the play with their different values within a small volume of text, the creative text with the deep implied sense of ironic or comic tone is created. The article identifies the main techniques for using paronyms and paronomas in aphorisms; the author neologisms are also taken into account.

Keywords: paronyms, paronomas, aphorism, addresser and addressee of text, language game, linguistic presuppositions, semantic nuances, creative text.

Bekasova Elena, Lukáš Gajarský. The Common Slavic Element as a Factor of Development of Slavic Standard Languages

Annotation: The paper discusses the peculiarities of the use of the Proto-Slavic lexis in the systems of modern standard Slavic languages such as Slovak and Russian. The analysis of the standard Russian and Slovak languages and their lexical systems revealed the main trends in the use of the Proto-Slavic vocabulary. The paper also points out the similarities and differences in the presentations of the common Slavic element (N. S. Trubetskoy) which are determined especially by the relation of the standard Slovak and Russian languages to older standard written language of the Slavs, as well as conditions for forming and development in relation to new or archaic type and relation with another standard tradition such as succession or influence. Natural and centuries-long process of the use of the common Slavic heritage in Russian standard language reflected in the variety and richness of the vocabulary to a certain extent, while codification of the Slovak language in “Stur’s language” demanded the logical adjustment of its reflection and clear organization, refracted in primordial system of the Slovak language. The lexical system of the standard Russian and Slovak languages share common feature e.i. unlimited possibilities of widening of polysemy of syncretic word from Medieval times in its form and word creation transformations.

Keywords: Proto-Slavic lexis, standard language, Slovak standard language, Russian standard language, semantic syncretism

Bobrova Mariya. Language game in modern nicknames of the residents of the Perm Krai

Annotation: There are modern nicknames of the inhabitants of Perm Krai in the article. The techniques of the language game in the nominations are illustrated at all language levels: phonetic (imitation speaking, speech behavior of man; rhyme scheme), graphic (specific usage of graphical tools; violation of the rules of reading; mixture of graphical tools of different types), derivational (abbreviation; truncation of motivational bases; contamination; formation of occasionalisms and potential

words; formation of one root words and compound words; formation of nicknames to anthroponyms patterns), morphological (formation of proper names with unusual gender sign; formation of uninflected words; transposition), syntactic (formation of nicknames – word collocations of various types; formation of nicknames – simple sentences), lexical-semantic (play on paronomasia, paronyms, homonyms, synonyms and pseudosynonyms, antonyms and pseudoantonyms, meanings of polysemantic words, lexical-semantic connections of words; metaphorization; metonymization; using of the vocabulary in an unusual meaning; using of barbarisms, of neologisms), as well as in stylistic aspect (formation of makaronic words; formation of nicknames on the basis of slang words, dialecticisms, archaisms). The author has demonstrated that language play based on system links is not the only form of the game implemented in nicknames. The special, deep research of the modern Perm nicknames in the pragmatic, linguocultural, cognitive aspects is perspective.

Keywords: anthroponymy, modern nicknames, Perm Krai, language game.

Bondarenko Elena. On the peculiarities of names' folk differentiation: «strange» name

Annotation: The article analyzes some peculiar features of the names' folk differentiation. The research data mainly includes unconditional metalinguistic statements of Russian and Polish dialect speakers. The author reveals main specifications of the names' evaluation, which are significant for the folk onomasts: the degree of formalization, the way of functioning in the usage, the origin, the time of creation and use, the degree of standardness / strangeness. The opposition «customary» – «strange» name is characterized in detail, particular features of its realization in the Russian and Polish dialect speakers' perception are examined. «Strange» naming of a child in the folk tradition can be associated with violation of the rules during his/her baptism. Derogation of the church calendar which contains the list of the saints honored by the Orthodox Church is negatively perceived. Any uncommon, aurally unusual name, which is absent in anthroponymicon of a certain society, may be qualified as «strange». According to the dialect speakers, the priest reveals his resentment against child's parents by giving the child a strange name. A «bad» name can also indicate the child's illegality. The subject of baptism with the «strange» name relates to the category of the vagrant folklore subjects, which reflect the local peculiarities of the society, culture etc while keeping general unity of the structure and plot.

Keywords: folk linguistics, metalinguistic reflection, «folk onomastics», dialect speakers' linguistic consciousness.

Vidanov Evgeny. Syntagmatic and paradigmatic variation components of online news headers, or «exorcism in Omsk»

Annotation: The article analyzes the group online news headlines that represent semantic model 'X killed Y' and verbalized in the form of statements «Husband killed his wife», «Drunk husband killed his wife by taking her for a witch», «Husband executed his wife-witch». The author is of the opinion that the setting is important for valuation, the reference situation is refracted to him for the speaker, with the result that the boundaries between dictum and modus erased and the modal compo-

ment overshadows the objective side of the utterance. The article contains illustrative examples of how informative component headlines replaced impacts, while maintaining the overall semantics of utterances begin to play a significant role connotation and pragmatics. The key language mechanisms in the formation of these statements are the syntagmatic and paradigmatic variation of lexical units. For example, a neutral verb *to kill* displaced tokens *to execute, stab, stab in the neck*. The use of circumstantial characteristics *of drunk, intoxicated, etc.* along with the attributes of the actor *drunk, a drug addict, etc.* enhance the categorical statements. The result is the appearance of linguistic variation, along with the headline «*Drunk husband killed his wife by taking her for a witch*» statements such as «*exorcism in Omsk: the husband killed his wife-witch*».

Keywords: news headline, pragmatics, evaluation, syntagmatics, paradigms, synonyms, saying, semantics, dictum, modus.

Voronina Tatiana, Krestjaninova Ekaterina. Interaction of metaphor and metonymy in B. Pasternak's lyrics (ideographic aspect).

Annotation: Many researchers consider such feature of B. Pasternak's poetics as specific character of his reality perception, which is caused by his individual associative thinking. This article is devoted to studying the interaction of metaphor and metonymy, which are the main associative tropes, in B. Pasternak's poetic texts. Authors mention the interaction of these tropes with other expressive means, for example, with comparative constructions or other complicating elements. Authors demonstrate that each interaction presents some semantic specificity of reality representation in the text, associative convergence of different parts of reality. Each example of interaction of metaphor and metonymy realize the junction of two any parameters related to certain spheres. Authors find 5 parameters of interaction of metaphor and metonymy: acoustic, visual, emotional, intellectual, physical. So there are 10 types of convergence: emotional-visual, emotional-acoustic, emotional-intellectual, emotional-physical, visual-acoustic, visual-intellectual, visual-physical, intellectual-acoustic, intellectual-physical, physical-acoustic.

Keywords: poetic text, individual author's world-image, metaphor, metonymy, ideographic description.

Voronichev Oleg. About the types and stylistic qualities of onomastic dominants of pun.

Annotation: The paper considers different paradigmatic types of proper names that can be lexical dominants of pun. Since proper names that coincide in plane of expression can have semantically related and semantically separated values in order to name such onyms the terms *onomastic polysemants* and *onomastic homonyms* can be coined. New values of onomastic polysemants result from metonymic transfer from the person itself onto his work, image and other related concepts. It is logical to admit as onomastic homonyms the cases of coincidence in sounding and writing of words-representatives of different onomastic classes: anthroponyms and zoonyms, anthroponyms and toponyms and others. Inside the group of onomastic homonyms can be isolated omoanthroponyms – coinciding in sounding and writing people's names, omotoponyms – homonymous names of geographical concepts relating to

different classes, omoozonyms – homonymous nicknames of animals belonging to different zoological species. Onomastic homonyms, having greater stylistic significance than onomastic polysemants can be lexical dominants of punning title of a newspaper article and can perform the function of the composite. However, in art, conversational, public speech and advertising discourse the situational homonymy and homophony of proper and common nouns are used more often than onomastic homonymy.

Keywords: onomastics, polysemant, homonym, lexical meaning, pun, language game.

Gridina Tataiana. Verbal experiments by Igor Severyanin: the play in the field of linguistic opportunities

Annotation. Verbal experiments by Igor Severyanin are regarded as the aesthetic code of world modelling through using the language system potential and the game mechanisms of associative stereotypes shifts. The paper focuses on the following specific features of the poet's technique in creating grammar and word-building innovations: 1) word transformations at the level of "systematic word-forming hyper paradigm"; 2) "reduction" of elements of word-building process; 3) grammatical foregrounding of the nonce-word semantics constituted of the outplayed lexical meanings; 4) selectivity in methods of word-formation corresponding with the aesthetic intent in free poetic expression of the unique creative personality ("a lyric ironist"). Playful de-canonization of the poetic form is achieved by I. Severyanin in accordance with "the law" of discovering the unpredictable content in the predictable (potential) word. The scope of I. Severyanin's creativity is made up by verbal forms derived by means of adding numeral paradigms, degrees of comparison, etc. lacking in the language norm. In general, I. Severyanin's creative grammar is implemented in the language system context. His word-building experimenting follows the same trend. The associative resource of verbal innovations (e.g. symbolism of the poet's "neo-forms" and "neo-genres") are particularly expressive for conveying the "I-perception" of the poet towering up above the commonness.

Keywords: language play, mechanisms of verbal creativity, poetic individual style

Geng Yuanyuan, Plotnikova Galina. Correlative verbs with animal names in the Russian language

Annotation: The article discusses correlative verbs with animal names, which seldom come to the attention of researchers. These verbs are divided into major semantic groups according to their definitions presented in the various dictionaries of the Russian language. With an attempt to create a derivational typology of zoo-verbs (verbs related with animal names), another derivational interpretation of zoo-verbs with the meaning «to give birth to cubs» is shown. As a result of zooverbs with more complex structural semantic units generates an ambiguous decision on their derivational links to related words in the composition of derivational nest. The different perspective on verbs related with animal names is presented on the basis of the achievements of modern word formation theory and existing relationship between derivatives and stems. In this instance the emphasis lies on formal and deriva-

tional relations between words, which in our view, are the most evident and adequate relations. As a result of the formal and derivational analysis of derivatives and stems in the derivational nest concludes that verbs with the meaning «to give birth to cubs» aren't derived from cub names.

Keywords: derivational nest, derivative, stem, zoonym, zooverb, semantics, derivation, formal and derivational analysis.

Zueva Tatiana. People through the prism of the artifact metaphor in the Russian idiom

Annotation: the article examines phraseological units with components of the artifact that characterizes a human in the Russian language. The specificity of the shape of their bases. It is noted that the phraseological units of Russian language, based on the inner form which is the artifact metaphor, describe the person from different sides: his intelligence, personality, individual qualities, social status, appearance, speech activity. Holistic idiomatic meaning of phraseological units is formed either as a result of the metaphorical reconsideration of the original homonym a free combination of words in General, or based on the value of one of the leading in the semantic relation artifact component, which acts as the semantic centre of a phraseological unit. Special attention is paid to cognitive analysis. artifact metaphors, serving as the sector-source of the figurative representation of various properties, qualities of man in a Russian phraseological picture of the world. Reveals the most productive artifact cognitive models of metaphors, serving as a means of figurative nominations of a person in the Russian idiom, celebrated their national-cultural identity.

Keywords: phraseological unit, cultural connotation, language picture of the world, phraseological picture of the world, the artifact metaphor, the field-source, field-target, phraseological nomination.

Iliev Ivan. On the Form of the Predicative after Verbs with the Meaning 'to be called' in Bulgarian Language

Annotation: The article treats the forms of the predicative after verbs with the meaning 'to be called' in Bulgarian language – from the Old Bulgarian period (IX-XI c.) to the state in present-day Bulgarian dialects. Например: *что ед нарицаеши* 'What is your name?'; *кѣ ... сѧ зовѣше именемъ пришедъ ...* 'The king's name was Prished ...'; *Как са ти звали татка ти?* 'What was your father's name?'; *Мене викат Кралъевики Марко* 'I am called Marco ...'; *Ти ли си Дели Стуйан, дет се именувъ?* 'Are you the person that is called Deli Stoyan?'; *Кво да му съ думаше нему?* 'What was your name?'. Besides the nominative or general forms of the predicative, an object of research here is the predicative presented by instrumental, genitive, and vocative forms, as well as the predicative presented by definite nominal forms: *дѣдъ доухомъ гѧ нарицаетъ* 'David calls Jesus the Spirit'; - *Как се казваши?* 'What is your name?' - *Ифката* '(My name is) Ivko'; *ѣд го викам Пѣтра* 'I call him Peter'; *Мѣне ме викат Рѣдо* 'I am called Rada'. All mentioned forms are compared with similar forms in other Slavic languages, when possible: Serbian *Како се зовеш?* 'What is your name?', *Они се никад нису звали именом ...* 'they

were never called by the name ...', *и погубе српску цар Лазаре* 'and the Serbian king (called Lazarus) was killed'; Czech *Jak se jmenujete?* 'What is your name?'; *Říkejte mi prostě Bobe* 'Call me plain Bob'; Polish *Jak się pan nazywa?* 'What is your name?'; Russian *Как тебя зовут?* 'What is your name?', *Сына моей подруги зовут Антоном* 'My friend's son is called Anthony'.

Keywords: *Bulgarian language, Bulgarian dialects, predicative, instrumental case, vocative.*

Konovalova Nadezhda. Language automaticity in the associative-verbal network as "next" creative mnemonics

Annotation. The author addresses the problem of language automatism, in particular, such aspects of this phenomenon as universal *rechemyslitelnyh* ratio individual strategies and actions storing linguistic material and its further use in different communication situations. The subject of the research model of consciousness is presented in the "Russian associative dictionary" verbal associative network that shows the character modeling verbal memory and knowledge of operating rules (including metalinguistic). The hypothesis of this study lies in the fact that the verbal associative network "average" native speaker linguistic facts of automatism should be detected, which reflects the "tracks" are used in the learning process of creative mnemonics. Relations between verbal stimuli and responses as part of the associative field have different power and nuclear peripheral character demonstrates the relevance of respectively different metalinguistic knowledge, which is largely determined successfully used at the stage of its formation gaming mnemonic techniques. Analysis of the evidence regarding the linguistic consciousness of individual fragments of the language system can be the basis of the development of new Russian language teaching methods based on the assimilation of psycholinguistic factors, processing and reproduction of information.

Keywords: *associative-verbal network, language ability, verbal memory, language personality, language consciousness*

Kochneva Natalia. Author's nomination strategy in the aspect of allusive games (on the fabulous works of material Krapivin V.P.)

Annotation: The article deals with the fairy tales by the famous Russian children's literature writer V. Krapivin. They are «Choki-Chok, or the Knight of the Transparent Cat» (1992), «The Silver Tree with a Singing Cat» (1992), «The Burdock Islands Sentinels» (2002), «The Piroskaf Grandfather Mazzei» (2011). In the article there are analyzed various aspects of allusive language game, which realizes modus strategies of nominating in the texts. Also the particularity of allusive names is investigated. It is verified that language game is an original sign of naming in V. Krapivin's novels. Following works by T. Gridina, we determine an allusion as a type of language game, which correlates with intertextuality. A literary allusion is fundamental for V. Krapivin's text. It has objective and subjective information and reveals personal modus strategies of nominating. The research demonstrates that an original Krapivin's fairy tales onomasticon is created through allusive links with literary and folklore prototypes. One of them is a folklore tale. Taking a well-known prototype the author creatively reconstructs it. Then he names a new linguistic sign,

which is an associative transform of the game. Being in the text it gets various connotation. The analysis reveals that allusive personal names are characteristic for both principal and episodic personages which has a certain plot-shaping function for the whole oeuvre.

Keywords: Allusion, intertextuality, literary fairy tale, literary anthroponym, case name, language game, V. Krapivin.

Kubasov Aleksandr. Female Self-identity as Reflected in Ironic Poetry

Annotation: Here we discuss the problem of lingual identity shown in literature. Of all possible angles of this vast problem female self-identification in ironic poetry has served as a more precise object of investigation. The data is formed by one-line contemporary poems, Natalia Khozyainova being one of the authors. The extreme lapidary form of these texts justifies the multitude, diversity of meaning and the aim to show a contemporary woman's inner world as a multi-fractional image. Having in view that in the context of our studies self-identification is limited to a woman and her own self as reflected in lingual forms, we have singled out four basic topics that exist in contemporary one-line female verse and can be thought to be prior to a contemporary woman's life: physical existence, sexual life, marriage/partnership, realities of everyday life. As a result, we have come to the conclusion that such verse is tended towards socio-cultural diagnosis. It conveys that a contemporary woman is not content with her life and suffers from a distorted self-identification but it is done with such a subtle irony that cannot but create a humorous effect. At the same time this self-centered irony proves inner freedom of a contemporary woman, her ability to rise above the drabness of modern daily routine.

Keywords: lingual identity, gender identity, female self-identification, one-line verse, ironic modality.

Mao Yan. The Qualitative Meanings of the Relative Adjectives in the Russian Language

Annotation: The article attempts to study the development of qualitative meanings of the relative adjectives. The boundaries that divide the relative adjectives from qualitative adjectives are not strict. The reason for this is that practically qualitative meanings can be observed in any relative adjective. In the connection with this, acquiring qualitative meanings, the relative adjectives that carry national or geographic attributes draw special attention, since those relative adjectives reflect the existing national stereotypes and connotations. One of the main characteristics of the qualitative adjectives is considered their ability to combine with various exponents of comparative degree. From this point of view, the author analyzed the word combinations with *very Russian*, *really Russian*, *more Russian*, which are presented in the Russian National Corpus. With the help of such combinations different aspects of life such as food, nature, architecture and people can obtain qualitative meanings, and in the last case, the assessment frequently can be given by referring to well-known characters of literature and cinema. Therefore, the applications of such word combination, as well as the characteristics and the qualities of Russian people expressed by such combination, are defined. Those characteristics and qualities can be comprehended as the pain for Russia, tolerance, sincerity, subtlety, naivety and

inconsistency.

Keywords: relative adjectives, qualitative meanings, semantics, exponent of degree, national stereotypes.

Maryanchik Victoria. Stylistic effect

Annotation: The author analyzes the stylistic effect as a result of productive and reproductive speech human activity, therefore, as an aspect modeling of the language personality. Two aspects of stylistic effect (emotive and cognitive reactions to the text) are selected. The stylistic effect is considered as a component of the stylistic structure of the speech act in unity with stylistic intention and meaning. The author describes known and new classifications of stylistic effects. There are ways to determine the stylistic effect of a particular group (resulting – not resulting, intentional – unintentional). The author advances the idea of developing a unified typology of stylistic effects, is necessary to systematize the results of psycholinguistic research. We propose an original typology of stylistic effects, built on the principle of opposites. There is an experiment described in the article, this experiment allows to develop the proposed typology. The article describes the objectives, content, focus group, course and the overall results of the experiment. On the basis of material obtained as a result of the experiment, the generalizations and conclusions about the signs of stylistic effect as a psycholinguistic phenomenon, the specific stylistic effects of texts belonging to different functional styles, the close relationship of stylistic and pragmatic effects of the text, which is due to the unity of content and form.

Keywords: a linguistic personality (language person), a stylistic structure of the speech act, a stylistic intention, a stylistic effect, a stylistics of the decoding, an interpretation, an emotional reaction, a cognitive reaction.

Matisaeva Baktygul. Proverbial unit as a means of evaluation of language

Annotation: The fund of proverbial language, being one of the fixation aspects of national culture is a means of expression and assimilation of national valuable images through the national psychology and culture; they acquire valuable significance and emotional effect. This peculiarity is reflected and expressed in the language, in particular, in the proverbial units of the language that represents a set of phraseological units and proverbs. Among the evaluating means of the language the proverbial units take the important place correlated with values of a person's appearance.

The article deals with one of the contrasting study of language phenomena – analysis and systematization of language material of proverbial space in presenting person's appearance in Kyrgyz and Russian languages on the base of dictionaries and literature text.

The author analyzes the similarity and contiguity of proverbial means characterizing the external physical qualities of a person on the following parameters: height, size, physical strength, or weakness; It suggests that in order to describe their system is necessary to develop a concept that will highlight how basic semantic features forming this system as a whole and its separate segments in the form of fragments of knowledge or the proverbial space of the Kyrgyz and Russian languages.

The author points out that exploitation of the system of proverbial units in presenting appearance is important for specification system relations of Kyrgyz and Russian evaluating lexis.

The idea of using the given materials in linguodidactics as the base of creating manual for developing speech in teaching Russian and Kyrgyz languages is put forward.

Keywords: proverbial units, phraseological units, proverbial space, evaluating people's appearance.

Murashov Alexandr, Shmatko Natalia. Ambiguity: speech mistake and «language game»

Annotation: the article deals with the phenomenon of ambiguity – as speech errors, and as a stimulus, «language game» in which the word often appears before recycling machine-phantom other semantic facets, reveals previously hidden communication in retention. The ambiguity isn't incidentally called the most important problem of the standard of speech: often corresponding to regularities of the statement, she destroys the accuracy and clarity, interfering with the communicative act «speaking – perceiving». The need to share a mistake and a purposeful stylistic device – requirement work on the development of creative thinking of students of all levels. «Language game» in her separate manifestations is considered in a protivopostavlennost to a speech mistake and in a sopostavlennost with already available punning structures which involvement to educational process does it psychologically and methodically more acceptable in the conditions of modern educational institution. Work on «recovery» of the phrases containing the facts of «language game» promotes emergence of the interesting creative works which are trained. These works (texts remain outside article) reflect ability to avoid a speech mistake, and on the other hand, – mastering art of purposeful creation of the creative verbal structures reflecting the new level of the relation to the word in the art (publicistic) text. Creative situation in which the ambiguity appears the pun which is at the same time realizing both word meanings – a true purpose of work with such structures.

Keywords: «language game», ambiguity, value, word, homonymy.

Murzaliyeva Djamilyiya. Dialogue of languages and cultures: to a question about the lingual cultures in the art text of the bilingual writer

Annotation: In this article is considered linguistic culture as a unit of language material; bearing national cultural information other ethnic personality. It includes not only the lexical meaning, but also elements of the extra-linguistic and cultural meaning. The situation is complicated in that case linguistic cultures in the fiction language of the text of one of the national culture dialectically synthesise the elements of another language and culture. Synthesis of national cultural information of the creative writers of bilinguals and in particular is observed in the art fiction world of works of Ch. Aitmatov writer of the Kyrgyz culture but often writing in Russian. The study units of one of the national picture of the world in a literary text in another languages is a present day focus in line with the problems of lingua-cultural which is also a practical way to the teaching of the Russian language in Kyrgyzstan's

schools, to issues of equivalents reader's perception.

We have attempted to reflect lingua-cultural in the story «Early Granes» Ch. Aitmatov and systematize at them in the theoretical positions of leading experts (V.A. Maslova) in this area with analyzing separate concepts.

Keywords: linguo-culture, linguistic personality, artistic text, lingo-cultural, the concept, classification, bilingual writer, bilingually approach.

Mukhin Mikhail, Filatova Ekaterina. Chekhov's Prose, Drama, Journalism, and Correspondence in Comparative Statistic Perspective

Annotation: The article gives a review of lexical peculiarities of prose, drama, journalism, and correspondence by A.P. Chekhov. On the basis of writer's corpus there has been conducted a comparative statistic analysis of lexis revealing the most common lexemes for each of the subcorpus as well as the most frequent words in Chekhov's creative work. The article also covers the results of the topical analysis, creation of the individual author's thesaurus, and commentaries on the individual style among the most important groups of words.

The article gives a review of lexical peculiarities of prose, drama, journalism, and correspondence by A.P. Chekhov. On the basis of extended corpus of writer's texts (2,3 million words) there has been conducted a comparative statistical analysis of lexis and the work on lemmatization of texts, grammatical and partly semantic annotation revealing the most common lexemes for each of the sub-corpuses as well as the most frequent words in Chekhov's creative work. The article also covers the results of the topical analysis, creation of the individual author's thesaurus, and commentaries on the individual style among the most important groups of words such as «Emotions», «Assessment», «Movement», «Family relations», «Law», «Everyday life», «Medicine», etc. This leads to differences in both vocabulary and functional peculiarities of Chekhov's prose, drama, journalism, and correspondence. However letters and publicistic works become linguistic sources as well as works of fiction. This study is extensive from the point of view of the big amount of the material used and specifies directions of philological research. The findings open prospect for the further analysis of the individual style and the author's body of work.

Keywords: lexical statistics, corpus, semantic analysis, A.P. Chekhov, individual style, prose, drama, journalism, correspondence

Plotnikova Anna. Criticism of Professional Incompetence Expressed Through Language Play

Annotation: The article discusses linguistic means used to indicate somebody's incompetence. Such categories as 'professionalism' and 'professional excellence' have a strongly pronounced evaluative meaning in language and are realized in the system of lexical and idiomatic means. If positive evaluation of professional qualities is usually expressed explicitly, professional incompetence tends to be indicated through similes, metaphors, irony and other means of indirect communication to protect the speaker from legal risks and to enhance the persuasive potential of the utterance. Apart from the language play deliberately used in social and political journalism, there are a number of interesting linguistic means of evaluating people's professional qualities which are used in official complaints and in public oral speech

and create a peculiar conflictual tone of such texts. Creative ways of evaluating somebody's professional incompetence are aimed at discrediting this person and forming his or her negative social image; sometimes manipulative speech can act as an instrument of communicative sadism. The article uses examples from court practice to show possible manifestations of language play used to characterize people's professional incompetence.

Keywords: language play; conflict communication; speech aggression; evaluation; social qualities of a person

Popova Tatiana. Word-formation innovations of the author as markers of conceptual meanings of the art text (on material of neolexemes of S.D. Krzhizhanovsky)

Annotation: In article the derivational space of author's neolexemes of S.D. Krzhizhanovsky and a possibility of identification of prepotent meanings of the text through word-formation phenomena peculiar to them is considered.

At the same time expediency of the account not only traditional word-formation units (a family of words, word-formation value, word-formation category), but also such as derivational and semantic field and derivational and semantic block is proved: the field unites derivative neolexemes of different parts of speech with close categorial and word-formation sema, the block – derivatives with synonymous sema without the status of the last (a categorial and word-formation or differential sema).

The analysis of derivational and semantic space of author's neolexemes allows to reveal derivational and semantic dominants of the text and their role in an explication of conceptual meanings of a work of art. It is established that S.D. Krzhizhanovsky's neolexemes unite in 7 derivational and semantic blocks: «Person», «Subject», «Sign», «Action», «State», «Time» and «Space». A derivational and semantic dominant of a neolexicon of S.D. Krzhizhanovsky is the word-formation meaning «Action» conveyed by verbs, nouns, adjectives and adverbs.

S.D. Krzhizhanovsky's tendency to objektivirovat a dynamic, but not static sign of reality or reality is his feature of author's style, the author of serious deformations of the reality surrounding him caused by reflection in art consciousness.

Keywords: neolexeme, derivational and semantic field, derivational and semantic block, semantic dominant of the text, derivational and semantic conceptualization.

Ratsiburskaya Larisa. Compound innovations as a playing constituent of the modern mediatexts.

Annotation: The article regards such demonstration of word-building play in the modern media texts as compound innovations of a non-typical structure which functioning in a mediatext contributes to its expressivization and deautomization of content perception by the audience. Among the playing innovations derivatives coined by non-usual means of word-buiding: by substitutive derivation, contamination, graphic hybridization, possess the most of expressive potential.

In the innovations, coined by substitutive derivation, one of the parts of a usual etymon which is formally and semantically played on in a derivative, is substituted. In the contaminated innovations there is a combination of formally identical parts of etymons (with possible formal variations) and semantic doubling. Graphic hybrids

where parts corresponding to usual words are singled out graphically (usually with capital letters) represent an efficient means of language game.

Innovations of non-usual means of word-building are coined actively as a result of play of different kinds of precedent phenomena: names of famous TV programmes, movies, songs, pictures, works of literature, newspapers, phraseological units, citations from works of literature, paroemiological units, names of important contemporary people. Language and especially derivational game in modern media texts enhance the influence of mass media on native speakers' perception, implement covert mechanisms of assessment formation and of certain emotions, foreground the social ideas and linguocultural knowledge of native speakers.

Keywords: mediatext, innovations, word-building play, non-usual means of word-building, substitutive derivation, contamination, graphic hybridization, precedent phenomena.

Redkina Elizaveta. Language game in newer russian poetry

Annotation: The article is devoted to the features of language game methods usage in newer Russian poetry. The poems of modern authors published in literary magazines «Noviy mir», «Oktiabr», «Zvezda», «Ural» in 2012-2015 years were reviewed. The phenomenon of language game is analyzed in terms of contextual functioning and interaction between author and reader. The article discusses the language game mechanisms in newer Russian poetry, which communicate with inclusion of everyday discourse elements, mass culture and advertising discourse elements. The principles of lexical-semantic text organization are analyzed. Some specific features of modern poetic discourse are marked out during the contextual analysis: author's mask usage, reduced image of own linguistic identity creation, self-irony, world deromanticization, mass culture and elite culture case phenomena mixing, stylistic heterogeneity, etc. The analysis allows to describe the relations between author and reader, where reader is focused on the activation of his own culture experience and reflection on the contemporary socio-cultural and linguistic situation.

Keywords: language game, newer Russian poetry, modern Russian poetry, modern Russian literature, newer Russian literature, poetic discourse, intertextuality, case phenomena, mass culture, deromanticization.

Rut Maria. Motivational paradoxes: dialectal lexicographer's notes

Annotation: The article presents the observations of the motivation of dialectal lexical units that have been recorded in the process of the field research by Toponymical expedition of the Ural University. The immediate source of the material has been the draft dictionary entries beginning with the letter «И» of the Dictionary of the North Russian dialects that is being created by the researchers of the department of the Russian language and general linguistics of the Ural Federal University, supported by the Russian Foundation for Humanitarian Research (RGNF). The cases of the loss of a motivational meaning and the facts of various types of remotivation accompanied both with phonetic changes in a word and semantic modifications are provided. The article analyzes the reasons for the above-mentioned phenomena among which, first of all, the ontological changes are mentioned: the

changes of nominated realia or its functions that lead to the loss of the connections with the phenomena named with the motivational lexemes. Along with it, the linguistic factors may be of a great importance: the loss or transfer to the passive store of motivational lexemes; phonetic changes, specifically related to the Finno-Ugric substrate interference with the system of the North Russian dialects; semantic processes within polysemantic words; the facts of morphological de-etymologization and others. The illustrative examples of the dictionary entries contribute to a certain extent to the obtaining of the results.

Keywords: the North Russian dialects, regional lexicology, regional lexicography, lexical semantics, lexical motivation, remotivation, phonetic changes, de-etymologization, the Finno-Ugric substrate in the Russian language

Snigireva Tatiana, Snigirev Alexey. B. Akunin: the play with the name (based on fictional accompaniment to the «History of the Russian State»)

Annotation: In the center of the research – five stories that accompany the «History of the Russian State» («Fiery finger», «Devil's Spit», «Zvezduha», «Prince of Cranberry», «Bochand Schelma»), which enhance the artistic component of the project Boris Akunin, frankly making history in the «fascinating history», «history (shaped) pictures» in the history of «love story». Using proven and effective techniques that are turned in different versions of historical prose, B. Akunin offers its move at the same time on the same material playing two roles – the historian and novelist, but the «scatter» of two text streams: historical work and historical prose based on already above the historical scene. Particular attention is paid to the intensification of the reasons the game with the names of the characters in this project of the writer.

Keywords: Boris Akunin, the project «History of the Russian state», historical prose, play, name.

Sokovnina Veronika. Language game in the postmodern comics (based on the Finnish political comic book «Kekkonen»)

Annotation: The paper discusses the typology of modern genre comics and outlines a classification of existing publication formats. The focus of the article is on structural and substantial characteristics of comics as creolized texts; the article also explains the classification of comic books, including such types as strips, magazine comic, graphic novels, web-comics. The paper deals with the stylistic tools of modern comic scene: for example, some of contemporary authors don't use "text clouds" and work outside the frame, and that alone states the interactive nature of the comic. This paper is dedicated to the postmodernism-in-action: the author's games with the reader, negation of normative rules, which change not only the structural and visual image of a comic book, but its content. The case which is thoroughly analyzed is the Finnish political comics «Kekkonen» (author Matti Hagelberg, translated by A. Belikova) devoted to the political career of Kekkonen. The story follows his route from membership in Parliament to the post of the President of Finland. The methods of the language game, practice by Matti Hagelberg, derive from the postmodern discourse of nonsense. What we look at is the real historical character placed by the author in an impossible situation. The main focus of the paper is on defining the

principle of allusive language game. The arguments are borrowed from a wide range of precedent phenomena; and all these do illustrate that the goal of non-sensical language games in postmodern comics is to provoke the recipient to find new meanings.

Keywords: creolized text, comics, web-published comics, linguistic game, precedent phenomenon, nonsense

Solovyova Natalya. Quote and its «environment» (to a question of author's identity)

Annotation: In the article issues, connected with quotes functioning in scientific texts of three periods (the 19th, the 20th and the 21st century), is considered. The problem of quote's definition is addressed deciding this problem; the author gives preference to narrow treatment, separating the quote from other forms of transfer of someone else's speech. Ways of introduction of quotes to scientific text – the ascertaining of mental actions of predecessor and the explication of methodological characteristic of personified previous knowledge are shown. Quotes with explicitly expressed axiological function are the object of research, individually author's features of expression of metatext environment quote is subject of studying.

The originality of creative manner of 9 authors is illustrated on linguistic texts material. The attention to those estimated units (words, designs) which become dominating is paid. Regularities in use of quoted knowledge assessment which can be positive, negative and the mixed type are revealed. The reduction of quantity of assessment expression means, especially – of quantity of polemics expression means, is noted in texts of authors of the 21st century, whereas estimates of all types, and assessment with prevalence of polemics expression means are presented in texts of authors of the 19th and 20th centuries.

It is suggested that decrease in quantity of uses of quotes with explicitly expressed axiological function demonstrates decrease in level of criticality of thinking.

Keywords: assessment, quote, quote environment, axiological function of the quote, scientific text, speech identity of the scientist, speech's polemics.

Toropkina Valentina. Polycode headlines of modern mediatexts in the aspect of language game

Annotation: The report on the material of titles of Russian electronic media analyzes the polycode phenomenon as one of the specific features of the modern media text, caused by tendency to aesthetization process of verbal communication in the media discourse, enhancing the gaming part, the influence of globalization processes in the society on the specifics of communication. We study such manifestation of polycode phenomenon as the use of a foreign graphic in the Russian-language text headlines. The headers of Russian internet media actively involve untapped foreign-language graphical elements (*Hotel как лучшие*), including onimas (*Загнанные в Google, Всевидящий Glass*), poligraphixation (*Массовый PSYхоз, DDoSmали, SMS-ополчение*), transliteration, Russian words in a foreign graphics (*Загадочная русская dacha, Доктор Aibolit*). Analyzed the specific character of functioning of inographic element in the context, the interaction of policode headline with the text. These occasional elements have great expressive potential to use them as part of the

language game. Foreign-language elements are used for the formal transformation of precedent phenomena by replacing one of the components to transliterated lexeme (*Вишневый cash. SIM, SIM, откройся*), are played semantically and phonetically as part of puns. As part of titles these formation perform entertainment functions and enable to attract the reader's attention..

Keywords: media text, language game, polycode, precedent phenomenon, ino-graphixation, foreign language element, poligraphixation

Haritonova Irina. The role of language play in the discourse of a modern animated film

Annotation: The article describes the discourse features of a modern animated film by «The Mill» studio. A cartoon – is a closed, limited, independent world, where there are some rules of communication between the subjects of a speech community. The special attention is paid to the language game, which is interpreted as a linguistic creative activity, appeared in a conscious decomposition of the linguistic norms to create a comic effect and in order to create a bright character of a cartoon showing the knowledge of the language, the speaker's way to think and the way of the perceiving subject. So, the language game becomes the leading tool for creating individual style of speech of the character and its revelation. Characters of the animated film use in their speech various methods of language games (for example, homonymy, synonyms, euphemisms, nonce words, statements of case, idioms strain), so we see the way of presentation of itself. In this case, the cartoon characters can be characterized as qualified native speakers and as a "creative individuals" who have personal style of speech, thought and behavior. In addition, the task of animation films not only to laugh. but also to reflect the contemporary reality through the fictional one.

Keywords: language game, animated film, art discourse, art image, case phrase

Kharchenko Vera. Play on words in hospital discourse

Annotation: The article deals with peculiarities of hospital discourse and varieties of play on words used by medical staff and patients. The focus is on the following pairs of communicators: the doctor - the patient, the nurse – the patient, the nurse – the nurse, the patient – the family member, the patient – the patient. The research is based on personal observations made while staying in municipal hospital and notes taken at the surgery of the mentioned hospital from November, 21 till December, 4 of 2015. The play on words as a phenomenon is analysed in connection with characteristic features of hospital discourse which are revealed in the prevalence of imperative, situationally incomplete sentences and ellipsis. Typical vocatives (addressing patients by second names and similar phrases) are often met. The language of nurses frequently contains diminutives. The language of the patients is characterized by standardized hospital metaphors which carry the function of pun: *limousine* instead of wheelchair, *dope* instead of medicine. The situations which produced a comic effect are also described. At the same time the author demonstrates the play on words due to the representation of such concepts as PAIN, DESEASE, DIAGNOSIS. The language describing physical painful sensations against the dramatic background of hospital reality proves the use of pun and black humour.

Keywords: play on words, discourse, hospital, patient, remark, body, interoception, expression, metaphor, comparison, black humour.

Khisamova Galiya. The character as a linguistic personality in a literary text

Annotation: The author of literary text expresses himself through idiolect, which caused by the individual vision of the world and certain pragmatic units, therefore it represented quite faithful of use of the term "linguistic identity" in research of literary text. The article is devoted to identifying the features of speech behavior of the characters as the language individuals in the stories of M.V. Shukshin. The pragmatic aspect of research of verbal behavior of characters of the writer's stories allows to present his variety manifestations in speech stories of V.M. Shukshin allocate the conflict and centered type of personality. The characters of conflict type are communicative activity, they prefer such genres of verbal communication as a hassle, quarrel, elucidation of relations, they do not reveal themselves in the tactics of threats, accusations, insults, reproach, evilwishes. The centered type of language person represented as «chudik». The speech behavior of «chudiks» implies a certain detachment from others. It is characterized by a logical unpredictability, impulsiveness of actions. The mummery, buffoonery tend to many shukshin's characters. The game gives to them the opportunity of creative rise of personality and becomes the only means of realization of spiritual potential.

Keywords: character, literary text, verbal behavior, genres of verbal communication, tactics of communication.

Shakin Pavel. *БЫЗОВ* in contemporary russian lexicographical and discursive practice: revisiting the import of the concept.

Annotation: The article analyzes lexicographical peculiarities of componential structure fixation of the meaning of the lexical unit *бызов* (as a function of the name of the concept *БЫЗОВ*, which is being currently formed in contemporary Russian discursive practice), describing a referent, which corresponds to the concept *CHALLENGE* in English-American linguoculture. The current research is based on componential lexico-semantic analysis, which allows to determine semantic structures of researched lexemes. The methodology of study of lexical units is based on the analysis of explanatory dictionary entries, which are regarded as a source of authentic lexicographical data. On the basis of componential model juxtaposition of the meanings of the lexical units *бызов* and *challenge* shared, as well as unique, some are determined for the cultures of both a donor and a recipient, which are derived from russian and english explanatory dictionary entries. The unique differential some are viewed within a linguocultural aspect, this allows to find out the key features of the determined mismatches in terms of juxtaposition of different linguistic worldimages. The article proves, that usual innovations are preconditioned by import of linguistic worldimage fragment to russian linguoculture by means of regular context realization of non-fixed some in russian lexicographical practice.

Keywords: concept, concept nomination, lexical unit, componential analysis of meanings, import of concepts, sphere of concepts, linguoculture.

Shipitsyna Galina. Historical and Linguistic point of view on the concept *cor-*

ruptions

Annotation: The paper discusses the semantics of words with ancient roots *korm* (feeding) with a value of «bribery, bribery», as well as their systematic lexical environment, different folk proverbs and aphorisms in the historical and linguistic aspects. Some of the words have been existing for a very long time in the language, but from time to time they may change their value under the influence of socio-cultural conditions of native speakers' lives. While studying the meaning of such words, there is a risk of transferring their new semantics to old age, as in modern times they are seen in isolation from its past cultural and semantic environment and are influenced by other lexical-semantic paradigm of the word, and a new connotation aspects of its meaning and pragmatics. The paper refers to many examples to show that the word «feeding» has two meanings intertwined in the past: «provided by natural products, content, money, etc.» and «to control, to direct, to steer». However, by the present time the second meaning has been lost, leading to a narrowing of the meaning of the word. The author comes to the conclusion that the vocabulary and phraseology of the Russian language do not contain the means of expression with such a strong social vice as bribery.

Keywords: bribery, vocabulary, proverbs, mentality, semantics, word formation, etymology.

Shcherbakova Natalia. About methods of presentations playing semantic derivates in poems for children

Annotation: the basic methods of serve of playing units, created through transformation of semantics are analyzed in the article, in poetic texts intended for child's audience. As development of linguistic personality in ontogenesis demonstrates the gradual forming of pictures of portable value, texts with a playing component present objective complication for a young reader or listener. In this sense an usual for the grown man transmitter of language metaphor becomes for a child practically by the analogue of the that phenomenon which is named a linguistic game. In this connection in domestic child's poetry different methods are mine-out presentations of playing units, supposing the use both strategies of explanation and including of special word of game in a wide context without the special interpretation of playing unit. Different system connections, allowing to specify sense and playing constituents of semantic derivate are updated in last case. Different system connections, allowing to specify sense and playing constituents of semantic derivate are updated in last case. An author is pull out an idea about the necessity of research of this problem from positions of diachroniation, as the methods of presentation considered in-process playing semantic derivates demonstrate motion to complication of methods of their presentation, that is expressed foremost in indirect explanation, in the use of paradigm connections as a basic method of serve of playing unit.

Keywords: linguistic game, ontolinguistic, verses for children, semantic derivate, system relations, vocal strategies.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авдеева Галина Анатольевна – к. филол. н., доцент Нижнетагильского государственного социально-педагогического института, г. Нижний Тагил, Россия.
E-mail: g_avdeeva_64@mail.ru

Акбаева Ольга Викторовна – преподаватель Донского государственного университета, г. Ростов-на-Дону, Россия.
E-mail: o.akbaeva@yandex.ru

Беглова Елена Ивановна – д. филол. н., профессор Нижегородской академии МВД России, г. Нижний Новгород, Россия.
E-mail: beglova-elena@yandex.ru

Бекасова Елена Николаевна – д. филол. н., профессор Оренбургского государственного педагогического университета, г. Оренбург, Россия.
E-mail: bekasova@mail.ru

Боброва Мария Владимировна – к. филол. н., доцент Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, г. Пермь, Россия.
E-mail: bomaripgu@yandex.ru

Бондаренко Елена Дмитриевна – аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: jelena.kazakowa@gmail.com

Виданов Евгений Юрьевич – к. филол. н., доцент Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия.
E-mail: vidanovv@yandex.ru

Воронина Татьяна Михайловна – к. филол. н., доцент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: tmv313@yandex.ru

Вороничев Олег Евгеньевич – д. филол. н., доцент Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия.
E-mail: voonid@mail.ru

Gajarský Lukáš – к. филол. н., преподаватель Университета им. св. Кирилла и Мефодия, г. Трнава, Словакия.
E-mail: lukas.gajarsky@gmail.com

Гридина Татьяна Александровна – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.
E-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Гэн Юаньюань – аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Янцюань, КНР.

E-mail: 1501282954@qq.com

Зуева Татьяна Алексеевна – к. филол. н., доцент Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: zta51@yandex.ru

Илиев Иван Георгиев – д. филол. н., доцент Пловдивского университета, г. Пловдив, Болгария.

E-mail: ivan_iliev20002000@yahoo.com

Коновалова Надежда Ильинична – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: sakralist@mail.ru

Кочнева Наталья Сергеевна – аспирант Тюменского государственного университета, г. Тюмень, Россия.

E-mail: kochneva_ns@mail.ru

Крестьянинова Екатерина Олеговна – студент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: eka-1994@inbox.ru

Кубасов Александр Васильевич – д. филол. н., профессор Уральского государственного педагогического университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: kubas2002@mail.ru

Мао Янь – аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: mao.yan2012@yandex.ru

Марьянчик Виктория Анатольевна – д. филол. н., профессор Северного (Арктического) федерального университета, г. Архангельск, Россия.

E-mail: marvik69@yandex.ru

Матисаева Бактыгуль Араповна – ст. преподаватель Ошского гуманитарно-педагогического института, г. Ош, Киргизия.

E-mail: mbaktygularapovna@gmail.com

Мурашов Александр Александрович – д. пед. н., к. филол. н., профессор Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь.

E-mail: alexm55@rambler.ru

Мурзалиева Джамиля Джумабаевна – заведующий кафедрой русского языка и литературы Ошского гуманитарно- педагогического института, г. Ош, Киргизия.

E-mail: stursun@inbox.ru

Мухин Михаил Юрьевич – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: mu-hi@ya.ru

Плотникова Анна Михайловна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: annamp@yandex.ru

Плотникова Галина Николаевна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: rki_urgu@yandex.ru

Попова Татьяна Витальевна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: popovativ@mail.ru

Рацибурская Лариса Викторовна – д. филол. н., профессор, заведующий кафедрой современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

E-mail: racib@yandex.ru

Редкина Елизавета Сергеевна – аспирант Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: red.elizaveta@gmail.com

Рут Мария Эдуардовна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: fasmer@yandex.ru

Снигирёв Алексей Васильевич – к. филол. н., доцент Уральской государственной юридической академии, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: tas0905@rambler.ru

Снигирёва Татьяна Александровна – д. филол. н., профессор Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: tas0905@rambler.ru

Соковнина Вероника Владимировна – аспирант Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: tugamy@yandex.ru

Соловьёва Наталья Васильевна – к. филол. н., доцент Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Россия.

E-mail: biserova@bk.ru

Торопкина Валентина Александровна – магистрант Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия.

E-mail: tva94@rambler.ru

Филатова Екатерина Руслановна – студент Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: erfilatova0206@gmail.com

Харитонова Ирина Сергеевна – студент Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия.

E-mail: harit22ir1@mail.ru

Харченко Вера Константиновна – д. филол. н., профессор, зав. кафедрой филологии Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

E-mail: wera_kharchenko@mail.ru

Хисамова Галия Гильмулловна – д. филол. н., профессор Башкирского государственного университета, г. Уфа, Башкирия.

E-mail: galiya.khisamova@yandex.ru

Шакин Павел Владимирович – старший преподаватель Уральского государственного архитектурно-художественного университета, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: shakinpv@gmail.com

Шипицына Галина Михайловна – д. филол. н., профессор Белгородского государственного национального исследовательского университета, г. Белгород, Россия.

E-mail: shipitsina@bsu.edu.ru

Шматко Наталья Александровна – преподаватель Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, г. Гродно, Беларусь.
E-mail: shmatko@tut.by

Щербакова Наталья Николаевна – д. филол. н., профессор Омского государственного педагогического университета, г. Омск, Россия.
E-mail: nata.ro@mail.ru

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УРАЛЬСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК. 2016. №2

СЕРИЯ

*«ЯЗЫК. СИСТЕМА. ЛИЧНОСТЬ: ЛИНГВИСТИКА
КРЕАТИВА»*

Материалы Международной конференции. Выпуск 2(25)

Издатель: ФГБОУ ВПО

«Уральский государственный педагогический университет»

Адрес издательства и редакции:

620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, каб. 281.

E-mail: vorobyevanat@mail.ru

Тел.: (343)235-76-41

Периодичность издания: 1 раз в квартал

Периодичность серии: 1 раз в год

18.04.2016. Формат 60x84^{1/16}.

Усл. печ. л. – 23,5 п.л..

ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru